

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2017

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 04 (58) 2017
Часть 2
Апрель**

Подписано в печать 17.04.2017.
Тираж 900 экз.
Заказ 26182.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам LI заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ <i>L'OBEISSANCE</i> / <i>LA DESOBEISSANCE</i> (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)	6
TEACHING ESP: OPPOSITION "WE-THEY"	9
ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНОЙ ТЕМАТИКИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	11
ВОССОЗДАНИЕ ОБРАЗА МАКБЕТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БОРИСА ТЕНА.....	15
СЕМАНТИКА НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОГОВ.....	18
ТЕКСТОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ИРОНИИ КАК КОМПОНЕНТА АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ	20
ПЬЕСА ВАЧИРАВУДА РАМЫ VI «НОЙ ИНТХАСЕН» - КОМЕДИЯ ПРАВО В ДУХЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ С ТАЙСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ КОЛОРИТОМ.....	24
ЛОКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ.....	28
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНТИТЕЗЫ В ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ XXI ВЕКА.....	32
РОЛЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ «КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ»).....	35
ЗНАКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ АНАТОМИИ.....	40
ТЕНДЕНЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ КИНОТИТРОВ ПРИ ОПИСАНИИ КОЛЛЕКТИВНОГО АВТОРА	43
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС» НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	47
РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЛОБАЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	50
ON THE IMPROVEMENT OF DEFINITIONS CHARACTERIZING ORNITHONYMS IN MONOLINGUAL DICTIONARIES.....	52
ОБУЧЕНИЕ УСТНОЙ РЕЧИ С ОПОРОЙ НА УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ РКИ)	56
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СЕКСИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА.....	59
ТАБУ И ЭВФЕМИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ).....	61
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА	64
ЖУРНАЛ «GLAMOUR» КАК ПРОДУКТ И ТРАНСЛЯТОР ЦЕННОСТЕЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	66
ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ)	69
АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРАСОТЫ ХУМАЙ В ЭПОСЕ «УРАЛ БАТЫР»	72
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И НАУЧНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ.....	76
ОБРАЩЕНИЕ В «НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЯХ»: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	79

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАХ ВОСТОЧНЫХ ЕДИНОБОРСТВ	82
ИДЕОКРАТИЯ В ТРАКТОВКЕ Н.С.ТРУБЕЦКОГО.....	85
ПРАВСТВЕННОСТЬ В БРЕНДЕ И РЕКЛАМЕ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	87

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ, ВКЛЮЧАЯ АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН.....	89
---	----

ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ АДАПТАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ К УСЛОВИЯМ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКОГО И АНТРОПОГЕННОГО ХАРАКТЕРА	91
МАТЕРИАЛЬНЫЙ ФОНД ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРОЕКТ ПАРЛАМЕНТСКОГО ЦЕНТРА	95
ARCHITECTURAL SPACE FOR RELAXATION IN FUTURISTIC DESIGN	97
ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ РАЗЛИЧНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	100

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

БИДЕРМАЙЕР. К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ «БИЛЬДЕРУР»	103
ПЕСНОПЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ОКТОИХА В СТУДИЙСКО-АЛЕКСИЕВСКОМ УСТАВЕ	105
ПОМЕТА «ЗЕЛА» В ДВОЗНАМЕННЫХ ПРАЗДНИКАХ РГБ. ТСЛ. №450	108

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФАЛЬШИВЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ И ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1861-1917)	110
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА МУЗЕЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ Г. ХАБАРОВСКА)	115
КАЗАЧЬИ РЕЛИКВИИ В СОСТАВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	118
ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НА КНИГАХ УСАДЕБНЫХ БИБЛИОТЕК ДВОРЯН БАТЮШКОВЫХ И ВЕРЕЩАГИНЫХ	121

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGY

БРИКС В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА	124
BRICS: RUSSIA'S INSTITUTIONAL OPPORTUNITIES FOR EXECUTING ASIA PACIFIC DIRECTION OF ITS POLICY	127
ПОЛИТИКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	129
РАЗВИТИЕ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА», КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА НИЖНЕКАМСК	134
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ «РАСШИРЕННОЙ БИПОЛЯРНОСТИ»	136
ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ И ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	139

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

EMOTIONAL AND SOCIAL LONELINESS AS THE PREMISE OF HIKIKOMORI SYNDROME AMONG THE IST STUDENTS OF THE SAINT PETERSBURG MINING UNIVERSITY	143
СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ» В СОЦИОЛОГИИ	145

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCOLOGY

ПРОБЛЕМА КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ПОДРОСТКОВ С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (1985-2015 ГОДЫ)	148
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РАССТРОЙСТВ У ЮНОШЕЙ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА	154
ДИНАМИКА КАРЬЕРНЫХ СЦЕНАРИЕВ СТУДЕНТОВ ВУЗА С РАЗНОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЕЙ	156
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ И УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ У ЖЕНЩИН С ИЗБЫТОЧНЫМ ВЕСОМ	161
МЕХАНИЗМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИНДИВИДА ВОЗДЕЙСТВИЮ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ	164
ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНОСТИ НА ДИНАМИКУ САМООТНОШЕНИЯ	167

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.075>

Абышева Е.М.

Кандидат филологических наук, Тюменский государственный университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ *L'OBEISSANCE* / *LA DESOBEISSANCE*

(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

Аннотация

В статье рассматриваются лингвокогнитивные признаки реализации концептуальной оппозиции ПОСЛУШАНИЕ / НЕПОСЛУШАНИЕ на материале французских народных сказок. Данная концептуальная оппозиция является сюжетообразующей во многих сказках, причём послушание воспринимается как подчинение закону, сострадание, следование советам окружающих, зачастую без учёта меняющихся обстоятельств. Непослушание проявляется как нарушение законов (запретов), отказ подчиняться требованиям антагонистов. Зачастую сказочные герои действуют исходя из внутренних установок, но в конечном итоге именно это обстоятельство и помогает им добиться успеха.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная оппозиция, народная сказка, сказочный дискурс, концепт послушание.

Abysheva E.M.

PhD in Philology,

Tyumen State University

CONCEPTUAL OPPOSITION *L'OBEISSANCE* / *LA DESOBEISSANCE* (OBEDIENCE / DISOBEDIENCE)
(BASED ON FRENCH NATIONAL TALES)

Abstract

The article deals with linguo-cognitive signs of the conceptual opposition OBEDIENCE / DISOBEDIENCE realization on the material of French folk tales. This conceptual opposition is plot-forming in many tales. Obedience is perceived as obedience to the law, as compassion; wish to follow the advice of others, often ignoring circumstances that change. Disobedience manifests itself in a violation of laws (prohibitions), refusal to obey to the requirements of antagonists. Fairy-tale characters often act on the basis of their internal attitudes, but in the end this circumstance helps them to succeed.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual opposition, folk tale, fairy-tale discourse, OBEDIENCE concept.

Идея «познания человека через язык», оформившаяся в начале XXI века [1, С. 33], не теряет своей популярности и сегодня. Это означает, что изучать культуру той или иной нации, её традиции, обычаи, мотивы поведения, невозможно не зная её язык.

Сказка как продукт устного народного творчества вобрала в себя все национальные черты своего народа, она отражает и его сознание.

В национальном сознании зафиксированы и представления народа о **ценностях**. Важность этого понятия несомненна, поскольку именно ими человек руководствуется в своём поведении.

Общеизвестно, что ценностью (добродетелью), которой должен придерживаться каждый человек, является ПОСЛУШАНИЕ (*l'obéissance*), и напротив, НЕПОСЛУШАНИЕ (*la désobéissance*) считается грехом.

Обозначенная концептуальная оппозиция и послужила **предметом** исследования.

Материалом нашего исследования послужили 8 французских фольклорных сказок (общим объёмом 18 страниц), собранных этнографами в таких регионах Франции как Auvergne, Bretagne и Pyrénées [4].

Целью нашей работы является описание ключевых лингвокогнитивных признаков данной оппозиции.

Прежде всего обратимся к лексеме *désobéissance*. La désobéissance est un acte connu quasiment de tous. Il signifie le « refus de se conformer à » [5], et le fait de « ne pas suivre une loi, un règlement, les enfreindre, les transgresser ; violer » [6]. Т.е. во французской культуре непослушание – это отказ подчиняться **закону**. В тоже время если мы обратимся к русской лексеме ПОСЛУШАНИЕ – это не только «подчинение чьей-либо воле», но и «определённая обязанность, которую должен нести каждый монах» [3, С. 350]. Таким образом в русской лингвокультуре послушание – это подчинение не только закону, но и воле Бога.

Рассмотрим, как реализуется исследуемая концептуальная оппозиция в текстах сказок. В сказке **L'homme-coq** непослушание – это прежде нежелание антагониста возвращать долг (*rendre son argent*) человеку-петуху, т.е. отказ подчиняться закону. Изучаемая оппозиция представлена следующими репрезентантами:

- существительные: **méchanceté** (*Celui-ci se mit à rire avec méchanceté*), **colère** (*Cette fois, l'homme riche entra dans une violente colère en voyant son troupeau décimé*), **vengeance** (*Criant vengeance, il ordonna à son domestique de jeter l'homme-coq dans le four*), **combat** (*Voyant l'homme-coq tranquillement endormi, et les poules hors de combat, il alla conter la chose à son maître*);

- глаголы: **étouffer** (... les moutons vont l'étouffer), **attaquer** (*Au poulailler, d'innombrables poules, affamées par l'homme riche... et avare, attaquèrent aussitôt l'homme-coq, cherchant à lui crever les yeux*), **obéir** (*Le domestique obéit*), **s'exécuter** (*Le domestique s'exécuta*); **insister**, **obliger** (*L'homme-coq insista pourtant, si bien que le domestique fut obligé d'aller demander des instructions à son maître*).

- прилагательные: **violente** (*colère*), **contrarié** (*Celui-ci en fut fort contrarié*).

Сказка завершается тем, что богач (антагонист) в конце концов вынужден отдать долг (*payer sa dette*). Т.е. в данной сказке изучаемая концептуальная оппозиция является сюжетообразующей.

В сказке **Roi aux Poires** непослушание – это отказ главного героя подчиняться тем требованиям, которые к нему предъявляют антагонисты. Так, младший сын грушевого короля отказывается подчиняться старшему, когда тот предлагает стащить груши, являющиеся источником дохода их отца и убежать с ними: *Si tu veux, nous chiperons les poires et nous filerons avec?* Но младший сын отказывается участвовать в этой затее, мотивируя это тем, что лучше прожить в бедности, чем совершить неблаговидный поступок: *... il vaut mieux être pauvre que de faire une mauvaise action.*

Заметим, что герой (Claudik) придерживается своих внутренних принципов на протяжении всей сказки. Так, обнаружив пропажу груш, он отправляется на поиски великана, укравшего их.

Дело в том, Клодик успел поранить великану руку в ночь нападения, и теперь герой готов предложить мазь, которая должна исцелить рану (*Eh bien, Madame, je veux entrer tout de même, parce que j'ai un remède pour guérir le roi et que je veux épouser sa fille, bien entendu*). Условием заживления руки герой называет свадьбу с дочерью великана: *... mais votre main ne sera bien recollée, Monseigneur, que trois jours après les noces de Fleur-du-Kranou, avec...* Отметим, что такой тактикой Claudik добивается результатов: *Le géant en eut une attaque épouvantable, et l'histoire dit qu'il en mourut. Claudik épousa Fleur-du-Kranou ...*. Таким образом герой вознаграждается за свою преданность идеалам добра и справедливости.

В сказке **La vieille** послушание выступает прежде всего, как сострадание, которое проявляют старшие братья к старухе, которая замерзает:

- *Ouye, que j'ai froid ! Ouye, que j'ai froid !*
- **Chauffez-vous**, brave femme.
- *Mais votre chien me fait peur. Si vous me laissez lui mettre ce poil sur le dos, je n'aurais plus peur.*
- **Mettez-le-lui, donc.**

Но именно это сострадание и сыграет с обоими братьями злую шутку: получив силу, благодаря волоску, старуха помещает их в глубокий грот: *Par contre la vieille, elle, s'en trouva plus forte et le fit entrer, bon gré (воля), mal gré, dans une grotte profonde où il ne vit ni le soleil ni la lune.*

Младший брат, отправившийся на розыски старших, напротив, проявляет непослушание. На просьбу старухи приложить волосок, он отвечает, что сделает это сам:

- *Ouye, que j'ai froid ! Ouye, que j'ai froid !*
- *Chauffez-vous.*
- *Votre chien me fait peur.*
- **Mon chien ne fait de mal à personne, si je ne le veux pas.**
- *Laissez-moi lui mettre ce poil sur le dos.*
- **Je le lui mettrai moi-même.**

Сила, которую рассчитывала получить старуха, в данном случае достаётся герою: *La vieille le lui donne et lui, faisant semblant de se le mettre dessus, le jette au feu. Alors la vieille voulut faire entrer de force le garçon dans la grotte obscure, mais elle se trouva sans force et lui, ragaillard (воспрять духом), dit en sortant son épée.*

Именно эта сила и позволяет младшему брату диктовать уже свои условия и спасти старших братьев:

Et toi, maudite vieille, tu vas me dire ce que tu as fait de mes frères.

La vieille se met à crier :

- *Au secours, pauvre de moi !*
- **Si tu ne le dis pas, je te tue.**

Quand la vieille sent la pointe de l'épée sur sa poitrine, elle lui dit toute tremblante :

- *Venez, nous les trouverons.*

В сказке **Jean-le-Niais** главный герой предстаёт перед нами в образе простофили-дурачка. Казалось бы, герой проявляет послушание: он в точности выполняет всё то, что ему говорят, но при этом он не учитывает изменившихся обстоятельств. Ещё Ю. М. Лотман описывая поведение таких людей, заметил: «Дурак лишён гибкой реакции на окружающую его ситуацию. Единственная доступная ему форма активности – это нарушение правильных соотношений между ситуацией и действием. Действия его стереотипны, но он применяет их не к месту – плачет на свадьбе, танцует на похоронах. Ничего нового он придумать не может. Поэтому поступки его нелепы, но полностью предсказуемы» [2, С. 31]. Так, когда мать просит Жана отнести зерно на мельницу, он решает рассыпать зерно, с тем, чтобы ветер сам доставил его на мельницу:

- *Le vent souffle fort, se dit-il. Et dans la bonne direction encore.*
- *Il ouvre alors le sac, le vide par terre ; le vent disperse le blé...*

Когда ему сказали, что зерно нужно было нести в мешке на плече, Жан соглашается. Следующий раз, когда ему нужно отвезти на ярмарку свинью, он учитывает высказанные замечания:

- *Quelle bêtise ! crie-t-il. Une charge, on la porte sur son dos !*
- **Je le saurai**, dit Jean-le-Niais.

Aussi, le lendemain, lorsque sa mère lui demande de mener le cochon à la foire, l'installe-t-il sur son dos, malgré le poids, et aussi la douleur que lui procure l'animal en lui mordant sans arrêt l'oreille...

Выделенная фраза «Я запомню», очень важна для понимания лингвокультурного содержания данной сказки. Она свидетельствует о том, что герой осознаёт ответственность за свои поступки и не стремится обвинить в своих неудачах других людей. Просто герою очень трудно гибко, оперативно реагировать на изменяющиеся условия окружающей среды, и именно поэтому общество не принимает его.

Но в конечном итоге, герой вознаграждается: он обнаруживает спрятанные в статуе сокровища: *Silence prolongé de la statue immobile. Jean-le-Niais insiste encore, jusqu'au moment où la colère le prend. Il lâche son fardeau, attrape son bâton, et en assène un grand coup sur la tête du saint en pierre ! Miracle : sous la violence du choc, la tête se détache du corps, tombe à terre. Elle est creuse et contient un trésor : des dizaines de pièces d'or qui roulent de tous côtés.*

Таким образом, **послушание** во французских народных сказках предстаёт как:

- а) подчинение закону;
- б) сострадание;
- в) следование советам окружающих, зачастую без учёта меняющихся обстоятельств.

Соответственно, **непослушание** проявляется как:

- а) нарушение законов, запретов;
- б) отказ подчиняться требованиям антагонистов, особенно в случае их расхождения с внутренними ценностями и установками героя.

Изучив лингвокогнитивные признаки реализации концептуальной оппозиции ПОСЛУШАНИЕ / НЕПОСЛУШАНИЕ на материале французских народных сказок мы приходим к выводу о том, что герои зачастую добиваются успеха именно в тех случаях, когда не проявляют послушание, а действуют, исходя из своих внутренних установок, порой даже бессознательных. К примеру, Жан-Дурачок из проанализированной нами сказки не смог бы объяснить, как он рассчитывал получить деньги со статуи. Скорее всего, это было магическое, интуитивное знание, что они внутри. Т.е. в сказках мы как раз и находим примеры того, что именно бессознательное подчас оказывается «разумнее» сознательного.

Список литературы / References

1. Белая Г. В. Лингвострановедческий и аксиологический аспекты французской фольклорной сказки / Г. В. Белая // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №2. С. 32-41
2. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. / Ю. М. Лотман. – М.: Прогресс. 1992. – 270 с.
3. Толковый словарь русского языка: В 3 т./ Ред. Д. Н. Ушаков. – Изд. изм. и испр. Т. 2: Н-П. М.: Вече: Мир кн. 2001. – 688 с.
4. Contes et Légends français classés par régions. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lepointdufle.net/> (дата обращения: 23.03.2017)
5. Dictionnaire Encyclopédique Auzou. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionnaire.auzou.fr/> (дата обращения: 27.03.2017)
6. Dictionnaire Le Petit Larousse. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/> (дата обращения: 27.03.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belaja G. V. Lingvostranovedcheskij i aksiologicheskij aspekty francuzskoj fol'klornoj skazki [Lingvo-cultural, regional and axiological aspects of the French folktale] // Vestnik MGU. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication] 2001. №2. P. 32-41 [in Russian].
2. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv. [Culture and Exlosion] / Ju. M. Lotman. – M.: Progress. 1992. – 270 p. [in Russian].
3. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: V 3 t./ Red. D. N. Ushakov. – Izd. izm. i ispr. T. 2: N-P. M.: Vechе: Mir kn. 2001. – 688 p. [in Russian].
4. French Folktales and Legends Classified by Regions. [Electronic Resource] URL: <http://www.lepointdufle.net/> (accessed: 23.03.2017).
5. Encyclopedic Dictionary of Auzou. [Electronic Resource] URL: <http://www.dictionnaire.auzou.fr/> (accessed: 27.03.2017).
6. Concise Larousse Dictionary. [Electronic Resource] URL: <http://www.larousse.fr/> (accessed: 27.03.2017).

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, **редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:**

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

ПРИМЕР DOI:

10.18454/IRJ.2015.0001

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.047>Алиева Т.В.¹, Тымбай А.А.²¹ORCID: 0000-0003-2225-1276, кандидат филологических наук,²ORCID: 0000-0003-2061-0263, кандидат филологических наук,

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»**Аннотация**

В статье рассматриваются особенности изменения лексических, синтаксических и просодических структур под влиянием лингвокультурного концепта «свой-чужой». Данные изменения чаще всего являются неочевидными для носителей языка, однако требуют пристального внимания при изучении английского как иностранного, особенно в контексте политического диалога. Особое внимание уделено случаям, когда невнимательность к оппозиции «свой-чужой» может препятствовать эффективной коммуникации. Основной задачей преподавателя английского для специальных целей в этом случае становится формирование у студентов лингвокультурной компетенции. Базой для ее формирования может стать как изучение актуальных текстов и видеозаписей, так и проведение дебатов и круглых столов по форматам, актуальным для политического дискурса.

Ключевые слова: оппозиция «свой-чужой», политический диалог, политический дискурс, дебаты, круглый стол.

Alieva T.V.¹, Tymbay A.A.²¹ORCID: 0000-0003-2225-1276, PhD in Philology, associate professor,²ORCID: 0000-0003-2061-0263, PhD in Philology, associate professor,

MGIMO University

TEACHING ESP: OPPOSITION “WE-THEY”**Abstract**

The article focuses on the linguistic representation of the conceptual opposition “WE –THEY” in the English political discourse. The changing lexis, syntax and prosodic structures may go unnoticed by native speakers, yet require special attention when teaching ESP students. The article highlights language implications that may prevent adequate understanding of a political dialogue due to differences in cultural and linguistic background, the main objective of the teacher being to encourage intercultural awareness of students by means of studying samples of up-to-date texts and videos as well as conducting debates and round-table discussions.

Keywords: opposition “we-they”, political dialogue, political discourse, debates, round-table discussion.

It is essential that would-be politicians and Foreign Service officers who will use English as a means of communication in their work be able not only to merely express their ideas in English but to get their message across in a most diplomatic way. What is more, they should be equipped to read the received message most adequately understanding all the nuances and shades conveyed by a speaker. Being one of the fundamental concepts of the political discourse, opposition “we – they” manifests itself in various language devices. Reference to the opposition “we – they” runs through lexis, morphology, syntax; so, it is vital to raise students’ awareness of the whole range of linguistic tools which can be used in the language of politics. Though it is not only linguistic aspects that should be delved into, special attention should be also paid to building intercultural competencies. Students must be made aware that effective communication relies heavily on one’s understanding of other cultures and acquisition of intercultural competence is as important as acquisition of language skills, especially in terms of political discourse.

Opposition “we – they” being one of the central concepts of political discourse, it is essential to understand that in essence it is an evaluative category. Calling someone “we” or “they” does not always mean indicating, it implies evaluating. In the past this evaluation was fundamentally based on positive evaluation of “us” and negative evaluation of “them”. “We are good, they are bad” principle helped our prehistoric ancestors survive. Had they shown any sympathy to a man from an alien tribe he would have been stabbed to death and eaten for dinner. We live in a civilized world where people are less likely to be guided by this cruel principle. It is fortunate that the modern world of politics is not primitively all black-and-white; political relations represent a wide scope of attitudes and values. It is apparent that “they” can be seen not only as an enemy, but as a friend, a partner, or merely as someone different. Moreover, students acquiring political discourse competences should be made aware of a tolerant attitude to “them”, which is generally considered to be the most acceptable approach to otherness in the western culture. They should be exposed to the whole diversity of linguistic devices that would be appropriate to a particular situation involving “them” and that would let them avoid causing offence to their counterpart.

First of all, the study of English political discourse should focus on lexis, which seems to be the most apparent linguistic tool that can be employed to express various attitudes to “them”, i.e. someone viewed as a friend, a partner, an alien, or an enemy. It is recommended that students be exposed to the list of words which explicitly express the idea of friendly, positive attitude to someone (e.g. *friend, ally/alliance, bond, close relationship, cooperation; to love, to like, to cling to, to support, to have a close interest in, to stand shoulder to shoulder, to see eye-to-eye*); as well as the list of words with explicit negative meaning to refer to someone seen as an enemy (e.g. *enemy, foe, adversary, hostile, threat, fear, evil-doer, contempt, resentment; to dislike, to confront, to hate, to be angry with; rival/confronting/warring camps*). As most of the words are likely to be familiar to proficient students, on this stage students can be engaged in various activities aimed at distinguishing synonyms and their contextual differences as well as get an insight into cultural and/or political implications of their usage.

In terms of lexis a particular focus should be on metaphors, as those images that may be seen as effective in one language may appear to be utterly inappropriate or incomprehensible in another language. Thus, students should get an exposure to the range of most frequent English metaphors and learn how to identify the evaluative meaning of various images. In the English political discourse the images that are evoked when you talk about someone you are strongly opposed to can be the images of

war and crime; conversely, a speaker's positive attitude to someone regarded as a friend and partner may be highlighted by the images of home, welcomed guests or close neighbors.

Apart from metaphors the use of derogatory words and phrases is to be accentuated. In some cultures the use of derogatory vocabulary would be regarded as appropriate in the context involving "them" (for example, during pre-election political debates when trying to repel one's opponent's attacks); however, students should be strongly discouraged from using offensive words and phrases as such communication may be most destructive to any diplomatic and political relations.

Meanwhile, derogatory remarks should be distinguished from dysphemisms, which are used to intensify negative meanings in the situations when such usage is justifiable. For instance, it may be acceptable when a speaker refers to terrorist attacks or atrocities of war. Cf.: *killing* || *indiscriminate killing*; *to kill* || *to slaughter*; *acts of violence* || *random acts of savagery*. Students should be also made aware that this linguistic device is frequently employed by the mass media and politicians as a tool of manipulation. If a need arises to present a person, a group of people, or an organization in a most unfavourable light and to prejudice the public against someone, dysphemisms are often used. Identifying such usages will help a recipient of the message interpret it adequately and decode the evaluative shades a speaker is trying to convey.

Conversely, euphemisms are applied in the context about "us" or someone seen as a friend or ally as they mitigate negative implications of an action. They are as effective as dysphemisms in guiding public opinion. Students should be exposed to examples of euphemisms as they may be different in different languages and cannot be always translated literally. It should be also explained that there is no fixed list of euphemisms, and along with quite common euphemisms (such as *collateral damage*, *freedom fighters*) there can be diverse ways of disguising negative meanings (e.g. "*Afghan adventure*" referring to the military intervention in Afghanistan). In fact, students are rarely aware of this linguistic device, and it is usually their first insight into the phenomenon. For this reason the primary task students may be asked to perform is trying to identify dysphemisms and euphemisms in various contexts (political debates, interviews, articles) and to look for their plain equivalents that would express a meaning more adequately. Later on students may be asked to apply euphemisms and dysphemisms in various texts making use of the lists they have compiled so far. To perform the task effectively they should be well-informed about the political situation in the world as well as a perspective from which a particular event is to be looked at, especially when they face a task of using either a euphemism or dysphemism.

Such activities raise students' awareness of manipulation they can be exposed to in a political dialogue and equip them with the skills which may come in handy when they become professional Foreign Service officers or politicians.

Another important aspect that is not to be overlooked in the study of a political discourse is grammar manifestations of opposition "we-they". ESP students are usually so focused on grammar accuracy that they fail to see the power of suggestion embodied in syntax. Special emphasis should be placed on the effectiveness of various voice structures as an implicit tool for shaping one's positive or negative image; e.g. when a speaker refers to a hostile country or opposing party the active voice forms would be more effective as they highlight an initiator of an act of violence and aggression, or ill-conceived policy. By the same token the active voice form may enhance a positive role of "us". It may be reasonable to get students to perform various tasks where they would change the voice to see how the focus is shifted to "us" or to "them" depending on evaluative meaning. Another more challenging task is to transform the given sentences so as to enhance positive evaluation of "us" and to intensify negative evaluation of "them".

Besides it is advisable that students be exposed to the range of morphological devices that can be applied to the opposition "we – they". To identify someone with "us" prefixes "pan-" and "pro-" can be used, whereas to represent "them" one can apply such prefixes as "anti-", "un-", "non-". The activities to be performed at this stage should not be limited to mere word-formation exercises; an intercultural component is to be integrated. Such tasks can be based on diverse political contexts; then in their choice of prefixes students are expected to be guided by their understanding of the recent political developments in the world.

One more fundamental aspect of studying a political dialogue is phonology, whose role is unfortunately underestimated by many teachers. The problem is that we often take our ability to communicate ideas for granted, however communicative tactics and rhetorical skills of making oneself understood are often overlooked.

To practice skills of interacting in a political dialogue it is advisable to organize a number of different events and practices. Audio and video examples of a political dialogue can easily be found on the Internet. As G. Snigarenko puts it, the texts that are produced directly by politicians in the form parliamentary debates, answers to questions of colleagues, public hearings and interviews of political leaders may serve as perfect samples of implied political intentions [1, P. 70-72]. Though difficult to imitate in class, videos of this kind can provide abundant material for their analysis.

Talking about introducing political dialogue into classroom practice, organized debates set a perfect example that can be used by students to take part in. Debates as nothing else divide the classroom into "we" and "they". It should be said, however, that in most legislative bodies, the procedure of debates is strictly regulated and, in fact, participants rarely come into direct impromptu conversation without the mediation of the chairman or the speaker of the house, but if the debate moves into an active stage, this communication can be easily patterned on. If the subject of the discussion allows it, a teacher can also engage students in a panel discussion or a round-table discussion, which are not that strict in the procedure. The scope of this category also includes semi-spontaneous dialogues, reenactments of political cases and trials. A thing to remember here is to maintain different opinions regarding the matter.

Thus, the analysis of the content of various dialogues with students of diplomacy and foreign relations based on the conceptual opposition "we – they", as well as the communicative-pragmatic perspective on a dialogue can establish a broad approach in teaching and understanding political discourse.

Students have to learn that a huge role in choosing a technique of turn taking is played by the status of speakers, which is especially noticeable in interviews of politicians [2, P. 44-45]. The higher the status of the participants is, the higher the incidence of smooth transitions. Participants of formal political dialogues strictly observe the etiquette of speech (as above mentioned, even the most heated debates are always strictly regulated). Pauses in this debate do not become a place of seizing the initiative. Communicants always wait until the statement of a previous speaker is completed. Students should also be aware

of the distinctive intonation patterns of a political dialogue and possible communicative strategies acceptable in the language and culture they study as certain types of non-verbal behavior or some ways of interrupting a partner may be not only unacceptable but also even rude. Ignorance in such issues may hinder mutual understanding or even ruin effective communication process. Teaching English for specific purposes in terms of a case study or a project work may form good understanding of a foreign political culture, provide classes with vivid examples and teach students to understand “we – they” opposition in the right way.

In conclusion, it is worth mentioning that all the above-mentioned activities involve intercultural competences, and English language classes can no longer be limited to considering only language matters. This implies that English classes should be seen as a part of a course which includes the disciplines aimed at raising students’ awareness of intercultural diversity, or acquisition of intercultural competences integrated into language classes.

Список литературы / References

1. Снигаренко Г.П. Некоторые средства прагматической интенции в публицистических текстах / Г.П. Снигаренко // Филологические науки в МГИМО: Сб. научных трудов / МГИМО(У) МИД России; Отв. ред. Л.Г. Кашкурович. – М.: МГИМО, 2002. – С. 63-72.

2. Тымбай А.А. Политический диалог на занятиях со студентами, изучающими английский язык для специальных целей / А.А. Тымбай // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – №02 (56) Часть 1. – С. 44-46.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Snigarenko G.P. Nekotorye sredstva pragmaticheskoy intencii v publicisticheskikh tekstah [Some means of expressing pragmatic intentions in media texts] / G.P. Snigarenko // Filologicheskie nauki v MGIMO: Sb. nauchnykh trudov [Philological studies in MGIMO: a collection of articles]. – М.: МГИМО, 2002. – Р. 63-72. [in Russian]

2. Tymbay A.A. Politicheskij dialog na zanjatijah so studentami, izuchajushhimi anglijskij jazyk dlja special'nyh celej [Teaching political dialogue in ESP classes] / A.A. Tymbay // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – 2017. – №02 (56) Part 1. – Р. 44-46. [in English]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.026>

Белая Н.В.

Кандидат филологических наук,

Военный университет Министерства обороны РФ

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНОЙ ТЕМАТИКИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация

Переводческие трансформации, то есть преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от языковых единиц оригинала к единицам перевода, рассматриваются как приемы, используемые переводчиком при переводе различных текстов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует, или не может быть применено в условиях данного контекста. Текст перевода должен как можно более точно передавать всю информацию, заключенную в тексте оригинала, при этом необходимо помнить о соблюдении соответствующих языковых норм. Основная задача переводчика для достижения данной цели состоит в умелом употреблении различных приёмов переводческих трансформаций.

Ключевые слова: переводческие преобразования, лексические соответствия, вариантные соответствия, интернациональные слова, эквивалентные соответствия, абсолютные соответствия.

Belaya N.V.

PhD in Philology,

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

THE ISSUES OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS USING IN TRANSLATING ANY SUBJECT-MATTER TEXT AT THE ENGLISH LANGUAGE PRACTICAL COURSE LESSONS

Abstract

Translation transformations which help in turning language units of the original to language units of the translation are considered to be the methods used by a translator in translating any subject-matter texts in a case when a vocabulary correspondence doesn't match or cannot be chosen in a given specific context. The text of the translation should contain all the information of the original text as accurately as possible and furthermore it should not be forgotten to be complied with language standards. The translator's main task in achieving this goal is to use different methods of translation transformations skillfully.

Keywords: translation transformations, lexical correspondences, optional correspondences, international words, equivalent correspondences, absolute correspondences.

Проблема использования компрессии в языке возникает при переводе с иностранного языка на русский, в данном случае с английского языка, и с русского на иностранный (английский). Р.К. Миньяр-Белоручев даёт такое определение компрессии: «Уменьшение слоговой величины исходного текста за счёт избавления от единиц речи, несущих второстепенную информацию, а также за счёт лексических и грамматических трансформаций. Трансформация заключается в изменении формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи». [2, С. 86]

Выделить основную мысль содержания - это как можно короче представить наиболее важную информацию текста. Обычно основную смысловую нагрузку в высказывании имеют субъект, им, как правило, становится подлежащее, и предикат, то есть сказуемое или группа сказуемого. Группа подлежащего и группа сказуемого также используется для выделения самого важного в высказывании. Иногда приходится их преобразовывать. Вот пример из старой публикации «Комсомольской правды» за январь 1995 года: «Московский автозавод ЗИЛ прекратил работу до понедельника. Причина банальна - нет ни комплектующих деталей, ни оборотных средств для их покупки».

Можно по-другому записать подобное известие: «ЗИЛ не работает до понедельника из-за нехватки комплектующих деталей и оборотных средств для их покупки».

В газетном сообщении 19 слов, в то время как в экономной формулировке их всего 15. Группа подлежащих представлена аббревиатурой «ЗИЛ». Необязательно указывать, что это автозавод, так как завод имени Лихачёва выпускал именно автомобили. Также можно опустить слово «московский», поскольку ЗИЛ находился только в Москве. Выражение «прекратил работу до понедельника. Причина банальна...» можно заменить более экономным вариантом «не работает до понедельника «из-за» или «по причине». Но необходимо указать название завода, так как имена собственные имеют важную смысловую нагрузку. Без указания названия высказывание не будет иметь конкретный характер. Если записать только одно название, то оно потом напомнит всё, что было указано в высказывании, другими словами, имена собственные, как в данном случае «ЗИЛ», несут наибольшую семантическую нагрузку.

Ещё один пример из этого же номера «Комсомольской правды»: «Исполком Олимпийского комитета России представил собранию годовой отчёт о деятельности за 1994 год».

Сократив это сообщение путём трансформации, получим следующее: «Олимпийский комитет России отчитался собранию о деятельности за 1994 (год)».

Если в исходном тексте 13 слов, то в полученном после сокращения их 9. Вместо оборота «представил годовой отчёт» запишем «отчитался за год». Нет необходимости дважды использовать слово «комитет», так как «исполком» и есть «исполнительный комитет», в связи с этим можно заменить «Исполком Олимпийского комитета» на «Олимпийский исполком». Числительные, также как и имена собственные, несут смысловую нагрузку, поэтому необходимо записать номер года, хотя само слово «год» в конце предложения может быть опущено.

Необходимо рассмотреть вопросы, возникающие при переводе текстов с иностранного (английского) языка на русский и с русского языка на иностранный (английский).

При переводе контекста как узкого, представляющего собой словосочетание или предложение, так и широкого, который может содержать в себе абзац, главу или даже целое предложение, возникает вопрос: давать ли буквальный или вольный перевод. Тем не менее, чтобы перевести слово, необходимо знать контекст, так как многие слова полисемичны, например, 'engaged' означает и 'занятый' и 'помолвленный'. В данном примере достаточно узкого контекста, то есть достаточно знать одно предложение, чтобы понять значение данного слова: "They were engaged at the Lillehammer Games last year and will marry in July". – "Они были помолвлены на Играх в Лиллехаммере в прошлом году и поженятся в июле".

'Shoot up' имеет несколько значений: 'быстро расти' (о ребёнке, дереве), 'вырываться' (о пламени), 'внезапно подняться' (о ценах). Из данного узкого контекста можно выяснить нужное значение: "Manufacturing productivity shot up 4,9 percent after advancing 3,2 percent last year". – "Производственная продуктивность внезапно поднялась на 4,9 процента после достижения 3,2 процентов в прошлом году".

Слово 'foundation' означает 'фундамент, основание, учреждение': "The plan of this house is available with either a basement or crawl space foundation-place specify when ordering". "Korean Air plans to transport 25 million passengers and 800000 tons of cargos to make 3 trillion won in revenues this year which is the 26th year since its foundation".

В первом примере слово 'foundation' имеет значение 'фундамент', так как предложение повествует о плане жилого дома. Во втором случае оно переводится - 'основание': "Корейская авиакомпания планирует перевозить 25 миллионов пассажиров и 800000 тонн груза и тем самым заработать 3 триллиона вон в доходных статьях в этом году, который уже 26 год с момента основания авиакомпании".

Из более широкого контекста находим значение слова 'flock': 'пушинка, клочок' или: 1. 'толпа', 2. 'стая, стадо', 3. 'паства':

"- They are right. They must direct their flocks.

- And preach politics from the altar, is it?, - asked Mr. Dedalus.

- Certainly, - said Dante: - It is a question of public morality. A priest would not be a priest if he did not tell his flock what is right and what is wrong." [4, С. 94]

"- Они правы. Они должны указывать путь пастве.

- И проповедовать политику с алтаря, не так ли? - спросил мистер Дедалас.

- Конечно, - сказала Данте. - Это вопрос общественной морали. Священник не мог бы быть священником, если он не говорит пастве, что правильно и что ошибочно".

Отдельное предложение 'They must direct their flocks' можно перевести неправильно, например, так: 'Они должны указывать путь толпе, стаду'. Прочитав несколько предложений, следующих за этой фразой, можно дать точный перевод: 'Они должны указывать путь пастве'.

Слово русского языка близкое по значению слову иностранного (английского) языка является лексическим соответствием. Если значение русского слова полностью совпадает со значением английского слова, то такие соответствия называются эквивалентами, примерами подобных эквивалентов могут служить имена собственные ('Elizabeth - Елизавета'), географические названия ('London - Лондон'), числительные ('twelve' - количественное числительное 'двенадцать', 'twelfth' - порядковое числительное 'двенадцатый'), названия дней недели и месяцев ('Monday - понедельник', 'November - ноябрь'), многие термины ('phosphorescence - фосфоресценция').

Хотя имена собственные являются эквивалентами и переводу не подлежат, мы понимаем, что перед нами имя или название по заглавной букве, с которой начинается данное слово, но бывают случаи, когда имена собственные требуют разъяснений, так как без этого смысл текста перевода для читателя непонятен:

“The problem is not simply that we foolishly keep getting older. The problem is that in spite of the American craze for fitness in spite of health clubs and aerobics and Jane Fonda’s thighs...we no longer plunge into sports with the total, flat out, slightly insane zeal we once had”. [3, С. 47].

“Проблема не просто в том, что мы по-глупому продолжаем стареть. Проблема в том, что, несмотря на повальное увлечение американцами здоровьем, несмотря на оздоровительные клубы, аэробику и бёдра Джейн Фонды, мы больше не бросаемся в спорт с полным, всеобъемлющим, немного безумным рвением, которое мы однажды испытывали”.

Если бы не было известно, что Джейн Фонда – известная актриса, разработавшая собственную систему упражнений для улучшения фигуры, то смысл словосочетания ‘бёдра Джейн Фонды’ не был бы ясен.

В английском языке много связанных сочетаний и фразеологизмов, в которых используются имена собственные:

Jack and Jill – парень и девушка

Jack of all trades – на все руки мастер

Jack in office – высокомерный чиновник, бюрократ

Jack Miller – избитый анекдот, избитая шутка

Not for Joe! – Ни за что!

Before you could say Jack Robinson – в два счёта, и ахнуть не успел

Johnny-cake – маисовая лепёшка (в США), пшеничная лепёшка (в Австралии)

В разговорном ‘Johnny’ – языке означает ‘малый, парень’, ‘John Bull’ – прозвище для типичного англичанина, на американском сленге ‘Jim Crow’ – ‘негр’, ‘John Barleycorn’ – ‘Джон Ячменное Зерно’ – олицетворение спиртных и солодовых напитков.

Когда у английского слова в русском языке есть несколько смысловых соответствий, речь идёт о вариативных соответствиях: “Since the end of last year the Korean currency has depreciated 11,9 percent against the yen”.

Словарь даёт следующие значения глагола ‘depreciate’: 1. ‘обесценивать’, 2. ‘унижать, умалять (достоинство)’

Первое значение подходит больше, и фразу можно перевести таким образом: “С конца прошлого года корейская валюта обесценилась на 11,9 процента по отношению к йене”.

Если не одно из значений слова не подходит для перевода, тогда необходимо расширить вариантные соответствия: “Daniel had just been admitted to a hospital in New York City where I was training to be a psychiatrist. [5, С. 34].

В словаре даны такие значения глагола ‘admit’: ‘допускать, позволять’. Ни одно из этих значений полностью не подходит к данному предложению, поэтому, расширяя данные значения, его следует перевести по-другому: “Даниэль только что положили в госпиталь в Нью-Йорк Сити, где я проходил практику, чтобы стать психиатром”.

Рассмотрев основные вопросы, возникающие при переводе контекста, как узкого, так и широкого, а также лексических соответствий, то есть слов русского языка, близких по значению словам иностранного языка, и вариантных соответствий, речь о которых идёт в том случае, если у иностранного слова в русском языке имеется несколько смысловых соответствий; перейдём к вопросу, возникающему при переводе отдельных слов и словосочетаний, рассмотрев эту проблему путём распределения их в определённые группы:

Интернациональные слова, как правило, имеют одинаковое значение: ‘cosmology’ – ‘космология’, ‘biology’ – ‘биология’, ‘photosphere’ – ‘фотосфера’, ‘episode’ – ‘эпизод’. Но встречаются слова близкие по форме, но имеющие разные значения: ‘family’ – ‘семья’, а не ‘фамилия’; ‘desert’ – ‘пустыня’, а не ‘десерт’. Многие английские слова, имеющие одинаковые значения со словами русского языка, могут иметь и другие толкования, например, слово ‘revolution’ – ‘революция’ также переводится техническими терминами: ‘круговое вращение’ или ‘полный оборот (машины)’. ‘Flag’ – 1. ‘флаг’, 2. ‘плита’, 3. а. ‘повиснуть, поникнуть’, b. ‘потерять интерес’.

Фразеологизмы, то есть связанные словосочетания, необходимо переводить, находя общее значение всего целого, а не значения отдельных компонентов:

to put an end to – положить конец чему-либо

to make the best of – мириться с чем-либо

to give the lie – изобличать во лжи

to take root – пускать корни

to give somebody the cold shoulder – оказать холодный приём

to have no truck with somebody – не иметь ничего общего с кем-либо

Как правило, трудности возникают при переводе образных фразеологизмов, которые делают речь эмоционально окрашенной. При их переводе используются лексические соответствия, которые могут быть эквивалентными и вариантными.

Эквивалентные соответствия – это фразеологизмы русского языка, соответствующие по смыслу, и образованные на одном образе с английскими фразеологизмами. Такие соответствия могут быть абсолютными, то есть совпадающими с оригиналом в грамматическом, лексическом и стилистическом отношениях; и относительными, то есть совпадающими по смыслу с оригиналом, но имеющими грамматические расхождения и лексические отличия.

Абсолютные эквиваленты:

love me, love my dog – любишь меня, люби и мою собаку

apple of discord – яблоко раздора

dark horse – ‘тёмная лошадка’

to be on a friendly footing with somebody – быть на дружеской ноге с кем-либо

skin and bone – кожа да кости

no smoke without fire – нет дыма без огня

Относительные эквиваленты:

Don't look a gift horse in the mouth – Дарёному коню в зубы не смотрят, дословный перевод: 'не смотри дарёному коню в рот'

Speech is silver, but silence is good – Слово - серебро, молчание - золото. 'Speech' переводится как 'речь', в русском же фразеологизме используется 'слово', а не 'речь'.

To tread on one's kibes – наступить на любимую мозоль, дословно: 'наступить на отморозенное место'.

To have one's heart in one's boots – сердце ушло в пятки, дословно: 'иметь сердце в сапогах'.

Tempest in a tea-pot – буря в стакане воды ('tea-pot' – 'чайник')

Фразеологический вариант – это русский фразеологизм аналогичный по смыслу английскому, но построенный на другом образе:

keen as mustard – охваченный энтузиазмом, дословно: 'острый как горчица'

close as an oyster – нем как рыба, дословно: 'скрыт (закрыт) как устрица'

to kill two birds with one stone – убить двух зайцев одним ударом, дословно: 'убить двух птиц одним камнем'

to be born with a silver spoon in one's mouth – родиться в сорочке, дословно: 'родиться с серебряной ложкой во рту'

to twist somebody round one's little finger – вить верёвки, помыкать кем-либо, дословно: 'изгибать кого-либо вокруг мизинца'

Английскому фразеологизму могут соответствовать несколько аналогичных по значению русских фразеологизмов:

neck or nothing – либо всё, либо ничего

– либо пан, либо пропал

– была не была

tarred with the same brush – одним миром мазаны

– одного поля ягода

to lead by the nose – заставить кого-либо идти на поводу

– сесть на шею

В английском языке некоторые имеют одинаковое значение, несмотря на грамматические или лексические различия:

родиться в сорочке – to be born with a silver spoon in one's mouth (дословно: 'родиться с серебряной ложкой во рту')

– to be born with a caul ('родиться в чепчике')

кожа да кости – skin and bone

– bag of bones ('мешок костей')

была не была – neck or nothing ('шея или ничего')

– to sink or to swim ('либо тонуть, либо плыть')

'барашки' на море – Neptune's sheep ('барашки' Нептуна')

– white horses ('белые лошадки')

Не следует в некоторых случаях допускать буквализм под влиянием формы английского сочетания: 'to see the red light' переводится как 'чувствовать приближение опасности', а не как 'видеть красный свет'.

Английские фразеологизмы с национальной окраской необходимо переводить русскими фразеологизмами, в которых отсутствуют национальные реалии. Несмотря на то, что английским фразеологизмам "To carry coals to Newcastle" и "To send owls to Athens" соответствует русский аналог "Ездить в Тулу со своим самоваром", лучше их перевести дословно: "Возить уголь в Ньюкасл" и "Посылать сов в Афины".

В заключение следует отметить, что вышеприведённые примеры свидетельствуют о том, что переводческая работа имеет творческий характер. Задача переводчика – передать смысловое содержание и экспрессивно-стилистическую окраску иностранного текста. В.Г. Белинский писал: «Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежавшие средства, особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы верно передать иной образ или фразу, в переводе их должно совершенно изменить». [1, С. 429].

Список литературы/ References

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том 2 / В. Г. Белинский. – М.: Академия наук СССР, 1953. – 429 с.
2. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: Воениздат, 1980. – 86 с.
3. Cosby B. Times Flies / B. Cosby. – Random House Publishing Group, 1988. – 47 p.
4. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man / J. Joyce. – Penguin Books Ltd, 1969. – 94 p.
5. Klitzman R. That Way Madness Lies / R. Klitzman. – The New York Times, 1995. – 34 p.

Список литературы на английском языке/References in English

1. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij. Vol. 2 [Complete set of works. Vol. 2] / V.G. Belinskij - M.: Akademija nauk SSSR, 1953. – 429 p. [in Russian]
2. Min'jar-Beloručev R.K. Obshhaja teorija perevoda i ustnyj perevod [The general theory of translation and interpreting] / R.K. Min'jar-Beloručev - M.: Voenizdat, 1980. – 86 p. [in Russian]
3. Cosby B. Times Flies / B. Cosby. – Random House Publishing Group, 1988. – 47 p.
4. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man / J. Joyce. – Penguin Books Ltd, 1969. – 94 p.
5. Klitzman R. That Way Madness Lies / R. Klitzman. – The New York Times, 1995. – 34 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.086>

Бойкарова Л.Р.

ORCID: 0000-0003-0847-7666, аспирант,

Таврическая Академия (структурное подразделение),

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

ВОССОЗДАНИЕ ОБРАЗА МАКБЕТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БОРИСА ТЕНА**Аннотация**

В статье представлен сопоставительный анализ образа Макбета в переводческой интерпретации Бориса Тена. Перевод трагедии «Макбет» представляет интерес не только с точки зрения стилистической структуры перевода, но и с точки зрения концептуальных основ воссоздания шекспировских образов. Особое внимание уделяется воссозданию шекспировского образа в переводе. Переводчик искусно отражает конфликт Макбета с совестью, его психологическое состояние, процесс трагического признания. Мастер здесь является не только непосредственным участником сценических событий, но и мастером сложных шахматных композиций, который из определенного расстояния взвешивает оптимальные решения, подбирая подходящие фигуры.

Ключевые слова: Борис Тен, У. Шекспир, образ, перевод, интерпретация, Макбет.

Boikarova L.R.

ORCID: 0000-0003-0847-7666, Postgraduate Student,

Tavricheskaya Academy (structural subdivision)

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

RECONSTRUCTION OF THE IMAGE OF MACBETH IN THE TRANSLATION INTERPRETATION OF BORIS TEN**Abstract**

The article presents comparative analysis of the image of Macbeth in the translation interpretation of Boris Ten. The translation of the tragedy "Macbeth" is of interest to researchers both from the viewpoint of the stylistic structure of translation, and in terms of the conceptual bases for the reconstruction of Shakespearean images. Particular attention is paid to the reconstruction of the Shakespearean image in translation. The translator managed to skillfully reflect the conflict between Macbeth and his conscience, his psychological state, and the tragic process of admitting his guilt. In this case, the master translator is not only a direct participant of scenic events, but also a master of complex chess compositions, which weighs the most effective decisions from a certain distance, selecting the most suitable figures.

Keywords: Borys Ten, W. Shakespeare, image, translation, interpretation, Macbeth.

Трагедия «Макбет» – это психологический триллер, который не теряет своего влияния более четырехсот лет. Политический амбициозный образ Макбета является актуальным и сегодня.

Трагедия обладает широким проблемно-тематическим спектром, оригинальным развитием мысли и интригующей композицией. Пьеса является предметом изучением многих ученых: Д. И. Дроздовский, Л. В. Коломиец, В. П. Комарова, Р. Д. Лейнг, Б. Р. Напцок и другие.

Цель статьи проанализировать особенности воссоздания образа Макбета в переводческой интерпретации Бориса Тена.

Перевод трагедии «Макбет» представляет интерес не только с точки зрения стилистической структуры перевода, но и с точки зрения концептуальных основ воссоздания шекспировских образов. Так, традиционная сценическая версия Макбета как «гения зла» не очень подходит к тому образу нерешительного, но якобы вынужденного все время подчиняться какой-то внешней силе человека, живущего в переводе.

Согласно переводческой интерпретации, трагическая судьба шекспировского Макбета созвучна исторической судьбе человека духовного героизма, преданного и честного защитника короны, который стал жертвой собственного преступления и порожденного этим преступлением комплекса страха и возмущенной совести. Убив своего благодетеля, он приблизил свою физическую смерть – справедливую расправу. Но хуже всего то, что он получил отрицательный опыт смерти, поднял его ясное самосознание, вознзв его в темные лабиринты духовного маразма.

Не случайно выбирает У. Шекспир вересковые пустоши для сюжетной завязки и развязки в трагедии «Макбет». Если Дж. Коун (J. Coone) в предисловии к шекспировской трагедии «Макбет» подчеркивает, что действие происходит *on an open moor*, то есть «на безлесье вереска», то у украинского читателя должна появиться соответствующая ассоциация – пусть хотя бы с Прикарпатскими холмам.

К сожалению, в переводе сема «вереск» заменяется обобщающим «пустыр», «пустельна місцевість» лишенной шотландской топонимии: «*A heath. Thunder. / Enter the three Witches*» [9]. – «*Пустыр. Лунає грім. / Входять три відьми*» [5, С. 348]

Именно там и начинается действие трагедии о Макбете, именно там шотландским воинам-героям Макбету и Банко показываются ведьмы, пророчество которых оборачивается для них жизненной трагедией.

В начале пьесы Макбет предстает как храбрый и благородный герой, и Дункан называет его «*valiant cousin*» («доблестный кузен») and «*worthy gentleman*» («достойный муж»). Он – герой, который вернулся с войны, добрый человек, рискуя своей жизнью, защищал Шотландию.

Но и как вся атмосфера пьесы, характер Макбета становится «*foul and fair*» («найстрашніший і найкращий»). Макбет – амбициозный, жаждет власти. Безусловно, он думает о шансе заполучить трон согласно законам Шотландии, он может быть избранным как наследник Дункана. Макбет сдерживается от насилия, необходимого, чтоб заполучить трон и готов проявить терпение и подождать: «*If Chance will have me King, why, / Chance may crown me, Without my stir*» [9]. – «Нехай, вінець пообіцявши, доля / Сама мене й вінчає» [5, С. 353]. Борис Тен слово «*Chance*» (словарь подает такие значения: «випадок; випадковість, ризик, удача, щастя; можливість, ймовірність, шанс» [6])

переводит как «доля», что эксплицитно показывает взаимодействие Макбета с окружающим миром, его деятельную или бездейственную позицию ко всему, что происходит с ним или с теми, кто вокруг него. Судьба (доля) является сложным и многогранным концептом, который стихийно формируется в сознании людей и поддерживается чувством того, что «движение жизни зависит или не зависит от кого-нибудь» [1, С. 619].

Разумеется, что Макбет знает, к чему приводит акт убийства. Это борьба здравого смысла, совести, которая и является ведущей темой в трагедии. Рационализм совести проявляется через эмоции и негодование ума. Феноменология совести Макбета служит внутренним объектом. Совесть – неотъемлемая часть человеческой природы, она не имеет физического проявления, поэтому Тан Кавдорский ставит под сомнение свои чувства, и не может найти причины этому. Макбет не может отличить, что есть правильным, а что нет: «*This supernatural soliciting cannot be ill; cannot be good. / If ill, Why hath it given me earnest of success, / Commencing in a truth? / I am Thane of Cawdor. / If good, why do I yield to that suggestion / Whose horrid image doth unfix my hair / And make my seated heart knock at my ribs, / Against the use of nature?*» [9]. – «Ні злом не може бути, ні добром / Ця заохота надприродна. / Справді, Якщо це зло, чом з успіху воно / І з правди почалося, – / Я ж тан кавдорський! / Якщо добро, чого ж від дум жахливих / На голові встає волосся дибом / **І серце мов скажене в ребра б'є** Наперекір природі?» [5, С. 352]. Борис Тен фразу *make my seated heart knock at my ribs* интерпретирует как *серце мов скажене в ребра б'є*, т.е. происходит аналогия сердца с хищником, что и выражает тяжелое и угнетающее состояние.

И когда убийство исполнено, вина ударила по совести Макбета: он возвращается с камеры царя потрясенным от ужаса. Увидев окровавленный кинжал – услышал крик и стук. Эти галлюцинации являются результатом измученного ума и проявлением безумства, что позже сделает его более смелым. Безумство – лишь результат неконтролируемых амбиций, стимулированных сильным желанием к безграничности. Стремление к власти, свободе, безопасности, которое можно отыскать за гранями морали (добра и зла).

Одержимость Макбета кровью и чувством вины является чувством опасности, от которого он не может избавиться. Пятна крови на кинжале – золотая кровь Дункана, которая является жизнью, вытекающая из тела. Кроме того, Макбет обеспокоен тем, что пятна крови на его руках, и задается вопросом и отвечает на него: «*Will all great Neptune's ocean wash this blood / Clean from my hand? No, this my hand will rather / The multitudinous seas in incarnadine, / Making the green one red*» [9]. – «Чи змиє весь Нептунів океан / Безвинну кров з цих рук? / **Скоріш зелена Морська глибін від дотику цих рук / Почервоніє**» [5, С. 353].

Борис Тен фразу «*The multitudinous seas in incarnadine, / Making the green one red*» переводит более конкретизирующей семантикой «Скоріш зелена Морська глибін від дотику цих рук / Почервоніє». Глагол «*почервоніє*» полностью передает глубину преступления («*incarnadine*» и «*red*»). У Merriam-Webster Dictionary, «*incarnadine*» объясняется как «to make the color of flesh, although it's more commonly used to mean «to redden» [8, С. 628]). Макбет пытается очистить свое преступление, но кровь навсегда запятнала его образ.

Таким образом, Макбет выбирает свой путь преступления и убийства, а потом сходит с ума. Фраза «*fair is foul and foul is fair*» [9]. – «Є зло в добрі, добро у злі» [5, С. 346] – добро для него всегда будет разрушительным. Р. Д. Лейнг (Laing) отмечает, что такой «человек... живет в своем собственном мире» [7, С. 120]. Действительно, Макбет начинает жить в своем мире: он удерживается от контакта с людьми, чтобы не быть под угрозой как король. И он понимает, что «... *lived long enough: my way of life Is fall'n into the sere, the yellow leaf; / And that which should accompany old age, / As honour, love, obedience, troops of friends, / I must not look to have*» [9]. – *Пожив я досить. Шлях мого життя / Вже стелеться сухим, пожовклим листям. / Того ж, що прикрашає нашу старість, – / Любові, шани, друзів, – я не маю* [5, С. 407].

Действие трагедии окутано темнотой и туманом, мы не можем разобраться в стремительности действий, поскольку находимся в таинственном пространстве символов. Тьма, будто естественная середина Макбетов, их адское желание. Макбет боится света по очевидным причинам: «*Stars, hide your fires; / Let not light see my black and deep desires*» [9]. – «О зорі, в душу не світить мою – **Глибокий, чорний** замір я таю» [5, С. 355]. Он в темноте видит гарантию безопасности «*Come, seeling night, / Scarf up the tender eye of pitiful day, / And with thy bloody and invisible hand / Cancel and tear to pieces that great bond / Which keeps me pale*» [Shakespeare]. – «**Сновійна ніче, / Дню благосному очі зав'яжи / Й кривавою, незримою рукою / Скинь і порви доценту ланцюги, / Що в'яжуть дух мій**» [5, С. 379].

Благодаря таким метафорическим эпитетам, переводчик передает мировосприятие и предчувствие неминуемого будущего, а удачный подбор цветовой гаммы *чорний, темне, кривавий* усиливает трагизм ситуации и душевного состояния. Но все же Макбета охватывает страх: «*Сон кволить денні добрі поривання, / Злі сили ночі йдуть на полювання. / Тобі це дивно? Та побудьмо тихо; / Хто злом почав, той кличе й далі лихо*» [5, С. 379]. Эти фразеологические метафоры придают образу чрезвычайную силу внутреннего напряжения, максимального, обостренного авторского чувства, и обозначается всеобъемлющим освещением трагизма.

Теперь Макбет в полном духовном отчаянии, уверенный в безнадежной жизни. Считает, что темнота наполняет жизнь: «*Life's but a walking shadow, a poor player / that struts and frets his hour upon the stage / And then is heard no more. It is a tale / Told by an idiot, full of sound and fury, / Signifying nothing*» [9]. – *Життя – рухлива тінь, актор на сцені. / Пограв, побігав, погаласував / Свою часину – та й пропав. Воно – / Це дурня казка, вся зі слів гучних / І геть безглузда* [5, С. 382].

Благодаря денотативно-образным эпитетным аналогам (воспроизведение контекстуальной основы, на фоне которого и вырисовывается образ), переводчик смог уловить, как в смысловой структуре определения происходит смещение акцентов в сторону ассоциативных, экспрессивных эмоциональных, оценочных компонентов, и передать аксиологическую и когнитивную сущность трагического: отражены крах надежд и жизненных идеалов героя.

Таким образом, образ Макбета в переводческой интерпретации Бориса Тена характеризуется экспрессивной формой, создает эффект непосредственной причастности переводчика к сценическому воздействию и его внутренней связи с говорящими в пьесе. Он красноречиво и откровенно, а иногда строго интерпретирует

атмосферу ужаса и таинственные силы, которые контролируют слова и поступки в трагедии. Борис Тен искусно отражает конфликт Макбета с совестью, его психологическое состояние, процесс его трагического признания. Также переводчик здесь – не только непосредственный участник сценических событий, сколько мастер сложных шахматных композиций, который из определенного расстояния взвешивает оптимальные решения, подбирая подходящие фигуры.

Список литературы / References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Архипова Л. Переклад як інтерпретація / Л. Архипова // Записки перекладацької майстерні 2000-2001. – Львів : Простір-М, 2002. – Т. 3. – С. 19-48.
3. Іларіон Митрополит. Дохристиянські вірування українського народу : історично-релігійна монографія / Мит. Іларіон. – К. : «Обереги», 1994. – 424 с.
4. Напцок Б. Р. Готические образы в трагедии У. Шекспира «Макбет» [Электронный ресурс] / Б. Р. Напцок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/goticheskie-obrazy-v-tragedii-u-shekspira-makbet> (дата обращения 25.09.2016)
5. Шекспір В. Твори в шести томах. Том 5. [переклад з англійської] / В. Шекспір. – К. : «Дніпро», 1984. – 534 с.
6. ABBY LINGVO 12 [Electronic Resource]. – URL : <http://www.lingvo.ua/ru> (дата обращения 22.08.2016)
7. Laing R. D. The Divided Self : An Existential Study in Sanity and Madness / R. D. Laing. – Harmondsworth, Middlesex : Penguin Books, 1990. – 221 p.
8. Mish F. C. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Eleventh Edition / F. C. Mish. – Massachussets : Merriam-Webster Inc., 2003. – 628 p.
9. Shakespeare W. Tragedy of Macbeth / W. Shakespeare [Electronic Resource]. – URL : <http://shakespeare.mit.edu/macbeth/full.html> (дата обращения 20.08.2016)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [The language and world of human] / N. D. Arutjunova. – M. : Jazyki russkoy kul'tury, 1999. – 896 P. [in Russian]
2. Arhypova L. Pereklad jak interpretacija [Translation as interpretation] / L. Arhypova // Zapysky perekladac'koy maysterni 2000-2001 [Journal of translation's works]. – L'viv : Prostir-M, 2002. – V. 3. – P. 19-48. [in Ukrainian]
3. Ilarion Mytropolit Dohrystujans'ki viruvannja ukrains'kogo narodu : istorychne-religiina monographija [Pre-Christian belief of Ukrainians : historical and religious monograph] / Ilarion Mytropolit. – K. : «Oberegy», 1994. – 424 p. [in Ukrainian]
4. Napcok B. R. Goticheskie obrazy v tragedii U. Shekspira "Makbet" [Gothic images in W. Shakespeares tragedy "Macbeth"] [Electronic Resource] / B. R. Napcok // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvenogo universiteta. Serija 2 : Filologija i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2. Philology and Study of Art]. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/goticheskie-obrazy-v-tragedii-u-shekspira-makbet> (accessed: 25.09.2016) [in Russian]
5. Shakespeare W. Tvory v shesty tomach. Tom 5. [The works in six volumes. Volume 5] [pereklad z angliys'koi][translation from English] / W. Shakespeare. – K. : «Dnipro», 1984. – 534 p. [in Ukrainian]
6. ABBY LINGVO 12 [Electronic Resource]. – URL : <http://www.lingvo.ua/ru> (accessed: 22.08.2016)
7. Laing R. D. The Divided Self : An Existential Study in Sanity and Madness / R. D. Laing. – Harmondsworth, Middlesex : Penguin Books, 1990. – 221 p.
8. Mish F. C. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Eleventh Edition. / F. C. Mish. – Massachussets : Merriam-Webster Inc., 2003. – 628 p.
9. Shakespeare W. Tragedy of Macbeth / W. Shakespeare [Electronic Resource]. – URL : <http://shakespeare.mit.edu/macbeth/full.html> (accessed: 20.08.2016)

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.113>Бондаренко Е.В.¹, Ширлина Е.Н.²¹ORCID: 0000-0001-7909-2910, Доктор филологических наук,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет

СЕМАНТИКА НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОГОВ

Аннотация

В статье приведены различные взгляды на семантику немецких предлогов. Представлены аргументы в пользу наличия у предлогов самостоятельного обобщённого лексико-грамматического значения, тесным образом связанного с семантикой левых и правых актантов. Описана важная роль семантики предложного компонента в формировании лексического значения устойчивых предложно-именных конструкций. Постулируется наличие у предлогов собственное лексико-грамматическое значение даже в связанном употреблении – в качестве элемента глагольного и именного управления, а также в качестве предложного компонента устойчивых предложно-именных сочетаний.

Ключевые слова: семантика, прототипическое значение, семный анализ, устойчивые предложно-именные сочетания, нейтральные предлоги, перспективное значение.

Bondarenko E.V.¹, Shirlina E.N.²¹ORCID: 0000-0001-7909-2910, PhD in Philology,

Belgorod State National Research University,

²Belgorod State National Research University

SEMANTICS OF GERMAN PREPOSITIONS

Abstract

The paper provides different views on the semantics of German prepositions. Arguments are presented in favor of the existence of prepositions of an independent generalized lexical and grammatical meaning, closely related to the semantics of left and right actants. The important role of semantics of the prepositional component in the formation of the lexical meaning of stable prepositional and nominal constructions is described. It is postulated that prepositions have their own lexical and grammatical meaning, even in related use - as an element of verbal and nominal control, and also as a prepositional component of stable prepositional and nominal combinations.

Keywords: semantics, prototypical meaning, seminal analysis, stable prepositional and nominal combinations, neutral prepositions, prospective significance.

Учёные не могут прийти к единому мнению относительно семантики предлогов. Сложность заключается в том, что предлог нельзя рассматривать изолированно от его правого и левого актантов, поскольку он призван выражать различные отношения и соответственно не может употребляться без знаменательных слов. Само значение предлога предполагает его функционирование в составе единиц более высокого уровня, например, в словосочетании.

Так, Д. Фивегер и его сторонники относят предлоги к элементам лексического состава языка, но говорят об их двухместных (zweistellig) семах (то есть реляционных, термин «двухместный» употребляется по отношению к валентности слова), которые выражают отношения между предметами (индивидами), фактами, свойствами предметов объективной реальности [8, С. 198]. Противоположная точка зрения представлена в лингвopsихологических исследованиях. В частности, А. А. Леонтьев отмечает, что люди, не знакомые с теорией грамматики родного языка, никогда не рассматривают слова, относящиеся к синсемантичным частям речи, как самостоятельные лексические единицы [5, С. 263].

Мы разделяем мнение исследователей, которые считают, что предлоги, наряду с грамматическим, наделены и лексическим значением, которое реализуется в сочетании предлогов с полнозначными словами других частей речи. Доказательством наличия у предлогов собственного лексического значения могут служить:

1. Явная семантическая оппозиция, которая наблюдается при замене одних пространственных предлогов другими: *in/ neben/ vor/ hinter dem Auto*, а также при замене предлогов в некоторых лексикализованных глагольных сочетаниях: *sich freuen über/ auf/ an* [6, С. 42].

2. Существование связи между семантическими признаками имени существительного и значением предлога, например, *auf dem Speicher* (вверху), но *im Keller* (внизу) [3, С. 118].

3. Способность быть извлечёнными из памяти вне определённого контекста [7, С. 30].

Однако необходимо отметить особый характер лексического значения предлогов. Семантика предлогов определяется двусторонней связью между предлогом и именем существительным. Иными словами, имя существительное определяет характер отношения, выражаемого предлогом. Но и предлог задаёт характер отношения на основе своего обобщённого лексического значения. Например, в устойчивом предложно-именном сочетании *im Gefolge*: *in* – пространственный предлог > пространственные отношения > пространственно-временная метафора > временные отношения > сочетание с темпоральным значением.

Степень обобщённости значения предлогов можно выявить с помощью замены:

1. Предлог не заменяем (*er träumt von einem großen Sieg*) – максимально обобщённое, немотивированное значение предлога в связанном употреблении.

2. Предлог можно заменить ограниченным числом других предлогов, при этом фраза не меняет своего значения (*er erzählt über, von*) – менее обобщённое значение предлога в связанном употреблении.

3. Предлог можно заменить ограниченным числом других предлогов, при этом возникают различия в значении (*er freut sich über, an Dat., auf*) – максимально конкретное значение предлога в связанном употреблении.

4. Предлог можно заменить большим числом других предлогов, при этом меняется значение фразы (auf/neben/unter и т.д. dem Tisch) – максимально конкретное значение предлога в свободном употреблении, является контекстуально обусловленным.

Если вопрос о наличии у предлогов собственного лексического значения наряду с грамматическим сегодня практически ни у кого не вызывает сомнений, то два других вопроса до сих пор остаются предметом спора: вопрос об исходном (прототипическом) значении предлогов и вопрос о характере связи между отдельными значениями первообразных многозначных предлогов.

Согласно В.В. Виноградову и А.М. Пешковскому, переносные значения предлогов могут возникнуть только на базе пространственных значений. Эта точка зрения подтверждается выводами исторического языкознания, согласно которым первые предлоги образованы от локальных наречий. Однако следует отметить, что в настоящее время во многих исследованиях по семантике предлогов отсутствует идея о том, что значения всех первообразных предлогов имеют в своей основе пространственное значение [1].

Вопрос о том, имеют ли первообразные предлоги множество значений или речь идёт об омонимичных предлогах, пока остаётся предметом дискуссий.

В «Исследованиях по семантике предлогов» (2000) постулируются две основные семантические структуры предлогов:

1. Имеющие в своей основе единую семантическую схему, которая заполняется разным содержанием (например, пространственными, временными или причинными отношениями).
2. Объединённые преобразованиями исходного (прототипического) значения [1, С. 10].

В грамматике Г. Велльмана под прототипическим значением предлога понимаются признаки, отличающие его от других предлогов, употребляющихся с определёнными семантическими категориями глаголов [9, С. 338-339]. Например, одно из значений предлога *an* задаёт вид глагола: *sie schreibt ein Buch* (завершённое действие) – *sie schreibt an einem Buch* (незавершённое действие) [9, С. 339].

Заслуживает внимания и метод семного анализа. Г. Бартелес и Б. Тарнов отмечают, что большинство слов служебных частей речи можно разложить на морфемы или соотнести с морфемами. В некоторых случаях их можно отнести к лексемам. Кроме того, они имеют классему, которая в значительной мере определяет их характерные признаки [2, С. 88].

Анализируя конструкции типа *in Form*, *auf Grund*, *mit Hilfe*, авторы разбирают их на отдельные морфемы. Это возможно благодаря сохранению родства со свободными сочетаниями, из которых они возникли. Формальные признаки такого родства налицо (одинаковая последовательность графем), однако необходимо проверить, есть ли сходство в семантике. Авторы делают это с помощью семантического описания (одинаковые семы выделены) [2, С. 68].

in Form: spezifizierend; vergleichend; gleichsetzend

in: spezifizierend; einschließend

Form, die: äußere plastische Gestalt mit bestimmten Umrissen, in der etwas erscheint.

Анализ показал, что можно выделить морфемы /in/ и /form/, которые имеют общую сему, а, следовательно, сочетание полностью разложимо на морфемы и относится к словарному запасу как новая лексическая единица, возникшая в результате объединения семантики предложного и именного компонентов сочетания [2, С. 68].

Так как привести все значения даже одного предлога к общему знаменателю очень сложно, в настоящее время от поисков исходного значения отказались и сосредоточились на описании признаков, которые позволяют отличить отдельные предлоги друг от друга (В. Фляйшер, 1982; Г. Бартельс, 1980; Й. Шрёдер, 1976, 1978, 1986).

Наличие у предлогов обобщённого лексико-грамматического значения позволяет объединить их в группы с локальной, темпоральной, модальной, каузальной и реляционной семантикой. Грамматика Дудена наряду с предлогами, относящимися к данным группам, выделяет также нейтральные, или пустые, предлоги, которые употребляются с определёнными глаголами, именами существительными и прилагательными, требующими предложного управления, а также в составе аналитических глагольно-именных конструкций [4, С. 606]. Однако термин «нейтральный (пустой) предлог» представляется спорным в свете исследований, доказывающих сохранение у предлогов обобщённого лексического значения даже в связанном употреблении. Примером могут служить значения предлога *auf* в функции глагольной частицы: 1) основа, базис (*bestehen auf*, *beruhen auf*, *basieren auf*, *füßen auf* и др.); 2) перспективность (*sich freuen auf*, *absehen auf*, *warten auf* и др.); 3) конечная точка направления (*weisen auf*, *anspielen auf* и др.); 4) конечная точка перехода, изменения (*überweisen auf*, *umsatteln auf*, *umsteigen auf*, *übergehen auf*, *übertragen auf* и др.); 5) объект чувства, эмоции (*schimpfen auf*, *neidisch auf*; *Wut auf* и др.); 6) следствие (*reagieren auf*, *antworten auf*, *eingehen auf* и др.); 7) мера (*verlängern auf*, *schätzen auf*, *sich beschränken auf* и др.) [3, С. 93-108].

Каузальные сочетания с предлогом *auf* и существительными, обозначающими действие, на которое возможна реакция, также можно считать доказательством сохранения предлогом относительной семантической самостоятельности. *Auf Bestellung*, *auf Befehl*, *auf Anraten*, *auf Wunsch*, *auf diese Nachricht hin*, *auf dieses Inserat hin*, *auf Anfrage*, *auf Bitten*, *auf ihre störrischen Blicke hin* и другие аналогичные сочетания имеют значение следования одного действия за другим (*Nachzeitigkeit*) в отличие от сходного по значению предлога *wegen*, который в большей степени реализует каузативное значение. Такие конструкции имеют перспективный характер – нацеленность на будущее, нередко имеют при себе также перспективную частицу *hin* [3, С. 83]. Таким образом, значение данной модели – следование одного действия за другим, каузальность, перспективность. Кроме того, в ПриС данной группы предлог *auf* сохраняет значение основы (в данном случае основы, мотива действия) [3, С. 84].

Список литературы / References

1. Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М: Русские словари, 2000. – 376 с.
2. Barteles G., Tarnow B. Von á bis zwischen. Das Beziehungswort der deutschen Gegenwartssprache / G. Barteles, B. Tarnow // Sprache. System und Tätigkeit. Band 9.– Frankfurt am Main usw.: Peter Lang, 1993. – 344 S.

3. Bouillon H. Zur deutschen Präposition „auf“ / H. Bouillon. – Tübingen: Gunter Narr Verlag (Studien zur deutschen Grammatik 23), 1984. – 154 S.
4. Duden. Die Grammatik. Hrsg. von der Dudenredaktion. 8., überarbeitete Auflage. – Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009. – 1344 S.
5. Leont'ev A. A. Psycholinguistische Einheiten und Erzeugung sprachlicher Äußerungen / A. A. Leont'ev. – Berlin, 1975. – 205 S.
6. Romare E. Präpositionen und Präpositionalisierungsprozesse. Der räumliche Bereich im Alt- und Mittelniederdeutschen / E. Romare. – Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2004. – 334 S.
7. Schröder J. Deutsche Präpositionen im Sprachvergleich / J. Schröder. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1987. – 164 S.
8. Viehweger D., und Kollektiv. Probleme der semantischen Analyse / D. Viehweger. – Berlin (= studia grammatica XV), 1977. – 405 S.
9. Wellmann H. Satzmuster mit Präpositionalverben. In: Breuer, U./ Hyvärinen / H. Wellmann // Wörter – Verbindungen. Festschrift für Jarmo Korhonen zum 60. Geburtstag. – Frankfurt/M.: Peter Lang, 2006. – S. 333-344.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Issledovaniya po semantike predlogov [The studies of semantics of prepositions] // Sbornik nauchnykh trudov [Collection of scientific works]. – 2000. 376 P. [in Russian]
2. Barteles G., Tarnow B. Von á bis zwischen. Das Beziehungswort der deutschen Gegenwartssprache “[From á to zwischen. Prepositions of the modern German language] / G. Barteles, B. Tarnow // Sprache, System und Tätigkeit. Band 9 [Language, system and activity. V. 9]. – Frankfurt am Main usw.: Peter Lang, 1993. – 344 P. [in German]
3. Bouillon H. Zur deutschen Präposition „auf“ [About the German preposition “auf”] / H. Bouillon. – Tübingen: Gunter Narr Verlag (Studien zur deutschen Grammatik 23) “[Studies of German grammar 23]. – 1984. – 154 P. [in German]
4. Duden. Die Grammatik [The grammar]. – Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009. – 1344 P. [in German]
5. Leont'ev A. A. Psycholinguistische Einheiten und Erzeugung sprachlicher Äußerungen [Psycholinguistic units and production of language expressions / A.A. Leont'ev. – Berlin, 1975. – 205 P. [in German]
6. Romare E. Präpositionen und Präpositionalisierungsprozesse. Der räumliche Bereich im Alt- und Mittelniederdeutschen [Prepositions and prepositionalisation. The special sphere in Old German and Middle Low German] / E. Romare. – Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2004. – 334 P. [in German]
7. Schröder J. Deutsche Präpositionen im Sprachvergleich [German prepositions in linguistic comparison] / J. Schröder. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1987. – 164 P. [in German]
8. Viehweger D. Probleme der semantischen Analyse [Problems of the semantic analysis] / D. Viehweger. – Berlin (= studia grammatica XV), 1977. – 405 P. [in German]
9. Wellmann H. Satzmuster mit Präpositionalverben [Pattern of sentences with prepositional verbs] / H. Wellmann // Wörter – Verbindungen. Festschrift für Jarmo Korhonen zum 60. Geburtstag [Words – constructions. Anniversary additions for Jarmo Korhonen in honour of 60th anniversary]. – Frankfurt/M.: Peter Lang, 2006. – P. 333-344.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.045>

Ваулина С.С.¹, Булатая Е.В.²

¹ORCID: 0000-0001-7109-2836, Доктор филологических наук,

²ORCID: 0000-0001-7948-5108, Аспирант,

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

ТЕКСТОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ИРОНИИ КАК КОМПОНЕНТА АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

Аннотация

В статье на материале произведений Н.В. Гоголя рассматривается ирония как форма представления неявной авторской оценки в семантическом поле авторской модальности. Анализируются текстовые средства экспликации иронии, устанавливается специфика и механизмы их функционирования в художественных текстах писателя. Выявляются формы реализации иронической оценки, обусловленной прагматической интенцией автора.

Ключевые слова: авторская модальность, неявная оценка, ирония, текстовые средства экспликации иронии, художественный текст.

Vaulina S.S.¹, Bulataya E.V.²

¹ORCID: 0000-0001-7109-2836, PhD in Philology,

²ORCID: 0000-0001-7948-5108, Postgraduate student,

Immanuel Kant Baltic Federal University

TEXTUAL MEANS OF EXPLICATING IRONY AS A COMPONENT OF AUTHOR'S MODALITY IN N.V. GOGOL'S WORKS

Abstract

The article considers irony as a form of representing author's implicit evaluation in the semantic field of the author's modality based on the materials of N.V. Gogol's works. Textual means of explicating irony are analyzed; the specificity and mechanisms of their functioning in the writer's literary texts are established. Forms of realizing ironic evaluation caused by the author's pragmatic intention are discussed in the paper.

Keywords: author's modality, implicit evaluation, irony, textual means of explicating irony, literary text.

Изучение иронии как формы представления имплицитной оценки в художественном тексте относится к одному из важнейших аспектов исследования данной категории в современной лингвистике. Характеризуясь смысловой неоднозначностью и наличием эмоционально-оценочного компонента, ирония является составной частью авторской модальности, «отражающей и реализующей в художественном произведении проекцию картины мира личности автора и его ценностные установки, воплощенные в индивидуальной языковой системе писателя» [2, С. 151]. Как справедливо отмечает С.И. Походня, «создание иронического смысла обусловлено интенцией автора выразить свое отношение к действительности косвенным, опосредованным путем; отстраниться от изображаемой ситуации, взглянуть на нее со стороны, т. е. оценить ситуацию, фактически, формально не делая этого» [13, С. 115]. В этой связи следует указать, что ирония является способом выражения превосходства ироника над ироническим адресатом с целью воздействия на него. «Иронизировать по поводу чего-либо, – замечает Э.М. Хабибьярова, – значит не признавать претензии на абсолютную значимость этого чего-либо, иметь другую систему ценностей, первая из которых воспринимается как относительная, т. е. являющаяся объектом иронии» [14, С. 237]. При этом вполне закономерно, что ирония возникает «в переломные моменты истории, когда она становится и позицией, позволяющей дистанцироваться от деструктивной действительности, и острым разящим оружием, и средством самозащиты, и инструментом постижения истины» [8, С. 3].

Интерпретация иронического смысла в художественном тексте непосредственно связана с декодированием маркеров (сигналов, индикаторов) иронии, раскрывающих смысловую дисгармонизацию, несоответствие в контексте и стимулирующих к выявлению имплицитного смысла. Однако следует указать на сложность данного когнитивного процесса, обусловленную, прежде всего, тем, что «в нем участвуют авторское и читательское когнитивные пространства, которые соединены вербальной формой текстового пространства» [3, С. 16].

Ввиду того, что ирония, реализуясь в ткани художественного текста через авторское слово, представляет собой «продукт авторский, выявляющий особенности лингвистической личности создателя текста» [12, с. 83], вполне очевидно, что иронический смысл актуализируется автором произведения особым, характерным только его художественной манере повествования способом, связанным с использованием определенных маркеров. Принимая во внимание тот факт, что ирония не имеет строго закрепленных и закономерно повторяющихся средств выражения, мы, вслед за С.И. Походней, А.И. Дыриным, О.Я. Палкевич, О.А. Королевой, Ю.В. Каменской и другими исследователями, классифицируем данные средства в соответствии с их соотносительностью с различными языковыми уровнями. Особую значимость в комплексе средств экспликации иронии в произведениях одного из крупнейших классиков русской литературы Н.В. Гоголя приобретают текстовые средства, специфика которых заключается «в усложнении противопоставления: в тексте возникают более сложные ассоциативные связи слова, словосочетания, предложения с контекстной ситуацией в целом» [7, С. 15].

В группе текстовых средств экспликации иронии в анализируемых произведениях нами были выделены интертекстуальные включения, авторские отступления и комментарии, общетекстовые повторы, гротеск, а также случаи сочетания текстовых средств со средствами других уровней.

Наиболее частотным актуализатором иронии на текстовом уровне выступает интертекстуальность – «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1, С. 71–72], – обеспечивающая формирование у читателя сложного образа, созданного писателем в художественном произведении посредством «чужих слов». В качестве интертекстуальных включений выступают, как правило, прецедентные феномены, значимые тексты, что в свою очередь «определяет специфику трансляции смыслов посредством культурных кодов и углубляет когнитивный потенциал читателя» [9, С. 54]. Механизм актуализации иронического смысла посредством интертекстуальных включений связан как с особенностями содержания цитируемого текста, так и спецификой использования его в новом контексте как вторичного текста, в результате чего возникает так называемый диссонанс. Например: «Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем. Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: *«Законы осуждают»*. Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!» [6, С. 222]. Иронический эффект в приведенном отрывке из комедии «Ревизор» достигается с помощью включения в текст цитаты и аллюзии на произведения Н.В. Карамзина. Во-первых, ироническому переосмыслению подвергается первая строка песни из повести «Остров Борнгольм» Н.В. Карамзина *законы осуждают*, апеллирующая к верности и настоящей любви. Однако интенция автора прототекста не сохраняется в цитирующем тексте: цитата получает оттенок неодобрения при употреблении ее в контексте гоголевской комедии в качестве слов Хлестакова, что служит иронической характеристике никчемной личности персонажа, не способного на высокие чувства. Во-вторых, писатель вскрывает напыщенность слов Хлестакова *мы удалимся под сень струй*, которые, по сути, не имеют смысла (автор соединяет разные образы, типичные для поэтики карамзинского периода – «речные струи» и «древесная сень») [15, С. 458]. Это является аллюзией как на романтическую лирику Н.В. Карамзина, так и весь сентиментальный стиль литературы второй половины XVIII века.

Достаточно частотным маркером иронии выступают авторские отступления и комментарии, являющиеся сигналами непосредственного присутствия в художественном тексте авторского слова, в котором отражаются мысли и переживания писателя относительно проблем, освещаемых в произведении. Как правило, процесс реализации иронического смысла с помощью авторских отступлений и комментариев опосредован использованием различных взаимодополняющих механизмов. Например: «Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор *благословения к тем спасительным пользам*, которые приносит французский язык России, как ни исполнен *благословения к похвальному обычаю нашего высшего общества*, изыскавшегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» [5, с. 219]. Дисгармоничность внешнего содержания и внутреннего смысла в приведенном контексте создается ироническим переосмыслением семантики фраз, отражающих внешне положительное отношение автора к использованию представителями высшего общества в их речи многочисленных французских слов.

Иронический эффект достигается и посредством включения в речь автора книжных слов высокого стиля *благоговение* «глубочайшее почтение» [11, С. 49], *отчизна*, а также употреблением вводного слова *конечно* с модальным значением уверенности («само собой разумеется, без сомнения» [11, С. 290]), создающего в данном контексте насмешливо-ироническую тональность.

Менее частотным, но достаточно репрезентативным средством выражения иронии являются общетекстовые повторы, используемые автором на протяжении всего произведения или во многих его сегментах, при этом повторяющийся элемент функционирует в различных ситуациях, «оттеняя» создаваемые образы с различных сторон. Например, благодаря многократному лексическому повтору топонима *Невский проспект* в противоположных ситуациях возникает иронический смысл, пронизывающий все произведение. Приведем наиболее яркие примеры употребления повторяющегося элемента: «Нет ничего лучше *Невского проспекта*, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все» [6, С. 3]; «Все, что вы ни встретите на *Невском проспекте*, все исполнено приличия: ...» [6, С. 5]; «Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на *Невском проспекте*» [6, С. 6]; «О, не верьте *этому Невскому проспекту!* <...> Он лжет во всякое время, *этот Невский проспект*, ...» [6, С. 35]. Отметим, что в начале повести повторяющееся имя собственное *Невский проспект* имеет положительные коннотации, в конце произведения – отрицательные. Об этом свидетельствует как семантическое наполнение предложений, так и употребление в двух последних примерах повтора указательного местоимения *этот*, которое сигнализирует о неодобрительном отношении писателя к изображаемому проспекту, а ироническая оценка автора получает оттенок сожаления.

Гротеск мы рассматриваем как средство экспликации иронии на текстовом уровне, поскольку в стиле Н.В. Гоголя данный маркер способствует формированию глубинной идеи произведений и, представляя индивидуальный художественный метод писателя, используется намеренно, чтобы показать «алогизм социальной жизни и нарушение в ней нравственных истин» [10, С. 13]. Например, в повести «Нос» писатель иронизирует по поводу абсурдной ситуации с пропажей носа, которая воспринимается чиновниками Петербурга как обыкновенное явление: «Чиновник задумался, что означали крепко сжавшиеся его губы. – Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах, – сказал он наконец после долгого молчания. – Как? отчего? – Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то... <...> А вот на прошлой неделе такой же был случай. Пришел чиновник таким же образом, как вы теперь пришли, принес записку, денег по расчету пришлось два рубля семьдесят три копейки, и все объявление состояло в том, что сбежал пудель черной шерсти» [6, С. 46]; «Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал ... что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам» [6, С. 49]; «Вошел полицейский чиновник красивой наружности ... тот самый, который в начале повести стоял в конце Исакиевского моста. – Вы изволили затерять нос свой?» [6, С. 51]. Как видно из приведенного отрывка, случившееся не вызывает удивления ни у чиновника из газетной экспедиции, ни у частного пристава, ни у полицейского, к которым обращается за помощью пострадавший герой. Посредством создания фантастического сюжета писатель раскрывает нелепую форму организации реального общества, и авторская ирония здесь приобретает характер язвительной насмешки.

Сочетание текстовых средств экспликации иронии со средствами других уровней языка обеспечивает комплексную реализацию иронического эффекта в произведениях. Весьма продуктивными в этом плане выступают взаимодействие текстовых средств с синтаксическими в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Например: «Поступи Иван Никифорович не таким образом, скажи он птица, а не гусак, еще бы можно было поправить. Но – все кончено! Он бросил на Ивана Никифоровича взгляд – и какой взгляд! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то он обратил бы в прах Ивана Никифоровича. Гости поняли этот взгляд и поспешили сами разлучить их. И этот человек, образец кротости, который ни одну нищую не пропускал, чтоб не расспросить ее, выбежал в ужасном бешенстве. *Такие сильные бури производят страсти!*» [4, С. 344]. Синтаксический экспликатор иронии в форме восклицательного предложения, входящий в состав приведенного авторского отступления, подчеркивает нелепость причины ссоры, возникшей между бывшими друзьями-помещиками, – и усиливает эффект понимания ничтожности их жизненных интересов.

Таким образом, как показал анализ текстовых средств выражения иронии в произведениях Н.В. Гоголя, функционирование данных средств, определяющееся важностью их роли в формировании сложных смысловых связей между элементами художественного текста, способствует реализации авторской модальности, раскрывающей ценностные установки и интенции писателя.

Список литературы / References

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Ваулина С.С., Коковина Л.В. Проблема передачи авторской модальности при переводе художественного текста (на примере переводов поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык) // *Tekst jako kultura. Kultura jako tekst*. Т. 2. – Gdańsk: Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, 2016. – С. 151 – 162.
3. Воробьева К.А. «Авторская ирония» и «ирония от персонажей» в рассказах О. Генри // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26. – С. 16 – 21.
4. Гоголь Н.В. Вечера близ Диканьки; Миргород. – Минск: Народная асвета, 1980. – 351 с.
5. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: Художественная литература, 1972. – 415 с.
6. Гоголь Н.В. Повести. Драматические произведения. – Л.: Художественная литература, 1983. – 328 с.
7. Дырин А.И. Ирония и сарказм как речезыковые средства отражения морально-этических ценностей британского социума (на материале произведений современной художественной британской литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 19 с.
8. Жукова С.А. Ирония в романах М.А. Булгакова («Театральный роман», «Жизнь господина де Мольера», «Мастер и Маргарита»): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 252 с.

9. Заврумов З.А. Имплицидность иронии в семантическом пространстве художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 2. – С. 51 – 55.
10. Инютин В.В. Гротеск в русской прозе 30-40-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995. – 20 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
12. Опарина О.И. Ирония в работах Ч. Дарвина: комплексный подход [Электронный ресурс] // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2015. – № 10. – С. 69 – 85. – URL: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/> (дата обращения: 28.02.2017).
13. Походня С.И. Языковые средства и виды реализации иронии. – Киев: Навукова думка, 1989. – 128 с.
14. Хабибьярова Э.М. Саркастическая ирония в повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1. – С. 237 – 240.
15. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk: ucheb. dlya vuzov [Stylistics. Modern English: textbook for universities]. – М.: Flinta: Nauka, 2002. – 384 p. [in Russian]
2. Vaulina S.S., Kokovina L.V. Problema peredachi avtorskoj modal'nosti pri perevode hudozhestvennogo teksta (na primere perevodov poehmy N.V. Gogolya «Mertvyje dushi» na anglijskij yazyk) [The problem of expression of author's modality in the translation of the literary text (on the example of translations of N.V. Gogol's poem «Dead Souls» into English)] // Tekst jako kultura. Kultura jako tekst [Text as culture. Culture as text]. V. 2. – Gdańsk: Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, 2016. – P. 151 – 162. [in Russian]
3. Vorob'yova K.A. «Avtorskaya ironiya» i «ironiya ot personazhej» v rasskazah O. Genri [«Author's irony» and «irony from characters» in O. Henry's stories] // Bulletin of the Chelyabinsk state university. – 2008. – № 26. – P. 16 – 21. [in Russian]
4. Gogol' N.V. Vechera na hutore bliz Dikan'ki; Mirgorod [Evenings on a farm near Dikanka]. – Minsk: Narodnaya asveta, 1980. – 351 p. [in Russian]
5. Gogol' N.V. Mertvyje dushi [Dead Souls]. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1972. – 415 p. [in Russian]
6. Gogol' N.V. Povesti. Dramaticheskie proizvedeniya [Stories. Dramatic works]. – L.: Hudozhestvennaya literatura, 1983. – 328 p. [in Russian]
7. Dyrin A.I. Ironiya i sarkazm kak recheyazykovye sredstva otrazheniya moral'no-ehlicheskih cennostej britanskogo sociuma (na materiale proizvedenij sovremennoj hudozhestvennoj britanskoj literatury) [Irony and sarcasm as speech-language means to reflect moral and ethical values of British society (on material of works of modern British fiction)]: abstract of dis. ... of PhD in Philology. – М., 2012. – 19 p. [in Russian]
8. Zhukova S.A. Ironiya v romanah M.A. Bulgakova («Teatral'nyj roman», «Zhizn' gospodina de Mol'era», «Master i Margarita») [Irony in M.A. Bulgakov's novels («Theatrical Novel», «The Life of Monsieur de Moliere», «Master and Margarita»)] : dis. ... of PhD in Philology. – Volgograd, 2003. – 252 p. [in Russian]
9. Zavrumov Z.A. Implicitnost' ironii v semanticheskom prostranstve hudozhestvennogo teksta [The irony implicitness in the semantic space of literary text] // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Theory of language. Semiotics. Semantics. – 2016. – № 2. – P. 51 – 55. [in Russian]
10. Inyutin V.V. Grotesk v russkoj proze 30-40-h gg. XIX veka [Grotesque in the Russian prose 30-40-ies of the XIX century]: abstract of dis. ... of PhD in Philology. – Voronezh, 1995. – 20 p. [in Russian]
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [The Explanatory Dictionary of Russian Language: 80000 words and phraseological expressions]. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 p. [in Russian]
12. Oparina O.I. Ironiya v rabotah Ch. Darvina: kompleksnyj podhod [Irony in the works of Ch. Darwin: an integrated approach] [Electronic resource] // Cognition, communication, discourse. – 2015. – № 10. – P. 69 – 85. – URL: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/> (accessed: 28.02.2017). [in Russian]
13. Pohodnya S.I. Yazykovye sredstva i vidy realizacii ironii [Language facilities and types to express irony]. – Kiev: Navukova dumka, 1989. – 128 p. [in Russian]
14. Habib'yarova E.M. Sarkasticheskaya ironiya v povesti M. Bulgakova «Sobach'e serdce» [Sarcastic irony in M. Bulgakov's novel «Heart of a Dog»] // Bulletin of the Omsk university. – 2015. – № 1. – P. 237 – 240. [in Russian]
15. Ehnciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. – М.: Lokid-Press, 2005. – 880 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.058>

Волкова К.Б.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

Институт стран Азии и Африки

ПЬЕСА ВАЧИРАВУДА РАМЫ VI «НОЙ ИНТХАСЕН» - КОМЕДИЯ ПРАВОВ В ДУХЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ С ТАЙСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ КОЛОРИТОМ**Аннотация**

Статья посвящена анализу пьесы тайского короля Рамы VI Вачиравууда – «Ной Интхасен». В отличие от других произведений драматурга с доминирующей общественно-политической тематикой, эта пьеса написана в жанре комедии-фарса в духе литературы эпохи европейского Просвещения. В фокусе сюжетной линии два конфликта – любовный и общественный, но именно социальная проблематика главенствует, позволяя автору высмеять проблемы и пороки тайского общества начала XX в. Художественными средствами драматургу удалось выразить протест нового, прогрессивного поколения тайцев против отсталости и косности аристократии прошлого.

Ключевые слова: Таиланд, театр, драматургия, литература, Вачиравууд Рама VI, разговорная драма, комедия, новая драма, Просвещение.

Volkova K.B.

Moscow State University

Institute of Asian and African Studies

NOAH INTHASEN, THE PLAY OF VAJIRAVUDH RAMA VI AS THE COMEDY OF HUMOURS IN THE ENLIGHTENMENT ERA STYLE WITH THAI NATIONAL PECULIARITIES**Abstract**

The article is devoted to the analysis of the play “Noah Inthasen” written by Thai King Vajiravudh Rama VI. Unlike other plays by this playwright where social and political topics were dominant, this play is written in the comedy-farce genre in the spirit of European Enlightenment literary style. The story line is focused on two main conflicts – love and social. However, social issues dominate, enabling the author to ridicule the problems and vices of the Thai society at the beginning of the XX century. Thus, artistic means allow the playwright to express the protest of a new, progressive generation of Thais against the backwardness and stagnation of the aristocracy of the past.

Keywords: Thailand, theater, drama, literature, Vajiravudh Rama VI, colloquial drama, comedy, new drama, Enlightenment.

Время правления Рамы VI Вачиравууда (1910-1925 гг.) вошло в историю как «золотой век» тайской драматургии, а самого короля в Таиланде считают основоположником нового театра. Перу монарха принадлежит около 180 пьес, 143 из которых написаны на тайском языке и 37 на английском, причем большая их часть была создана для постановки в новом, разговорном театре европейского типа.

До начала XX в. все виды традиционной драмы в Сиаме были ритуальными и выполняли религиозную функцию: это касалось как королевского театра (*лакхон най*), где представления были связаны с дворцовыми церемониями, а также культом короля и с духом его предков – божественных покровителей государства, так и с народным театром (*лакхон ноок*), генезис которого восходит к культу плодородия. Благодаря творчеству короля, драма приобрела новые функции: образовательные, социальные, а главное, политические. В основном произведения Вачиравууда пропагандировали политику монархического национализма, главным идеологом которой являлся сам король. Яркие примеры таких драм – пьеса «Сердце воина», агитировавшее вступить в ряды военизированной организации «Дикие тигры» [1, С. 14-17], и «Захват власти», отстаивающая принципы абсолютной монархии [2].

Но пьесы с таким содержанием не сразу пришлись по вкусу тайской публике, привыкшей к любовной тематике и комедийному сюжету, что особенно характерно для постановок в народном театре. Главным зрителем «новой драмы» была тайская элита, получившая образование в Европе.

Поэтому первым оригинальным сочинением короля-драматурга стала предназначенная для широкой публики комедия-фарс «Ной Интхасен» (1917 г.). Король написал произведение для массового театра: развлекательного характера, с любовной интригой и понятное простому зрителю. Но в то же время пьеса должна была нравственно воспитывать и иметь социальный контекст.

Все пьесы Вачиравууда в жанре «разговорного театра» (*лакхон пхут*) так или иначе, в большей или меньшей степени ориентированы на традиции западноевропейского театра. Комедия «Ной Интхасен» написана в духе и стиле эпохи Просвещения. В XVII – XVIII вв. в Европе складывался новый образ общественного мышления, формировался новый тип самосознания и оформлялся переход к новой культуре. Аналогичные процессы в общественной жизни происходили и в Сиаме в конце XIX – начале XX в., когда страна открылась западному влиянию, изменившему мировоззрение тайцев.

Интрига драмы строится по принципу *qui pro quo*: главный герой, Интхасен, - высокопоставленный чиновник, губернатор тайской северной провинции Чиангмай - приезжает в Бангкок на лечение и решает выдать себя за слугу с тем, чтобы познакомиться с девушкой, которая ему нравится, и завоевать ее чувства, представ перед ней обычным человеком, без сословных регалий. Для этого он нанимается слугой к двум тайским аристократам, Пхрасанаму и Луангратчапхату, которые, в свою очередь, представив его не слугой, а важным чиновником, отправляют в дом к Луангворавету, чтобы тот посватался к дочери хозяина дома. Эта дочь и есть та девушка, в которую влюблен Интхасен. Герой в образе губернатора завоевывает симпатии всего семейства: отца, сына и, главное, дочери Малай. Молодые люди полюбили друг друга, и глава семьи дает согласие на брак. Но в этот момент появляется соперник Интхасена – Луангратчапхат, и, как он думает, разоблачает героя, заявив, что тот на самом деле слуга. Однако честный и здравомыслящий Луангворавет все же дает согласие на брак дочери с ее возлюбленным: сам выходец из

семьи незнатного происхождения, отец семейства поддерживает дочь, ведь титулы для него также не имеют никакого значения.

И вновь резкий поворот сюжета: появляется, подобно *dei ex machina*, королевский чиновник, который узнает в Интхасене настоящего губернатора Чиангмая. В финале – счастливая развязка.

Интрига двоится. В нашей коррелирующей паре *слуга - губернатор* на первый план выходит то один член ее, то – другой, причем один всегда – ложный. Но в самом финале они соединяются: слуга оказывается губернатором. При этом на протяжении всего действия драматург держит зрителя в напряжении: ведь тот принимает Интхасена за настоящего слугу.

Надо заметить, что в ведении интриги, полной очевидных нестыковок, чувствуется рука драматурга еще неопытного. Например, Интхасен, нанявшись слугой к Пхрасанаму и Луангратчапхату, никак не мог знать, что те направят его в дом его возлюбленной. Еще: герой намеренно понижает свой статус до слуги, а в дом любимой девушки он отправляется в чине губернатора.

И все же, несмотря на несовершенство художественной формы, это первое сочинение начинающего драматурга – значительное явление тайского национального театра.

«Ной Интхасен» – это комедия нравов в духе литературы эпохи Просвещения. Искусство XVIII в. обогатило мировую культуру идеалом «естественного человека», который руководствуется влечением сердца, а не господствующими в обществе предрассудками, сословными и материальными. Основной конфликт в таких произведениях строился вокруг социальных различий, отстаивалось нравственное равенство всех людей.

Интрига комедии Вачиравуда явно ориентирована на просветительский сюжет о безродном слуге, умном, сообразительном и часто образованном, талантливом человеке, который не раз оказывается сообразительнее своих господ (яркий пример – Фигаро в дилогии П.О.К. де Бомарше). Зритель «Ной Интхасена», который до самого конца не знает о знатном происхождении героя, видит в этом простолюдине человека, полного достоинства и знающего себя цену, а драматург наделяет героя положительными чертами. Интхасен намного умнее своих хозяев, он не прислуживает, держит себя независимо и осмеливается даже перечить своему господину. Автор впервые в тайской драматургии противопоставляет в комедии бедняка аристократу, и симпатии его, несомненно, на стороне бедняка.

Однако Вачиравуд не осмелился оставить главного персонажа выходцем из народа. Такая концовка вступила бы в противоречие с тайскими ценностями и мировоззрением. Ведь в традиционной драме персонажи должны были быть людьми с высоким социальным статусом. Это связано с концепцией заслуженных благ и философией кармы. Тайцы и сейчас уверены, что правильные поступки приводят к получению привилегий и благородному происхождению в будущем рождении. Поэтому автор не мог не наградить высоким чином человека с такими добрым и честным сердцем, как у Интхасена. Современная драма использует традиционную концепцию: персонажи – это всегда люди с высоким социальным статусом. Героем может быть богатый бизнесмен, а героиней – девушка королевских кровей. (Современные тайские сериалы – «Сами», «Силамани» и др.).

С культурой Просвещения «Интхасен» связан и тематически. Для комедии Вачиравуда характерны те же топосы и объекты осмеяния, что и для театра эпохи Просвещения: обличение праздной и легкомысленной аристократии, жалкое преклонение перед иностранцами (эта тема особенно характерна для литератур с запоздало-ускоренным развитием), нравственное равенство людей, вне зависимости от сословий и состояний и др.

Действие пьесы происходит в столице Сиама – Бангкоке. Комедия представляет светское общество начала XX в. и является сатирой на ее представителей. Драматург не скрывает своей неприязни к старой аристократии (Пхрасанам и Луангратчапхат) и испытывает явную симпатию к зарождающемуся классу нового дворянства, которое можно сравнить с европейской буржуазией (Луангворавет, его сын Бунрот и дочь Малай).

Как и в любой комедии, здесь преобладает общественная проблематика, однако у Вачиравуда большое внимание уделяется и любовной линии. В центре двух конфликтов – общественного и любовного – Интхасен. Именно он носитель главной интриги и в обоих конфликтах противопоставлен аристократии. Когда Интхасен и Малай влюбляются друг в друга, на первый план выходит тема взаимной симпатии представителей разных сословий. Такое построение – принцип «двух потоков», характерен для комедии XVII – XVIII вв. Но осмеяние пороков, прежде всего общественных все же доминирует: пьеса начинается (экспозиция) диалогом двух аристократов:

«Луангратчапхат: Живу очень скромно, всего на 100 баттов в месяц.

Пхрасанам: Но это твоя зарплата, а как же личные деньги?

Луангратчапхат: Наследство отца я передал на хранение в банк <...> коммерческая недвижимость приносит мне в месяц 400 баттов, также есть акции различных компаний, еще есть земли, но они ничего не приносят.

Пхрасанам: Да, ты и правда очень беден!

Луангратчапхат: Не смейтесь надо мной! Ведь мои расходы нельзя сравнить с моими расходами: несколько сотен на одежду в месяц, расходы на повара!

Пхрасанам: У тебя что, есть личный повар?!

Луангратчапхат: Я посчитал, что ходить на ужин в отель каждый день дороже содержания повара. Тем более, я предпочитаю европейскую еду!

Пхрасанам: А, все понятно, если ты ешь только европейскую еду, тебе непременно нужен повар!

Луангратчапхат: Я думаю, что это серьезная необходимость питаться европейской едой, так как тайская еда уменьшает продолжительность жизни.

Пхрасанам: Какие у тебя еще расходы?

Луангратчапхат: Две машины, карета, лошади иностранных кровей и конюх!

Пхрасанам: Да, в таком случае, тебе нужно искать жену с большим состоянием» [4, С. 6-7].

Мы видим двух бездельников, прожигателей жизни – представителей устаревших взглядов. Автор обличает их расточительность и ложный европеизм, свойственный тайской аристократии того времени. Интхасен, умный и образованный слуга, проявляет несомненное превосходство над недалеким господином. Вот, например, сцена, где

Пхрасанам обучает Интхасена манерам благородного человека.

«Интхасен: Не могу дать никаких гарантий, что буду похож на него!

Пхрасанам: Ходи медленно и смиренно, сиди нога на ногу <...> води себя высокомерно и самонадеянно! Не говори, как обычный человек, а используй придворную лексику и лаосские слова.

Интхасен: Но на Севере мы нормально себя ведем и говорим на бангкокском диалекте!

Пхрасанам: Тем лучше!» [4, С. 13-14].

Аристократам противопоставлен миллионер Луангворавет, сын служанки, он сумел самостоятельно заработать состояние и приобрести титул, женившись на аристократке. Мы видим его благоустроенный, со вкусом обставленный дом, красивый и ухоженный сад. Его жена – аристократка Мали – представлена, скорее, комически. В ней много высокомерия и маловато ума. А вот его дети – сын Бунрот и дочь Малай – представители нового, более прогрессивного поколения.

Героиня Малай выступает как девушка эпохи Просвещения: не похожа на пассивных героинь традиционной тайской литературы, она порядочна, имеет собственное мнение и может постоять за себя. Героиня отказывает аморальному вертопраху Луангратчапхату, мечтающему только о ее приданом. Он предлагает девушке уйти с ним вопреки воле родителей, рассчитывая на то, что впоследствии они смирятся с ее выбором.

«Малай: Если любите, почему не пошли к отцу?

Луангратчапхат: В его намеках я увидел нежелание, поэтому пошел напрямую. Вам нужно быть независимой от воли родителей, они не должны принуждать вас к выбору.

Малай: А кто вам сказал, что тогда я буду с вами? <...> Если я просто последую за вами, это уменьшит мою ценность. Мужчины, которым достались жены таким образом, не думают оберегать их. Если устают от них, просто, выбрасывают» [4, С. 32-33].

В любви Малай так же ведет себя как представительница моральных устоев эпохи Просвещения. Она испытывает искренние чувства:

«Интхасен: Если скажут, что я самозванец, что ты будешь делать?

Малай: Подумаю, что это ложь!

Интхасен: А если они приведут доказательства?

Малай: Мои чувства не переменятся <...> Даже если бы ты был сыном слуги, я не стала бы сожалеть.

Интхасен: Прости, что сомневался в тебе!» [4, С. 27].

И даже, узнав, что ее избранник – не высокопоставленный чиновник, не предаст своего чувства:

«Луангвонвет: Малай, ты, правда, с ним пойдешь?

Малай: Если надо будет, я уйду» [4, С. 30].

Сцена объяснения героев (Интхасен – Малай, Малай – Луангратчапхат) является развязкой, причем развязывает она и любовную, и общественную сюжетные линии.

Драматург избрал жанр комедии, высмеивающей нравы старой знати и выгодно выставивший «новых людей»: слуг – представителей третьего сословия и молодой аристократии. Основное назначение пьесы – разоблачение старого уклада жизни. Автор обличает жизнь тайского высшего общества, ничтожность их интересов, расточительность, живищность и аморальность.

Стихия комического в пьесе доминирует. Комизм заключается уже в несоответствии высокого аристократического происхождения и явной недалекости таких персонажей, как Пхрасанам и Луангратчапхат: они считают, что могут обвести всех вокруг пальца:

«Пхрасанам: Как же мы над ними посмеемся!

Луангратчапхат: Мне уже смешно» [4, С. 15].

Но в итоге сами оказываются обманутыми: в финале, когда все узнают, кем на самом деле является Интхасен, оба аристократа незаметно для всех уходят из дома Луангворавета:

«Пхрасанам: Боюсь, нам надо поспешить» [4, С. 37].

Несмотря на явную симпатию к отцу семейства Луанворавету, драматург наделяет его комическим характером мужа-подкаблучника.

«Луангворавет: Я ничего не могу спросить у жены. Она думает, что я глупый и нецивилизованный <...> Я женился на женщине из благородной семьи и всю жизнь чувствую себя женой <...> Она всегда напоминает мне и не дает забыть о том, что мой отец был слугой у ее отца. Лучше бы я женился на крестьянке» [4, С. 16-17].

В обращениях жены к Луангворавету звучит ирония:

«Мали: Твой сын хочет быть рабом. В нашей семье не было рабов, но уж точно не со стороны матери» [4, С. 19].

Смешны оба героя и в диалоге с собственным сыном Бунротом. Очевидно, что автор вводит этого второстепенного персонажа для создания комического эффекта и усиления обличительной ноты. Мать обвиняет сына в том, что тот, имея собственного водителя, хочет «быть как все» и ездит на общественном транспорте.

«Мали: Но на машине же удобнее!

Бунрот: А там веселее.

Мали: Что толкаться - это уже весело?!

Бунрот: Да, и потратил я всего 13 сатангов

Мали: У нас машина, а он любит толкаться в транспорте за собственные деньги!» [4, С. 18].

Автор высмеивает также чиновничество и преклонение перед всем европейским. Так Луангворавет и его жена, когда просят сына научить их правильно общаться с высокопоставленным гостем, говорят:

«Мали: Как должна здороваться женщина-аристократка?

Бунрот: Я не знаю!

Мали: Почему учитель-европеец тебя этому не учит?

Бунрот: Вам нужно было для этого отдать меня в школу для девочек.

Луангверовет: Да, там было бы веселее, чем в общественном транспорте» [4, С. 19].

Важное средство выражения авторской позиции – ремарки. Они не многочисленны, но несут большую смысловую нагрузку и касаются в основном описания интерьера и одежды героев. Т.к. пьесы Вачиравууда предназначались еще и для чтения, ремарки, хотя и составляют небольшие вступительные абзацы, но заключают внутренний потенциал. Так, в первой ремарке драматург описывает поведение Луангратчапхата:

«Поднимается занавес. 26-летний Луангратчапхат сидит за столом и читает газету. Через секунду вскакивает, кладет газету и подходит к окну. Потом садится обратно и берет газету. Вскоре все действия повторяются» [4, С. 4].

Вачиравууд тем самым подчеркивает, что аристократ не может сосредоточиться на содержании газеты, т.к. оно его не интересует, в отличие от Интхасена, который предстает перед читателем/зрителем в ином виде – в образе человека образованного:

«Появляется двадцатилетний Интхачен, одетый во все белое, с книгой в руках» [4, С. 10].

Обе детали – книга и белый костюм – символичны, ведь для одежды слуги они явно нехарактерны. Если книга в руках говорит об образованности главного героя, то его белая одежда – знак общественного положения, символизирующая знатность, благородство и величие.

Автор описывает одежду персонажей, тем самым давая характеристику героям: *«Луангворавет – изысканно одет, Бунрот – в модной одежде, Малай – одета по-домашнему, но очень красиво*. Интересно отсутствие описания внешнего вида представителей старой аристократии – Пхрасанама и Луангратчапхата. Это может говорить и о типичности героев, о том, что их одежда такая же, как у всех в то время, но, возможно, это символизирует пустоту внутреннего мира персонажей: их как бы нет.

С помощью ремарок драматург также знакомит зрителя с интерьером в домах Пхрапхиroma и Луангворавета. Описание жилища и мира вещей помогают автору раскрыть природу персонажей и характеризовать их с психологической стороны. В отличие от дома Пхрасанама, *«построенного из дерева не очень способными китайцами, с разной, плохо подобранной мебелью»*, гостиная Луангворавета *«изысканно обставлена красивой мебелью»*.

Нельзя не обратить внимание на замечание драматурга в адрес «не очень способных китайцев». В каждой своей пьесе король-драматург не упускал возможность высказать свое негативное отношение к этому этническому меньшинству и их агрессивной экономической политике на территории королевства. Против китайцев в основном и была направлена националистическая политика Вачиравууда. Ранее, в 1914 г. вышла в свет его известная статья «Евреи Востока», в которой король соединяет темы европейского антисемитизма с «желтой опасностью». Автор обвиняет китайцев в монополизации экономики и в финансовой дискриминации тайского населения. Рама VI писал:

«Государства, допустившие китайцев, - несомненно много потеряли от этого. <...> Нельзя забывать, что китайцы вывозят богатство, созданные с их помощью, за пределы страны» [3, С. 54].

Жанр комедии позволил королю-драматургу высветить проблемы тайского общества начала XX в. и высмеять его пороки. Рама VI показал в своей комедии противоречия между новой тайской аристократией и старой знатью. Художественными средствами драматург выражал протест нового, передового поколения против отсталости и косности элиты прошлого. Показав общественный конфликт, уже тогда наметившийся в тайском обществе, талантливый драматург предсказал его будущий результат – государственный переворот 1932 г.

Список литературы / References

1. Волкова К.Б. Драма короля Рамы IV Вачиравууда “Захват власти” - оригинальная тайская версия жанра европейской пьесы-дискуссии // Вестник Адыгейского государственного университета, 2016, № 4.
2. Волкова К.Б. Пьеса короля Рамы VI Вачиравууда «Сердце воина»: актуальная проблематика тайской драматургии и традиции театра классицизма // Вестник костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2017, № 1.
3. Искольдский В.И. Национальный вопрос в Таиланде, М, 1989.
4. พระบาทสมเด็จพระมงกุฎเกล้าเจ้าอยู่หัว. น้อยอินทหเสน กรุงเทพฯ, 1972 (Вачиравууд, Ной Интхасен, Бангкок, 1972).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Volkova K.B. Drama korolia Ramy IV Vachiravuda “Zakhvat vlasti” – originalnaya tayskaya versiya zhanra evropeyskoy piesy-diskusii [Drama of King Vajiravudh Rama IV “Seizure of Power” - Original Thai Version of the European Play-discussion] // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adyghe State University], 2016, No. 4. [In Russian]
2. Volkova K.B. Drama korolia Ramy IV Vachiravuda «Serdtshe voina»: aktualnaya problematika tayskoy dramaturgii i traditsii teatra klassitsizma [Play of King Vajiravudh Rama VI “Heart of a Warrior”: Topical Problems of Thai Dramatic Art and Traditions of the Theater of Classicism] // Vestnik kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University], 2017, No. 1. [In Russian]
3. Iskoldsky V.I. Natsionalnyy vopros v Tailande [Issue of Inter-ethnic Relations in Thailand] M, 1989. [In Russian]
4. King Vajiravudh, Noi Inthasen, Bangkok, 1972.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.111>

Голованова Е.И.

ORCID: 0000-0002-8777-4484, доктор филологических наук,

Челябинский государственный университет

ЛОКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ**Аннотация**

Рассмотрены закономерности отражения локативной характеристики деятельности в наименованиях лиц по профессии русского языка. Показана неравновесность ориентационных параметров «верх – низ», «перед – зад», «начало – конец» при обозначении субъекта профессиональной деятельности, выявлены особенности его геометрической концептуализации (через понятия одномерного, двумерного и трехмерного пространства), охарактеризованы представленные в наименованиях отношения между субъектом и объектом деятельности. Установлено, что именование лица по месту деятельности относится к числу основных мотивационных типов категории профессионального деятеля. Созданные таким путем обозначения, хотя и не являются самым многочисленным разрядом в рассматриваемой системе лексических единиц, но зафиксированы на всех этапах исторического разделения труда.

Ключевые слова: наименования лиц по профессии, локативная характеристика, русский язык, категория деятеля, ориентационный параметр.

Golovanova E.I.

ORCID: 0000-0002-8777-4484, PhD in Philology,

Chelyabinsk State University

LOCATIVE CHARACTERISTICS OF ACTIVITY IN RUSSIAN NAMES OF PERSONS OF DIFFERENT PROFESSIONS**Abstract**

The paper analyses local regularities of locative characteristic reflection in the names of persons of different professions in the Russian language. Non-equilibrium of orientation parameters “top-bottom,” “front-back,” “beginning-end” when designating the subject of professional activity is indicated, features of its geometric conceptualization (through the concepts of one-dimensional, two-dimensional and three-dimensional space) are revealed, the relations between the subject and the object of activity are characterized. It is established that the naming of a person by the place of activity is one of the main motivational types of the category of a public figure. The notations created this way are not the most numerous in the system of lexical units under consideration, but are fixed at all stages of the historical division of labour.

Keywords: denomination of persons by profession, local characteristics, the Russian language, the category of a public figure, orientation parameter.

Положение в пространстве является одним из важнейших онтологических признаков, на основе которого производится пространственное конструирование моделей мира в сознании человека [11, С. 91]. В отечественном языкознании в связи с разработкой когнитивных проблем рассмотрение различных аспектов пространственного моделирования в языке принадлежит к числу актуальных направлений лингвистических исследований.

Указание на местоположение субъекта в процессе деятельности до 90-х годов XX века не включалось в круг базисных мотивирующих признаков наименований лиц по профессии. Так, А. И. Моисеев, анализируя структуру обозначений субъекта профессиональной деятельности, установил четыре основных мотивирующих признака данной категории имен (в соответствии с важнейшими, конститутивными характеристиками трудовой деятельности): средство труда, процесс труда, предмет труда и результат (продукт) труда [12, С. 138–139]. Такой четко очерченный характер совокупности ономазиологических признаков у данной группы наименований, как отметил ученый, не только составляет их специфическую особенность, но и подчеркивает их терминологическую сущность.

Ономазиологические исследования наименований лиц по профессии, проведенные Л. А. Шкатовой, также выводили «отношение к месту деятельности» за пределы ономазиологических признаков при обозначении профессионального деятеля: «Для терминологических названий лиц использование обстоятельственных отношений не характерно: они воспринимаются как случайные, несущественные» [15, С. 53].

Цель настоящей статьи – показать, что именование профессионального лица по месту деятельности относится к числу основных мотивационных типов рассматриваемой лексической категории. Созданные подобным образом обозначения, хотя и не являются самым многочисленным разрядом в системе имен профессионального деятеля в русском языке, но представлены на всех этапах исторического разделения труда (от ремесленного и мануфактурного до индустриального и постиндустриального).

Нет сомнений в том, что зафиксированная в наименованиях деятеля информация манифестирует определенный фрагмент картины мира, полученной в процессе его познания [7]. При этом в различных пространственных характеристиках лица, в пространственных отношениях между субъектом и объектом деятельности четко проявляется языковой антропоцентризм [1], так как точкой отсчета выступает субъект восприятия.

Особая значимость категории локативности, ее статус в языке обусловлены спецификой восприятия человеком окружающего мира, а именно тем, что главным каналом поступления к нему информации о мире является зрительное восприятие. Процесс восприятия и обработки визуальной информации человеческим мозгом связан с функционированием двух модулей зрительной перцепции, один из которых обеспечивает восприятие предметов, другой – восприятие мест [10, С. 28]. Поскольку пространственная природа любой материальной сущности является

необходимым условием ее бытийности, без ее определения ни восприятие, ни дальнейшая концептуализация невозможны.

Из базовых пространственных понятий в наименованиях лиц по роду профессиональной деятельности нашли отражение следующие: горизонтальное измерение «перед – зад», вертикальное измерение «верх – низ», коррелирующие понятия «начало – конец», а также понятие «вместилище». Рассмотрим возможные виды пространственных характеристик лица, осуществляющего деятельность.

Ориентационный параметр «передний – задний» зафиксирован в единичных наименованиях, например: *головной плотовщик* (в терминологии сплавных работ – лицо, управляющее первым плотом каравана), *кормщик* (*кормчий*) (управляющий ходом судна, ср. *корма* «задняя часть судна»), *хвостовой* (в старательской терминологии обозначение рабочего на бутаре – устройстве для промывания золотосодержащего песка [2, С. 38]); *передний – задний* (устаревшие названия нападающего и защитника в футбольной терминологии, ср.: *форвард – бек*).

Пространственные понятия «начало – конец» выражаются в таких современных и исторических наименованиях лица, как *входной контролер*, *контролер контрольно-пропускного пункта*, *дверевой* (*дверник*), *вратник* (*вратарь*, *привратник*). Как видно из примеров, в большинстве случаев мы имеем дело с синкретичным способом выражения данных понятий, что не противоречит прототипической семантике и генезису самих языковых форм: корни слов *начало* и *конец* представляют собой разные ступени чередования в праславянском языке (*ken-/*kon-) [14, С. 51].

Вертикальное осевое измерение репрезентируется рядом наименований лиц по профессии. Так, понятие «верха» получило отражение в современных обозначениях *верхний машинист*, *верховой доменной печи*, *вершинный* (в лесохозяйственной терминологии), *верховой*, *верхолаз*, *высотник*, *вышечник-плотник*, *вышкарь* (в терминологии нефтедобычи); понятие «низа» зафиксировано в таких ныне действующих наименованиях лиц по профессии, как *подземный горномонтажник*, *подводник*. Как видно из примеров, первое из двух соотносительных понятий в языке обычно выражается через семантику корневой морфемы, второе – через семантику префикса. В наших материалах представлен и другой способ реализации ориентационного параметра «верх – низ», а именно – с помощью пространственных предлогов, ср.: *работник на домне – работник под домной* (из металлургической терминологии XVIII–XIX вв.).

Таким образом, наименования лиц по профессии демонстрируют качественную неоднородность пространства, что проявляется в неравновесности ориентационных параметров (верх – низ, перед – зад, начало – конец). Особую значимость имеет вертикальная ось – ей соответствует самая многочисленная группа наименований. Зафиксированное нами преобладание верхних номинаций над нижними обусловлено, по-видимому, типичным положением тела человека в пространстве.

Помимо отражения чувственно-наглядного восприятия пространства, в наименованиях лиц по профессии обнаруживаются результаты логической абстракции, связанной с выделением топологических признаков субъекта деятельности, с его геометрической концептуализацией. «Геометрическое отображение пространства заключается в создании проективных структур предметов – точек, линий, плоскостей и объемов, отношения между которыми выражаются чаще всего посредством системы пространственных предлогов» [10, С. 32]. Иными словами, субъекты действия предстают в исследуемых наименованиях в виде одномерных, двумерных или трехмерных сущностей. Таким образом, человек рассматривается как точка в пространстве либо как объект, включенный в плоскость или находящийся внутри ограниченного объема (вместилища).

Начнем с номинаций, представляющих человека в виде проективной точки. Здесь пространство осознается не через систему координат, относительно которых задается местоположение объектов независимо от других объектов, а через отношения, существующие между объектами в этом пространстве. Важно отметить, что в реализации пространственных концептов проявляется характер восприятия человеком предметов окружающей действительности, которые классифицируются по таким признакам, как размерная сопоставимость, подвижность/неподвижность и т.д. [4]. В наименованиях лиц по профессии соединение (сопоставление) *субъекта* и *объекта* деятельности, несмотря на их казалось бы подчеркнутую языком равнозначность, со-положенность, указывает на особый характер отношений между ними: активность первого и пассивность второго, соответственно динамичность одного и статичность другого.

Вместе с тем в пространственной квалификации субъекта деятельности важнейшим оказывается критерий сохранения стабильности ситуации: наименование отражает наиболее привычное положение вещей [6].

В диахроническом плане для обозначения лица по профессии в одномерном пространстве наиболее употребительными являются предложно-падежные конструкции: словосочетания с определяющим существительным в предложном падеже с предлогом *при* (*дульщик при горне*, *работник при угольных печах*, *служитель при коломенках*, *при пильной подмастерье*, *при фурмовой уставщик*, *работник при кузнице*) и номинативные терминосо сочетания с зависимым существительным в родительном падеже с предлогом *у* (*угленос у домны*, *работник у горна*). Характерно, что при всей динамичности обозначенного в наименовании лица, оно выполняет, как правило, второстепенную роль на данном участке производства.

Более древние по происхождению наименования могли быть и однословными, например: *стольник* – «служитель за царским столом»; *кологрив* «служитель у царских коней»; *прудник* «мельник на водяной мельнице». Если дефиниции первых двух обозначений деятеля содержат прямое указание на местоположение лица в момент деятельности, то в последнем примере место действия, зафиксированное наименованием и не актуализированное в определении, оказывается непосредственно связанным со спецификой данного производства (водяные мельницы используют силу воды, преодолевающей запруды).

В синхронном плане точечное представление субъекта деятельности обнаруживается в номинациях профессионального лица, являющихся в большинстве своем субстантивированными прилагательными: *вентилевой*, *дверевой* (*дверник*), *горновой*, *люковой*, *печевой* (*печник*), *пультвой*. Данные наименования отражают несвободный, привязанный к определенному месту характер деятельности лица. Каждое из них можно трансформировать в сочетание с предлогом *при*, например: *работник при венти́ле* (*при дверях*, *при печи* и т.п.). В нашем распоряжении

есть примеры подобной трансформации, представленные в вариантах наименований лиц по профессии: *при вилке рабочий – вилочник, при вагранке (чугуноплавильная печь) рабочий – вагранчик*.

Отмеченный выше способ локализации субъекта – в конструкции с предлогом **при** – сохраняет свое значение до настоящего времени, ср.: *при газопроводе рабочий, при ваннах для замочки сырья рабочий, при гравнемойке рабочий*.

Вторую большую группу наименований составляют названия лица по профессии, указывающие на местоположение субъекта деятельности на определенной плоскости. Такого рода «поверхностные» обозначения либо содержат в своем составе предлог **на**, либо достаточно легко могут быть преобразованы в конструкцию с этим предлогом. Например: *выгрузчик на отвалах, рабочий на ферме, контролер на контрольно-пропускном пункте; станционный смотритель – смотритель на станции* (ср. *смотритель на рудниках*), *будник – работник на буде* («поташный завод»), *паромщик – работник на пароме, рудничный рабочий – рабочий на руднике*.

Наряду с наименованиями, «правильно ориентирующими», т.е. адекватно отражающими характер локуса (например: *участковый врач, пасечник, железнодорожник*), к этой группе относятся также наименования лиц, созданные в результате плоскостного языкового моделирования, хотя на самом деле место деятельности представляет собой «вместилище», а не плоскость, ср.: *фабричный – «на фабрике», швея-надомница – «на дому», бортмеханик, бортпроводница, бортинженер – «на борту», судовой механик – «на судне», кухонный рабочий – «на кухне», заводской служащий (приказчик) – «на заводе»*.

Среди подобных названий немало таких, которые связаны с прохождением границы, некоей пропускной зоны, ср.: *вахтер – «на вахте», таможенник – «на таможне»*. Однако чаще всего мы имеем дело с железнодорожной терминологией: *дежурный станционного поста, дежурный стрелочного поста, диспетчер маневровый железнодорожной станции, инженер железнодорожной станции, оператор станции* и т.п.

В наших материалах есть наименования, в которых отсутствует компонент, выражающий родовое понятие «деятель», но конструкция с предлогом **на** при обозначении профессионального статуса лица сохраняется: «на карауле у сохранения разных промысловых припасов» (ср. *караульщик*).

Третий тип локализации субъекта деятельности – включение в трехмерное тело – демонстрируют обозначения, образованные от названий места деятельности с общей семантикой «вместилище». В роли локуса могут выступать названия строений и их частей, названия отдельных помещений. Среди таких наименований немало исторических, ушедших в прошлое: *будочник (буточник)* «городовой, несущий караульную сторожевую службу в будке», *бутошный сторож (бутошник)* «служитель, наблюдавший за соблюдением порядка на руднике, горном заводе», *конторный сторож, канцелярский расходчик; в кузне работник, работник в кричной; в косной фабрике мастер, в кричной фабрике подмастерье*. Как видно из примеров, понятие «вместилище» может быть выражено с помощью пространственных предлогов или без них, например: *техник в колбасном цехе – технолог колбасного цеха*.

Эту самую многочисленную группу наименований составляют как однословные, так и неоднословные, многокомпонентные наименования. Среди первых выделяются группы слов с общей семантикой: *буфетчик, бармен, киоскер* (сфера торговли); *библиотекарь, архивариус, галерист, кладовица, гардеробщик* (связь деятельности с хранением); *дворник, домработница, горничная* (поддержание порядка); *баник, вивариик, тюремщик* (характерное предназначение помещений). Больше многообразие обнаруживается в ряду многокомпонентных обозначений лица: *школьный психолог, конторский служащий, горнорабочий очистного забоя, медрегистратор архива, контролер-кассир обменного пункта, работник бара, контролер кладовой, контролер сберегательного банка, проводник пассажирского вагона, лаборант измерительной лаборатории, машинист (кочегар, оператор) котельной, водораздатчик порта, администратор компьютерного класса, зоолаборант питомника лабораторных животных, домашний учитель, мельничный мастер, поездной электромеханик, приемщик пункта проката*.

Наиболее регулярные полилексемные наименования характерны для обозначений младшего медицинского персонала и вспомогательного персонала средних учебных заведений: *медсестра прививочного (процедурного, гастроэнтерологического, офтальмологического и т.д.) кабинета, санитарка инфекционного (дерматовенерологического) кабинета, фельдшер кабинета диспансеризации; лаборант кабинета физики (химии, биологии)*. В типичности подобных наименований заключена общность содержания родственных профессий (разница в деятельности того или иного лица определяется спецификой конкретного подразделения). Приведем примеры относительно новых названий лиц по профессии, отсутствующих в действующем классификаторе профессий: *оператор АЗС* (автозаправочной станции), *оператор call-центра, оператор контактного центра* [5]. Применительно к такого рода номинативным единицам справедливо замечание Л.И. Горбуновой о том, что «именно локализация предмета выделяет его из ряда однородных, становясь одновременно заместителем и репрезентатором других отличительных признаков этого предмета» [9, С. 14].

С аналогичной регулярностью мы сталкиваемся и при обозначении рабочих (как правило, без квалификации или с низкой степенью квалификации), ср.: *рабочий базы / глинохранилища / глинозавода / глинокарьера, рабочий вакуумных отделений, рабочий глютиновых отстойников, рабочий гидротехнических сооружений (водомерного поста, ветеринарного изолятора, плодоовощного хранилища, асбоцементной мастерской, восстановительного поезда и т.д.)*. В большинстве случаев представителей названных профессий отличает выполнение комплекса разнообразных операций, связанных с физическими нагрузками.

Обращает на себя внимание, что в профессиональных наименованиях лица обнаруживается шкала возрастания активности и убывания признака локальности субъекта. Если в однокомпонентных наименованиях локативная характеристика деятеля, как правило, выступает на первый план, то для большинства полилексемных номинаций (особенно в кругу беспредложных словосочетаний) более значимыми являются другие признаки профессионального лица (чаще всего – характер выполняемой деятельности); пространственное расположение лица при этом, хотя и актуально, но служит лишь второстепенной характеристикой. Данная особенность выражения локативных отношений носит общезыкоподобный характер и зафиксирована в работах по семантическому синтаксису [3, С. 76–84].

К группе наименований, демонстрирующих включение субъекта деятельности в трехмерное пространство, примыкают названия, содержащие в своем составе не обозначения вместилищ в прямом смысле, а обозначения некоторых абстрактных сфер деятельности: *телефонист справочной службы, сотрудник в службе сбыта, специалист кадровой службы, сотрудник службы безопасности, контролер в литейном производстве, менеджер отдела сбыта и маркетинга, сотрудник отдела договоров и производства*. Представляется, что подобные имена отражают восприятие человеком своей деятельности в виде определенного вместилища или среды, а также самого себя внутри этого вместилища или среды.

Заслуживают самостоятельного анализа названия лиц, указывающие на сферу влияния того или иного субъекта деятельности. Это прежде всего названия руководителей, а также обозначения владельцев (иногда одновременно и работников) каких-либо «мест» деятельности: *харчевник «содержатель харчевни», дворник «содержатель постоянного двора», корчмарь «содержатель корчмы», банкир, заводчик; хозяйка усадьбы, заведующий медпунктом (здравпунктом), заведующий фельдшерско-акушерским пунктом, управляющий сбербанком, начальник котельной, заведующий столовой, управляющий супермаркетом, менеджер гостиничного комплекса, управляющий магазином*.

Наконец, нельзя обойти вниманием и такую группу наименований, как обозначения множества лиц, объединенных общностью местонахождения. Пространство, ставшее основой для их наименования, мыслится как место службы, работы, деятельности: *портовики, биржевики, почтовики, банковские служащие*.

В большинстве перечисленных выше обозначений лица по профессии зафиксированы статичные пространственные отношения, однако это вовсе не значит, что отсутствуют наименования, отражающие динамичные пространственные отношения. Идея передвижения реализуется с помощью «куда-откуда» наименований (конструкции с предлогами *из, с, в, до, к, на, от*). Приведем примеры из горнозаводской терминологии XVIII–XIX вв. [8]: *работник для выноски лесу с пильной мельницы, для выноса из пильной мельницы досок работник*. Подобные наименования употребляются и в современном русском языке: *ставильщик стеклоизделий в автоклаве, выгрузчик извести из печи*. Однако в целом наблюдается низкая активность данного параметра в профессиональной номинации лица.

Таким образом, анализ ономастических структур наименований лиц по профессии в русском языке позволяет утверждать, что указание на местонахождение лица является одним из базисных способов обозначения субъекта профессиональной деятельности.

Актуальность подобных номинаций в настоящее время подтверждают данные официальных источников: в перечне общеотраслевых должностей служащих и общеотраслевых профессий рабочих [13] обозначения лиц по месту деятельности составляют примерно пятую часть от всего количества наименований.

Список литературы / References

1. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1 (42). – С. 5–12.
2. Борхвальдт О. В. Словарь золотого промысла Российской Империи / О. В. Борхвальдт. – М.: Русский путь, 1998. – 240 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
4. Голованова Е. И. Возможности синтезирующего подхода к исследованию лексической категории / Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2-3. – С. 5–13.
5. Голованова Е. И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке / Е. И. Голованова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 27 (382). – С. 60–65.
6. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Голованова Елена Иосифовна. – Челябинск, 2004. – 50 с.
7. Голованова Е. И. Лексическая категория как полиаспектное представление в языке фрагмента мира / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 242–251.
8. Голованова Е. И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Голованова Елена Иосифовна. – Челябинск, 1995. – 22 с.
9. Горбунова Л. И. Пространственно-определяющая языковая модель и ее семантические модификации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Горбунова Людмила Ивановна. – Кемерово, 2000. – 22 с.
10. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. – 245 с.
12. Моисеев А. И. Наименование лиц по профессии (семантические основы наименований) / А. И. Моисеев // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. – 1967. – № 14, вып. 3. – С. 135–139.
13. Тарифно-квалификационные характеристики общеотраслевых должностей служащих и общеотраслевых профессий рабочих. Изд-е официальное. – М., 1999.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер: в 4-х т. – Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
15. Шкатова Л. А. Наименования лиц по профессии современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шкатова Людмила Александровна. – М., 1967. – 182 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Boldyrev N. N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitsakh i kategoriakh [Anthropocentric nature of language in its functions, units and categories] / N. N. Boldyrev // Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of cognitive linguistics]. – 2015. – № 1 (42). – P. 5–12. [in Russian]
2. Borkhval'dt O. V. Slovar' zolotogo promysla Rossiyskoy Imperii [Dictionary golden fisheries of the Russian Empire] / O. V. Borkhval'dt. – M.: Russkiy put', 1998. – 240 p. [in Russian]

3. Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya [Language conversion] / V. G. Gak. – M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. – 768 p. [in Russian]
4. Golovanova E. I. Vozmozhnosti sinteziruyushchego podkhoda k issledovaniyu leksicheskoy kategorii [Possible synthetic approach to the study of lexical categories] / E. I. Golovanova // Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of cognitive linguistics]. – 2004. – № 2-3. – P. 5–13. [in Russian]
5. Golovanova E. I. Novye nazvaniya lits po professii i dolzhnosti v russkom yazyke [New names of persons in professions and positions in the Russian language] / E. I. Golovanova // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. – 2015. – № 27 (382). – P. 60–65. [in Russian]
6. Golovanova E. I. Kategoriya professional'nogo deyatelya v dinamicheskom prostranstve yazyka (lingvokognitivnyy analiz) [The category of professional leader in the dynamic space of language (cognitive analysis)] : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19 / Golovanova Elena Iosifovna. Chelyabinsk, 2004. – 50 p. [in Russian]
7. Golovanova E. I. Leksicheskaya kategoriya kak poliaspektnoe predstavlenie v yazyke fragmenta mira [Lexical category as polyspectra representation in the language of the fragment of the world] / E. I. Golovanova // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive studies of language]. – 2010. – № 7. – P. 242–251. [in Russian]
8. Golovanova E. I. Stanovlenie ural'skoy gornozavodskoy terminologii v XVIII – nachale XIX v. [The establishment of the Ural mining and metallurgical terminology in the XVIII – early XIX century] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Golovanova Elena Iosifovna. – Chelyabinsk, 1995. – 22 p. [in Russian]
9. Gorbunova L. I. Prostranstvenno-opredelitel'naya yazykovaya model' i ee semanticheskie modifikatsii [Spatial-attributive language model and its semantic modification] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Gorbunova Lyudmila Ivanovna. – Kemerovo, 2000. – 23 p. [in Russian]
10. Kravchenko A. V. Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoy kategorizatsii [Language and perception: Cognitive aspects of linguistic categorization] / A. V. Kravchenko. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1996. – 160 p. [in Russian]
11. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [Brief dictionary of cognitive terms] / pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy. – M. : Filol. fak-t MGU, 1996. – 245 p. [in Russian]
12. Moiseev A. I. Naimenovanie lits po professii (semanticheskie osnovy naimenovaniy) [The designation of persons in the profession (the semantic foundations of the titles)] / A. I. Moiseev // Vestnik LGU. Ser. istorii, yazyka i literatury [Vestnik of Leningrad State University. Series of history, language and literature]. – 1967. – № 14, V. 3. – P. 135–139. [in Russian]
13. Tarifno-kvalifikatsionnye kharakteristiki obshcheotraslevykh dolzhnostey sluzhashchikh i obshcheotraslevykh professiy rabochikh [Tariff-qualifying characteristics of positions of employees industry-wide and industry-wide professions]. Izd-e ofitsial'noe. – M., 1999. [in Russian]
14. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / M. Fasmer. – V. 3. – M.: Progress, 1987. – 832 p. [in Russian]
15. Shkatova L. A. Naimenovaniya lits po professii sovremennogo russkogo yazyka [The names of persons in the profession of the modern Russian language] : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Shkatova Lyudmila Aleksandrovna. – M., 1967. – 182 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.041>

Джамалова М.К.

ORCID: 0000-0002-4185-8455, Кандидат филологических наук,

Дагестанский государственный университет

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНТИТЕЗЫ В ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ XXI ВЕКА**Аннотация**

В женской поэзии XXI века выделяется вертикальная и горизонтальная антитеза, выступающая как основной стилистический принцип построения текста. Антитеза в поэзии Анны Линдберг выполняет особые экспрессивно-стилистические функции. Антитеза сочетается с другими стилистическими приёмами: анафорой, синтаксическим параллелизмом, метафорой, вставными конструкциями, обращением. Линдберг противопоставляет абстрактные и конкретные характеристики предметов речи, реальную и ирреальную модальность. Коннотативные элементы семантики антитетических понятий формируют заданную автором оценочность произведения в целом.

Ключевые слова: антитеза, противопоставление, стилистический прием, экспрессивность, выразительность, авторская модальность, оценочность.

Jamalova M.K.

ORCID: 0000-0002-4185-8455, PhD in Philology,

Dagestan State University

STYLISTIC FUNCTIONS OF ANTITHESIS IN WOMEN'S POETRY OF THE XXI CENTURY**Abstract**

Vertical and horizontal antithesis is a characteristic feature of women's poetry of the XXI century. It is the main stylistic principle of text construction. Antithesis in Anna Lindberg's poetry performs special expressive-stylistic functions. Antithesis is combined with other stylistic devices and namely anaphora, syntactic parallelism, metaphor, parenthesis, and address. Lindberg contrasts abstract and specific characteristics of objects, real and unreal modality. Connotative elements of antithetic concepts semantics form the estimated value of the author's work as a whole.

Keywords: antithesis, contrast, stylistic device, expressiveness, emphasis, author's modality, evaluativity.

Антитеза присуща человеческому мышлению как неотъемлемая составляющая нашего сознания [1]. В современной отечественной лингвистике мало внимания уделяется изучению экспрессивных функций антитезы в поэзии новейшего времени. Современная женская поэзия тяготеет к яркой эмоциональной наполненности при помощи разнообразных стилистических средств [2]. Анализ языка поэзии XXI века показал, что антитеза выполняет экспрессивную и экспрессивно-апеллятивную функции в ткани художественного произведения [3]. Исследуя стихотворения такого яркого представителя женской поэзии XXI века, каким является Анна Линдберг, можно выделить следующие виды используемой поэтом антитезы: лексическая, морфологическая, синтаксическая.

В стихотворении «Жить быстро, умирая молодой» [4] Анна Линдберг уже с первых строк создает антитетичный план, где, контрастируя, взаимодействуют, глаголы *жить* – *умирать*. Антитеза вынесена и в название произведения и является вертикальной, композиционно цементирующей все другие противопоставления. В первой строфе возникает глубинная антитеза честно – нечестно, быстро – медленно. Далее автор создает наречную антитезу *просто* – *сложно*, усиленную смешанным синтаксическим параллелизмом, построенным по принципу дублирования в 5 и 6 строках следующих позиций: обстоятельственная валентность со значением образа действия и предикат. Синтаксический параллелизм сопровождается анафорой, которая, находясь в непосредственной близости от антитетичных наречий, тем самым привносит в текст поэтического произведения яркую оценочность. Автор выносит антитетичные слова в сильную рематическую позицию второго слова от начала строки: на него падает логическое ударение, что актуализирует внимание читателя. Наречная анафора ярко проявляет авторскую интенцию: желание вернуть все на круги своя, восстановить круговорот жизни. Тем самым поэт достигает яркой экспрессивности и выразительности. Выразительность языку стихотворения придает и адъективно-субстантивная антитеза *молодой* – *старость*, сопровождающая вертикальную антитезу *жить* – *умирать*.

Во второй строфе поэт использует имплицитные антитезы, противопоставляя звук тишине (*музыка* – *беззвучно*), а также участников речевой ситуации друг другу (*ты* – *она*). Антитезы содержат полярные оценочные оттенки: музыка и адресат (ты) – положительную; старость (она), тишина – отрицательную. Экспрессивность метафорического приложения «*музыка, играемая боль*» неоспорима. Так поэт, противопоставляя абстрактные понятия, достигает стилистического эффекта деавтоматизации.

Линдберг чередует монологический план с диалогическим. Последний четко проявляется в обращениях императивного и вопросительного характера: *лети!* *стышишь?* Также автор для создания стилистического эффекта доверительного разговора с глазу на глаз использует личные местоимения, выделенные тире: «*она придет беззвучно – за тобой*». Эти обращения и личное местоимение, графически оформленные как вставные конструкции, выражают авторскую интенцию: поэту важно донести до читателя мысль о неизбежности старости для каждого.

Субъективная модальность молодого поэта проявляется в сочетании вербальных средств с невербальными. Соединение желаемого с действительным определяет экспрессивность стилистических приемов, используемых в данном произведении.

Анна Линдберг также создает и яркую зевгму, сочетая в одном синтагматическом ряду одушевленное и неодушевленное существительное, конкретное и абстрактное. Неожиданно звучат рядом «*старость, заслуженная пенсия, внучат орава, подоконники в цветах*» [4]. Во второй строфе как уточнение, выделенное скобками, в непосредственной близости употреблены глаголы (*умру*) *уйду*. Так автор проявляет субъективную модальность, когда желаемое и нежелаемое тесно переплетены, одно конкретизирует другое, смягчая жестокий смысл взятого в скобки слова.

Поэт обращается к прецедентному тексту, перефразируя припев известной песни «Буду умирать молодым». Ассоциативный ряд, возникающий в связи с этой песней, актуализирован в первой строке. Однако уже вторая строка звучит как размышления зрелого человека, ценящего простые человеческие радости. Первая и вторая строки произведения придают интенсивность стилистическим окраскам произведения в целом.

Таким образом, Анна Линдберг для усиления выразительности использовала глагольную, субстантивную, адъективно-субстантивную, наречную и местоименную антитезы, а также противопоставление конкретного абстрактному. Антитеза здесь выполняет экспрессивную функцию.

Цепочке антитез в этом стихотворении противопоставлена единственная вертикальная местоименная антитеза *ты* – *я* в другом стихотворении Анны Линдберг «Абонент недоступен» [4]. Эта антитеза определяет оценочность всех языковых средств, используемых автором. Метафорам «*Операторы сотовой связи питают надежду Протянуть свою сеть до болота несбыточных грез*», «*абонент, погоняемый временем*» присуща положительная оценочность, разностилевым средствам «*нет толку*», «*...сомкнул абонент, погоняемый временем, вежды*» и номинативным предложениям «*Беспросветная серость*» – отрицательная. Нарастанию экспрессивности также служит использование многочисленных отрицательных частиц, местоимений, слов с отрицательной коннотацией: *недоступен, надолго, не ответит никто, нет в этом действии толку, нули, не могу, несбыточных*. Все это выносит на первый план субъективную авторскую модальность. В общем отрицательных коннотаций больше, чем положительных. Здесь автор создает и глубинную антитезу *любовь* – *нелюбовь*, *время счастья* – *время ожидания и отчаяния*, которая придает поэтическому тексту образность и особую выразительность.

Подобная антитеза возникает и в стихотворении Линдберг «Любить с листа» [4], когда поэт противопоставляет лирическую героиню ее соседям, проявляя это при помощи местоименной антитезы конкретного характера *им* – *мне*, сопровождаемой обстоятельственной антитезой *на работу* – *любить с листа* и антитезой со значением состояния человека *покинет сон* – *спать в обнимку*.

Таким образом, сочетание антитез абстрактного характера и конкретного, обозначающих состояние человека и природы, с реальной модальностью и ирреальной, глагольных и субстантивных, наречных и местоименных, вертикальных и синтагматических горизонтальных, вместе с контаминацией вербальных и невербальных средств создает яркую экспрессивность всего поэтического повествования молодого поэта. Субъективная модальность Линдберг проявляется в сочетании в созданных ею антитезах желаемого с действительным, что наряду с яркой

экспрессивностью используемых стилистических приемов придает ее поэзии неповторимую образность. Антитезы придают стихотворениям Анны Линдберг большую выразительность, создавая стилистический эффект деавтоматизации восприятия. Поэт использует в стихотворениях простые по структуре антитезы монологического характера, прямо определяющие авторскую интенцию. Вертикальной антитезой лирики Линдберг является противопоставление *любовь – нелюбовь*. Коннотативные элементы семантики антитетичных понятий формируют заданную автором оценочность как отдельных стилистических приемов, так и всего произведения в целом [3]. Анализ антитез приведенных стихотворений Анны Линдберг показывает, что они выполняют только экспрессивную функцию. Нами не было выявлено примеров экспрессивно-апеллятивного или апеллятивного использования антитезы. Являясь ярким стилистическим приемом, антитеза в женской поэзии XXI века композиционно цементирует другие приемы, фигуры, изобразительно-выразительные средства.

Список литературы / References

1. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М., 1986. – 143 с.
2. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. - Новосибирск, 1999. – 165 с.
3. Джамалова М. К. Функции антитезы в поэзии Юрия Визбора [Электронный ресурс] / М.К. Джамалова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 12 (54) - Часть 2 – С. 30–33. — Online версия статьи с DOI - URL: <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/12-2-54.pdf> - Сайт: www.research-journal.org (дата обращения: 20.03.2017)
4. Поэзия нового времени. Подборка стихов, написанных в 21 веке небольшой группой авторов. [Электронный ресурс] - URL: <http://losty.ru/stihi/anna.php> (дата обращения: 20.03.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

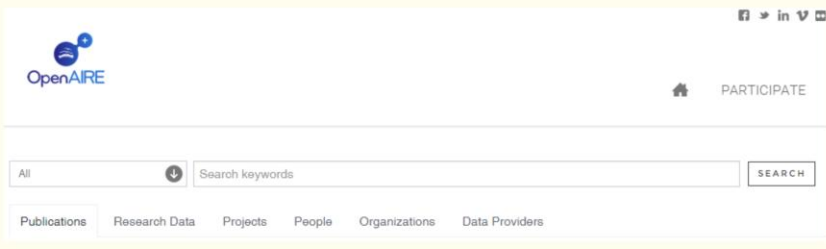
1. Telia V. N. Konnotativniy aspekt semantiki nominativnykh edinit [Connotative Aspect of Nominative Units Semantics] - M., 1986. - 143 p. [In Russian]
2. Tripolskaya T.A. Emotivno-otsenochnyy diskurs: kognitivniy i pragmaticheskiy aspekty [Emotive and Evaluative Discourse: Cognitive and Pragmatic Aspects] - Novosibirsk, 1999. - 165 p. [In Russian]
3. Jamalova M.K. Funktsii antitezy v poezii Yuriya Vizbora [Functions of Antithesis in Yuri Vizbor's Poetry] [Electronic resource] / M.K. Jamalova // Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Scientific and Research Journal] - 2016. - No. 12 (54) - Part 2 - P. 30-33. - Online version of the article with DOI - URL: <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/12-2-54.pdf> - Website: www.research-journal.org (accessed date: 03/20/2017) [In Russian]
4. Poeziya novogo vremeni. Podborka stikhov, napissanykh v 21 veke nebolshoy gruppoy avtorov [Poetry of the New Time. Selection of Poems Written in the 21st Century by a Small Group of Authors] [Electronic resource] - URL: <http://losty.ru/stihi/anna.php> (accessed date: 03/20/2017) [In Russian]

OpenAIRE
Open Access Infrastructure for Research in Europe

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему **OpenAIRE**.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.051>

Ермейчук Н.А.

ORCID: 0000-0001-8582-1016, аспирант,

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

РОЛЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ «КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ»)**Аннотация**

В статье исследуется роль изобразительно-выразительных средств в реконструкции языковой картины мира на материале «Книги притчей Соломоновых» англоязычного перевода Библии короля Якова. Под языковой картиной мира понимается зафиксированная в многослойной системе языка совокупность представлений людей о мире на определенном этапе развития человечества с учетом социокультурных и психофизических факторов. В ее реконструкции участвуют неязыковые (невербальные) средства, категоризация и концептуализация, а также языковые средства. Важную роль в ее формировании играют языковые средства. Одним из таких средств являются изобразительно-выразительные средства, но в них находит выражение только часть или фрагмент языковой картины мира. В этой связи изобразительно-выразительные средства трактуются как средства изобразительности и выразительности всех языковых уровней, которые несут коннотативную дополнительную информацию.

Методом сплошной выборки определен перечень изобразительно-выразительных средств в контексте анализируемой книги Библии: метонимия, синекдоха, метафора, персонификация, эпитет, антитеза, сравнение, гипербола. Их роль в формировании языковой картины мира определяется, исходя из функций, которые они выполняют в библейских притчах. Проведенный анализ 1360 примеров изобразительно-выразительных средств показал, что к основным функциям относятся: аппелятивная, волюнтаривная и экспрессивная.

Ключевые слова: языковая картина мира; изобразительно-выразительные средства; Книга притчей Соломоновых; аппелятивная, волюнтаривная и экспрессивная функции.

Yermeichuk N. A.

ORCID: 0000-0001-8582-1016, postgraduate student

Pushkin Leningrad State University

ROLE OF FIGURES OF SPEECH AND EXPRESSIVE MEANS IN RECONSTRUCTION OF LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD (BASED ON "BOOK OF PROVERBS")**Abstract**

The article considers the role of expressive means in the reconstruction of the linguistic image of the world based on the "Book of Proverbs" in the English translation of King James. The linguistic image of the world is understood as the set of people's world representations fixed in a multilayer system of a language at a certain stage of human development with regard to socio-cultural and psychophysical factors. Non-linguistic (non-verbal) means also take part in its reconstruction, categorization and conceptualization, along with linguistic means. An important role is played by language means. One of these means is expressive, but it reflects only a fragment of the linguistic image of the world. In this regard, expressive means are treated as a means of representativeness and expressiveness which carry additional connotative information at all language levels.

The method of continuous sampling helped the author to identify a list of figures of speech and expressive means in the context of the Bible: Metonymy, synecdoche, metaphor, personification, epithet, antithesis, comparison, and hyperbole. Their role in the formation of the linguistic image of the world is determined based on the functions they perform in biblical parables. The analysis of 1360 examples of expressive means showed that the main functions performed by expressive means are appealing, volutative and expressive.

Keywords: linguistic image of the world; figures of speech and expressive means; Book of proverbs; appealing, volutative and expressive functions.

С 60-х годов 20 века в России (Московская семантическая школа), Польше (Естественный семантический метаязык), Украине (Черновицкая фоносемантическая школа) интенсивно развивается теория языковой картины мира (далее – ЯКМ). За последние двадцать лет интерес к изучению данного феномена сохранился, даже усилился. В этой связи в современной лингвистике находят место многочисленные и разнообразные трактовки понятия ЯКМ, но четкого определения до сих пор не существует. Рассмотрим некоторые из них.

- Широкое распространение получило определение В. А. Масловой, которая идентифицирует ЯКМ как совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме [1, С. 48].

- А. А. Зализняк в монографии «Многозначность в языке и способы ее представления» следующим образом интерпретирует ЯКМ: «...совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка <...>, которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний...» [2, С. 188].

- Следующая дефиниция ЯКМ связана с именами З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Они предлагают трактовку ЯКМ, ограниченную временными рамками: ЯКМ – это «...совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа» [3, С. 6].

- Определение ЯКМ, предложенное А. Б. Михалевым, является наиболее полным и продуктивным. Считая, что картина мира должна выглядеть как многослойное образование, которое проявляется на различных уровнях языка, автор предлагает следующее определение ЯКМ: «это - многоярусная семантическая система языка, сложившаяся под действием социокультурных факторов» [4].

• Профессор Люблинского университета Е. Бартмицкий в статье «Понятие ЯКМ и методы его операционализации» объясняет термин ЯКМ как интерпретацию действительности, содержащейся в языке, которая может быть рассмотрена в виде набора паттернов мышления о мире, людях, предметах и событиях, действующей как результат субъективного восприятия и осмысления действительности пользователями конкретного языка [5, Р. 263].

• В трактовке Е. А. Дзюбы ЯКМ характеризуется как «знания и представления об окружающем мире, упорядоченные в человеческом сознании с помощью категорий языка и его же средствами «опредмеченные» (вербализованные)» [6, С. 17].

Проанализировав данные определения, можно утверждать, что *ЯКМ – это зафиксированная в многослойной системе языка совокупность представлений людей о мире на определенном этапе развития человечества с учетом социокультурных и психофизических факторов. В ее формировании участвуют несколько средств, а именно:*

- 1 неязыковые (невербальные) средства;
- 2 категоризация и концептуализация;
- 3 языковые средства.

На наш взгляд, самую важную роль в реконструкции ЯКМ играют языковые средства. На их изучение направлено все возрастающее внимание ученых в современной лингвистике. Однако общая тенденция к выделению языковых способов образования ЯКМ все еще находится в стадии разработки. Отметим, что большинство исследователей делают акцент на исследовании и описании отдельных языковых способов реконструкции ЯКМ. В контексте данной работы ставится цель исследовать роль изобразительно-выразительных средств в реконструкции ЯКМ. Так как в них находит выражение только часть или фрагмент ЯКМ, под *изобразительно-выразительные средства* будем понимать *средства усиления изобразительности и выразительности всех языковых уровней, которые указывают*, как отмечает И. В. Арнольд, на «коннотативную дополнительную информацию» [7, С. 127].

В «Книге притчей Соломоновых» методом сплошной выборки определен следующий перечень наиболее частотных изобразительно-выразительных средств, включая синекдоху, как разновидность метонимии (по классификации В. И. Арнольд [7, С. 127]) и персонификацию (олицетворение) как вид онтологической метафоры (по классификации Дж. Лакоффа [8, С. 59]):

1) метонимия

*A naughty person, a wicked man, walketh with a froward **mouth**. (6:12)*

2) синекдоха

*For their **feet** run to **evil**, and make haste to shed blood. (1:16)*

3) метафора

*The **mouth of a righteous man is a well of life**: but violence covereth the mouth of the wicked. (10:11)*

4) персонификация

*Wisdom **crieth without**; she uttereth her voice in the streets (1:20)*

5) эпитет

Scornful men bring a city into a snare: but wise men turn away wrath. (29:8)

6) антитеза

Hatred stirreth up strifes: but love covereth all sins. (10:12)

7) сравнение

As a roaring lion, and a ranging bear; so is a wicked ruler over the poor people. (28:15)

8) гипербола

The simple believeth every word: but the prudent man looketh well to his going. (14:15)

В общей сложности выявлено 1360 примеров употребления изобразительно-выразительных средств (табл. 1).

Таблица 1 – Количественный анализ изобразительно-выразительных средств

№ п/п	Изобразительно-выразительные средства	Частотность	Процентное соотношение
1	метонимия (+синекдоха)	509	37,4 %
2	метафора (+персонификация)	375	27,6 %
3	эпитет	163	12 %
4	антитеза	144	10,6 %
5	сравнение	95	7 %
6	гипербола	74	5,4 %
	Итого	1360	100 %

Роль данных стилистически-маркированных лексических единиц можно представить, исходя из функций, которые они выполняют. О.Р. Якобсон, считая, что «язык следует изучать во всем разнообразии его функций» [9, С. 197] выделяет шесть функций: коммуникативную (референтивную), апеллятивную, поэтическую, экспрессивную, фатическую, метаязыковую [10, С. 203]. К. Бюлер в своем труде «Теория языка» указывает на следующие функции языка: экспрессии, апелляции и репрезентации [11, С. 34]. И. В. Арнольд разделяет функции языковых единиц на две группы в зависимости от типа информации. К первому типу информации, составляющей сам предмет сообщения, автор относит интеллектуально-коммуникативные функции, а ко второму типу информации, которую называет прагматической или дополнительной, – эмотивную, волюнтаривную, апеллятивную, контактоустанавливающую, эстетическую функции. [7, С. 15]. Учитывая классификации функций языка, в ходе анализа выявлены основные функции изобразительно-выразительных средств в библейских притчах: **апеллятивная, волюнтаривная и экспрессивная**. Рассмотрим, как проявляются эти функции на конкретных примерах.

В первую очередь, обратимся к **апеллятивной функции**, под которой, вслед за И. В. Арнольд, будем понимать привлечение внимания адресата, побуждение его к восприятию сообщения [7, С. 192]. Реализация данной функции прослеживается в следующем примере:

*And they lay wait for their own **blood**; they lurk privily for their own lives. (1:18)*

Использование анатомической синекдохи «*blood*» со значением «люди» заставляет не только специфическим образом осмыслить передаваемую информацию, но и насторожиться. Такой тип анатомических изобразительно-выразительных средств широко представлен в «Книге притчей Соломоновых» (табл. 2).

Таблица 2 – Количественный анализ анатомических изобразительно-выразительных средств

Название части тела/органа	Количество примеров
mouth	33
lip/lips	1/42
foot/feet	6/10
tongue	19
eye/eyes	7/30
blood	7
hand/hands	20/14
neck	5
heart	80
head	7
Итого	281

Анализ показал, что анатомические изобразительно-выразительные средства составляют 21% от общего количества изобразительно-выразительных средств в контексте анализируемой книги Библии. Они позволяют человеку, как отмечает Д. С. Малюкова, «упорядочить свои представления о мире, перенося на него принципы структурирования форм собственного организма <...>, своей личности» [11, С. 50]. Таким образом, анатомические изобразительно-выразительные средства следует также рассматривать как прием повышения концентрации внимания реципиента.

Другим приемом усиления апеллятивной функции является конвергенция изобразительно-выразительных средств. Вслед за И. В. Арнольд под данным стилистическим явлением будем понимать «пучок стилистических приемов, объединенных общностью функции» [12, С. 17]. Обратимся к следующему высказыванию:

***Pleasant words are as an honeycomb**, sweet to the soul, and health to the bones. (16:24)*

Конвергенция здесь создается сравнением «*Pleasant words are as an honeycomb*», в котором красноречие уподобляется меду, и синекдохой «*soul*» и «*bones*» со значением «человек».

Еще одним примером конвергенции изобразительно-выразительных средств может служить следующее предложение:

*So shall **they be life unto thy soul, and grace to thy neck**. (3:22)*

Когнитивная структура метафоры содержит две сферы-цели (термин Дж. Лакоффа [8, С. 9]) «*life*» и «*grace*». В первую из них включена синекдоха «*soul*», во вторую - «*neck*». Несомненно, такое сочетание изобразительно-выразительных средств способствует привлечению внимания адресата и указывает ему на ценность таких качеств, как здравомыслие и рассудительность, а также побуждает во всех ситуациях сохранять трезвое суждение и не поддаваться эмоциям. Следовательно, в данном примере имеет место и волюнтаривная функция.

Волюнтаривная функция ставит своей целью призвать, побудить и убедить адресата совершать положительные и правильные действия и поступки с точки зрения религии.

Обратимся к репрезентативным примерам функционирования эпитета:

*To deliver thee from the way of the **evil** man, from the man that speaketh froward things. (2:12)*

*The wicked desireth the net of **evil** men: but the root of the righteous yieldeth fruit. (12:12)*

В предложениях (2:12) и (12:12) употребляется эпитет с отрицательной семантикой «*evil*», обозначающий постоянное негативное качество неверующего, что заставляет адресата задуматься о вере.

Использование гиперболы в следующем примере задает спектр ценностного отношения к наставлениям, заповедям и, соответственно, иницируют человека следовать им:

***For length of days, and long life, and peace**, shall they add to thee (3:2)*

Прекрасным воздействующим потенциалом обладает и персонификация, что можно проиллюстрировать следующим высказыванием:

***The desire of the slothful killeth him**; for his hands refuse to labour. (21:25)*

Персонификация основана на сочетании глагола «*killeth*» с отрицательной коннотацией и неодушевленного существительного «*desire*», относящегося к ленивому человек. В рамках такой персонификации желание ленивца воспринимается как враг ему самому, который может уничтожить и убить его. Это побуждает адресата обратить внимание на свою бездеятельность и бороться с ней.

Употребление сравнения также позволяет оказать на адресата влияние и наставить его на праведный путь, например:

*The wicked flee when no man pursueth: but **the righteous are bold as a lion**. (28:1)*

Праведник сравнивается со львом, который является «символом силы, власти, величия» [13, С. 305]. Это свидетельствует о том, что праведный человек будет идти по жизни без страха и боязни чего-либо. Таким образом, использование сравнения в приведенном примере побуждает реципиента пересмотреть свои религиозные взгляды.

Проанализируем функциональную реализацию антитезы, которая также является важным изобразительно-выразительным средством, «усиливающим выразительность за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий» [7, С. 65]. В составе антитезы преобладают противопоставления следующих контрастирующих пар: «wise» и «fool», «righteous» и «wicked», «hate» и «love», «war» и «peace» и других, например:

The wise shall inherit glory: but shame shall be the promotion of fools. (3:35)

Оппозицию в данном случае составляет антонимичная пара «wise» и «fools», использование которой привлекает внимание реципиента и информирует о важности стремления к знаниям.

В следующем примере с помощью антитезы представлена вербализация такой общечеловеческой ценности, как любовь, соответственно в структуре антитезы отмечается оппозиция лексем «hatred» и «love»:

Hatred stirreth up strifes: but love covereth all sins (10:12)

И, наконец, последней, но не менее важной, является **экспрессивная функция**. Она заключается в том, что изобразительно-выразительные средства указывают на повышенное проявление характеристик Всевышнего или каких-либо человеческих ценностей. Например, использование эпитета «Lord» к Всевышнему идентифицирует его как владыку и повелителя:

Let not thine heart envy sinners: but be thou in the fear of the Lord all the day long. (23:17)

Проанализируем еще один пример:

He layeth up sound wisdom for the righteous: he is a buckler to them that walk uprightly. (2:7)

Интерпретируя метафоризацию в терминах А. П. Чудинова, отметим, что она основана на взаимодействии одной ментальной сферы (сферы-источника) «Lord» и другой сферы (сферы-магнита) - «buckler» [14, С. 70]. Используя формулу метафоры «X подобен Y», предложенную А. П. Чудиновым [Там же, С. 70], отношение между компонентами анализируемой метафоры можно представить следующим образом: «Бог подобен щиту». Следовательно, Бог характеризуется как защитник и опора для человека.

Обратимся к другим ярким примерам:

She is a tree of life to them that lay hold upon her: and happy is every one that retaineth her. (3:18)

The fruit of the righteous is a tree of life; and he that winneth souls is wise. (11:30)

Hope deferred maketh the heart sick: but when the desire cometh, it is a tree of life. (13:12)

A wholesome tongue is a tree of life: but perverseness therein is a breach in the spirit. (15:4)

Метафоры информируют реципиента о ценности мудрости (3:18), поступков праведника (11:30), исполнившегося желания (13:12), кротости (15:4) и подчеркивают значимость, называя их деревом жизни «tree of life», которое «восходит к библейскому сюжету о произраставшем в Эдемском саду, в раю, *дереве познания добра и зла*, есть плоды которого Адаму было запрещено Господом под страхом смерти» [15, С. 180].

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что изобразительно-выразительные средства играют важную роль в формировании ЯКМ с точки зрения их участия в передаче стилистической коннотации языковых единиц. К таким изобразительно-выразительным средствам в «Книге притчей Соломоновых» относятся метонимия, синекдоха, метафора, эпитет, антитеза, сравнение, гипербола, персонификация. Как показал анализ, они выполняют три основные функции: **апеллятивную, волюнтаривную и экспрессивную**.

Список литературы / References

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19: утв. 19.12.03 / Зализняк Анна Андреевна. – М., 2003. – 432 с.
3. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – изд. 3-е., перераб. и доп. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.
4. Михалев А. Б. Языковая картина мира и фоносемантика [Электронный ресурс] / А. Б. Михалев // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). – Вып. 15. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. – URL: http://mirrorref.ru/ref_ujgpolqasotr.html (дата обращения: 15.02.2017).
5. Bartminski J. Der Begriff des sprachlichen Weltbildes und die Methoden seiner Operationalisierung / J. Bartminski. – Lublin. – 2012. – P. 261 – 289.
6. Дзюба Е. Б. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е. Б. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 286 с.
7. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
8. Лакофф Дж, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – Сборник статей. – М.: Прогресс, 1975. – 469 с.
10. Бюлер К. Л. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – Москва: Прогресс, 1993. – 501 с.
11. Малюкова Д. С. Антропоморфные метафоры в современном политическом дискурсе / Д. С. Малюкова // Язык и культура. – Томск, 2009. – №4 (8). – С. 50-54
12. Арнольд И. В. Стилистика декодирования: Курс лекций / И. В. Арнольд. – Л.: Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ им. А. И. Герцена), 1974. – 78 с.

13. Terra-Лексикон: Иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. С. Новикова. – М.: ТЕРРА, 1998. – 672 с.
14. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2003. – 248 с.
15. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
16. Book of Proverbs // King James Bible [Электронный ресурс]. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/k/kjv/kjv-idx?type=DIV1&byte=2453471> (дата обращения: 30.01.2017).

Список литературы на английском / References in English

1. Maslova V. A. Lingvokul'turologija [Cultural linguistics]: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. Ucheb. Zavedenij [Textbook for students of higher educational institutions] / V. A. Maslova. – М.: Izdatel'skij centr «Akademija» [Publishing Center «Academy»], 2001. – 208 p. [in Russian]
2. Zaliznjak A. A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija [The ambiguity in the language and methods of its presentation]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19 approved 19.12.03 / Zaliznjak Anna Andreevna. – М., 2003. – 432 p. [in Russian]
3. Popova Z. D. Jazyk i nacional'naja kartina mira [Language and national picture of the world] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – izd. 3-e., pererab. i dop. – Voronezh: «Istoki», 2007. – 61 p. [in Russian]
4. Mihalev A. B. Jazykovaja kartina mira i fonosemantika [Linguistic picture of the world and phonosemantics] [Electronic resource] / A. B. Mihalev // Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa: psiholingvisticheskiy i kognitivnyj aspekty. Materialy Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (V Berezinskie chtenija) [Linguistic human being and ethnicity: psycholinguistic and cognitive aspects. Proceedings of the International Summer School (V Berezinskaya reading)]. – V. 15. – М.: INION RAN, MGLU, 2009. – URL: http://mirrorref.ru/ref_ujgpolqasotr.html (accessed: 15.02.2017). [in Russian]
5. Bartminski J. Der Begriff des sprachlichen Weltbildes und die Methoden seiner Operationalisierung [Linguistic picture of the world and the methods of its operationalization] / J. Bartminski. – Lublin. – 2012. – P. 261 – 289. [in German]
6. Džubja E. B. Lingvokognitivnaja kategorizacija v russkom jazykovom soznanii: monografija [Linguo-cognitive categorization in the Russian language consciousness: a monograph] / E. B. Džubja; Ural. gos. ped. un-t. – Ekaterinburg, 2015. – 286 p. [in Russian]
7. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk: Uchebnik dlja vuzov [Stylistics. Modern English: Textbook for high schools]. – 4-e izd., ispr. i dop. – М.: Flinta: Nauka, 2002. – 384 p. [in Russian]
8. Lakoff Dzh., Džhonson M. Metaforj, kotorymi my živem: Per. s angl. [Metaphors we live by: Trans. from English.] / Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. – М.: Editorial URSS, 2004. – 256 p. [in Russian]
9. Jakobson R. O. Lingvistika i pojetika [Linguistics and Poetics] / R. O. Jakobson // Strukturalizm: «za» i «protiv». – Sbornik statej [Structuralism "for" and "against." - Digest of articles]. – М.: Progress, 1975. – 469 p. [in Russian]
10. Bjuler K. L. Teorija jazyka: Reprezentativnaja funkcija jazyka [Language Theory: Representative function of language] / K. Bjuler. – Moskva: Progress, 1993. – 501 p. [in Russian]
11. Maljukova D. S. Antropomorfnye metafory v sovremennoe političeskoe diskursy [Anthropomorphic metaphors in modern political discourse] / D. S. Maljukova // Jazyk i kul'tura [Language and culture]. – Tomsk, 2009. – №4 (8). – P. 50-54. [in Russian]
12. Arnol'd I. V. Stilistika dekodirovanija: Kurs lekcij [Stylistics decoding: lectures] / I. V. Arnold. – L.: Leningradskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut (LGPI im. A. I. Gercena), 1974. – 78 p. [in Russian]
13. Terra-Leksikon: Illjustrirovannyj jenciklopedičeskij slovar' [Illustrated Encyclopedic Dictionary] / Pod red. S. Novikova. – М.: TERRA, 1998. – 672 p. [in Russian]
14. Chudinov A. P. Metaforičeskaja mozaika v sovremennoj političeskoj kommunikacii: monografija [Metaphorical mosaic in modern political communication: monograph] / A. P. Chudinov/ Ural. gos. ped. un-t. - Ekaterinburg, 2003. - 248 p. [in Russian]
15. Dubrovina K. N. Jenciklopedičeskij slovar' biblejskih frazeologizmov [Encyclopedic Dictionary of Biblical phraseologisms] / K. N. Dubrovina. – М.: Flinta: Nauka, 2010. – 808 p. [in Russian]
16. Book of Proverbs // King James Bible [Electronic resource]. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/k/kjv/kjv-idx?type=DIV1&byte=2453471> (accessed: 30.01.2017)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.004>

Князькина Л.Е.

ORCID: 0000-0002-8712-8132, соискатель,

Самарский государственный медицинский университет

ЗНАКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ АНАТОМИИ**Аннотация**

Статья посвящена исследованию знакового многообразия как отражения концептов анатомии. Существует значительное количество знаковых систем, которые являются инструментом и способом взаимодействия человека с окружающей средой. Анатомическая терминология отличается особым способом кодирования информации. Одним из средств представления реальности является образный знак, который, иллюстрируя какой-либо предмет или явление, является невербальным его обозначением. В данной работе также уделяется внимание символическим обозначениям, среди которых выделен сакральный и мистерический символизм. Семиотическое пространство анатомической терминологии представляет собой синтез всех перечисленных и рассмотренных знаковых систем с преобладанием языковой знаковой системы.

Ключевые слова: анатомическая терминосистема, связь, научное понятие, знаковая система, знак, символ.

Knyazkina L.E.

ORCID: 0000-0002-8712-8132, Postgraduate student,

Samara State Medical University

SIGN VARIETY AS REFLECTION OF ANATOMICAL CONCEPTOSPHERE**Abstract**

The article deals with the study of sign variety as a reflection of anatomical concepts. There are a great number of sign systems which are an instrument and a mean of interaction of a human being with the environment. Anatomical terminology is a special way of information coding. One of the ways of reality representation is an image illustrating a subject or a phenomenon is its non-verbal sign. A great attention is paid to symbolic signs among which are sacral and mystery ones. Semiotic space of anatomical terminology is a synthesis of all listed and analyzed sign systems with the dominance of language sign system.

Keywords: anatomical term system, relation, scientific concept, sign system, sign, symbol.

Как известно, язык является средством общения людей, поэтому каждый элемент языковой системы должен быть способным выражать конкретную информацию. Базисной единицей любого языка является слово, несущее многоплановое концептуальное содержание, в котором отражены представления о предметах или явлениях объективной реальности. Эта мысль подводит к тому, что язык живет и развивается вместе с познанием и мышлением человека.

Отражение и воспроизведение действительности в мышлении человека объективируются при помощи знаковых систем, а для выражения своих мыслей ученые используют различные языковые знаки. С одной стороны, языковые знаки являются средством общения, а с другой – инструментом и способом взаимодействия человека с окружающей средой.

У языкового знака двойственная природа: являясь частью целого, он принадлежит знаковой системе и взаимодействует с другими элементами, а, следовательно, зависит от нее – с одной стороны, с другой же – он принадлежит к внесистемному миру и к отражаемому им объекту. Такая двойственная принадлежность знака позволяет проводить анализ каждой системы в ее специфических терминах, так как в каждом случае именно разница в двойственном состоянии знака позволяет выявить как его особенности в данной системе знаков, так и особенности всей системы в целом.

Любой знак образует единство означающего и означаемого, соответственно, рассматривать его нужно как итог ассоциации этих двух членов. Поскольку сама душевная организация человека имеет знаковую структуру, с помощью знаковых отношений человек способен связать самые разнородные предметы. Таким образом, языковой знак стоит рассматривать как универсальный механизм общения, познания, самовыражения, а знаковую оформленность – в качестве важнейшего признака человеческого бытия.

Существует значительное число классификаций знаков, основанных на различиях формы, содержания, связи формы с содержанием, структуры и других параметрах. В большинстве лингвистических работ стало традиционным разбиение знаков на иконические знаки, индексы и символы. Для иконических и индексальных знаков форма позволяет догадаться о содержании знака даже незнакомому с ним адресату. Что же касается символических знаков, то их форма сама по себе, т.е. вне специального договора, не даёт никакого представления о содержании. Данный факт позволяет нам говорить о произвольности языкового знака.

Среди терминологических знаков большинство является произвольными. Произвольность означает, однако, не свободу выбора формы знака вообще – ведь в рамках одной знаковой системы (в частности, в рамках терминосистемы анатомии) этот выбор ограничен. Произвольна только связь между означающим и означаемым, устанавливаемая и определяемая профессиональной языковой конвенцией, а не какими-то естественными причинами [1, С. 35-36].

Совершенно иным средством представления реальности является образный знак. «Образ», иллюстрируя какой-либо предмет или явление, является невербальным его обозначением. Это может быть как изображение собственно объекта, так и изображение его признаков или функций. Примером простейших образных знаков в нормальной анатомии могут являться иллюстрации, отражающие строение человеческого тела, причем как крупных анатомических объектов, так и отдельных их частей. Через образное восприятие, как известно, можно лучше понять систему отношений.

В ряду живых существ человек представляет собой наиболее сложно устроенный организм. При изучении строения человеческого тела различаются *сравнительная, систематическая, топографическая и пластическая анатомия*. Каждая из них позволяет определить какие-либо индивидуальные особенности, а в совокупности создается целостная картина человеческого организма. Так, например, *сравнительная* анатомия занимается исследованием одинаковых анатомических признаков у человека и различных видов животных с целью сравнения и изучения истории происхождения человеческого организма. *Систематическая* анатомия дает представление о строении, форме, положении и развитии органов по системам (остеология, спланхнология, артросиндесмология и т.п.). *Топографическая*, или *регионально-топографическая*, анатомия исследует взаимное послойное расположение различных органов или тканей какого-либо конкретного органа. *Пластическая* анатомия дает сведения о статике и динамике внешних форм человеческого тела. Составление образных знаков каждого из перечисленных аспектов нормальной анатомии позволяет получить не только общее представление об объекте, группе объектов или какой-либо отдельной части конкретного анатомического органа, но и наглядно увидеть их в сравнении, действии, рассмотреть отличительные признаки, выявить определенные свойства и внутренние закономерности. Для изображения более сложных связей между частями целого существуют так называемые «конвенциональные» знаки, которые лишь опосредованно связаны с реальностью. Таким примером в анатомии является изображение человеческого тела с позиций трехмерного пространства, которое позволяет увидеть не простую регистрацию какого-либо предмета или явления, а указывает на ориентиры анатомического объекта. Изображение симметричных плоскостей человеческого организма онтологически систематизирует совокупность органов и служит для описания топографических отношений.

Итак, образный знак стоит вместо другого предмета и, так или иначе, напоминает обозначаемое. Значение образных знаков состоит в том, что при их помощи часто бывает легче и лучше показать систему отношений. Появление образных систем способствует развитию абстрактного мышления [2, С. 103].

Научные понятия репрезентируются различными знаковыми системами. Помимо образных знаков в анатомии следует выделить и символы. Между символом и образным обозначением, безусловно, существует различие. Символ – знак, который связан с обозначаемой им предметностью так, что смысл знака и его предмет представлены только самим знаком и раскрываются лишь через его интерпретацию. В отличие от образного знака, который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношений, символ скрывает глубокие познания о человеке, природе и Вселенной, не объясняет, а указывает через самого себя на предполагаемый смысл какого-либо объекта или явления; он многогранен, иногда многозначен, и его невозможно понять буквально. Другими словами, символ никогда не раскрывает перед человеком всего своего содержания, а только ту часть, которая для него становится актуальной. Еще в античные времена философы утверждали, что каждый символ становится хранителем той актуальной для нас истины или ее части, которую мы в состоянии постичь на том или ином этапе своей жизни в зависимости от наших способностей, стремлений и духовных поисков. Язык символов, по мнению мудрецов, имеет как минимум семь ключей разгадки и понимания.

Первоначально символ обозначал вещественный знак, имевший тайный смысл для группы лиц, объединенных вокруг какого-нибудь культа (например, в эпоху поздней античности символом христианства стал крест). Являясь знаком узнавания, символ используется в различных сферах употребления. Так, в анатомии для обозначения половой принадлежности активно используется гендерная символика: ♂ (символ Марса – для обозначения мужского организма, иногда этот символ называют «щит и копье Марса») и ♀ (символ Венеры – для обозначения женского организма, обычно его называют «зеркалом Венеры»). Ассоциируемая с полом символика была заимствована из астрономических обозначений: впервые их стал использовать Карл Линней в 1751 году для обозначения пола растений. В настоящее время многие анатомические объекты, имеющие половую принадлежность, обозначаются гендерными знаками, например, *наружный сфинктер мочеиспускательного канала* ♂ (т.е. у мужчин) и *наружный сфинктер мочеиспускательного канала* ♀ (у женщин). Во внутренних органах примером может являться нижняя часть ободочной кишки, называемая сигмовидной кишкой, которая в анатомии часто изображается как *S-образная*.

Примечательно, что, изменяя сферу своего функционирования, т.е. попадая в терминосистемы других областей медицины, обозначения анатомических объектов получают иную символическую репрезентацию. Так, в терминосистеме ветеринарии при диагностике сердечно-сосудистых заболеваний применяется ряд символических обозначений, маркирующих норму или патологию. Например, при аномальном расположении магистральных сосудов используются три варианта символов: *D-tup* (при D-мальпозиции клапан аорты лежит справа от легочного клапана); *L-tup* (при L-мальпозиции клапан аорты лежит слева от легочного клапана); *A-tup* (при A-мальпозиции клапан аорты лежит впереди от легочного клапана). Другой пример иллюстрирует типы расположения внутренних органов, которые в медицине имеют следующие обозначения: *нормальное* (S), *инвертированное* (I), *неопределенное* (A). Кроме того, приведенные примеры демонстрируют достаточно разветвленные системно-иерархические связи анатомической терминологии, которые могут представлять цепочку парадигматических группировок анатомических терминов, отражающих научное знание различных областей медицины.

Говоря о символических обозначениях в анатомии, нельзя обойти вниманием сакральную и мистическую символику. Так, позвоночник в сакральной анатомии считается судьбоносным каналом, а монолитная кость в его основании – *os sacrum* («крестец») – означает «священный дар» (от лат. *sacer* – «посвященный Богу» – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу; обрядовый). В современной анатомии и других медицинских дисциплинах нередко обозначается заглавной латинской буквой *S*.

В свою очередь строение человеческого тела является основой символизма в разных областях и сферах духовной и практической деятельности человека. Таким примером может служить изображение фаллоса, который у представителей многих национальностей является символом плодородия, в Древнем Египте – символом жизни. Мужское яичко с древности являло начало всего сущего. У всех народов мира издавна существовал обычай строить храмы по форме человеческого тела. Если положить тело человека с распростертыми руками и спроецировать его на

религиозную постройку, то самое возвышенное место – алтарь – будет соответствовать голове, мозгу. Анатомический символизм был увековечен во многих архитектурных сооружениях.

Интересными в этом русле представляются работы известного московского анатома, профессора кафедры анатомии человека I МГМУ Л.Е. Этингена, изучавшего тело человека не только с точки зрения специалиста-анатома, но и исследовавшего его мистический, эзотерический и символический аспекты. Ученый считает, что интерес к человеческому телу возник потому, что представления о составляющих человека имеют корни в памяти всех народов. Автор книги «Мифологическая анатомия» (а также ряда подобных изданий) при изучении фундаментальной основы медицины связал ее с отдельными мифологическими, этнографическими, религиозными и эзотерическими концептами, поскольку «представления о строении тела, формировавшиеся на протяжении веков, переполнены образами, символами и аллегориями» [3, С. 3]. Например, изучая конечности человека («орудие из орудий»), он отмечает достаточно распространенный ритуал возложения рук для передачи крепости и могущества. Причем считалось, *правая рука* всегда давала больше благословения, а *левая* в большинстве мифологических представлений воплощала отрицательное начало, нечистоту. В античные же времена она выступала символом женского, оплодотворяющего начала. Описывая нижние конечности, автор указывает на то, что *стопа* представляет собой символ прерывности какого-то раздела между телом и землей, *пятка* же всегда воспринималась как окончание человека. В своих работах профессор анатомии рассмотрел многие анатомические органы человека (сердце, легкие, мозг и т.д.) вместе с колоссальным пластом мифов, религиозных воззрений, обычаев и житейских представлений.

Л.Е. Этинген объективно замечает, что многое в анатомию приходило из бытовой лексики, в результате чего и появлялись символические обозначения. Так, для частей внутренних органов в древней Месопотамии применяли такие обозначения, которые не следовало понимать буквально: «дверь дворца», «путь», «ярмо». Аналогично, по ведическим представлениям, у тела, как у города, имеются врата: два глаза, две ноздри, два уха, а также рот, задний проход и половые губы. Автор затрагивает здесь и тему происхождения символичности термина: «Когда-то начали и веками продолжали подробно обозначать те или иные анатомические детали, нередко даже с помощью таинственной специальной терминологии, напоминающей язык средневековых алхимиков. В духе тех времен анатомические термины были на латыни. Простонародье ее не знало, поэтому непонятно обменивающиеся чем-то своим анатомы представляли загадочными, владеющими тайнами, а их научный язык позволял отделить понимающих смысл от других» [3, С. 12].

Продолжая развивать идеи символизма и знаковости, отметим, что семиотическое пространство анатомии представляет собой синтез всех перечисленных и рассмотренных знаковых систем, но в анатомической терминологии, как правило, преобладает *языковая знаковая система*. Однако ее связь с другими системами знаков является очевидной. Как справедливо отмечает Е.В. Бекишева, «терминология любой отрасли знания является своеобразным профессиональным кодом, который представляет собой систему, состоящую из структуры знаков и отношений между ними. В этом смысле, медицинская терминология отличается особым способом кодирования информации, основанном, главным образом, на использовании в качестве знаков лексем и терминологических элементов латинского и древнегреческого происхождения, и имеет собственные правила комбинаторики знаков и их функционирования» [1, С. 35].

Список литературы / References

1. Бекишева Е.В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем: монография / Под ред. проф. В.Ф. Новодрановой. – Самара: ООО «ИПК «Содружество»; ГОУВПО «СамГМУ», 2007. – 250 с.
2. Дианова Г.А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения) – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Р. Валент, 2010. – 160 с.
3. Этинген Л.Е. Мифологическая анатомия. Издание 2-е, дополненное. – М.: Издательство «Институт общегуманитарных исследований», 2009. – 528 с., ил.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bekisheva E.V. Kategorial'nye osnovy nominacii boleznej i problem, svjazannyh so zdorov'em: monografija / Pod red. prof. V.F. Novodranovoj [Categorical foundations of nominations of diseases and problems related to health: a monograph / edited by Professor V.F. Novodranovoy]. – Samara: ООО «IPK «Sodruzhestvo»; GOUVPO «SamGMU», 2007. – 250 P. [in Russian]
2. Dianova G.A. Termin i ponjatie: problemy jevoljucii (k osnovam istoricheskogo terminovedenija) [The term and concept: the problem of evolution (to the basics of historical terminology)]. – The second edition revised and added. – M.: R. Valent, 2010. – 160 P. [in Russian]
3. Jetingen L.E. Mifologicheskaja anatomija [Mythological anatomy]. – The second edition added. – M.: Izdatel'stvo «Institut obshhegumanitarnyh issledovanij», 2009. – 528 P., il. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.053>

Колчина Т.Ф.

Аспирант,

Волгоградская государственная академия физической культуры

ТЕНДЕНЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ КИНОТИТРОВ ПРИ ОПИСАНИИ КОЛЛЕКТИВНОГО АВТОРА**Аннотация**

В данной статье рассматриваются понятия титров как одного из элементов кинотекста. Приводится сравнительный анализ структуры авторского коллектива инициальных и финальных титров в американской и русской лингвокультурах и способы их синтаксического выражения. Также рассматриваются иерархические отношения авторского коллектива в различных его подгруппах и причины их появления. В результате исследования была выявлена тенденция усложнения в наименованиях авторского коллектива текста кинотитров обеих лингвокультур.

Ключевые слова: кинотитры, инициальные титры, финальные титры, авторский коллектив, иерархические отношения.

Kolchina T.F.

Postgraduate student,

Volgograd State Physical Education Academy

TRENDS IN ENGLISH AND RUSSIAN TEXTS OF TITLES AT DESCRIPTION OF TEAM OF CONTRIBUTORS**Abstract**

This article deals with the concept of titles as one of the elements of the film text. It provides comparative analysis of the structure of the team of contributors in initial and final titles in American and Russian linguo-cultures and ways of their syntactic expression. Hierarchical relationships of the contributors' team in various subgroups and the reasons for their emergence are given. As a result of the research, the tendency of complicating names of the contributors' team members of both linguo-cultures is revealed.

Keywords: titles, initial titles, final titles, team of contributors, hierarchical relations.

За последние несколько десятков лет кинематограф проник во все сферы современной человеческой культуры и играет в ней большую роль. История развития кинематографа неразрывно связана с понятием кинотекста. На истории развития кинотитров как части кинотекста мы можем проследить значимые тенденции в мировой глобализации общества. В нашем исследовании мы придерживаемся понятия кинотекста, данного Г.Г. Слышкиным и М.А. Ефремовой, согласно которому «кинотекст – это связанное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов...» [3, С.153]. Титры – неотъемлемая вербальная составляющая кинотекста; надпись, имеющая в своем содержании пояснительный текст или передающая слова действующих лиц в кинопроизведении. Титры, демонстрируемые вначале кинопроизведения, именуются инициальными (начальными); титры, предъявляемые в конце фильма, называются финальными [4].

Большую часть как инициальных, так и финальных титров составляет описание авторского коллектива. Оно занимает примерно 95% от всего объема как финальных, так и инициальных титров. Сюда входят наименования профессий и функций, которые выполняли члены авторского коллектива, а также их имена собственные. В инициальных титрах всегда назывались наиболее значимые члены авторского коллектива, которые подразделяются на две группы: актерский состав и технические участники фильма. В каждой из групп присутствуют свои иерархические отношения. Прежде всего, рассмотрим иерархию актерского состава:

- имена главных актеров без указания их роли или с использованием конструкций «в главных ролях», «в ролях», «в фильме снимались», «в роли + имя актера», “Starring/with.../ имя и фамилия актера + in(в)+название фильма”, “featured”, “introduced”, «впервые на экране», “guest star”, (см. рис.1-4). При демонстрации вышеперечисленных фраз смешиваются две иерархии: иерархия персонажей, то есть значимость персонажа, роль которого исполняет актер, и иерархия актеров, где большую роль играет популярность актера, а также другие статусные характеристики в определенной лингвокультуре. Как правило, главные роли исполняют хорошо известные актеры, однако, для привлечения внимания к фильму его авторы могут приглашать на второстепенные роли популярных актеров и обозначать их словоформами.

Рис. 1 – “Pin Up Girl” (Девушка с обложки), реж. Брюс Хамберстоун, 1944

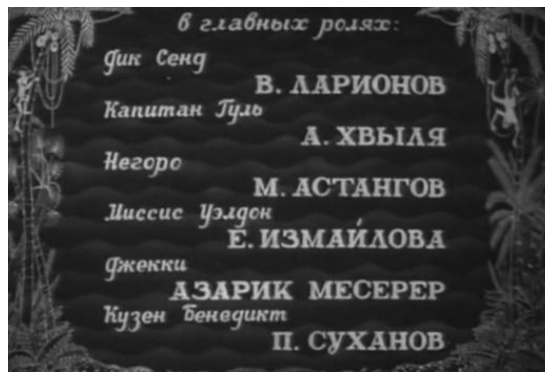

Рис. 2 – «Пятнадцатилетний капитан», реж. Василий Журавлев, 1945

Рис.3. “Twelve O’Clock High” (Вертикальный взлет), реж. Генри Кинг, 1949

Рис. 4 – “An American in Paris” (Американец в Париже), реж. Винсент Миннелли, 1951

- имена второстепенных или менее узнаваемых актеров с обозначением фраз «а также», «в эпизодах», *Co-Starring*, *Cast* или *The Players*.

Лексемы *Co-Starring*/в ролях либо *with/при участии/с участием* обозначают звезд второй величины, также хорошо узнаваемых, но исполняющих роли второго плана. За формулировками *Cast*/в фильме снимались, *The Players*, в эпизодах, как правило, следуют имена и фамилии всех остальных актеров (см. рис. 5,6).

Рис. 5 – “National Velvet” (Национальный бархат), реж. Клэрэнс Браун, 1944

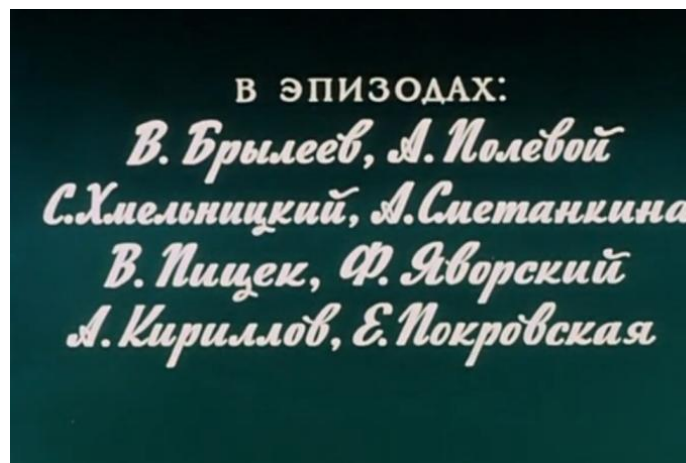

Рис. 6 – «Карнавальная ночь», реж. Эльдар Рязанов, 1956

Во второй группе, где описываются технические участники фильма, выделяются следующие термины:

- автор сценария/ screen play by.../ Story by/ written by,
- оператор(ы)/ photographed by .../ photography by.../ chief photographer
- режиссер, постановщик/ directed by...., director, фильм + имя в родительном падеже
- монтажер/монтаж/ film editor/ edited by/
- художник/ production designer (designed)/art director
- композитор/ musical score, music by.../musical direction(musical director)
- звукооператор, звукооператор, оператор звука/ sound (by) /sound director, musical director
- директор картины (или группы)/ produced by... /production
- гример/take-up/ director of make-up.

Следует отметить, что вышеперечисленные группы инициальных титров существовали с начала появления звукового кинематографа. Позже, в связи с появлением цвета и техническим развитием кинематографа данная группа начинает расширяться такими терминологическими обозначениями, как

- костюмер/wardrobe by..., costumes designed by..., gown by....,
- режиссер диалога/dialogue director,
- спецэффекты/special effects,
- дизайн цвета/production designed in color by,
- кинопрокат/distributed by и т.д.

В данной группе начинает проследиваться своя иерархия, отношения в которой выражаются чаще всего прилагательными или сложными существительными (compound nouns): *главный/chief* (главный оператор, главные художники), *co-/associate* (co-producer, associate producer), *второй/second* или существительными *ассистенты/assistants* (assistant director, assistant to producer, production assistant, ассистенты режиссера, ассистенты оператора, ассистенты художника, ассистент по монтажу), *помощник* (помощник режиссера) (см. рис. 7-8).

Рис. 7 – “How to Steal a Million” (Как украсть миллион), реж. Уильям Уайлер, 1966

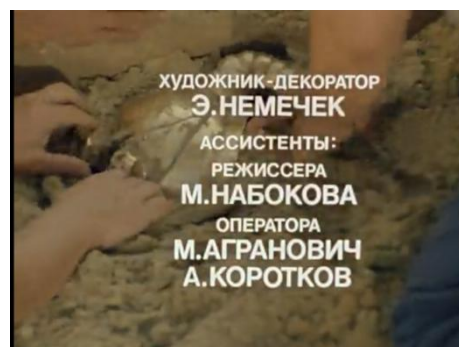

Рис. 8 – «Джентльмены удачи», реж. Александр Серый, 1971

В современном кинематографе обеих культур в начальных титрах указываются наиболее важные с точки зрения коллективного автора участники. В них же выделяются обязательные и вариативные элементы. К обязательным элементам современных инициальных титров мы также относим две группы, первая из которых, обозначающая актерский состав, остается неизменной в сравнении с начальным этапом кинематографа, вторая группа – остальные участники авторского коллектива – количественно расширяется; сюда, кроме первоначальных терминологических обозначений, входят такие составляющие как:

- дизайнер картины/Production Designer,
- оператор-постановщик/ Director of Photography,

- *заведующий актерским отделом киностудии / подбор актеров/ casting by,*
- *исполнительный(е) продюсер(ы)/Executive Producers,*
- *режиссер-постановщик/ film director,*
- *художник-постановщик/ art director,*
- *художник по гриму/ makeup artist /make up, by...,*
- *художник по костюму(ам)/ costume designer/ costumes designed*
- *продюсер(ы)/produced by... /production.*

Вариативными элементами являются:

- *музыкальный руководитель/music supervisor(s),*
- *песня/ саундтрек/original song/ song*
- *звукорежиссер/sound designer/ sound design by,*
- *монтаж/ режиссер монтажа/ film editor,*
- *дизайн титров/main title theme by...*
- *редактор.*

Следует отметить, что в связи с тем, что обозначения авторского коллектива стали усложняться за счет технического развития кинематографа, иерархические отношения между его членами приобрели ярко выраженный характер и наряду с терминами *главный/chief, co-/associate, второй/second ассистенты/assistants, помощник* появились и новые эпитеты: *генеральный, ведущий, senior, и т.д.* В кинематографе часто делается акцент на статусности выполняемой роли, поэтому вышеперечисленные лексемы презентуются в порядке уменьшения их значимости.

Что касается финальных титров, то с течением времени можно наблюдать усложнение их системы. Если при появлении звукового кинематографа американские финальные титры включали в себя лишь терминологические обозначения *cast of characters* с именами и фамилиями актеров и исполняемых ими ролей, а в тексте титров советского кинематографа вообще отсутствовало подобное явление, то в современных завершающих титрах обеих лингвокультур указываются абсолютно все участники, принимавшие участие в создании фильма. Современные завершающие титры дублируют терминологические обозначения из инициальных титров с добавлением информации обо всех остальных членах коллективного автора. Порядок демонстрации словоформ финальных и инициальных титров не идентичен.

Границы авторского коллектива постоянно расширяются, что, на наш взгляд, с одной стороны связано с усложнением технической стороны кинематографа, а с другой стороны – изменением отношения к труду и политической корректности, следуя которым, все лица участвующие в создании фильма, должны указываться в титрах. В связи с этим лица, которые ранее участвовали в создании фильма, но не являлись его авторами, изменили свой социальный статус и стали частью авторского коллектива. Именно поэтому в титрах стали фигурировать такие наименования профессий, как *медики, водители, уборщики, поставщики провизии, фирмы, предоставившие реквизит.*

Структуру финальных титров (помимо повторения информации из инициальных титров) образуют такие элементы, как:

- Все актеры, принимавшие участие в съемках фильма. Как правило, элементы данной группы выражаются словоформами *Cast (in order of appearance)* в английском языке, и *в фильме снимались или роли исполняли* в русском языке. Следует обратить внимание, что русскоязычные словоформы в данной группе выражаются глаголами несовершенного вида прошедшего времени;

- Группа, ответственная за трюки. К данной группе могут относиться наименования профессий, отвечающие за общие трюки или трюки для конкретных актеров (*Billy Hope Stunt Double*, в фильме “Divergent”, 2014, реж. Нил Бёргер; *Stand-in for ...“Southpaw”* реж. Антуан Фукуа, 2015; *Female Stand-In, Male Stand-In “The Age of Adaline”*, 2015). В синтаксическом плане это может быть выражено при помощи существительных, существительных с зависимыми существительными в родительном падеже: *трюки, постановщик трюков, каскадеры, помощник каскадера, дублер, stunts, stand ins, stunt coordinator, utility stunts, fight coordinator, unit stunt coordinator,*

- Административная группа: *исполнительные продюсеры/ Executive in charge of production/ Executive Producer; линейный продюсер/Line Producer; менеджер по производству/Production Manager; менеджеры, ответственные за отдельные части фильма, а также их помощники/ Unit Production Manager; 1st, 2nd Assistant Director.*

- Съемочная группа/Crew. Сюда относятся все лица, непосредственно принимающие участие в съемках фильма: *администраторы, операторская группа, группа сценаристов и редакторов, группа, ответственная за звук, рабочие постановочного цеха, художники-гримеры, художники-постановщики, художники-декораторы.*

Нижеперечисленные терминологические обозначения изначально не входили в состав авторского коллектива финальных титров, но, в связи с упомянутым ранее изменением отношения к труду и соблюдением авторских прав, стали являться таковыми. Сюда относятся *электрики, спецэффекты; лица, ответственные за место съемок; подбор актеров, офисные и экономические работники, тренеры, водители, поставщики провизии, медики, охрана, реклама, оцифровка, постпродакшн, титры, визуальные эффекты и т.д.*

Резюмируя вышесказанное можно прийти к следующим выводам:

1) С развитием кинематографа усложняются наименования авторского коллектива, появляются отношения иерархии в различных подгруппах;

2) В американский, а позднее и российский авторский коллектив начинают включать обслуживающий персонал, который изначально не являлся соавтором фильма: медики, водители, уборщики, поставщики провизии, фирмы, предоставившие реквизит. На наш взгляд, это связано с соблюдением авторских прав, следуя которым, все лица участвующие в создании фильма, должны быть указаны в титрах;

3) С одной стороны, с течением времени в авторском коллективе появляются новые члены, а с другой стороны – растет также и число тех, кого относят к авторскому коллективу.

Список литературы / References

1. Колчина Т.Ф. Титры в англоязычных и русскоязычных кинотекстах 1930-х годов // Инициативы XXI века. – 2012. – №3. – М.: Институт бизнеса, психологии и управления. – С. 164-166.
2. Колчина Т.Ф. Эволюция рамочных элементов кинотекста // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2014. – №4. – Р. н/Д.: ЗАО «Центр Универсальной Типографии». – С. 30-33.
3. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова; Репринтное издание: М., 1995; М., 2000.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kolchina T.F. Titry v angloyazichnykh i russkoyazichnykh kintekstakh 1930-kh godov [Titles in English-language and Russian-language Film Texts of the 1930s] // Initiativi XXI veka [Initiatives of the XXI century] - 2012. - No. 3. - M.: Institute of Business, Psychology and Management. - P. 164-166. [In Russian]
2. Kolchina T.F. Evoliutsiya ramochnykh elementov kinoteksta // [Evolution of Frame Elements in Film Texts] // Ekonomicheskiye i gumanitarnyye issledovaniya regionov [Economic and Humanitarian Studies of Regions] - 2014. - No. 4. - R. n/D.: ZAO "Centre for Universal Printing." - P. 30-33. [In Russian]
3. Slyshkin G.G., Yefremova M.A. Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza) [Film Text (experience of linguo-cultural analysis)] - M.: Aquarius Publishers, 2004. - 153 p. [In Russian]
4. Tolkoviy slovar' russkogo yazika: v 4 t. [Dictionary of Russian language: In 4 volumes] / Ed. by D.N. Ushakova; Reprint edition: M., 1995; M., 2000. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.091>Команова А.Ю.¹, Богачев Р.Е.²¹Ассистент кафедры иностранных языков,²Кандидат филологических наук,

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС» НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**Аннотация**

Рассмотрено явление «дискурс» в его широком и узком смысле, а также обозначены типы дискурсов, с позиции различных подходов. Определена роль медийного дискурса в процессе осуществления коммуникативного действия, а также обозначены и проанализированы основные признаки дискурса масс-медиа (групповая соотнесенность, публичность и диссенсная ориентированность) на примере англоязычных средств массовой информации. В ходе исследования было выявлено, что массово-информационный дискурс является не только методом осуществления передачи определенной информации адресанту, но и способствует формированию образа мысли человека, получившего эту информацию.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативное действие, текст, разговор, массово-информационный дискурс, групповая соотнесенность, публичность, диссенсная ориентированность.

Komanova A.Yu.¹, Bogachev R.E.²¹Assistance Lecturer at the Department of Foreign Languages,²PhD in Philology,

"Belgorod State National Research University" (NRI "BelSU")

INVESTIGATION OF "DISCOURSE" CONCEPT ON THE EXAMPLE OF ENGLISH MASS MEDIA**Abstract**

The phenomenon of "discourse" in its broad and narrow sense is considered in the article. Types of discourses from the viewpoint of different approaches are studied. The role of media discourse in communicative act is defined, and the main features of mass media discourse (group correlation, publicity and dissent orientation) are identified and analyzed on the example of English-language media. In the course of the research, it was found out that mass information discourse is not only a method of transmitting certain information to the addressee – it also contributes to the formation of the mindset of a person who is the recipient of this information.

Keywords: discourse, communicative act, text, conversation, mass-information discourse, group correlation, publicity, dissent orientation.

В настоящее время мы часто сталкиваемся с такими понятиями как «язык», «дискурс», «действие», «сознание», «знание», «общество», но мы едва ли можем дать более или менее удовлетворительную дефиницию данным явлениям. Это свидетельствует о том, что речь идет о фундаментальных значениях, являющихся частью определенных учений или дисциплин. Так, говоря о теории дискурса, невозможно дать конкретное определение, можно лишь расширить круг исследуемых феноменов. Таким образом, сама формулировка этой категории предполагает рассмотрение понятия дискурс сквозь призму собственной позиции касательно данного феномена.

Существуют различные методы изучения этого явления, и один из основоположников теории дискурса Т. Ван Дейк рассматривает данное понятие под разным углом. В общепринятом понимании дискурс представляет собой сложное, составное коммуникативное явление, происходящее в процессе общения между адресантом и адресатом [2]. Общение является частью коммуникативного действия, то есть речевого или письменного акта, имеющего как невербальные, так и вербальные компоненты. Если рассматривать данное явление более конкретно, то нельзя не отметить, что дискурс

представляет собой исключительно текст или разговор и, таким образом, как правило, включает в себя только вербальный компонент общения. В повседневной жизни такой дискурс представлен в текстовом и разговорном виде, и говорят о нем как о «разговоре» или «тексте». В этом смысле термин «дискурс» обозначает конечный результат взаимодействия, осуществляемого посредством выполнения письменного или речевого действия [2].

Понятие дискурс тесно связано с такими явлениями как речь и текст, характер взаимоотношений которых невозможно определить однозначно. В основном данные понятия разделяют по принципу устный дискурс vs. текст. Подобный подход сводит определение терминов к двум формам языкового действия, при которых либо используется письмо, либо – нет. Следовательно, текст представляет собой сообщение, при помощи которого осуществляется дискурс, и, как следствие, предложение и текст представляют собой явления первостепенной значимости, в то время как высказывание и дискурс занимает второстепенную позицию. Таким образом, М.Л. Макаров приходит к умозаключению, что подобное разграничение приобретает смысл и оказывается методологически полезным, в виду того, что понятие текст принадлежит уровню языка, а дискурс – языковому общению [4, С. 159].

Существует еще один подход, предложенный В.В. Богдановым, который предполагает рассмотрение речи и текста в качестве разных аспектов дискурса, тем не менее, тесно связанных между собой в процессе коммуникации. Данная точка зрения находит свое объяснение в том, что отнюдь не каждая речь поддается текстовому перекодированию, и далеко не любой текст можно «озвучить». Следовательно, под *дискурсом* понимается то, что не только говорится, но и пишется, то есть речевая деятельность в целом, представляющая собой языковой материал, причем в любой его репрезентации – звуковой или графической. Таким образом, важно отметить, что термины *речь* и *текст* представляют собой вид, в то время как дискурс является термином, объединяющим их по родовому признаку [1, С. 5-6].

Для того, чтобы проанализировать и систематизировать определенные виды дискурса, необходимо обратиться к описанию структур, являющихся наиболее приемлемыми и характерными для определенных типов дискурса. Карасик В.И. в качестве основных признаков типологии дискурса выделяет следующие критерии: канал и способ общения, стиль изложения, адресность и фигуративность, функциональность и количество участников. Автор также разграничивает данное явление по способу общения. В этом случае целесообразно противопоставить следующие типы дискурса: фасцинирующий (дискурс поэтических текстов) и информативный, фактический и содержательный, серьезный и несерьезный, обыденный и ритуальный и др. Еще одним немаловажным разграничением является выделение типов дискурса по каналу общения, то есть в данном случае противопоставляется письменный дискурс – устному, дистантный – контактному, реальный – виртуальному. Однако, неоспоримым является факт, что выделенные критерии типологии дискурса взаимопересекаются, и в большинстве случаев невозможно выделить и охарактеризовать чистый тип, соответствующий конкретному критерию. [5, С. 492-494].

Выделяют следующие типы дискурса: институциональный и персональный. В нашей работе мы рассматриваем институциональный тип дискурса, так как, согласно классификации, предложенной В. И. Карасиком, медийный дискурс является одним из видов данного дискурса. [3, С. 6-7].

Массово-информационный дискурс представляет собой не столько передачу определенной информации адресанту, сколько формирование образа мысли человека, получившего эту информацию.

В СМИ четко прослеживаются основные признаки дискурса:

-групповая соотнесенность (адресант разделяет взгляды и ценностные ориентиры своей группы) [6, С. 207]: *There's a good reason why your parents wanted you to choose sensible friends. New research has revealed that risky behaviour is contagious. The same study also found people shy away from daredevil behaviour if others turn away from it too* [8]. *Существует веская причина, почему ваши родители хотели, чтобы вы выбирали разумных друзей. Новое исследование показало, что безрассудное поведение является заразным. В этом же исследовании говорится о том, что люди перестают вести себя неподобающим образом, если другие этого не делают.* Здесь главным ценностным ориентиром является правильное поведение, адресантом которого является конкретная группа – родители. В то же самое время, данная информация будет интересна и понятна не только объекту, но и представителям других групп, что говорит о массовой направленности, инсценированности СМИ, имеющих воздействие на несколько групп одновременно.

-публичность (открытость, ориентированность на массового адресата) [6, С. 206]: *Real Madrid striker Karim Benzema has fuelled speculation regarding his future after posting a picture on Instagram that shows him hugging his daughter Melia* [7]. *Нападающий «Реал Мадрид» Карим Бензема поставил под угрозу свою будущую карьеру после размещения фотографии в Instagram, на которой он обнимает свою дочь Мелию.* На заднем плане фотографии находится шапка с символикой конкурирующего футбольного клуба «Манчестер Юнайтед», что по сути дискредитирует Бензема в глазах его команды.

-диссенсная ориентированность (создание положения диссенса – несогласия, противоречия – с последующей дискуссией) [6, С. 208]. *Should women explain gaps in their resume after raising a family? Controversial study says being honest will help land them a job. Previous evidence suggests women with families are discriminated against. Some say study is too far removed from the actual job-hunting experience* [9]. *Должны ли женщины объяснять пробелы в резюме после создания семьи? Исследования поднимают спорные вопросы о том, что именно честность поможет им устроиться на работу. Преподы же данные свидетельствуют о том, что женщины с семьями подвергаются дискриминации. Некоторые же полагают, что результаты исследований имеют мало общего с фактическим опытом поиска работы.*

Таким образом, текст, попадая в медиа среду, претерпевает определенные трансформации, приобретает специфичные элементы, характерные исключительно СМИ. Говоря о медиадискурсе в широком смысле, можно отметить, что главной и неотъемлемой чертой является, безусловно, не столько ориентированность на общественность, сколько формирование и трансформация мнений и взглядов адресантов, согласно существующей реальности.

Список литературы / References

1. Богданов В.В. Текст и текстовое общение: учебное пособие / В.В. Богданов. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 67 с.
2. Ван Дейк Т. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. Ван Дейк // Ideology: A Multidisciplinary Approach. – 1998. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 23.02.2017).
3. Карасик В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – 2000. – С. 5-20. – URL: <http://studydoc.ru/doc/2243505/v-formate-pdf--566-1-kb-> (дата обращения: 24.02.2017).
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Электронный ресурс] / М.Л. Макаров. – Москва: «Гнозис», 2003. – 280 с. – URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/makarov-osnovu_teorii_diskursa-8l.pdf
5. Моногарова А. Г. Проблема онтологии и структуры дискурса. Специфика англоязычного дискурса медиации [Электронный ресурс] / А.Г. Моногарова // Молодой ученый. — 2013. — №5. — С. 490-495. — URL: <https://moluch.ru/archive/52/6936/> (дата обращения: 25.02.2017).
6. Сычева Е. В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения / Е.В. Сычева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №3. – С. 205-211. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskursa-mass-media-i-metody-ego-izucheniya.pdf> (дата обращения: 25.02.2017).
7. Costa Phil. Real Madrid's Karim Benzema posts picture showing Manchester United badge as star sparks speculation over his future [Электронный ресурс] / Phil Costa // Daily Mail. – 2016. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-3603434/Real-Madrid-s-Karim-Benzema-reveals-s-Manchester-United-fan-Instagram.html#ixzz49Vz2V4jf> (дата обращения: 21.01.2017).
8. Zolfagharifard Ellie. A risky attitude is contagious: Study finds people take more chances if others around them are doing the same [Электронный ресурс] / Ellie Zolfagharifard // Daily Mail. – 2016. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3506726/A-risky-attitude-contagious-Study-finds-people-chances-doing-same.html> (дата обращения: 22.01.2017).
9. Zolfagharifard Ellie. Should women explain gaps in their resume after raising a family? Controversial study says being honest will help land them a job [Электронный ресурс] / Ellie Zolfagharifard // Daily Mail. – 2016. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3601630/Should-women-explain-gaps-resume-raising-family-Controversial-study-says-honest-help-land-job.html> (дата обращения: 22.02.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bogdanov V.V. Tekst i tekstovoe obshhenie: uchebnoe posobie [Text communication: study guide] / V.V. Bogdanov. – Spb.: SpbGU, 1993. – 67 p. [in Russian]
2. Van Deik T. K opredeleniju diskursa [The definition of discourse] [Electronic resource] / T. Van Deik // Ideology: A Multidisciplinary Approach. – 1998. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (accessed: 23.02.2017). [in Russian]
3. Karasik V.I. O tipah diskursa [The typology of discourse] [Electronic resource] / V.I. Karasik // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyj i personal'nyj diskurs [Linguistic persona: institutional and personal discourse]. – 2000. – P. 5-20. – URL: <http://ruslang.isu.ru/education/discipline/philology/diskurs/material/material2/> (accessed: 24.02.2017). [in Russian]
4. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Fundamental theories of discourse] / M.L. Makarov. – Moscow: «Gnozis», 2003. – 280 p. [in Russian]
5. Monogarova A.G. Problema ontologii i struktury diskursa. Specifika anglojazychnogo diskursa mediatsii [The problem of ontology and the structure of discourse. Specificity of the English-speaking discourse of mediation] [Electronic resource] / A.G. Monogarova // Molodoj uchenyj [The young scientist]. – 2013. – №5. – P. 490-495. – URL: <https://moluch.ru/archive/52/6936/> (accessed: February 25, 2017). [in Russian]
6. Sycheva E.V. Ponjatie diskursa mass-media i metody ego izucheniya [Concept of mass-media discourse and approaches for its studying] / E.V. Sycheva // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of liberal arts and natural sciences]. – 2011. – N 3. – P. 205-211. [in Russian]
7. Costa Phil. Real Madrid's Karim Benzema posts picture showing Manchester United badge as star sparks speculation over his future [Electronic resource] / Phil Costa // Daily Mail. – 2016. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-3603434/Real-Madrid-s-Karim-Benzema-reveals-s-Manchester-United-fan-Instagram.html#ixzz49Vz2V4jf> (accessed: 21.01.2017).
8. Zolfagharifard Ellie. A risky attitude is contagious: Study finds people take more chances if others around them are doing the same [Electronic resource] / Ellie Zolfagharifard // Daily Mail. – 2016. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3506726/A-risky-attitude-contagious-Study-finds-people-chances-doing-same.html> (accessed: 22.01.2017).
9. Zolfagharifard Ellie. Should women explain gaps in their resume after raising a family? Controversial study says being honest will help land them a job [Electronic resource] / Ellie Zolfagharifard // Daily Mail. – 2016. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3601630/Should-women-explain-gaps-resume-raising-family-Controversial-study-says-honest-help-land-job.html> (accessed: 22.02.2017).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.078>

Косырева М.С.

ORCID: 0000-0002-3080-1680, Кандидат филологических наук,

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

**РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЛОБАЛИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ****Аннотация**

В статье анализируются деривационные возможности глобализмов в современном русском языке. Глобализмы – это слова, сходные в фонетическом и/или графическом отношении, совпадающие по значению в глобальном (английский) и субглобальных (испанский, немецкий, португальский, русский, французский) языках. Выявляются основные словообразовательные модели, востребованные в адаптации глобализмов к русской грамматике. Описана деривация глобализмов на основе морфологических, неморфологических и комплексных типов. Делается вывод о том, что высокая скорость адаптации глобализмов обусловлена интенсивностью информационного обмена в глобальной коммуникации.

Ключевые слова: глобальная коммуникация, интернациональная лексика, лексические глобализмы, словообразование.

Kosyрева M.S.

ORCID: 0000-0002-3080-1680,

PhD in Philology,

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

**IMPLEMENTATION OF THE DERIVATIVE POTENTIAL OF GLOBALISMS IN THE MODERN RUSSIAN
LANGUAGE****Abstract**

The paper considers the derivational possibilities of globalisms in the modern Russian language. Globalisms are words similar in phonetic and/or graphical terms, and of the same meaning as those of global (English) and subglobal (Spanish, German, Portuguese, Russian, French) languages. The basic word-formation models, used for the adaptation of globalisms to Russian grammar, are revealed, the derivation of globalisms on the basis of morphological, non-morphological and complex types is described as well. The conclusion of the work is as follows: the high rate of adaptation of globalisms is due to the intensity of information exchange in global communication.

Keywords: global communication, international lexicon, lexical globalism, word formation.

Лингвистической компаративистикой установлено, что диалог культур на рубеже XX и XXI вв. развивается под знаком языковой глобализации и что основным инструментом глобальной коммуникации является английский язык. Глобализмы как слова, сходные в фонетическом (и/или графическом) отношении, совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и субглобальных языках [3] в процессе интеграции в систему русского языка образуют производные по продуктивным деривационным моделям. В данной работе предлагается анализ реализации деривационного потенциала глобализмов в современном русском языке.

Выбор в качестве источника лингвистического материала именно русского языка отнюдь не случаен. Качество глобальности языковых единиц относительно настолько, насколько относительно качество глобальности, которое барражирует между уникальностью и всеобщностью, нарастая с увеличением количества языков и представляемых ими семей, расширением стоящей за ними лингвокультурной базы и с ростом активного соприкосновения языков. В современной глобальной коммуникации активность межязыкового взаимодействия беспрецедентна. Глобальность языковых единиц не является качеством или свойством одного изолированно рассматриваемого языка. Эта межязыковая синхроническая категория может быть выявлена только в нескольких сопоставляемых языках. Сходство значений и форм глобализмов не означает полной тождественности. Напротив, наряду с совпадающими признаками здесь возможны в каждом языке специфические отличия, не мешающие практическому отождествлению таких слов. Место русского языка на лингвистической карте мира, многообразие его исторических связей, лингвокультурное богатство и толерантность к заимствованиям обусловили его активное включение в глобальную коммуникацию и обеспечили статус субглобального.

Большинство глобализмов, пришедших в русский язык из английского представляют собой термины и терминоиды [2]. Словообразовательные возможности терминологической лексики в известной степени ограничены и подчинены определенным закономерностям. Прежде всего это относится к не очень активному образованию агентивов – названий лиц, осуществляющих деятельность, названную производящей основой. Дело в том, что агентивы приходят в язык-реципиент (русский) уже в готовом виде из языка-донора (английского), например: *спам – спамер, парсинг – парсер* и т.п. От агентивов образуются отвлеченные существительные, имеющие значение состояния, свойства, процесса, например: *хакер – хакерство, геймер – геймерство, рейдер – рейдерство* и др.

Помимо существительных на основе глобализмов весьма активно образуются прилагательные со значением «относящийся к данному явлению, свойственный ему». Именно поэтому чрезвычайно продуктивны в сфере деривации глобализмов относительные прилагательные, которые образуются от глобализмов, как правило, суффиксальным способом. При этом в процессе деривации неодушевленных существительных, основы которых оканчиваются на твердый согласный звук, чаще всего задействуются суффикс *-ск* (например: *хакерский*) для одушевленных существительных, *-ов* (например: *спамовый*) для неодушевленных. Для деривации несклоняемых существительных с основой на *-и* используется суффикс *-ин* (например: *селфийный*). Производные от глобализмов прилагательные дают производящие основы для дальнейшей деривации: от них образуются префиксальные прилагательные (*спамовый – антиспамовый*), сложные прилагательные (*иннинговый – двухиннинговый*), а также наречия (*флудерский – по-флудерски*).

От большинства глобализмов – имен существительных в современном русском языке образуются глаголы, однако они чаще всего носят разговорный характер, например: *банить, пиарить(ся), чатить, троллить, троллинговать* и пр. В свою очередь глагольные глобализмы производят существительные со значением отвлеченного действия при помощи суффикса *-ниј* после формообразующей инфинитивной гласной, добавляющейся к заимствованной основе (например: *кик – кикать – кикание*), а также при помощи суффикса *-эниј* (например: *тролль – тролление*).

Наши исследования показывают [3], что среди дериватов, образованных от глобализмов, большинство составляют имена существительные. Это вполне закономерно, так как терминологическая лексика по преимуществу номинативна. Глобализмы в процессе адаптации к грамматическим условиям принимающего языка образуют новые слова по морфологическим, неморфологическим и комплексным деривационным моделям (словообразовательным типам).

С точки зрения морфемной структуры слова в морфологических дериватах от глобализмов преобладают образования следующих типов:

- английская основа + русский (исконно русский или заимствованный ранее) аффикс, например: *парсинг-ов-ый, онлайн-ов-ый*;
- русский аффикс + английская основа, например: *квази-флуд, экс-геймер*;
- русский аффикс + английская основа + русский аффикс, например: *по-геймер-ск-и, анти-спам-ов-ый, меж-сайт-ов-ый*.

В неморфологических дериватах отмечаются следующие типы структур:

- английская основа + русская основа, например: *райдер-шоу, Wi-Fi-зона*;
- русская основа + английская основа, например: *мини-керлинг, микро-флуд*.

Комплексные (сочетающие неморфологический и морфологический словообразовательные типы) дериваты образуются по типу:

- русская основа + английская основа + русский аффикс, например: *двух-иннинг-ов-ый, десяти-энд-ов-ый*.

По мере адаптации глобализмов и накопления одноструктурных и родственных слов в разных терминосистемах русского языка, членимость многих заимствованных слов в русском языке приближается к их членимости в английском языке. В глобализмах выделяются те же англоязычные суффиксы, что и в уже давно освоенных русским языком англицизмах:

- суффикс *-мен (-смен)* для обозначения лица, например: *бейс-мен* (ср. *бейсик*), *лайн-смен* (ср. *онлайн*);
- суффикс *-ер* для обозначения лица, например: *дайв-ер* (*дайв*), *питч-ер* (*питч*), *хак-ер* (ср. *хакнуть*) и т.п. ;
- суффикс *-инг* для обозначения процесса, названного мотивирующей основой, например: *сноуборд-инг* (*сноуборд*), *дайв-инг* (*дайв*), *парс-инг* (ср. *парсить*).

Наибольшую словообразовательную продуктивность в современном русском языке демонстрируют суффиксы *-ер* и *-инг*. При этом следует отметить, что суффикс *-ер* оказывается более активным и вытесняет суффикс *-мен*, имеющий то же значение, на периферию деривации. При этом наиболее высокая словообразовательная активность наблюдается у всех глобализмов на *-инг*. Их деривация идет тремя путями:

- образование формы существительных, например: *керлинг – керлингист*;
- образование прилагательных, например: *троллинг – троллинговый*;
- образование глаголов, например: *пампинг – пампинговать*.

Как отмечает В.Р. Богословская, в начале XXI века англицизмы на *-инг* окончательно утрачивают следы глагольности, становясь полноценными и самостоятельными в словообразовательном плане существительными, а суффикс *-инг*, наоборот, приобретает в русском языке значение действия [1]. Кроме того, активное использование словообразовательного типа с *-инг* в деривации глобальной лексики позволяет найти более точные наименования для вновь возникающих явлений глобальной лингвокультуры [1]. Наше исследование в целом подтверждает отмеченную тенденцию.

Таким образом, реализация деривационного потенциала глобализмов в современном русском языке осуществляется на основе немногих продуктивных моделей, обеспечивающих возможность их использования в отраслевых терминосистемах и перспективу стать общеупотребительными. При этом скорость деривационной интеграции глобализмов в русский язык беспрецедентно высока, что, на наш взгляд, обусловлено высокой скоростью информационного обмена в глобальной интернет- и телекоммуникации.

В заключение следует отметить, что особое значение глобализмов в развитии современных языков обусловлено тем, что они, будучи разновидностью интернационализмов, являются общепризнанными естественными формами лексико-семантического выражения важнейших понятий современной культуры. Именно поэтому столь значима их роль в преодолении коммуникативных, языковых и культурных барьеров.

Список литературы / References

1. Богословская, В.Р. Языковая глобализация и новые явления в русской спортивной терминологии / В.Р. Богословская // III Jornadas Andaluzas de Eslavística. — Granada: Jizo Ediciones, 2004. — P. 31-32.
2. Долгенко, А.Н., Косырева, М.С. Интернационализмы и глобализмы / А.Н. Долгенко, М.С. Косырева // Этносоциум и межнациональная культура. — 2016. — №6 (96). — С. 123-129.
3. Косырева, М.С. Глобализмы в русском языке: монография / М.С. Косырева. — М.: Юнити-Дана, 2016. — 171 с.
4. Сешан Ш. Англицизмы в русской речи (на материале прессы 90-х гг.): Автореф. дисс.... канд.филол.наук / Ш. Сешан. ИРЯ им. А.С. Пушкина. — М., 1996. — 23 с.
5. Ronen S., Gonçalves B., Kevin Z.H., Vespignani A., Pinker S., César A. Hidalgo Links that speak: The global language network and its association with global fame // Processing of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2014. — Vol. 111. — № 52. — E5616-E5622.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bogoslovskaya, V.R. Yazykovaja globalizacija i novyje javlenija v russkoj sportivnoj terminologii [Globalization of language and new phenomenon in modern Russian sport terminology] // III Jornadas Andaluzas de Eslavística. — Granada: Jizo Ediciones, 2004. — P. 31-32. [in Russian]
2. Dolgenko, A. N., Kosyreva, M. S. Internatsionalizm i globalizm [International and global words] // Ethnosocium and cross-national culture. — 2016. — №6 (96). — S. 123-129. [in Russian]
3. Kosyreva M. S. Global words in the Russian language: monograph [Globalism v russkom yazyke]. — M.: Yuniti-Dana, 2016. [in Russian]
4. Seshan S. Anglicismy v russkom yazyke (na materiale pressy 90-kh godov) [Anglicism's in the Russian language (on the material of the press of the 90s)] / Pushkin Institute. — M., 1996. [in Russian]
5. Ronen S., Gonçalves B., Kevin Z.H., Vespignani A., Pinker S., César A. Hidalgo Links that speak: The global language network and its association with global fame // Processing of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2014. — Vol. 111. — № 52.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.024>**Курашкина Н.А.**Кандидат филологических наук, доцент,
Башкирский государственный университет**ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕФИНИЦИЙ ОРНИТОНИМОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ****Аннотация**

В статье затрагивается проблема усовершенствования дефиниций орнитонимов, содержащихся в толковых словарях, предназначенных для взрослых носителей языка. Основу проведенного исследования лексикографических толкований составили три английских, два французских и три русских толковых словаря. Представляется, что краткая лингвистическая и экстралингвистическая информация, поданная в соответствии с родо-видовым подходом, способна придать гибкость и вариативность дефинициям при общей стандартизации набора обязательных и факультативных компонентов, что позволяет осуществить описание каждого вида как уникального явления со всеми его отличительными признаками. Структура каждого толкования предполагает присутствие таких восьми обязательных компонентов, как принадлежность птицы к отряду или семейству, ареал распространения, ландшафт обитания, характер миграций, тип питания, величина птицы, цвет оперения и вокальная характеристика. Четыре факультативных компонента предназначены для отражения эксклюзивных характеристик вида и могут быть при необходимости опущены.

Ключевые слова: орнитоним, одноязычный (толковый) словарь, обязательный компонент, факультативный компонент, структура дефиниции.

Kurashkina N.A.PhD in Philology, Associate Professor,
Bashkir State University**ON THE IMPROVEMENT OF DEFINITIONS CHARACTERIZING ORNITHONYMS
IN MONOLINGUAL DICTIONARIES****Abstract**

The article tackles the problem how to improve bird definitions represented in monolingual dictionaries for adult native speakers. The research of the given lexicographic interpretations is based on three English, two French and three Russian monolingual dictionaries. It is assumed that information (both linguistic and extralinguistic), expressed in a concise and typified way in accordance with the genus-and-differentia approach, where the elements of standardization are supported by flexibility, can increase the potential of a dictionary definition and give a concretized image of a bird with its basic distinctive features. The structure of each definition implies the presence of eight obligatory components, such as the scientific order and family reference, a bird's distribution, typical habitat, character of migration, feeding ecology, a bird's size, colour of plumage and typical vocalizations. Four optional components are designed to reflect exclusive species characteristics but they can be omitted when irrelevant.

Keywords: ornithonym, monolingual dictionary, obligatory component, optional component, the structure of the definition.

1. Introduction: on the problem of lexicographic description of ornithonyms

Lexicographic description of bird names can be found in any authoritative dictionary of any language but the number of ornithonyms and the manner of their presentation vary considerably. First of all, it is based on a practical purpose of a particular dictionary type. As B.T.S. Atkins and M. Rundell observe, definitions are always in close connection with their target users and are designed in their content and form to meet the readers' expectations [4, P. 407].

Monolingual dictionaries for adult native speakers or linguists (such as [7] or [3]) are normally used for general reference purposes or for studying a particular subject. As for ornithonyms, they are adequately presented, though it is difficult to say whether the users will be satisfied with the amount of the given information.

Nouns referring to concrete objects of the natural world, where ornithonyms belong, can be successfully defined, if the genus-and-differentia approach is applied. This approach is based on the notions that the meanings of such words are 'reducible to a set of essential conditions' [4, P. 437]. For a bird name, it is essential to indicate what the denotatum looks like and how it behaves. In fact, as P. Hanks observes, the meanings of natural-language terms are 'extremely flexible and

adaptable, precisely because they have undefined boundaries and no necessary conditions' [8, P. 337]. It is not surprising that necessary and sufficient conditions are frequently substituted by typification, which shows the user 'what is normally the case rather than what is necessarily the case' [4, P. 418]. 'The difficulty lies in achieving just the right level of generalization' [8, P. 411].

As M. Rundell claims, due to digital revolution the typologies proposed by L.V. Shcherba, 'based on binary oppositions like 'dictionary vs thesaurus' and 'dictionary vs encyclopedia' are rapidly breaking down' and the boundary between a dictionary and an encyclopedia (which has been always problematic) becomes irrelevant [14, P. 78]. L. Bauer believes that 'encyclopedic information is often of more use to the reader than a purely linguistic definition might be' [5, P. 112]. Nowadays users are engaged in 'search', when it comes to online resources (including e-dictionaries), and it is difficult to say whether 'they will identify their needs as specifically lexical or encyclopedic' [14, P. 79]. That is why it is strongly believed that in defining ornithonyms a reasonable balance between linguistic and extralinguistic information is required.

2. Lexicographic presentation of ornithonyms in the selected monolingual dictionaries

The variety of dictionaries selected for the analysis implies that ornithonyms are represented as general lexical items and the target audience of these dictionaries is adult educated people. English bird definitions are taken from COED11 [7], CED12 [6] and WCCD1 [17]. French definitions of ornithonyms are extracted from PR3 [13] and Larousse [11]. The analysis of Russian bird names is performed on the basis of three academic dictionaries: SSRLYa [3], MAS3 [2] and BTS [1].

Ornithonyms under analysis represent those passerine birds that both inhabit and visit the European continent and can be familiar to people in Great Britain, France and Russia. The chosen number of such bird names is 102. But the range of the analysed ornithonyms comprises 55 English, 51 French and 66 Russian ornithonyms. Such a reduced number arises due to the use of one and the same name for several species belonging to a particular family. For example, in the ornithonyms *barred* warbler, *garden* warbler, *icterine* warbler the substantive names coincide, while the epithets marked in italics point at particular species. Epithets are not described in the dictionaries and are excluded from the analysis.

2.1. Frequency of semantic components in bird definitions

Out of 55 English bird names 55 ornithonyms are found in COED11, 54 in CED12 and 52 in WCCD1. Out of 51 French names 50 ornithonyms entered Larousse and 43 are found in PR3. Out of 66 Russian bird names 57 ornithonyms are described in SSRLYa, 54 in BTS and 51 in MAS3. COED11, Larousse and SSRLYa show the maximum of the definitions in question.

The analysis of bird features described in the English definitions shows the following: such components as (1) the order or family reference, (2) the colour of plumage, (3) distribution, (4) peculiar bird features and (5) a bird's size can be called dominant in [7] and [6]; [11] and [13] demonstrate the frequency of such components as (1) the order or family reference, (2) a bird's size and (3) the colour of plumage. The indication of (3) feeding ecology, (4) distribution, (5) typical habitat and peculiar bird features is also quite frequent in [11]. The dominating components contained in the Russian definitions are: (1) the order or family reference, (2) a bird's size, (3) the colour of plumage and (4) typical habitat. The average number of the semantic components represented in the English and French definitions equals four or five in both languages, while in the Russian definitions it comes to three.

2.2. Indication of the most frequent bird features

The English dictionaries normally indicate the genus and family a bird belongs to together with the Latin name of the commonest representative. For example, *Genus Fringilla, family Fringillidae*: two species, in particular the *F. coelebs* [7]. All the analysed Passeriformes are defined as songbirds, which points at the suborder Oscines. In the French tradition only the order and family indication is observed. In the Russian dictionaries either the order of Passeriformes or the family reference is marked.

A bird's size mostly ranges from *very large*, *large*, *small* and *very small*. Occasionally one may come across a comparison with some familiar yard bird. For example, a waxwing has the same size as a starling [13].

The colour of plumage is marked in all the dictionaries under analysis. One can observe certain variations in the colour description of some species, as it can be seen for a chiffchaff: with drab plumage [7]; with a yellowish-brown plumage [6]; greenish brown [17]. These variations can be determined by the reference to different encyclopedic sources, by the subjective character of human colour perception and age-specific, seasonal or territorial variation of colour intensity in birds themselves.

Some lexicographic descriptions reflect a male's plumage, which is normally bright and intense, while others show the distinction between sexes, if the species are characterized by sexual dimorphism. There are definitions where a bird's plumage is described without any sex reference but the male's dominating colour is implied. For example, the Golden Oriole *has a bright yellow body and black wings and tail* [6], [17], [13], [1], [2].

Other frequently described features are the following: 1) the bill shape, 2) the shape or length of a bird's tail, 3) the presence of a crest or crown, 4) a bird's general shape, 5) the character of wings or legs. When it comes to such bird characteristics as distribution, typical habitat, character of migration, diet, habits, manner of nidification and vocal behavior, they cannot be called frequent and the dictionaries do without them.

It is observed that various features of one and the same species are emphasized, if cross-cultural examination is performed. For example, the Wren is described as a short-winged bird with a short cocked tail in [7]; it is represented as a bird with a cocked tail and a thin sharp bill in [11] and it has a short cocked tail in [1], [2].

To sum up all the observations the following should be noted: 1) the revealed semantic components cover the main bird features but the set of components for individual species is not unified. A dictionary user can learn some facts from one monolingual dictionary but may fail to find them in another; 2) there is a problem of sufficiency, especially with the Russian definitions. Some of them are non-informative, as they fail to characterize a bird. For example, a chat is a bird of the family Turdidae [1], [2], [3]. To state the family reference is not enough because even educated people (if they are not professional ornithologists) have a vague idea about birds that inhabit their region; 3) in ornithonymic definitions a genus-and-differentia approach looks preferable, where linguistic and encyclopedic information is expressed in a concise and typified way. With the help of brief encyclopedic elements dictionary users would be given an advantage to learn some ornithological facts without addressing specialized literature.

3. An improved defining strategy for bird names

The suggested strategy is aimed at native speakers who will need both linguistic and encyclopedic data. The manner of arrangement of linguistic and extralinguistic information in a bird definition consists in the enumeration of obligatory components as a set of essential conditions and some optional (encyclopedic) components related to species exclusive characteristics. The discussion of the defining strategy is based on fifty-seven English definitions characterizing passerine birds. They are made with the reference to the authoritative ornithological literature [9], [10], [12], [15], [16] and the above discussed dictionaries.

3.1. Application of obligatory components

Obligatory components form the basis of an ornithonymic definition and represent diagnostic features relevant to describe a bird species. They are eight.

1) *The scientific order and family reference.* Species are organized conventionally by order and family. Besides, the Latin name of the commonest representative of the family or genus is desirable when one considers various species worldwide sharing the substantive names. For example, a passerine bird of the family Turdidae, *Erithacus rubecula*.

2) *A bird's distribution.* The target birds of the suggested strategy mainly refer to the Western Palearctic and they are normally called *Old World birds*. In dictionary definitions they can as well go as *European*, *Eurasian* or *African* species.

3) *Typical habitat.* Since passerines can be found in all types of environments, the habitat, where a bird is frequently seen, is indicated. One can single out mostly *wood- or tree-dwelling*, *park-dwelling*, *ground-dwelling birds*, *open country dwellers*, etc. For example, a crow is characterized by various habitats, including cities and suburbs.

4) *Character of migration.* Species can be classified as *migratory* and *partially migratory* (if many but not all individuals leave the northern part of the breeding range in winter). The feature is not included in the description, if the bird's winter range coincides with its breeding territory.

5) *Feeding ecology.* Species preferences in food are indicated as follows: *insectivorous*, *mostly insectivorous*, *insectivorous and fruit-eating*, *insectivorous and seed-eating*, *mostly seed-eating*, *seed-eating*, *omnivorous*.

6) *A bird's size.* As it is impossible to differentiate species descriptively, saying that one bird is small and another is very small, ornithological practice may appear quite useful. In ornithology some common or prototypical birds, such as a sparrow, a starling, a thrush, a pigeon and a crow, serve as samples with which strange birds are compared in field. In the definitions the average length of prototypical birds is given in centimetres. For example, the size of the commonest sparrow, the House Sparrow (*Passer domesticus*), equals 14-15 cm. Other birds' size can be characterized as follows: *sparrow-sized* / (*much*) *smaller than a sparrow* / (*much*) *larger than a sparrow*.

7) *Colour of plumage.* If the sexes differ in their plumage, either the male's dominating colour or the colour of both sexes are worth describing. For example, the male of the Crossbill has brick-red plumage, while the female is olive-brown. If a seasonal plumage change takes place, it is worth reflecting. For example, the Common Starling has black plumage, glossed bronze-green and purple that turns speckled white in winter.

8) *Typical vocalizations.* A bird's voice can often be a single feature known by a person, since passerines are mostly small birds and their regular watching can be problematic. Elements of transcriptions may appear to describe simple calls and songs. For example, the Redpoll is characterized by a rapid, sustained twitter *chett-chett-chett*. Birds with complex songs can be described in terms that mostly reflect the general impression of the song. For example, the song of the Bluethroat is *musical and varied, including excellent mimicry*. Bird calls are often compared with other familiar sounds, which helps in typifying the description. For example, the Fieldfare is noted for its *cackling*, *squeaking* and *chuckling* calls. In some vocal descriptions the reference to a bird whose call or song resembles the definiendum can be helpful: the Rook is characterized by a gruff *Crow-like* voice. Mnemonic phrases are also important. For example, the Great Tit is noted for its ringing song *tea-cher tea-cher*.

3.2. Application of optional components

Optional components are designed to reflect exclusive characteristics of a species. They are four.

1) *A bird's shape and other peculiar features.* A bird's shape can be described in such terms as *slender*, *plump*, *stocky*, *stumpy* or *heavily built*. If a species has a peculiar crest or other features that make it exclusive, the definition might cover it as well. For example, jays, larks and waxwings are typically crested.

2) *Manner of nidification and the mode of nest building.* The peculiarity of a colonial nesting cannot be called typical for many birds. For this reason it is worth including in the definition. For example, rooks, fieldfares, jackdaws and martins nest socially. If a bird is an excellent nest-builder, this feature cannot be neglected. For example, the Penduline Tit builds a nest hanging on bush twigs.

3) *Manner of feeding.* If a bird can be recognized by the manner of its feeding or its diet is extremely specialized, this fact may find its reflection. For example, the Crossbill has its *bill adapted for extracting seeds* from the cones of conifers.

4) *Typical movements and behavioural models.* In the suggested defining mode *gregarious* species are marked and those birds that are notable for their curious movements or habits. For example, nuthatches *climb up and down tree trunks, without using their tails*.

Finally, a complete definition for a chough made in accordance with the suggested strategy can be given as an example: gregarious, mostly insectivorous Eurasian and N. African passerine bird of the family Corvidae (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*), noticeably larger than a pigeon, with glossy blue-black plumage, a red down curved bill and red legs, frequenting mountains and sea cliffs; noted for its Jackdaw-like voice and onomatopoeic *chuff*-call.

4. Final observations

The elements of standardization supported by flexibility (when it comes to optional components) can lead to a better presentation of natural organisms in monolingual dictionaries for adult native speakers. Nowadays when modern electronic dictionaries are no longer limited by space, it might be appropriate to enlarge on the content of dictionary entries. The suggested defining strategy is just a possibility and the approach itself may raise further discussion among lexicographers. Definition writing is only partially a skillful technique; it is rather a sort of art, which cannot be neglected.

It is obvious that the represented strategy can be applied not only in bird definitions covering other representatives of avifauna; its application looks reasonable for the improvement of zoonymic definitions at large. A wider application of the approach is viewed acceptable in defining other groups of objects from the natural world, for example plants.

Список литературы / References

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт». 2000. – 1536 с.
2. МАС 3 – Словарь русского языка. Т. I–IV / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык. 1985–1988.
3. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. – М.: АН СССР (Т. 1–15), Наука (Т. 16–17), 1950–1965.
4. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography / B.T.S. Atkins, M. Rundell. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 540 p.
5. Bauer L. The Illusory distinction between lexical and encyclopedic / L. Bauer // Proceedings of the Eleventh International symposium on lexicography, May 2-4, 2002 / H.G. Gottlieb, J.E. Mogensen and A. Zettersten (eds.). – Tübingen: Niemeyer, 2005. – P. 111–116.
6. CED12 – Collins English dictionary. – Complete and unabridged 2012 digital edition. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2012. – URL: <http://www.dictionary.com> (accessed: 10.04.2016).
7. COED11 – Concise Oxford English dictionary / Soanes C., Stevenson A. (eds). – 11th edition. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
8. Hanks P. Lexical analysis: norms and exploitations / P. Hanks. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2013. – 462 p.
9. Hume R. RSPB complete birds of Britain and Europe / R. Hume. – London: Dorling Kindersley Ltd., 2002. – 480 p.
10. Grzimek's animal life encyclopedia / Hutchins M., Jackson J.A., Bock W.J., Olendorf D. (eds). Vol. 8, 10-11: Birds I, III-IV. – 2nd edition. – Farmington Hills, MI: Gale group, 2003.
11. Larousse – Larousse dictionnaire de Française en ligne [Electronic resource]. – URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (accessed: 10.04.2016).
12. Peterson T. R. et al. Collins field guide. Birds of Britain and Europe / T. R. Peterson, G. Mountfort, P.A.D. Hollom. – London: Harper Collins Publishers, 5th revised and enlarged edition, 2004. – 320 p.
13. PR3 – Rey-Debove J., Rey A. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / J. Rey-Debove, A. Rey. – Paris: Le Robert, 1996. – 2552 p.
14. Rundell M. It works in practice but will it work in theory? The uneasy relationship between lexicography and matters theoretical / M. Rundell // Proceedings of the Fifteenth EURALEX International congress, EURALEX 2012, Oslo, August 7-11, 2012 / R.V. Fjeld, J. M. Torjusen (eds.). – Oslo: Department of Linguistics and Scandinavian Studies, University of Oslo, 2012. – P. 47–92.
15. Snow D.W., Perrins C.M. The birds of the Western Palearctic / D.W. Snow, C.M. Perrins. – Vol. 2. Passerines. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1998. – P. 1009–1694.
16. Svensson L., Grant J.P. Collins bird guide / L. Svensson, J.P. Grant. – London: Harper Collins Publishers, 2000. – 399 p.
17. WCCD1 – Webster's concise college dictionary. – 1st edition. – New York: Random House, 1999. – 974 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. BTS – Bol'shoy tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Russian language] / edited by Kuznetsov S.A. – St. Petersburg: «Norint», 2000. – 1536 p. [in Russian]
2. MAS3 – Slovar' russkogo yazyka [A dictionary of the Russian language] / edited by Yevgen'eva A.P. – 3d edition. Vol. 1–4. – Moscow: Russkij yazyk, 1985–1988. [in Russian]
3. SSRLYa – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [A dictionary of modern Russian literary language] / edited by Chernyshev V.I. Vol. 1–17. – Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 1950–1965. [in Russian]
4. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography / B.T.S. Atkins, M. Rundell. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 540 p.
5. Bauer L. The Illusory distinction between lexical and encyclopedic / L. Bauer // Proceedings of the Eleventh International symposium on lexicography, May 2-4, 2002 / H.G. Gottlieb, J.E. Mogensen and A. Zettersten (eds.). – Tübingen: Niemeyer, 2005. – P. 111–116.
6. CED12 – Collins English dictionary. – Complete and unabridged 2012 digital edition. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2012. – URL: <http://www.dictionary.com> (accessed: 10.04.2016).
7. COED11 – Concise Oxford English dictionary / Soanes C., Stevenson A. (eds). – 11th edition. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
8. Hanks P. Lexical analysis: norms and exploitations / P. Hanks. – Cambridge, MA: The MIT Press, 2013. – 462 p.
9. Hume R. RSPB complete birds of Britain and Europe / R. Hume. – London: Dorling Kindersley Ltd., 2002. – 480 p.
10. Grzimek's animal life encyclopedia / Hutchins M., Jackson J.A., Bock W.J., Olendorf D. (eds). Vol. 8, 10-11: Birds I, III-IV. – 2nd edition. – Farmington Hills, MI: Gale group, 2003.
11. Larousse – Larousse dictionnaire de Française en ligne [Electronic resource]. – URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (accessed: 10.04.2016).
12. Peterson T. R. et al. Collins field guide. Birds of Britain and Europe / T. R. Peterson, G. Mountfort, P.A.D. Hollom. – London: Harper Collins Publishers, 5th revised and enlarged edition, 2004. – 320 p.
13. PR3 – Rey-Debove J., Rey A. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / J. Rey-Debove, A. Rey. – Paris: Le Robert, 1996. – 2552 p.
14. Rundell M. It works in practice but will it work in theory? The uneasy relationship between lexicography and matters theoretical / M. Rundell // Proceedings of the Fifteenth EURALEX International congress, EURALEX 2012, Oslo, August

7-11, 2012 / R.V. Fjeld, J. M. Torjusen (eds.). – Oslo: Department of Linguistics and Scandinavian Studies, University of Oslo, 2012. – P. 47–92.

15. Snow D.W., Perrins C.M. The birds of the Western Palearctic / D.W. Snow, C.M. Perrins. – Vol. 2. Passerines. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1998. – P. 1009–1694.

16. Svensson L., Grant J.P. Collins bird guide / L. Svensson, J.P. Grant. – London: Harper Collins Publishers, 2000. – 399 p.

17. WCCD1 – Webster's concise college dictionary. – 1st edition. – New York: Random House, 1999. – 974 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.050>

Лазарева А.А.

Кандидат филологических наук, доцент

Бурятский государственный университет

**ОБУЧЕНИЕ УСТНОЙ РЕЧИ С ОПОРОЙ НА УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ
(НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ РКИ)**

аннотация

В статье рассматривается способ развития устной монологической речи иностранных студентов с помощью поэтапной расширяющейся отработки лексико-грамматических моделей путем их частого проговаривания в заранее собранной подборке учебных текстов. В соответствии с заданной лексической темой следует отрабатывать со студентами определенные грамматические модели с постепенным последующим лексическим расширением. Таким образом, возможно быстрое выведение иностранных студентов в свободную речь по теме. Статья носит практический характер, может быть использована при подготовке учебных пособий по говорению в рамках РКИ на начальном этапе обучения.

Ключевые слова: русский как иностранный, методика, грамматические модели, устная речь.

Lazareva A.A.

PhD in Philology, Assistant Professor,

Buryat State University

**TRAINING OF ORAL SPEECH BASED ON EDUCATIONAL TEXTS
(INITIAL STAGE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)**

Abstract

The article considers the way of oral monologue speech development among foreign students with the help of a step-by-step practice and lexical and grammatical models extension by means of frequent repetition of a set of educational texts. In accordance with a given lexical topic, it is necessary to practice certain grammatical models with students with a gradual subsequent lexical extension. Thus, it is possible to quickly help foreign students talk fluently on a given topic. The article is practical in its nature and can be used in the preparation of teaching manuals on speaking within the framework of teaching Russian as a foreign language at the initial stage of training.

Keywords: Russian as a foreign language, methodology, grammatical models, oral speech.

Известно, что в отношении вопроса об обучении монологической речи в сравнении с диалогической, имеются разные мнения: одна группа методистов не считают необходимым обучение собственно монологу, т.к. придерживаются мысли, что монолог – это усеченный диалог, и, соответственно, эта форма не нуждается в отдельной проработке. Другая группа уверена, что конечной целью обучения является умение студента высказываться на заданную тему – этого будет достаточно и для устного диалогического общения [2, С. 70].

Вместе с тем, многие соглашаются, что выбор формы речи следует из цели обучения. Думается, что это правильное решение и, в свою очередь, считаем необходимым отметить актуальность высказывания о взаимосвязанном и параллельном обучении диалогу и монологу.

Все же следует признать, что развернутое, более организованное и более сложное монологическое высказывание по заданной теме на начальном этапе обучения вызывает большие трудности у учащихся. Если в диалогической речи возможна опора на вопросы/реплики собеседника, то монолог строится говорящим по своей схеме. А ввиду небольшого объема знаний и умений начинающего студента эта задача становится сложной даже для хорошо подготовленных учащихся (не говоря уже о слабых).

Активная работа с учебными текстами уже на элементарном уровне способствует быстрому закреплению в речи лексико-грамматических моделей-образцов на уровне словосочетания, предложения, текста. Вместе с тем, тексты современных учебников на данном уровне, как правило, незначительны по лексическому наполнению, имеют очень небольшой объем и представлены в небольшом количестве. А ведь именно текст может служить активным «полигоном» для отработки языковых и речевых навыков по заданной лексико-грамматической теме. Возможно большее количество текстов, подготовленных по одной модели, позволит студенту быстрее выйти в активную естественную речь.

Обучение говорению проходит поэтапно:

1. презентация и усвоение языкового материала, понимание и усвоение лексико-грамматической модели-образца;
2. отработка практических навыков и умений использовать указанную модель-образец в речи;
3. развитие речевых умений в коммуникативных целях [1, С. 282].

Разумеется, что презентация и понимание лексико-грамматического материала происходит до знакомства с текстом. Однако своевременное и частое привлечение текста способствует более осознанному и быстрому усвоению материала. На данном этапе развиваются навыки чтения, проговаривания, работа носит не только имитативный, но и

аналитический характер. Психологически происходит многократное «наговаривание» определенной лексико-грамматической модели: учащийся неоднократно проговаривает образцы, включенные в текст, аудировать речь преподавателя, вычленил заданные модели в тексте по изученным ранее признакам. Здесь возможны такие задания, как:

- Прослушайте текст, повторяйте его за преподавателем.
- Слушайте преподавателя, читайте текст самостоятельно.
- Читайте текст про себя. Поставьте ударения. Слушайте, как читает преподаватель. Проверьте, правильно ли вы поставили ударение.

- Читайте текст хором вместе с преподавателем, обращайтесь внимание на интонацию, и др.

Залогом успеха последующего говорения на данном этапе является тщательное проговаривание и постепенное автоматизированное усвоение заданной лексико-грамматической модели на уровне словосочетания/предложения. Например, при отработке П.п. места следует до автоматизма доводить употребление словосочетаний:

Таблица 1 – П.п. места: основные глаголы в НСВ в 1-ом, 2-ом и 3-ем лицах в ед. и мн. ч. + сущ. в П.п.

Я работаю	в университете
Ты работаешь	в больнице в аптеке
Он работает	на заводе
Она работает	на фабрике
Мы работаем	в магазине
Вы работаете	в школе
Они работают и др. глаголы	на почте и др.

На следующем этапе уместно выполнение заданий на подстановку, трансформацию, лексическое расширение т. е. на усвоение и тренировку оперативного использования заданных моделей в изменяющихся условиях. Например:

- Выпишите глаголы, назовите форму настоящего/ прошедшего времени ед. ч. /мн. ч.
- К выписанным глаголам подберите слова по заданной модели (не из текста).
- Читайте текст от первого/третьего лица.
- Читайте текст, заменяйте некоторые слова в соответствии с собственной реальностью, и др.

И, наконец, следуют задания на развитие собственно речевых умений:

- Ответьте на вопросы по тексту.
- Опираясь на выделенные глаголы, расскажите текст.
- Задайте вопросы по тексту.
- Расскажите текст по абзацам.
- Расскажите о себе, опираясь на текст.

Если мы посмотрим предлагаемую подборку текстов приложений 1, 2, 3, 4, то станет ясно, что грамматически они выдержаны в рамках определенных моделей, изучаемых в середине/второй половине первого полугодия начального этапа обучения (элементарный уровень):

1. П. п. места и В. п. объекта – им. сущ. + им. прилаг. в ед. и мн. числе;
2. наст. / прош. время глагола в лицах (НСВ);
3. обст-во времени (утром, днём, вечером; П.п. времени, В. п. времени; наречия сейчас, потом, сначала).

Особенно активно в данных текстах тренируются модели значений П. п. места и В. п. объекта:

Таблица 2 – пример моделей для отработки П. п. места и В. п. объекта

Жить в городе	Читать книги
Работать в компании	Делать домашнее задание
Учиться в университете...	Смотреть фильмы ...

Если в тексте 1 эти модели немногочисленны, то далее при той же грамматической модели расширяется лексика. Для учащегося это уже не будет сложным для понимания. Более того, постоянное проговаривание заданных моделей (от первого, самого малого текста, к самому объемному) позволяет прочно усвоить их ситуативное употребление. При этом объем текста постепенно растет, увеличивается количество лексических единиц. У студента возникает ощущение легкости усвоения материала и изучения языка в целом, повышается уверенность в собственных силах. Проговаривание большого количества лексических вариантов данной грамматической модели способствует автоматизации навыка использования ее в речи. Поэтому, после работы с четырьмя названными текстами, подробный и объемный рассказ о себе/о своей семье/о своем друге уже не является трудновыполнимым заданием.

Конечным результатом такой работы, как правило, может стать сначала беседа между преподавателем и студентом по теме, и, далее, полная монологическая речь – рассказ (в устной или письменной форме) о себе в объеме не менее 20 предложений.

Текст 1

Меня зовут Антон. Это моё русское имя. А моё китайское имя Ван Ли. Я китаец. Мне 20 лет. Я учусь в БГУ. Я изучаю русский язык. Каждый день у меня урок. На уроке я читаю, пишу, говорю по-русски.

Я живу в общежитии № 4 на улице Сухэ-Батора, 3А в комнате № 56. Моя комната на пятом этаже. Утром я занимаюсь в аудитории. Днём я обедаю в комнате, немного отдыхаю. Вечером я делаю домашнее задание, повторяю новые слова. Потом слушаю музыку и смотрю фильмы. Потом иду спать.

Комментарий: в тексте используются основные лексико-грамматические модели П. п. места и В. п. объекта им. сущ. + им. прилаг. в ед. ч., а также обст-во времени. Глаголы используются только в 1 лице наст. вр. НСВ – т.е., грамматически очень легкий текст для понимания и усвоения. Объем маленький, при этом основные глаголы П. п. места и В. п. объекта присутствуют.

Текст 2

Здравствуйте, дорогие папа и мама!

Как ваши дела? Как здоровье?

У меня всё хорошо, не беспокойтесь.

Я живу в хорошей квартире в новом доме. Дом находится в центре города. Это очень удобно: всё очень близко – университет, магазины, остановка трамвая.

Квартира тёплая и чистая. В одной комнате живу я, а в другой моя подруга Лили. Лили тоже из Франции, но она не француженка, она японка. Её родители живут во Франции уже 12 лет. Лили одинаково хорошо говорит по-французски и по-японски. Она тоже изучает русский язык. Только она занимается уже два года, поэтому она уже хорошо говорит по-русски.

Я ещё не привыкла есть русскую еду, поэтому готовлю дома. Обычно я ем овощи и рис. А Лили уже хорошо знает русскую кухню, иногда она готовит русские блюда – борщ, винегрет, картошку.

Я много занимаюсь. Каждый день утром я иду на урок в университет. После урока я иду домой и обедаю. Потом немного отдыхаю и иду в библиотеку заниматься. Обычно я занимаюсь в библиотеке два или два с половиной часа. Потом я немного гуляю, иду в магазин, покупаю продукты: сок, овощи, шоколад (в России очень вкусный шоколад!). Потом иду домой.

Вечером я всегда дома: читаю книги, «сижу» в интернете, слушаю музыку.

Папа, мама, я поеду домой в январе, когда у нас будут зимние каникулы. Очень хочу увидеть вас!

До свидания, ваша дочь Регина.

Комментарий: в тексте также используются основные лексико-грамматические модели П. п. места и В. п. объекта им. сущ. + им. прилаг. в ед. и мн. ч., а также обст-во времени. Глаголы используются не только в 1 лице наст. вр. НСВ, но и в 3 лице. Объем увеличился за счет большего количества имен сущ и прилаг., используемых в тех же падежах. На данном этапе идет отработка навыков использования в речи данных лексико-грамматических моделей.

Текст 3

Привет, Виктория!

Извини, что долго не писал тебе. У меня было мало времени. Я уже два месяца изучаю русский язык на курсах русского языка в Бурятском государственном университете. И каждый день я очень занят! У меня каждый день занятия: грамматика, чтение, говорение, фонетика. Уроки трудные, но интересные. На уроках я много говорю по-русски, читаю тексты, делаю упражнения. Например, вчера я писал контрольную работу. Пока не знаю, какой будет результат, думаю, что неплохой.

Я уже могу немного говорить и писать по-русски. В магазинах, когда я покупаю продукты, я говорю по-русски, и продавцы понимают меня. В субботу я ходил в большой продуктовый магазин и купил продукты на неделю. Я купил картошку, рис, яблоки и апельсины (ты же знаешь, как я люблю апельсины!), рыбу и масло. Здесь я привык есть хлеб. Чёрный хлеб очень вкусный, я теперь покупаю его каждую неделю. А ты помнишь, что раньше я не любил хлеб? Теперь люблю.

У меня новый сосед в комнате. Его зовут Роман, он русский студент. Мне очень нравится, что мой новый сосед русский, потому что я могу говорить по-русски не только на уроке, но и в общении. Роман тоже учится на первом курсе, только на факультете иностранных языков. Он изучает французский и английский языки. Иногда мы говорим по-русски, иногда по-английски. Он интересный молодой человек – любит рок-музыку, хорошо играет в баскетбол и любит ловить рыбу. Я уже видел, как он ловит рыбу в реке. В следующее воскресенье мы вместе пойдём ловить рыбу.

В свободное время я бываю в кафе, в кино, гуляю в парке, играю в футбол или баскетбол на стадионе. Здесь интересная жизнь, хотя и не такая, как дома.

А как твои дела? Как ты учишься? Как отдыхаешь?

Пиши мне, буду ждать! Пока!

Твой «старый» друг Майкл.

Комментарий: в тексте 3 добавляется использование глагола 3 лица пр. вр. Как НСВ, так и СВ (дается на данном этапе на лексическом уровне), а также новые имена сущ и прилаг., используемые в тех же падежах в ед. и мн. числе. На данном этапе также идет отработка навыков говорения по теме.

Текст 4

Меня зовут Ли Шэн. Я студентка. Мне двадцать три года. Я из Китая. Моя семья живёт в городе Харбин.

Харбин – большой город. Там есть большие высокие здания, новые и старые улицы, широкие площади. На улицах в центре города большие магазины, кафе, рестораны, кинотеатры. В Харбине студенты учатся в разных университетах и институтах.

Мой папа работает в торговой компании, он менеджер. Ему сорок девять лет. Все говорят, что он честный и справедливый человек. А я думаю, что он очень добрый и заботливый папа. Он всегда помогает мне. Моя мама экскурсовод в историческом музее. Она любит и хорошо знает наш родной город. Когда я была маленькая, я часто ходила на экскурсии в исторический музей. Поэтому я тоже люблю историю.

Раньше я училась в Харбинском педагогическом университете, я изучала русский язык. Сейчас я живу в России и продолжаю изучать русский язык. Я учусь в Бурятском государственном университете на филологическом факультете на третьем курсе. Это очень трудно, но очень интересно! Я много читаю по-русски: стихи, рассказы, русские романы. Мои российские друзья говорят, что я уже хорошо говорю по-русски. Но я думаю, что должна заниматься ещё два-три

года, потому что я хочу работать в университете. Я хочу говорить по-русски так же хорошо, как по-китайски. Папа говорит, что это возможно, только надо каждый день много заниматься.

Я живу в общежитии на улице Сухэ-Батора, 3А. Это небольшая тихая улица в центре города. Недалеко университет. Я живу на пятом этаже. В комнате живут ещё две девушки – Ким Ён Сон и Виктория. Ён Сон – кореянка, она изучает русский язык один год. Но она уже много понимает по-русски. В следующем году она хочет учиться на биологическом факультете, а сейчас она учится на курсах русского языка. Виктория из Германии – там сейчас живут её родители и брат, но родилась она в Англии. Её родной язык – английский, но она говорит и по-немецки, и по-французски. А здесь она изучает русский и бурятский языки. Она любит изучать разные языки и разные культуры. Она очень способная.

В нашей комнате чисто и уютно. Слева стоят кровать Виктории, шкаф и большой письменный стол. На этом столе лежат наши книги, тетради, ручки, словари. Здесь мы готовим домашнее задание. А справа стоят кровать Ён Сон, моя кровать и тумбочки. А обедаем мы на кухне, там есть плита, холодильник, обеденный стол и шкаф. В шкафу наша посуда: чашки, тарелки, ложки, вилки, даже палочки есть. Обычно мы обедаем и ужинаем в общежитии, но иногда обедаем в столовой в университете. Обычно мы едим рис, мясо, овощи.

В эту субботу мы хотим вместе посмотреть известный русский балет «Лебединое озеро» в Оперном театре. Это балет о любви, о честности, о добре и зле. Виктория раньше смотрела этот балет в Германии. Но она хочет посмотреть его в России. Мы тоже. Ён Сон тоже раньше слышала об этом балете. Я думаю, что это будет интересный и красивый спектакль. Я люблю искусство.

Комментарий: в последнем тексте представлены все необходимые лексико-грамматические модели П. п. места и В. п. объекта – им. сущ. + им. прилаг. в ед. и мн. числе; наст. / прош. время глагола в лицах (НСВ); обст-ва времени (утром, днём, вечером; П.п. времени, В. п. времени; наречия сейчас, потом, сначала). Объем заметно увеличен, при этом отобранный грамматический материал почти не расширяется, расширение объема идет только за счет увеличения лексики. Количества слов и выражений достаточно для составления меньшего по объему рассказа о себе по данной теме. Работа с текстом 4 закрепляет навыки говорения по теме.

Список литературы / References

1. Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. // Учебное пособие. – М.: «Флинта», 2009. – 281 с.
2. Леонтьев А. А. Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов / Леонтьев А. А. // – М.: «Русский язык», 1988. – 119 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kriuchkova L.S., Moshchinskaya N.V. Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yaziku kak inostrannomu [Practical Methods of Teaching Russian as a Foreign Language] / Kriuchkova L.S., Moshchinskaya N.V. // Textbook. – М.: Flinta, 2009. – 281 p. [In Russian]
2. Leontiev A.A. Metodika. Zaochniy kurs povysheniya kvalifikatsii filologov-rusistov [Methodology. Correspondence Course for Improvement of Qualifications among Specialists in Russian Philology] / Leontiev A. A. // М.: Russian Language, 1988. – 119 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.055>

Мансурова А.А.¹, Ибрагимова П.А.²

¹Магистрант, ²кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный университет
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СЕКСИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация

Статья посвящена осмыслению гендерных стереотипов в современном обществе и в социальных медиа, отражающих общественные процессы. Показано, что контент социальных сетей играет в обществе важную роль: наполнение площадок в социальных сетях может формировать сознание, создавать и закреплять гендерные и сексистские стереотипы. Отмечается, что гендерная дискриминация создается не только генераторами контента, но и потребителями. В данной статье рассматриваются социальные медиа как в дагестанском, так и общероссийском сегменте.

Ключевые слова: гендер, стереотип, социальные медиа, дискриминация.

Mansurova A.A.¹, Ibragimova P.A.²

¹Master, Dagestan State University, ²PhD in History, Associate professor, Dagestan State University
GENDER STEREOTYPES AND SEXISM IN SOCIAL MEDIA

Abstract

The article is devoted to the analysis of gender stereotypes in modern society and social media which reflects social processes. It is shown that the content of social networks plays an important role in society: Content of sites in social networks can form consciousness, create and consolidate gender and sex stereotypes. It is noted that gender discrimination is created by both content generators, and consumers. This article examines social media in Dagestan and all-Russian segments.

Keywords: gender, stereotype, social media, discrimination.

Социальные медиа охватывают все больше и больше аудитории, во многом замещая традиционные СМИ. Самой значительной месячной аудиторией обладают в российском сегменте интернета социальные медиа «ВКонтакте» и «Одноклассники», которые, по разным данным, посещают более 52 и 42 млн. пользователей соответственно. Около 30 млн. человек приходят каждый месяц в «Мой Мир», немногим меньше – в Facebook.

Российская аудитория Twitter значительно меньше – 11,6 млн. Большинство российских пользователей социальных сетей – это женщины, использующие Instagram (77,1% активной аудитории) и «Одноклассники» (69,1%) [7].

Во всех социальных медиасетях активная аудитория, генерирующая контент, по статистике, это женский пол. Если о возрасте говорить обобщенно, то для «ВКонтакте» – до 35 лет, для «Одноклассников» от 35 лет, для Facebook золотая середина – от 25 до 34 лет [5]. Социальные сети полны дискриминации по самым разным признакам. Сексизм, как одна из форм гендерной дискриминации, составляет большую часть контента в социальных медиа. Наполнение публикаций в социальных сетях преимущественно состоит из основанных на стереотипах убеждений. Стереотип (Stereotype) – мнение о личностных качествах группы людей. Стереотипы могут быть чрезмерно обобщенными, неточными и резистентными к новой информации. Стереотипы улучшают восприятие информации, которая соответствует им [1, С. 9].

В рамках нашей работы нас интересуют стереотипы, основанные на гендере. Исследователь Н.А. Шведова дает следующее определение этому понятию: «Гендер – специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой. Гендер, таким образом, относится не просто к женщинам или мужчинам, а к отношениям между ними, и к способу социального конструирования этих отношений, т.е. к тому, как общество "выстраивает" эти отношения взаимодействия полов в социуме» [4, С.9].

Стереотипизированные, дискриминационные и сексистские публикации в медиа, в том числе, в социальных медиа основаны на том, что «В русской культуре, в том числе и в кино, и в журналистике как отрасли культуры, доминирующими образами женщин всё ещё остаются образы, сконструированные мужчинами» [2, С. 202]. Кроме того, женщин слишком часто изображают юными красавицами, обязанность которых – оставаться молодыми и привлекательными, чтобы доставлять удовольствие мужчинам [3, С.45].

Постоянная сексуализация женских образов, эйджизм и унижительные шутки о способностях женщин составляют большую долю контента в социальных медиа. В основном это «юмористические» публикации. Так в одной из популярных групп в социальной сети «ВКонтакте» для аудитории интересующейся рекламой «Шедевры рекламы», мы можем наблюдать почти ежедневный парад сексистских публикаций. Например, в публикации примера рекламы пива «Goldstar» утверждается, что женщины подбирают напитки под одежду, при этом сопровождается это всё лозунгом: «Слава богу, ты – мужик». В другой публикации демонстрируется скриншот страницы пользовательницы инстаграм, где она пишет: «Мама двух чудесных малышей», «Мебель для дома и офиса». Публикация сопровождается подписью: «Антонина правильно определила свой социальный статус. Будь как Антонина». Принижающий и дискриминационный характер этой публикации несомненен, сравнение женщин с предметами интерьера стало при этом обыденным для аудитории социальных медиа. В той же группе «Шедевры рекламы» в другой публикации под названием «Стройка глазами женщины» демонстрируются различные виды строительных инструментов с упрощенными названиями, которые якобы используют женщины для их обозначения. Пример сексуализации мы можем увидеть в опубликованной рекламе фитнес-клуба, где в откровенной одежде и откровенной позе изображается девушка. Еще более сексуализирована реклама нижнего белья, которая также изображает обнаженных моделей в откровенных позах. Пример группы «Шедевры рекламы» демонстрирует, как много сексизма присутствует в традиционных медиа и рекламной индустрии. Однако, то, что эта группа лишь транслирует сексизм, не оправдывает публикаций такого характера.

Затрагивая дагестанский сегмент социальных медиа, стоит отметить, что преимущественно в этих группах гендерная тематика не затрагивается вообще. Некоторый всплеск публикаций дагестанских пользователей Facebook произошел после избрания Дональда Трампа президентом США. Блогеры и активные пользователи высказывали слова поддержки, сопровождая публикации замечаниями о том, что Хиллари Клинтон не одержала победу в выборах, потому что она женщина, и все женщины должны «знать свое место, не выходя за пределы кухни». В группах в социальной сети «ВКонтакте» гендерная проблематика также не затрагивается, то есть нормальной репрезентации женщин в дагестанских группах практически нет. В тех редких случаях, когда публикуются материалы о женщинах, занимающихся традиционно «мужскими» профессиями, например о женщинах-таксистах или женщинах водителей троллейбусов, в комментариях пользователи осуждают героинь материалов. «Юмористический» контент дагестанских групп копирует наполнение общероссийских групп «ВКонтакте». В частности группа «Дагестанский гусь» публикует изображения, в которых ценность женщины определяется востребованностью ее у мужчин и внешней привлекательностью.

Группа «Посольство Махачкалы» отличается одиозностью шуток вообще и в отношении женщин в частности. В публикациях этой группы женщины унижаются по совершенно странному признаку: обучение в определенном учебном заведении.

Группа «MDK Дагестан» копирует содержание группы «MDK», и соответственно транслирует на аудиторию тот же набор стереотипов и сексистских убеждений. В частности, в одной из публикаций изображена девушка, губа которой насажена на золотистый «крючок». Этот крюк держит мужская рука. Картинка снабжена подписью «Вся суть современных отношений». Изображение носит дискриминирующий, унижающий и в то же время сексуализированный характер. Следующий мем представляет собой разделенную на четыре части картинку, в верхней части которой изображены кадры из фильма «Человек-паук». Логика изображения подсказывает аудитории по аналогии с фильмом, что паук передал персонажу свою особенность (создавать паутину) при укусе, так же и женщина передала при укусе свою основную особенность – мыть посуду. В очередной раз женщина изображена как приложение к кухне, как предмет.

Очевидно, что гендерные стереотипы в социальных медиа отражают гендерное неравенство и стереотипизацию в офлайн среде. Борьба с такими явлениями должна вестись комплексно: необходимо создавать и распространять контент, который отражал бы нестереотипное представление о женщинах. Дискриминация женщин в СМИ разрушает основы государственной политики равных возможностей для развития человеческого потенциала женщин и мужчин.

В первую очередь, она подрывает позиции самых активных и целеустремленных женщин, становится барьером для их карьеры в престижных сферах общественной жизни, облюбованных мужчинами, – в сфере бизнеса, в сфере политики, в сфере культуры. Ведь если женщина – человек ограниченных способностей, читай, «второго сорта», то она должна знать свое место и не претендовать на те же высокооплачиваемые должности, что и мужчина, терпеливо сносить его власть в семье и обществе [6].

Список литературы / References

1. Бёрн Ш.М. Гендерная психология – М., 2007. – 320 с.
2. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. – М., 2005. – 368 с.
3. Харрис Ричард. Психология массовых коммуникаций. – СПб., 2003. – 448 с.
4. Шведова Н.А. Просто о сложном: гендерное просвещение. – М., 2002. – 212 с.
5. Аудитория социальных сетей Рунета: где кто запутался? [Электронный ресурс] <http://education.hiconversion.ru> (дата обращения: 2.07.2017).
6. Общественная дискуссия: сексизм в СМИ [Электронный ресурс] http://owl.ru/win/womplus/2003/01_02.htm (дата обращения: 7.07.17).
7. Российские социальные медиа – важнейшие тенденции 2016 [Электронный ресурс] <https://habrahabr.ru/company/yambox/blog/303656/> (дата обращения 7.07.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Burn Sh.M. Gendernaya psikhologiya [Psychology of Gender]– М., 2007. – 320 p. [in Russian]
2. Tartakovskaya I.N. И.Н. Gendernaya psikhologiya [Psychology of Gender] – М., 2005. – 368 p. [in Russian]
3. Harris Richard . Psikhologiya massovykh kommunikatsiy [Psychology of mass communication]. – СПб., 2003. – 448 p. [in Russian]
4. Shvedova N.A. Prosto o slozhnom gendernoye prosveshcheniye [Simply about complex gender education] Просто о сложном: гендерное просвещение. – М., 2002. – 212 p. [in Russian]
5. Auditoriya sotsial'nykh setey Runeta: gde kto zaputalsya? [Audience of social networks Runet: where is someone confused] [Electronic resource] <http://education.hiconversion.ru> (accessed: 2.07.2017). [in Russian]
6. Obshchestvennaya diskussiya: seksizm v SMI [Public discussion: sexism in the media] [Electronic resource] http://owl.ru/win/womplus/2003/01_02.htm (accessed: 7.07.17). [in Russian]
7. Rossiyskiye sotsial'nyye media – vazhneyshie tendentsii 2016 [Russian social media - the most important trends 2016] [Electronic resource] <https://habrahabr.ru/company/yambox/blog/303656/> (accessed 7.07.2017) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.099>

Мухамедьянова Г.Н.¹, Абуталипова Э.Н.²

¹ORCID: 0000-0002-0258-1131, Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, зам.декана педагогического факультета,

Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета,

²ORCID: 0000-0001-8433-6123, Кандидат психологических наук, зав.кафедрой коррекционной педагогики, Институт развития образования Республики Башкортостан

ТАБУ И ЭВФЕМИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация

Статья посвящена вопросу соотношения идеи магической и семантической функции языка. Собранные и изученные в ходе сопоставительного анализа фактические материалы иллюстрируют наличие незримой связи, существовавшей в мотивах табуирования отдельных слов в древних и современных культурах. Вера в магические возможности слова наряду с мотивами психологического характера (страх как эмоциональный интенсификатор табуирования) во все времена выступала движущим фактором речевого поведения, способствующего ограничению в употреблении одних слов и возникновению новых способов обозначения. Универсальность рассматриваемых явлений подтверждается на основе анализа древних и современных форм эвфемизмов на материале разнотипных языков. Преобладание и циклический характер процесса табуирования и эвфемизации определяет динамическое развитие словаря и общенациональной лексики.

Ключевые слова: вера, табу, табуирование, эвфемистические замены, эвфемизмы, сила слова, магическая функция слова, мировоззрение, культура, языковая универсалия.

Mukhamedjanova G.N.¹, Abutalipova E.N.²

¹ORCID: 0000-0002-0258-1131, PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Dean of the Faculty of Pedagogy, Sibai Institute (branch) of Bashkire State University,

²ORCID: 0000-0001-8433-6123, PhD in Pedagogy, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Bashkir Institute of Education Development

TABOO AND EUPHEMISM AS MANIFESTATIONS OF THE MAGIC FUNCTION OF A LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF GERMAN, RUSSIAN AND BASHKIRIAN LANGUAGES)

Abstract

The article is devoted to the question of correlating the idea of magical and semantic functions of a language. Factual materials collected and studied in the course of comparative analysis illustrate the existence of an invisible link in the motives of tabooing separate words in ancient and modern cultures. Belief in magical possibilities of a word along with the motives of psychological character (fear as an emotional intensifier of tabooing) has always been a driving factor of verbal behavior

contributing to the limitation of use of certain words and the emergence of new ways of notation. The universality of the phenomena under consideration is confirmed by the analysis of ancient and modern forms of euphemisms on the material of differently structured languages. Continuity and cyclical nature of taboos and euphemization processes predetermine dynamic development of a vocabulary and the nationwide lexis.

Keywords: belief, taboo, tabooing, euphemistic substitutions, euphemisms, word strength, magic word function, worldview, culture, linguistic universals.

Введение / Introduction

В истории развития человеческой речи язык выполнял две диаметрально противоположные функции: собственно семантическую и магическую. Большая часть того, что знает человек о мире, связано с использованием семантической функции языка. Благодаря языку осуществляется накопление и усвоение опыта, выработанного за большой период времени, преемственность человеческой культуры. Семантическая функция языка присутствует на всех этапах развития человеческой речи: без нее речь просто не может существовать. Вместе с тем существуют основания полагать, что магическая функция языка, которая имела доминирующее влияние на ранних ступенях развития общества, определяет развитие словотворческого процесса и на современном этапе развития, выступая инструментом воздействия на человека.

Задача данной статьи / The aim of this study – проанализировать древние и современные формы табу, иллюстрирующие веру в магическую функцию слова, отражающую тесную связь между явлениями табу и эвфемией и универсальный динамичный характер данного лингвистического феномена.

Material and methods / Материалы и методы исследования. Для решения поставленной задачи исследования были использованы методы наблюдения, дистрибутивного, компонентного анализа, лексикографического отбора, сопоставительно-описательный метод.

Материалом исследования послужили лексические единицы, полученные в результате сплошной выборки из толковых, фразеологических, и других лексикографических источников, а также записи устной речи.

Корреляционный анализ эвфемизмов / Correlation analysis of euphemisms.

Если мы посмотрим на развитие человеческой речи, то обнаружим, что в примитивных сообществах слова наделялись особой чудодейственной силой, способной оказывать влияние на судьбу человека. Произнести слово означало фактически повлиять на жизнь того или иного человека. Согласно этому поверью, слова доброго пожелания и благословения привлекают на того, кому оно адресовано, счастье и благополучие, и наоборот, слова проклятия или оброненные в сердцах негативные пожелания влекут за собой различные болезни, беды и даже смерть. Не зная причин многих болезней, первобытный человек объяснял их тем, что на ребенка пал дурной глаз. У многих народов была выработана целая система мер, якобы способных защитить от влияния таинственных сил, скрывааемых за словом. Считалось, что способностью сглаза обладал любой человек, поэтому глядя на ребенка нельзя было хвалить его, отмечать его положительные качества. Если же при ребенке произносились похвальные речи, непременно следовало добавить «как бы не сглазить» (ср. баш.: «*куз теймәһен*») и при этом трижды сплюнуть. Как отмечается в исследованиях А.Н.Афанасьева, по представлениям древних, «слюна и дуновение, будучи символами дождя и ветра, обладают магическими свойствами, способными защитить от болезней и оградить от сил зла» [2].

Вера в магические свойства слова на ранней стадии развития общества определила процесс табуирования, послужившего причиной возникновения древнейших форм эвфемизмов. Считалось, что при произнесении запретного слова человек рискует вызвать на себя все губительные последствия, изначально заложенные в нем при активном вмешательстве сверхъестественных сил. Слова, которые считались опасными для человека, исключались из речевого обихода. Вместо запретных слов привлекались «подставные» слова, которым приписывались свойства защиты от негативного воздействия внешних сил. Часть таких иносказательных обозначений впоследствии становится исключительными для них названиями. К таким случаям относится общеславянское *medvedь* – «медведь» (буквально – «медоед»), вытеснившее индоевропейское наименование медведя (греч. *arktos*, лат. *ursus* и т.п.). Этой же причиной объясняется возникновение немецкого обозначения *Bär* (собственно – «коричневый»). В лексической системе башкирского языка обнаруживаются вторичные обозначения, образованные на основе выделения внешнего признака – *ялбыр* («лохматый», «мохнатый»), *ясы табан* (*ясы* – «широкий», «плоский», *табан* – «стопа», «ступня»), *салыш табан* (*салыш* – «кривая», *табан* – «стопа», «ступня»), *тайыш табан* («косопалый»), *салыш аяк* («косопалый»), *сонтой койрок* («короткий хвост»).

Эвфемистической замене подвергались обозначения земноводных, а также особей животного мира, не представляющих серьезной угрозы для человека – насекомых, птиц, рыб, мелких грызунов. К примеру, для обозначения мыши привлекались обобщающие формы номинации *поганка*, *гадина*, *гнус*. В немецком языке во избежание прямого упоминания слова «мышь» использовалось обозначение *der Bodenläufer* («бегущая по полу»), а слово «змея» (древнегерм. *slango*, лат. *serpens*) – нем. *Schlange*, первоначально означало «ползущий», позднее заменялось определениями *die Kriechende*, *die Grüne*; известно также наименование *Leder* «кожа». Русское слово «змея» произведено от «земля», то есть «земная». В сознании носителей русского языка слово «змея» воссоздавало комплекс ассоциаций по внешним представлениям – *ползучая, земляная, идущая на брюхе, зеленая* [5]. В башкирском языке для обозначения змеи привлекались обозначения, образованные на основе ассоциативного сходства данного пресмыкающегося по внешнему признаку – *камсы* («плеть», «хлыст»), *майлы кайыш* («масляный ремень»), *озон ен* («длинная нить»), *озон корт* («длинный червь»), *ялтыр* («блестящий»), *ялтыр /майлы кайыш* («блестящий / масляный ремень»), а единицы *кыштыр*, *шыптыр* (производные от «скрести», «шуршать») служили заменой слову «мышь». Иллюстрацией эвфемистической замены отдельных наименований особей животного мира на основе поляризации значения табуируемого слова могут служить *крыска* (вместо «крыса»), *Schönes Dingel* вместо «ласка» в немецком языке [7].

Наличие табу стало важной чертой речевого поведения, характерного не только для культур архаичного типа, но и для гораздо более высокоразвитых. До сих пор, говоря о чем-то мы опасливо добавляем: «чтобы не слазить», как бы предполагая, что наши слова могут вызвать нежелательные или неприятные последствия. В ряде случаев эти словесные формы сопровождаются соответствующим языковой ситуации действием, призванным защитить от негативных последствий своих слов (постукивание по дереву, сплевывание и др.). Исследования в области психологии подтверждают, что «выполнение такого рода ритуалов оказывают благоприятное психологическое воздействие на людей, даже если они не несут особой смысловой нагрузки и носят традиционный характер» [1].

Для носителей русского языка традиционно пожелание благополучия в положительной форме: *«в добрый час»* / *«в добрый путь»*. Сходная тенденция прослеживается на материале башкирского языка: *«хәйерле сәғәттә булһын / «юлың уң булһын»* («в добрый путь»). В немецком языке сохранилось выражение *«Weidmanns Heil!»* как остаточное действие существовавшего некогда обычая пожелания удачной охоты. По представлению древних германских племен большой палец руки обладал магической силой, защищающей от воздействия духов зла. Данное поверье послужило источником возникновения известного выражения *Ich drücke Ihnen /dir den / die Daumen!* в качестве пожелания успеха и удачи в делах [2].

Номинативные возможности языка не ограничиваются упомянутыми способами эвфемистической замены табуируемого объекта. Каждая единица несет в себе дополнительную языковую информацию, отражая специфику национального мировоззрения.

Заключение / Conclusion

В настоящее время язык сохраняет воздействующие на человеческое сознание свойства, обнаруживая незримое сходство с магией слова в древности. Магическая функция языка на современном этапе развития общества проявляется в его способности оказывать психологическое воздействие как на отдельного человека, так и на целую группу лиц. В зависимости от установки адресанта речи и с учетом ряда сопутствующих языковой ситуации факторов, слово оказывается могущественным инструментом, способным оказать как положительное (лечебное, мобилизующее внутренние ресурсы организма человека), так и неблагоприятное воздействие на человека. Если с этой точки зрения посмотреть на значение языка и речи для человека, становится очевидным тот факт, что слово, будучи отражением различных мировоззрений и настроений как отдельных индивидов, так и целых социальных групп, равносильно действию.

Список литературы / References

1. Абуталипова Э. Н. Оптимизация путей дифференциальной диагностики нарушений психического развития детей в деятельности психолого-медико-педагогической комиссии (На материале Республики Башкортостан) : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.10 : Н. Новгород, 2003. - 243 с.
2. Афанасьев А.Н. Живая вода и вешее слово / Сост., вступит. ст., коммент. А.И.Баландина. – М., «Советская Россия», 1988. – 512 с.
3. Дрофа С.Ю. Семантические и магические функции языка. С.74-79 //Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – Новосибирск: Изд – во СГУПС, 2015. – Вып.3. – 183 с.
4. Зеленин Д.К. (1878-1954) Проблемы славянской этнографии Ленинград: «Наука», 1979.
5. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. / Учебное пособие к спецкурсу. - Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
6. Кассирер Э. Политические мифы. Реклама: Внушение и манипуляция //Учебное пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. – С.382-396.
7. Мухамедьянова Г.Н. Эвфемия в современной общественно-политической лексике (на материале немецкого, русского, башкирского языков). - Дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 178 с.
8. Павлов И.П. Мозг и психика / Под редакцией М.Г.Ярошевского. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 320 с.
9. Тюрина Е.Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка: Дис... канд. филол. наук.- Нижний Новгород, 1998. - 114 с.
10. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., Политиздат, 1980. – 831 с.
11. Юсупов Х.Г. Эвфемизмы в башкирском языке: Лекция/ Башкирский пединститут. Уфа, 1988. - 29 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abutalipova E.N. Optimizatsiya putey differentsialnoy diagnostiki narusheniy psikhicheskogo razvitiya detey v deyatel'nosti psikhologo-mediko-pedagogicheskoy komissii (Na materiale Respubliki Bashkortostan) [Optimization of the Ways of Differential Diagnostics of Mental Development Disorders among Children in the Activity of Psychological-Medical-Pedagogical Committee (On the material of the Republic of Bashkortostan)]: Thesis of Cand. of Psychol. Sciences: 19.00.10: N. Novgorod, 2003. - 243 p. [In Russian]
2. Afanasiev A.N. Zhivaya voda i veshchee slovo / Sost., vstupit. st., komment [Living Water and Prophetic Word / Comp., of Article, Comment.] A.I.Balandina. - M., "Soviet Russia," 1988. - 512 p. [In Russian]
3. Drofa S.Yu. Semanticheskiye i magicheskiye funktsii yazika S.74-79 [Semantic and Magical Functions of a Language. P.74-79] // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya [Bulletin of the Siberian State University of Communications] - Novosibirsk: Publishing House of SSUC, 2015. - Issue 3. - 183 p. [In Russian]
4. Zelenin D.K. (1878-1954) Problemy slavianskoy etnografii [Problems of Slavic Ethnography] - Leningrad: "Nauka," 1979. [In Russian]
5. Katsev A.M. Yazikovoye tabu i evfemiya / Uchebnoye posobiye k spetskursu [Language Taboo and Euphemism. / Textbook for Special Courses] - L.: LSPI named after A.I. Herzen, 1988. - 80 p. [In Russian]
6. Cassirer E. Politicheskiye mify. Reklama: Vnusheniye i manipulyatsiya [Political Myths. Advertising: Suggestion and Manipulation] // Uchebnoye posobiye dlia fakultetov psikhologii, sotsiologii, ekonomiki i zhurnalistiki [Manual for the

Faculties of Psychology, Sociology, Economics and Journalism] - Samara: Publishing House "BAKHRACH-M," 2001. - P.382-396. [In Russian]

7. Mukhamedyanova G.N. Evfemiya v sovremennoy obshchestvenno-politicheskoy leksike (na material nemetskogo, russkogo, bashkirskogo yazikov) [Euphemism in Modern Socio-political Vocabulary (on the basis of German, Russian, Bashkir languages)] - Thesis of Cand. Philol. Sciences. - Ufa, 2005. - 178 p.

8. Pavlov I.P. Mozg i psikhika [Brain and Psyche] / Edited by M.G. Yaroshevsky. - M.: Publishing House "Institute of Practical Psychology," Voronezh: NPO "MODEK," 1996. - 320 p. [In Russian]

9. Tyurina E.E. Semanticheskiy status evfemizmov i ikh mesto v sisteme nominativnykh sredstv yazika [Semantic Status of Euphemisms and their Place in the System of Nominative Language means]: Thesis of Cand. Philol. - Nizhniy Novgorod, 1998. - 114 p. [In Russian]

10. Freser D.D. Zolotaya vetv': issledovaniye magii i religii [Gold Branch: Study of Magic and Religion] - M., Politizdat, 1980. - 831 p. [In Russian]

11. Yusupov Kh.G. Evfemizmy v bashkirskom yazike: Lektsiya [Euphemisms in the Bashkir language: Lecture] / Bashkir Pedagogical Institute. Ufa, 1988. - 29 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.156>

Мухтарова Д.Р.

Кандидат филологических наук, Тюменский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

Аннотация

Лингвокультурные концепты, к которым причисляют концепт «дурак», отражают национальную языковую картину мира. Изучение концептосферы писателя нередко позволяет зафиксировать изменения и настроения в обществе. Концепт «дурак» занимает значимое место в концептосфере В.М. Шукшина. В статье проанализирован ряд рассказов: «Психопат», «Степка», «Сураз» и др. При анализе рассказов использована модель, предложенная исследователем Бусуриной Е.В. Сделана попытка разграничить употребление концепта «дурак» и индивидуально-авторского «чудик» и объяснить появление последнего.

Ключевые слова: Лингвокультурология, субконцепт, концепт «дурак», В.М. Шукшин.

Mukhtarova D.R.

PhD in Philology, Tyumen State University

REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL CONCEPTS IN SHORT STORIES BY V.M. SHUKSHIN

Abstract

Linguocultural concepts, including the concept of a "fool," always reflect linguistic world-image of a nation. The study of the writer's conceptual scope often allows a researcher to record changes and moods in society. The concept of a "fool" occupies a significant place in V.M. Shukshin's sphere of concepts. The article analyzes a number of his short stories namely "Psychopath," "Stiopa," "Suraz," etc. During the analysis of the stories, we have used the model proposed by the researcher Busurina E.V. We made an attempt to distinguish between the use of the concept of a "fool" and the individual-author's notion of "chudik" (a weirdo) and explain the reasons of appearance of the latter one.

Keywords: Cultural linguistics, sub-concept, the concept of a "fool," V.M. Shukshin.

Несмотря на созданный В.М. Шукшиным и присущий одному ему индивидуально-авторский концепт «чудик», в его работах особое место занимает концепт «дурак». В.М. Шукшин написал, что «Герой нашего времени — это всегда «дурачок», в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени. <...> Такой герой состоянием души, характером, взглядами — выражает то, чем живет с ним вместе его народ. Типичный герой» [7].

Василия Макаровича причисляют к направлению 1960-1980-х годов - «деревенской прозе», которое является преемником традиций русского народа, чья судьба исторически связана с деревней. В этот период происходило преобразование крестьянского мира - массовый отток деревенских жителей в город. Именно «дурак» всегда был выразителем настроений крестьянского народа, более того обязательным являлась «его принадлежность к крестьянскому сословию» [3]. Лингвокультурный концепт «дурак» занимает значимое место в национальной картине мира. Это подтверждается существованием и широким употреблением фразеологизмов, пословиц, поговорок, художественных произведений в русской культуре.

Значимость концепт подтверждается частотным употреблением слов и их производных. Проанализировав сборник рассказов, содержащий тридцать три рассказа, выявлено наличие значительного количества слов в лексико-семантическом поле концепта «дурак». Концептуальное поле представлено следующими репрезентантами: дурак, дура, Ваня-дурачок, дурочка, дурачок, дуреха, дурень, дурило, дурачье, дурь, придурок, дурость, дурной, дурацкий, одуревшая, придурковатый, дурашливый, недурной, сдуреть, дурить, сдуру. Наибольший процент употребления у концепта «дурак» - 40 употреблений, что составляет 48 процентов от общего числа. Широкое применение лексического поля концепт «дурак» демонстрирует его значительную роль в рассказах писателя. И все же, по мнению И.А. Стернина «Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами» [5, С. 49].

«Рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, мы можем получить представление о содержании концепта в сознании, носителей языка» [4, С. 11].

Согласно бытовой модели предложенной Бусуриной концепт «дурак» подразделяется на три субконцепта:

- 1) «слабоумный, лишенный рассудка человек» (отступление от медицинской нормы),
- 2) «глупый человек» (отступление от интеллектуальной нормы),
- 3) «неадекватно поступающий человек» (оценка неадекватного поведения в ситуациях частной и общественной жизни) [1].

Наиболее частотный субконцепт – неадекватное поведение, которое демонстрируют персонажи В.М. Шукшина. Герои рассказов Василия Макаровича часто поступают неадекватно с точки зрения окружающих:

«– Три месяца не досидеть и сбежать!.. – опять изумился милиционер. – Прости меня, но я таких дураков еще не встречал, хотя много повидал всяких. Зачем ты это сделал?» [7]. Они очень деятельны, а по природе русские – пассивны и по этой причине «... дурак – это единственный, кто способен действовать вопреки генетической пассивности русского. «Умный» живет в собственном иллюзорном мире, а попадая в мир реальный (в исторический контекст), оказывается «слишком прав» и замещает позицию дурака» [2, С. 20]. Эти качества роднят его с другим, но уже индивидуальным концептом писателя – «чудиками».

В рассказах Василия Макаровича «дурак» вызывает жалость и недоумение все по причине непонимания его поступков и стремления научить, наставить на путь истинный и понимания тщетности своих попыток.

«Только жалко вас, дураков, вот штука-то»; «И жалко дураков. И ничего сделать нельзя. Не докажешь» [7].

Исследователь Максимова считает концепт «дурак» двояк: первое проявление это Иван-дурак, действующий «бездумно и безумно», но со знаком плюс и второе – дурак-юродивый, которого от первого отличает «способность прозреть» [2, С. 22].

Еще одна ипостась «дурака» это глупый персонаж, вроде Чередниченко из рассказа «Чередниченко и цирк», который сделал предложение циркачке, вообразив себя же влюбленным, а потом уверил себя, что достоин большего, а именно вдовой учительницы, тоже имеют место быть в творчестве Василия Макаровича. Самовлюбленность и какая-то мещанская гордость, хвастовство материальным достатком смешны. Здесь не обязательно присутствие концепта «дурак», достаточно того, что он прочитывается в самом рассказе.

В творчестве В.М. Шукшина мирно соседствуют «дураки» и «чудики» и они не тождественны. Несмотря на многогранность концепта «дурак», «чудик» Шукшина возник в результате потребности в персонаже, противопоставленном социуму.

«Чудик» – совершенно безобидный персонаж, обладающий «положительным зарядом». Это взрослый, не утративший детской непосредственности и умения радоваться простым вещам, фантазировать и мечтать. Чудик это и тяга к познаниям и непосредственность, умение радоваться простым вещам.

«Чудик» лишен практичности, стяжательства и корыстных мотивов как у героя Алеши из рассказа «Алеша Бесконвойный» страсть устраивать банный день в субботу, когда можно работать и зарабатывать. Или Сергея Ивановича Кудряшова, более известного как Психопат из одноименного рассказа, походы которого за книгами в деревни для библиотек и их покупка за собственный счет кажутся иррациональными односельчанам.

Наивные как дети, они порой доходят до крайности в своих желаниях им все кажется возможным и доступным. Изобрести вечный двигатель («Упорный»), отреставрировать церковь («Мастер») или же писать тетрадки с сочинениями по лучшему устройству государства («Штрихи к портрету») лишь несколько примеров «увлечений». Внутренний конфликт требует разрешения в деятельности, которая имеет глубокий смысл для «чудика». Идеи овладевают им и двигают на зачастую благородные и бескорыстные поступки. Для него жизненно важной является возможность придать смысл жизни. Настолько важной, что в случае неудачи «чудик» ищет другие способы обрести душевный покой. Вплоть до летального исхода.

Примером этого служит рассказ Алеша Бесконвойный, в котором герой шесть дней в неделю был примерным гражданином, а в субботу как Шукшин называет «выпрягался». Соблюдая почти религиозный обряд, священнодействовал, топил баню. Этот процесс занимал у Алеши весь день. Недовольная жена пыталась положить этому конец, но была предупреждена, что возможен эмоциональный срыв, вплоть до самоубийства. Как сделал его брат, не выдержав упреков жены.

«Чудик» свободен от «груза исторического прошлого» и скорее является современной для того времени версией чудака и «дурака». «Чудик» глуп, но все его глупости заряжены добротой как в одноименном рассказе, где главный герой разрисовал детскую коляску, чтобы порадовать сноху.

Литература это некий выразитель настроений в обществе в тот или иной исторический период. В Советском государстве господствовала коллективистская культура, в сознание людей внедрялись унификация и любое отрицание индивидуальности.

Не от того ли это желание «дураков надо учить» [7]. Является ли это причиной установки государства или искреннее желание помочь стать «нормальным» – «Чтoб дураков было меньше, Вот чего я добивался» [7]?

Список литературы / References

1. Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира. Автореферат диссертации. Санкт-Петербург, 2004. [Электронный ресурс] /Е.В. Бусурина//Человек и наука - URL: <http://cheloveknauka.com/lingvokulturema-durak-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения 22.02.2017)
2. Максимова Е.С. Языковые особенности манифестации гипертекстовой модели мира (на материале романа Д. Галковского «Бесконечный тупик». Автореферат диссертации. Ростов-на-Дону. 2009-26 с.
3. Новиков Н.В. Образы восточнославянской народной сказки. Л., 1974.
4. Стернин И.А., Попова З.Д. Концепт. Воронеж, 1999. – СПб.
5. Стернин И.А. Концепты и лакуны. Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 8. с. 49-52.
6. Василий Шукшин. Сборник рассказов. [Электронный ресурс] / Шукшин Василий //Электронная библиотека Алексея Снежинского. 2001. - URL: <http://lib.ru/SHUKSHIN/rasskazy2txt>. (дата обращения 22.02.2017)

7. Шукшин В.М. Нравственность есть Правда. Собрание сочинений в пяти томах – 1992. Том пятый//Василий Шукшин в интернете/ Электронный ресурс - Режим доступа: shukshin.ru/work/ss92/vol5/nrav.htm/ (дата обращения 22.02.2017)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Busurina E. V. A linguo cultureme "fool" in the Russian language picture of the world. Otryvok iz avtorefereta. [Linguocultureme 'fool' in the Russian linguistic world image. Abstract of the thesis.] St. Petersburg, 2004. [Electronic resource] / E. V. Busurina//the Person and science - URL: <http://cheloveknauka.com/lingvokulturema-durak-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (accessed 22.02.2017) [in Russian]
2. Maximova E. S. Yazykovye osobenosti manifestatsii hypertextovoi modeli mira na material romana Galkovskogo 'Beskonechny tupik. Otryvok iz avtorefereta. [Language features of a demonstration of world hypertext model (on material of the novel of D. Galkovsky " Endless Deadlock". Abstract of the thesis]. Rostov-on-Don. 2009-26 pages. [in Russian]
3. Novikov N. V. Obrazy vostochnoslavianskoy narodnoy skazki. [Images of the East Slavic national fairy tale]. L., 1974. [in Russian]
4. Sternin I. A., Popova Z. D. Kontsept [Concept]. Voronezh, 1999. –Saint Petersburg. [in Russian]
5. Sternin I. A. Concepts and lacunas. [Concepts and holes] KRSU bulletin. 2016. Volume 16. No. 8. page 49-52. [in Russian]
6. Vasily Shukshin. Sbornik rasskazov [Collection of stories]. [Electronic resource] / Shukshin Vasily//Electronic library of Alexey Snezhinsky. 2001. - URL: <http://lib.ru/SHUKSHIN/rasskazy2txt>. [in Russian]
7. Shukshin V. M. Nravstvennost' est' Pravda. [Morality is the Truth]. Collected works in five volumes – 1992. Volume fifth//Vasily Shukshin on the Internet / the Electronic resource - the access Mode: shukshin.ru/work/ss92/vol5/nrav.htm/[in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.080>

Писаревская Н.С.

Старший преподаватель кафедры журналистики,
Московский государственный институт культуры

ЖУРНАЛ «GLAMOUR» КАК ПРОДУКТ И ТРАНСЛЯТОР ЦЕННОСТЕЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В XX веке впервые охарактеризован феномен «массовой культуры», как культуры, ориентированной на «среднего» потребителя. «Массовая культура» – особая форма общего самоощущения и самовыражения человека в мире. Посредством продуктов «массовой культуры» активно транслируется смещение ценностей в сторону конъюмеристской идеологии. Одним из трансляторов этих ценностей являются глянцевые журналы. Характерный представитель женских глянцевых изданий – журнал «Glamour» – формирует у читательниц потребительское сознание и соответствующее мировоззрение. В приоритете у такой читательницы оказывается красота и легкость жизни, мир «гламура» и роскоши, развлечения. Таким образом, журнал «Glamour» становится очередным продуктом и одновременно транслятором «массовой культуры».

Ключевые слова: женский журнал, глянец, гламур, массовая культура.

Pysarevskaya N.S.

Senior Lecturer of the Department of Journalism,
Moscow State Art and Cultural University

«GLAMOUR» MAGAZINE AS PRODUCT AND TRANSMITTER OF MASS CULTURE VALUES

Abstract

The phenomenon "mass culture" was originally formulated in the 20th century as a culture, oriented to the "average" consumer. "Mass culture" is a specific form of common self-sensing and self-expression of a man in the world. The shift of values towards the ideology of product consumption is actively transmitted by the products of "mass culture". Glossy magazines are among the transmitters of these values. A typical representative of women's glossy magazines is "Glamour", it forms the consumption consciousness in readers' minds and a corresponding worldview. Such a reader considers a beauty, an easy life, a world of "glamor", luxury and entertainment as the main priorities. Thus, the magazine "Glamour" becomes the next product and at the same time a transmitter of "mass culture".

Keywords: women's magazine, gloss, glamor, massa culture.

В начале XX века рост городского населения, развитие промышленности и технический прогресс повлекли за собой изменения во всех сферах жизни общества, широкие слои населения получили возможность влиять на все аспекты социальной жизни, что, в свою очередь, стало благотворной почвой для зарождения и становления так называемого «массового человека». Философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет указывал на сложившиеся на тот момент особые предпосылки возникновения человека массы: рост материального благосостояния, доступность всевозможных благ, равенство перед законом, отсутствие критического отношения индивидуума к себе, нивелирование уникальности личности. Такой тип человека стал активно влиять на экономическую, политическую и культурную жизнь, вследствие чего стремительно увеличился спрос на различные продукты массового потребления, которые характеризуются тем, что они рассчитаны на среднего человека: все производится в большом количестве и распространяется по ценам, приемлемым для потребителей.

Поскольку урбанизация сопровождалась ростом грамотного населения, соответственно, расширилась читательская аудитория и вырос спрос на периодические издания, которые благодаря развитию полиграфического производства увеличивают тиражи, завоевывают все более широкую аудиторию и превращаются в средства по-настоящему массовой информации. Теперь газеты и журналы уже не достояние элитарных слоев населения, а часть потребительской картины мира массового человека, стиль жизни и ценностные ориентации которого упрощаются параллельно с облегчением труда в процессе его автоматизации.

Неизбежным следствием подобных общественных изменений стало возникновение такого феномена, как массовая культура. Впервые в литературе термин «массовая культура» появляется в 40-х гг. XX века в работах социолога Д. Макдональда, говорившего об однородности элементов массовой культуры, т.е. о нивелировании существенных различий между ними, например, красочная фотография фотомодели в журнале легко может соседствовать на развороте с изображением голодающих. Происходит смещение акцентов и смешение ценностей в сторону консьюмеристской идеологии.

Сегодня «Новейший философский словарь» определяет массовую культуру как разновидность «духовного производства, ориентированного на "среднего" потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта» [5, С. 405]. Основу массовой культуры составляют такие элементы, как индустрия досуга, информационная индустрия, тиражируемая мифология, система формирования массового потребления. Массовая культура становится особой формой общего самоощущения и самовыражения человека в мире. Она предоставляет человеку всю необходимую информацию по интересующим его вопросам. При этом, выполняя рекреативную функцию, предлагает продукты, которые увлекают и развлекают потребителя, над которыми нет необходимости задумываться, поскольку в них отражается обыденная жизнь.

Культуролог А.Я. Флиер в работе «Культура как репрессия» утверждает, что массовая культура оказывает позитивное воздействие на личность вследствие того, что она выполняет функцию трансляции адаптированной для обыденного сознания информации: «Современный человек, даже будучи очень образованным, остается узким специалистом в какой-то одной области, и уровень его специализированности (по крайней мере, в элитарной и буржуазной субкультурах) из века в век повышается. В остальных областях ему требуется постоянный "штат" комментаторов, интерпретаторов, учителей, журналистов, рекламных агентов и иного рода "гидов", ведущих его по безбрежному морю информации о товарах, услугах, политических событиях, художественных новациях, социальных коллизиях, экономических проблемах и т.п.» [7, С. 78]. Массовая культура, по мнению А.Я. Флиера, избавляет человека от проблемы выбора, т.к. она предоставляет человеку готовые решения: «В массовой культуре уже все известно наперед: "правильный" политический строй, единственно верное учение, вожди, место в строю, звезды спорта и эстрады, мода на имидж "классового борца" или "сексуального символа", кинофильмы, где "наши" всегда правы и непременно побеждают, и пр.» [7, С. 78].

Основными трансляторами постулатов массовой культуры выступают средства массовой информации, которые одновременно информируют читателя, развлекают его и рекламируют всевозможные товары массового потребления. Так, например, в одном журнале можно увидеть рубрики, рассказывающие о здоровом питании, спорте, красоте и стиле, рекомендации по уходу за собой, рассказы о жизни звезд и многое другое, перемежающиеся большим количеством рекламы: «Особую роль в формировании "ценностей" общества потребления, стимулирующих потребление и продажи, на наш взгляд, играют две группы материалов: все, что касается моды, и рубрики или даже целые издания, условно обозначающиеся понятием lifestyle» [4, С. 223].

Ярким примером подобных изданий являются глянцевые журналы. Глянцевый журнал – периодическое печатное издание высокого полиграфического качества, сочетающее в себе большой массив иллюстративного материала и незначительную долю текста. Содержание глянцевых журналов направлено на демонстрацию целевой аудитории алгоритмов достижения успеха в различных областях. Так, например, в женских журналах основными освещаемыми темами являются мода, семья и дети, светская хроника, отношения между мужчиной и женщиной, кулинария, карьера, путешествия, здоровье и спорт, рассматриваемые, как правило, сквозь призму потребительского сознания.

Многие современные западные глянцевые журналы начинают свою историю с конца XIX – начала XX веков («Harper's Bazaar» – 1867 г.; «Vogue» – 1892 г.; «Vanity Fair» – 1913 г.; «L'Officiel» – 1921). Журналы меняли свой вид в соответствии с развитием техники и требованиями времени. Если первоначально это были просто «листки моды», то к 30-м годам XX века, вследствие улучшения качества печати, журналы представляют собой издания, наполненные иллюстрациями, увеличивается и количество тем, затрагиваемых такими журналами: мода, рецепты красоты и светские новости.

В 1939 году в США появился первый выпуск журнала под названием «Glamour of Hollywood», посвященный жизни звезд. С течением времени сфера интересов журнала расширилась, и он стал рассказывать о моде, красоте, здоровье, психологии и о многом другом. Вследствие разнообразия обсуждаемых в журнале тем название сократилось до привычного сегодняшнему читателю «Glamour». Сейчас в 17 странах на 10 языках (французский, немецкий, английский, итальянский, русский, польский, греческий, венгерский, голландский) издаются адаптированные версии журнала. При этом читательскую аудиторию составляют 32 000 000 человек [8], и вне зависимости от страны и региона – это женщины в возрасте от 19 до 43 лет. Материалы, публикуемые в журнале, охватывают весь спектр интересов современной женщины, которая стремится следить за модными тенденциями, заниматься своей карьерой, своим здоровьем, получать рекомендации по ведению хозяйства и многое другое.

На рубеже XX – XXI вв. и на отечественном рынке печатных изданий можно наблюдать активное развитие женских глянцевых журналов. В связи с социально-экономическими особенностями функционирования периодики в сегменте подобных изданий утвердилась модель западного глянцевого журнала – издания с глянцевой обложкой, транслирующего модные тенденции и потребительские ценности массовой культуры.

Вследствие глобализации и унификации информационных потоков стираются границы между странами и различными культурными традициями. Человека посредством продуктов массовой культуры, частью которой стали глянцевики журналы, вовлекают в пространство, в котором ему предоставляются различные товары потребления, красивые фотографии людей, получивших известность, реклама, статьи о необходимости успешной жизни, подкрепленной материальным благополучием, и многое другое. Таким образом происходит манипуляция сознанием потребителя.

Русскоязычный номер журнала «Glamour» появился в сентябре 2004 года. Первый номер так же, как и американская версия рассказывал о жизни звезд, красоте, модных тенденциях, отдыхе, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной и т.д. На обложке, как и во всех изданиях, размещалась фотография популярной певицы, заголовки статей о моде, о взаимоотношениях с мужчинами, о диетах и т.д. На сегодняшний день тираж журнала составляет 270 000 экземпляров и, по данным рейтинга агентства VivaReit «10 самых популярных женских журналов» [6], журнал «Glamour» занимает шестое место после таких изданий, как «Cosmopolitan», «Vogue», «HELLO!», «SHAPE», «Marie Claire», что свидетельствует о его лидирующих позициях в данном сегменте. По данным агентства TNS, усредненное количество читателей одного номера издания составляет 1,297.6 [3]. Это подтверждает то, что массовая аудитория этих изданий и рекламные инвестиции со стороны заинтересованных в продвижении своих товаров и услуг рекламодателей обеспечивают их эффективное развитие.

Журнал «Glamour», как и другие женские глянцевые издания, содержит такие разделы, как мода и красота, где читательницам рассказывается, как красиво и правильно одеваться, какой косметикой пользоваться, чтобы быть в тренде, куда сходить, что приобрести, куда съездить на отдых и т.д. Плюс к этому в журнале среди разнообразия и пестроты гламурной жизни и рекламы появляются рубрики, отсылающие нас к культурной жизни современной женщины, объединенные под названием «Календарь», где в соответствии с датой выхода фильма в прокат предлагается обзор киноновинок, сериалов, анонсы кинофестивалей, спецпоказов, концертов, балета, также здесь можно увидеть рекламу каких-либо интернет-ресурсов, например «Онлайн-чтения «Мастера и Маргариты» [2, С. 48-50]. Все новинки и мероприятия подобраны в соответствии с интересами целевой аудитории и усредненным массовым вкусом, что и является основным фактором для становления и распространения массовой культуры.

Исходя из такой же логики, в журнале рекомендуется и литература. При этом все предлагаемые книги соответствуют общей тенденции гламурной жизни: «Красиво жить». «Эти пять книг помогут вам стать красивее и здоровее, не прилагая гигантских усилий. У каждого из авторов есть свои секреты», – такие слова предшествуют аннотациям книг: «50 незаменимых упражнений для здоровья», «Домашний фейсфитнес», «Хватит считать калории!», «Японская революция по уходу за кожей», «Корейские секреты красоты» [1, С. 48]. Если здесь речь идет о красоте и предлагаются советы для здоровья, то в другом номере говорится о том, что «погружение в лихо закрученный детектив – прекрасный способ скоротать холодный ноябрьский вечер» [2, С. 52], и демонстрируются аннотации детективных произведений современных авторов. Обе подборки объединены общей целью – обеспечить читательнице отдых и развлечения, привлечь ее к потреблению тех или иных товаров, создать у нее иллюзию успешной жизни.

Таким образом, журнал «Glamour» становится очередным продуктом и одновременно транслятором массовой культуры, поскольку масса читательниц обеспечивает стабильный сбыт журнала, а журнал, в свою очередь, манипулируя сознанием потребителей, создает для них иллюзию гламурной жизни. Если в XIX веке женские журналы содержали в себе сентиментальные повести, мемуары известных личностей, повести, приятные стихотворения, разные прозаические отрывки, то сегодня в женских журналах основным транслятором культуры и искусства выступают мода и так называемый гламур, утверждая доминирование массовой культуры в современном обществе.

Список литературы / References

1. Glamour («Гламур»). – 2016 – №10 (Октябрь) – 236 с.
2. Glamour («Гламур»). – 2016 – №11 (Ноябрь) – 240 с.
3. TNS [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://goo.gl/2XE8ks> (дата обращения: 16.08.2016)
4. Коломийцева Е.Ю. Реклама в женских журналах как инструмент маркетинговой коммуникации / Е.Ю. Коломийцева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 2. – С. 223.
5. Новейший философский словарь – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
6. Рейтинги VivaReit / 10 самых популярных женских журналов. [Электронный ресурс] <http://vivareit.ru/10-samyx-populyarnyx-zhenskix-zhurnalov/> (дата обращения: 25.07.2016)
7. Флиер, А.Я. Некультурные функции культуры. Очерки / А.Я. Флиер – М.: МГУКИ, 2008. – 272 с.
8. Энциклопедия моды. [Электронный ресурс]: <https://goo.gl/Or26VU> (дата обращения: 25.08.2016)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Glamour. – 2016 – №10 (October) – 236 p. [in Russian]
2. Glamour. – 2016 – №11 (November) – 240 p. [in Russian]
3. TNS [Electronic resource] URL: <https://goo.gl/2XE8ks> (accessed: 16.08.2016). [in Russian]
4. Kolomijtseva E.YU. Reklama v zhenskikh zhurnalakh kak instrument marketingovoj kommunikatsii [Kolomijtseva E. Y. Advertising in women's magazines as marketing tool communication] / E.YU. Kolomijtseva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow state University of culture and arts]. – 2012. – № 2. [in Russian]
5. Novejshij filosofskij slovar' [The newest philosophical dictionary] – Мн.: Изд. V.M. Skakun, 1998. – 896 p. [in Russian]
6. Rejtingi VivaReit / 10 samykh populyarnyx zhenskikh zhurnalov [10 most popular women's magazines]. [Electronic resource] URL: <http://vivareit.ru/10-samyx-populyarnyx-zhenskix-zhurnalov/> (accessed: 25.07.2016). [in Russian]
7. Flier, A.YA. Nekul'turnye funktsii kul'tury. Ocherki [Uncivilized function of culture. Essays] / A.YA. Flier – М.: МГУКИ, 2008. – 272 p. [in Russian]
8. EHntsiklopediya mody [Encyclopedia of fashion]. [Electronic resource] URL: <https://goo.gl/Or26VU> (accessed: 25.08.2016). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.130>

Рамазанова М.К.

Аспирант, Дагестанский государственный педагогический университет

**ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ)****Аннотация.**

Статья посвящена вопросу функционирования частиц в вопросительных предложениях лезгинского языка. В этой связи на примере вопросительных частиц рассмотрены их семантика и функции в пределах вопросительных высказываний. Исследуется разнообразие семантических оттенков значений вопросительных частиц, проявляющихся в разнообразии выполняемых ими функций в речи. Автор выявляет и обосновывает функции данных частиц при образовании вопросительных высказываний, как одного из средств организации лезгинского текста.

Ключевые слова: вопросительные частицы, семантика и функции частиц, оттенки значений, риторический вопрос, вопросительные предложения.

Ramazanova M.K.

Postgraduate student, Dagestan State Pedagogical University

**FUNCTIONS OF PARTICLES IN INTERROGATIVE SENTENCES OF LEZGIN LANGUAGE
(ON THE EXAMPLE OF QUESTION PARTICLES)****Abstract**

The article is devoted to the problem of particles functioning in interrogative sentences of the Lezgin language. In this connection, the semantics and functions of interrogative particles is considered within the limits of interrogative utterances. The paper discusses the variety of semantic nuances of interrogative particles meanings, which are manifested in the variety of functions they perform in speech. The author detects and justifies the functions of these particles in the formation of interrogative utterances, as one of the means of organizing a Lezgin text.

Keywords: interrogative particles, semantics and functions of particles, shades of meanings, rhetorical question, interrogative sentences.

Вопросительным предложением называется предложение, заключающее в себе вопрос, направленный говорящим к собеседнику. В лезгинском языке вопрос может быть реализован следующими средствами:

- 1) специальной вопросительной интонацией;
- 2) посредством специальных вопросительных слов и частиц;
- 3) посредством особого словорасположения. [3, С. 278].

Так как целью данной работы является исследование функций частиц в вопросительных предложениях лезгинского языка, рассмотрим образование вопросительных предложений посредством специальных вопросительных слов и частиц.

Как известно, вопросительные частицы служат для организации высказываний с вопросительным оттенком. К таким частицам относятся: жал 'ли', 'неужели', анг 'а (используется при переспрашивании)', гъаяман 'а может', 'может быть', мегер'разве', «бес» 'разве', 'же', т1а'ли', 'неужели', ман'да', 'значит', 'стало быть', яраб 'неужели', айаман 'может быть', гъагъ 'разве', 'неужели'. [3, С. 248]

Данные частицы близки по семантике, на что указывает в том числе и возможность их одновременного употребления в пределах предложения, однако они имеют и свои функциональные особенности. Разнообразие семантических оттенков значений вопросительных частиц проявляется в разнообразии выполняемых ими функций в речи. Рассмотрим на конкретных примерах особенности данных частиц в лезгинском языке.

По характеру своего функционирования одна и та же частица лезгинского языка может выступать в разных значениях. Данной особенностью отличаются и вопросительные частицы.

Частица бес «же, а, разве, почему» используется:

- 1) для усиления вопроса:

Бес за вуч ийида? (Я.Я.) «Что же мне делать?»

Бес и к1валахар акун лазим тир ксар гъина канва? (А.К.) «А где спят люди, которые должны видеть эти дела?»

Бес к1елунар гадардани? (Я.Я.) «Разве бросишь учебу?» Бес вучиз ак1 хъана? (Я.Я.) «Почему же так случилось?»

Для усиления вопроса частица бес также сочетается с побудительной частицей хъи, которые придают оттенок побуждения, подталкивания к действию, с некоторым нюансом удивления, разочарования: Аиукъ хъайила, бес адав чуънгуъ тахъана, гапур гва хъи? - аиукъ Саидалай нарази яз амукъна. (А.К.) «Если он аиуг, то почему же вместо чунгура у него меч? – остались недовольными аиугом Саидом»

- 2) осложняет вопрос оттенком недовольства, недоверия, неуверенности, сомнения, удивления:

Бес за ваз чан лугъудани? - гъарайна эмирди. (А.К.) «Разве я должен тебя приласкать?» - закричал эмир.

Бес квез Ялахърикай са ванни хъаначни? (А.К.) «Разве вы ничего не слышали про Ялаг?»

Вичин гафунал Къулибегни тажуб хъанвай: «Бес завай зи гаф кылиз акъудиз жедачни?» Своим словам сам Кулибег удивился: «Разве я не смогу сдержать свое слово?»

Бес гила адахъ вуч хъанва? (А.К.) «Что же теперь с ним случилось?»

Частица яраб «неужели» вносит различные оттенки значений:

- 1) сомнение: Яраб вун гила къванни дуъз рекъел хтанват1а? (А.К.) «Неужели хотя бы теперь ты встал на истинный путь?»

2) неуверенность: Дуъз лугъузва. Яраб гила зун хибри хъанват1а? (А.К.) «Правильно говорит. Неужели я сошел с ума?»

- 3) недоумение: Адаз куъ манивал ганат1а яраб? (Я.Я.) «Что же ему помешало?»

4) удивление: *Яраб ибур Хамиса лугъузвай ч!агай гафар тир жал?* (Я.Я.) «Неужели эти красивые слова Хамис говорит?»

Частица *яраб* «неужели» также подчеркивает уверенность, утверждение того, о чем спрашиваешь. *Эгъ, кфил, кфил! Вун авачирт!а чубанди вуч ийидайт!а яраб?* «Эх, свирель, свирель, тебя не было бы, что делал бы чабан (интересно) неужели?» (А.Р.) [12, С. 82]

Частица *мегер* «разве» выражает оттенки:

сожаления: *Рази тушир. Анжах адавай вуч ийиз жедай мегер?* (Я.Я.) «Не согласен. Только что же он мог сделать?»

удивления: *Икъван гъвеч!и нуьк! жедани мегер?* - тажуб яз, ич нез-нез, хабар къуна за. (М.Ш.) «Разве птичка может быть такой маленькой?» - спросил я удивленно, откусывая яблоко.»

иронии: *Ваз гъич къушар акурди тушни мегер?* (К.М.) «Разве ты птиц совсем не видел?»

Частица *мегер* также оформляет риторический вопрос (уверенность в противоположном ответе): *Инсандин гъуьрмет гъик! хурай мегер?* (Я.Я.) «Разве можно не уважать человека?»

Частица *мегер* может выражать и мнение противоположное тому, о чем спрашивается: *Мугъманди вич акъваздай чкадикай фикир ийидайди яни мегер?* (Я.Я.) «Разве гость думает о том, где ему остановиться?» *Ада вичини и кардал туькъуьлвал ийизвачирни мегер?* (Я.Я.) «Разве он тоже не сожалел об этом?»

Частица *гъаяман* «а может», «может быть» выражает сомнение, предупреждение: *Гъаяман адан кылел мад са бала атана гъа?* (Б.Т.) «А может с ним опять случилась какая-нибудь беда?» *Им за туьк!уьрай мани я,- лагъана за.*

Категоричность прямого вопроса ослабляется также постановкой глагола-сказуемого в форме условного наклонения: *Гъаяман вунни ви буба хъиз дели жезват!а гъа?* (А.Ф.) «А не сходишь ли ты с ума, как твой отец?» [3, С. 280]

Частица *жал* «ли» прибавляется к глаголу, когда говорящий сам сомневается или неуверен в том, что говорит и когда хочет узнать мнение собеседника. [9, С. 145]: *Яраб ам хъайи кар я жал?* (Я.Я.) «Разве было ли такое дело?»

Также она осложняет вопрос различными оттенками:

недоверия: *Фикирна за: яраб ам зи яр я жал?* (Е. Э) «Подумал я: она моя ли возлюбленная?»

неуверенности: *Яраб гъам я жал?* – *зи рик!ик са жуьредин теспачивал акатнай.* (Н.М.) «Он ли это? - я почувствовал какую-то тревогу»

удивления: *Яраб заз акъваздайди ахвар я жал?* (Н.М.) «Разве то, что я вижу, не сон ли?»

недоумения: *Аиуьк хъунухъ тахсир я жал?* (С.С.) «Виновата ли, что влюблена?»

Частица –ни «ли» образует предложения, требующие утвердительного или отрицательного ответа: *Ваз бубадин пеше къаз к!анзавани?* (А.К.) «Хочешь ли ты заняться делом отца?» *Ибур дуьз гафар яни?* (А.К.) «Правда ли это?»

При выражении вопроса, осложненного оттенком неуверенности, сомнения, частица –ни взаимодействует с интонацией и контекстом: - *Зун лайих тушни?*

-*Низ чиди къван,- дишегълидин фикир дуьз жаваб гун тушир.* (А.К.)

«-Я не заслуживаю ли?»

– *Кто знает,- женщины и не думала дать точный ответ»*

Частица *ман* «стало быть, да, значит» усиливает побуждение к ответу, побуждает к утверждению: *Вуна заз багъишзавач ман?* - *хъел кваз рахазва Дагълар.* (А.М.) «Значит ты меня не прощаешь? – со злостью разговаривал Даглар»

За вун иниз зи гъиле авай лаи акъудиз гъайиди я ман? (Б.Г.) «Стало быть я привел тебя сюда, чтобы палку из моих рук вытаскивать?» *Зат!ни акун тавурдай къазва ман?* (К.М.) «Делаем вид, что ничего не заметили да?»

Частица *гъагъ* «разве», «неужели» употребляется с вопросительной интонацией при сообщении, которое вызывает реакцию спрашивающего (удивление, сомнение), а также выражает различные эмоционально-экспрессивные оттенки: *Гъагъ ви ашна жедиди масан?* (З.Э.) «Разве твоя возлюбленная будет дорога?» *За ваз яргъариз фимир, инрал хъухъ, лагъайди туширни, гъагъ?* (Б.Г.) «Разве я не говорил, чтобы ты не уходил далеко, был здесь?»

Частица *ангъ* «а» употребляется:

при переспрашивании: *Икъван гагъда садрани тавурда гила заз зенг ийидайни? Ангъ?* (А.М.) «До сих пор ни разу не звонивший, то сейчас звонил бы? А?»

при обращении к кому-либо с вопросительной интонацией: *Вуч хъанва? Ангъ?* (Н.М.) «Что случилось? А?»

Нельзя не отметить широкое распространение риторических вопросов, т.е. предложений, оформленных по типу вопросительных, но имеющих значение эмоционально окрашенного утверждения или отрицания. В их составе обычно используются разного рода частицы: *бес, ман, мегер, яраб, жал* «неужели, разве»: *Бес за ингилс ч!алал лугъузвани?* (Б. С.-А.) «Разве я на английском языке говорю?»; *Жедачни бес?* (М. С) «Разве не бывает?»; *Мегер мугъманриз гъазурзавай шашликдин дад такуна жедани?* (Н. А.) «Разве можно не отвесть шашлыка, готовящегося для гостей?»; *Дердер такурдаз, гъамар такурдаз, шадвилини къадир жедани мегер?* (Б. С) «Печалей не увидев, горестей не увидев, радости цену (узнать) разве можно?»; *Яраб ада дуьз лугъузвайди я жал?* (Ж. Гъ.) «Интересно, неужели он говорит правду?»; *Куьнни Алияр дах куьч жезвач ман?* (Н. А.) «Стало быть, вы и дядя Алияр не переезжаете?»; *Къе йифиз яраб Али заз къалурдач жал?* (К. М.) «Сегодня ночью Али мне разве не покажут?» [1, С. 35]

Как видно из примеров, данные частицы могут занимать в предложении как начальную (*Бес гила и чилерин исивал ни ийизва?* (А.К.) «Теперь кто же хозяйничает на этих землях»), так и конечную позицию (*Чун инсанар тушни мегер?* «Разве мы не люди?»), причем в одном предложении одновременно могут совмещаться две вопросительные частицы (*Бес вун гишила ацукъдайни?* (А.К.) «Разве ты сидела бы голодной?»). Если опустить в приведенных примерах частицы, предложения останутся вопросительными, и смысл их не изменится. Однако их присутствие как бы усиливает воздействие вопроса, придавая какую-то выразительность речи.

Все вышеизложенное о функциях частиц в вопросительных предложениях лезгинского языка позволяет сделать вывод о том, что частицы в данных предложениях выражают различные оттенки значений (разные значения могут

совмещаться в одной частице), могут оформлять риторические вопросы, выступают в свободном соединении друг с другом, занимают различные позиции в предложении, используются в основном в диалогической речи, при образовании вопросительных предложений данные частицы присоединяются к предложениям разной синтаксической структуры. Таким образом, изучив функционирование частиц в вопросительных предложениях можно заключить, что данные служебные слова являются весьма востребованными средствами для организации лезгинского текста.

Список литературы / References

1. Алексеев М.Е., Шейхов Э.М. Лезгинский язык. / М.Е. Алексеев, Э.М. Шейхов. -Москва: Академия, 1997. - 136 с.
2. Бирембеков З. Гь., Рамалданов Гь. Р. Лезги литературдин чирагъ. / З. Гь. Бирембеков, Гь. Р. Рамалданов. -Махачкала: Дагучпедгиз, 1995. -235ч.
3. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Современный лезгинский язык. / Р.Г. Гайдаров, А.Г. Гюльмагомедов, У.А. Мейланова. -Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. — 482 с.
4. Гайдаров Р. И., Мегьамедов Гь. И., Эседуллаева Н.Б. Лезги чІал. Педучилище патал учебник. / Р.И.Гайдаров, Гь.И. Мегьамедов, Н.Б. Эседуллаева. -Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. - 163 с.
5. Гюльмагомедов А.Г. Лезги чІалан словарь. II том Іктаб. / А.Г. Гюльмагомедов. - Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. — 472 ч.
6. Гюльмагомедов А.Г. Лезги чІалан словарь. II том Іктаб. / А.Г. Гюльмагомедов. - Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005. — 490 ч.
7. Гьаким Къурбан. Чан алай дагълар. / Къ. Гьаким. - Махачкала: Даг.кн.издат-во, 1978. -192ч.
8. Гьаким Къурбан. Гъай тахъай гъарай. /Къ. Гьаким. - Махачкала: Даг.кн.издат-во, 2008. -312ч.
9. Мейланова У.А. Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. / У.А. Мейланова. - Махачкала, 1970. -192 с.
10. Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь. / Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев. -Махачкала: Советская энциклопедия, 1966. — 603 с.
11. Шихвердиев Мурадхан. Экв яргъай аквада. / М. Шихвердиев. - Махачкала: Даг.кн.издат-во, 1977. -120 ч.
12. Юзбеков А.Н. Служебные части речи в лезгинском языке. / А.Н. Юзбеков. -Махачкала, 1990. 107 с.
13. Яралиев Якуб. Дагъдин кукІуш гъуьмеда. / Я. Яралиев. - Махачкала: Даг.кн.издат-во, 1982. -136 ч.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alekseev M.E., Shejhov Je.M. Lezginskij jazyk. [Lezghin language] / M. E. Alekseev, E. M. Sheykhov. - Moscow: Academy, 1997. - 136 p. [in Russian]
2. Birembekov Z. G', Ramaldanov G'. R. Lezgi literaturadin chirag#. [Luminary Lezgin literature]/ Z.G. Birembekov, G. R. Ramaldanov. - Makhachkala: Daguchpedgiz, 1995. - 235 h.
3. Gaydarov R.I., Gyulmagomedov A.G., Meylanova U.A. Sovremennyy lezginskij jazyk.[Modern Lezghin language] / R.I. Gaydarov, A.G. Gyulmagomedov, U. A. Meylanova. - Makhachkala: IYaLI DNTs RAS, 2009. — 482 p. [in Russian]
4. Gaydarov R.I., Megyamedov G.I., Esedullayeva N.B. Lezgi chlal. Peduchilishhe patal uchebnik. [Lezgian language. Tutorial for peduchilishh] / R.I.Gaydarov, G.I. Megyamedov, N.B. Esedullayeva. - Makhachkala: Daguchpedgiz, 1994. - 163 p.
5. Gyulmagomedov A.G. Lezgi chlalan slovar'. II tom Iktab. [Dictionary of Lezgian language. in two volumes, the first book]/. A.G. Gyulmagomedov. - Makhachkala: IPTs DGU, 2004. — 472 h.
6. Gyulmagomedov A.G. Lezgi chlalan slovar'. II tom IIktab. [Dictionary of Lezgian language. the second book in two volumes] / A. G. Gyulmagomedov. - Makhachkala: IPTs DGU, 2005. - 490 h.
7. Gyakim K. Chan alaj dag#lar. [Living Mountains] / K. Gyakim. - Makhachkala: Dag.kn.izdat-vo, 1978. - 192 h. 8. Gyakim K. G'aj tah'aj g'araj. [Neuslyshannyj call]/ K. Gyakim. - Makhachkala: Dag.kn.izdat-vo, 2008. - 312 h.
9. Meylanova U.A. Gjunejskij dialekt — osnova lezginskogo literaturnogo jazyka. [Gjunejskij dialect is the basis of Lezgian language] / U. A. Meylanova. - Makhachkala, 1970. - 192 p. [in Russian]
10. Talibov B.B., Gadzhiev M.M. Lezginsko-russkij slovar'. [Lezginsko-Russian dictionary]/ B. B. Talibov, M. M. Gadzhiev. - Makhachkala: Soviet encyclopedia, 1966. — 603 p.
11. Shikhverdiyev M. Jekv jarg#aj akvada. [Light is visible from afar] / M. Shikhverdiyev. - Makhachkala: Dag.kn.izdat-vo, 1977. - 120 h. [the Lezgin]
12. Yuzbekov. A.N. Sluzhebnye chasti rechi v lezginskom jazyke. [Service parts of speech in the Lezgin language] / A. N. Yuzbekov. - Makhachkala, 1990.107 p. [in Russian]
13. Yaraliyev Ja. Dag#din kukІush g'u'meda. [Vertex in darkness] / Ya. Yaraliyev. - Makhachkala: Dag.kn.izdat-vo, 1982. - 136 h.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.115>

Салямова-Абулгатинова З.Р.

ORCID: 0000-0002-1825-0097, Аспирант,

ФГБНУ Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРАСОТЫ ХУМАЙ В ЭПОСЕ «УРАЛ БАТЫР»**Аннотация**

Красота и мудрость Хумай (основной женский мифологизированный образ жены Урал-батыра в одноименном эпосе) - вдохновляющая тема для создателей и носителей башкирского эпоса. Категория красоты восходит к культовым представлениям, за многовековые традиции эпической словесности наполняется новыми художественными решениями и образами. В описаниях идеализируется внешняя красота, имеются самостоятельный стиль, функции, действуют стереотипы, свойственные тюркскому эпосотворчеству. Красота Хумай основана на архаических представлениях о чрезвычайных качествах перевоплощения, идеях единения человека и природы. В статье освещается Красота как самостоятельная субстанция, могущественное начало в первоисточнике, движущая сила в эволюции человечества и приоритетах будущности.

Ключевые слова: Хумай, красота, образ, культ, поэтика.

Salymova-Abulgatina Z.R.

¹ORCID: 0000-0002-1825-0097, Postgraduate student,

Institute of history, language and literature Ufa scientific center RAS

ARCHETYPICAL PECULIARITIES OF BEAUTY OF HUMAI IN THE EPOS OF URAL BATYR**Abstract**

Beauty and wisdom of Humai (main female mythological image of Ural-Batyr wife in the eponymous epic) is an inspiring theme for the creators and bearers of the Bashkir epos. The category of beauty goes back to the cult representations, for the centuries-old tradition of epic literature filled with new artistic solutions and images. The descriptions idealize external beauty, there is an independent style, functions, stereotypes characteristic of the Turkic epic creativity. The beauty of Humai is based on archaic ideas about the extraordinary qualities of reincarnation, the ideas of the unity of man and nature. The paper presents Beauty as an independent substance, a powerful beginning in the creation, a driving force in the evolution of mankind and the priorities of the future.

Keywords: Humai, beauty, image, cult, poetics.

Культ женской красоты - один из основных концептов в мировоззренческой сфере народов, получивший многообразное отображение в мировом эпическом творчестве. Многовековой духовный опыт и представления о красоте традиционно передаются через образы основных героинь эпоса, обобщая эстетические, а также морально-нравственные взгляды народа. Внешняя красота в фольклоре всегда функциональна, она несет идею о положительности и исключительности образа. Отрицательные персонажи всегда уродливы (оборотни, ведьмы, водяные), иногда внешняя красота выступает как качество злых змей, оборотней. В «Толковом словаре современного башкирского языка» красота трактуется как 1) красивая внешность и 2) качество, дающее наслаждение душе [1, С. 528]. Почти в каждом из фольклорных произведений действует женщина, обладающая неотразимой красотой, занимает, наряду с основным героем, центральное место и участвует в динамике событий. Хумай, Айхылыу, Хыухылыу, Наркас, Тандыса, Мактымхылыу – это мифические героини из башкирских эпосов, которых отличает, прежде всего, выдающаяся красота и обаяние.

Столь активное место красоты в фольклоре связано с древними культовыми представлениями, мифологизацией красоты как значимой и функциональной категории. Она культивируется равно недюжинной физической силой батыров, прославляется в высоком слого кубаиров, песен, сказок легенд. Известный фольклорист Р. А. Султангареева отмечает в башкирском фольклоре сохранение идеи о неразделимой связи названия родной страны (иль) с культовой женщиной-матерью, почитанием ее высокого статуса. Так, слово это Иль (страна) созвучно с именем Хэлль, богини земли, хозяйки царства мертвых по германо-скандинавской мифологии (Мифы народов мира т. I. М.: Советская энциклопедия. 1980, с. 288). На фоне этого, как отмечает автор, активная роль красивой женщины связана с персонификацией в ее лице страны (Иль), обозначена в весенних, осенних празднествах в контексте ее производительной магии [2, С. 131]. Именно красивая женщина имела право определять победителя основных соревнований, решать спорные вопросы, одаривать борцов, первых на конных скачках [3, С. 26]. Возникшие спорные вопросы о праве владения платком из рук женщины решали борьбой или состязанием лука. В этот момент «Шест с платком в руке держит женщина или девушка, славящаяся красотой, щегольством и искусством в рукоделии [4, С. 157]. Таким образом, в обрядовом фольклоре сохранены следы культового почитания красоты как имеющей в древности особое правовое значение и потому силу влияния.

В башкирском фольклоре, наряду с многовековой мудростью и чаяниями народа, отразились представления об идеале женской красоты [5, С. 119]. Центральное место в эпическом сказании «Урал батыр» занимает необыкновенной красоты и мудрости Хумай. Божество Хумай в разных вариантах (Умай, Убай, Ымай, Май, Юмо) широко распространено в фольклоре, языке не только тюрко-монгольских народов, но и финно-угорских, ираноязычных народов и имеет древнее происхождение. Впервые оно зафиксировано в орхоно-енисейских памятниках [6, С. 31]. Божество Умай, связанный с культом плодородия и покровительницы детей, встречается в киргизском эпосе «Манас» [6, С. 32]. Связь с материнским началом хорошо прослеживается и на материале монгольского языка и фольклора. Так, в монгольском языке термин умай известен в значении «утроба матери», «матка», а в эпосе Чингис-хан называется сыном самой Умай, чрево которой воспевается как золотое [6, С. 32].

В башкирском эпическом сказании «Урал батыр» Хумай – мифическая птица, жена Урал-батыра, покровительница людей. Впервые в эпосе «Урал батыр» Хумай упоминается в эпизоде, когда в облике лебедя

попадает в руки Янбирде и Янбике. Когда Янбирде, опутав ноги, собирается отсечь ей голову, то она плача, говорит о себе, о своем происхождении:

Самрау тигән батшаның
 Номай тигән кызымың;
 Алтын сәсем таркаһам,
 Нурға илде күмәмен:
 Көндөз ергә нур һибәм,
 Кисен айға нур бирәм [7, С. 17].
 Царя, чье имя Самрау,
 Дочь я, зовут меня Хумай;
 Если золотые волосы распушу,
 Лучами страну заполню.
 Днем на землю лучи распускаю,
 Ночью свет луне я дарю [8, С. 47].

Хумай – божественного происхождения девушка. Ее красота обозначена солярными знаками. Это традиционная особенность в фольклоре, когда сила невиданной красоты соотносится с сияющими образами небожителей - Солнцем, Луной, звездами. Восторг, восхищение, сильные эмоции восприятия красоты, как наиболее поразившие воображение, позволяют охарактеризовать прекрасных женщин в ореоле небесных светил. Мифологическая суть, планетарный масштаб Хумай обозначены в ее признаниях: «Хумай землю золотыми лучами заливает, а вечером дарит луне свет».

Красота девушки и сила красоты даются глазами других, через восприятие двух братьев – основных героев эпоса Урала и Шульгена. Хумай восхищает Урала:

Уның усма шәлкемдәй,
 Енсегене капларзай,
 Кәйтән менән бизәлгән:
 Сәс толомо һалынган;
 Озон кәрпеге үтә
 Кара күзе текәлгән;
 Уйнап торған кыйғас каш
 Күз өстөндә йылмайған;
 Төртәйешкән калкыу түш
 Күз алдында тулкынған;
 Бал кортондай нәзек бил:
 Борғоланып уйнаған;
 Гүйә күптәнгә танышы,
 Көмөштәй саф тауышлы [7, С. 59].
 Необъятная, как водопад,
 Сбросишь вниз – упадет до пят,
 Монетами унижена вся
 Ниспадающая коса;
 Черных глаз обжигающий взор
 Сквозь ресницы смотрит в упор;
 Над глазами парящие брови
 Улыбаются с любовью.
 А упругая грудь налитая,
 Слово волна речная, играет;
 Стан ее тонкий, как у пчелы
 Своей подвижностью удивляет;
 Голос будто давно знаком –
 Переливается серебром [8, С. 83].

В описании дочери Солнца - Хумай отражены представления и идеалы о невиданной красоте и неотразимости. Все художественные средства, сравнения имеют особое значение и функции, обобщаются в так называемых семиотических кодах, «служащих для выявления символики, первоначальной скрытой информации» [9, С. 35]. По данному тексту описания Хумай мы выделяем энергетический код (сияющие глаза, ясный, обжигающий взор, играющие брови, извивающаяся талия), звуковой код (голос переливается серебром), насекомый, птичий код (пчелиная талия), предметный код (монетами унижена коса). Так, для создания образа человека в эпосе используется традиционный прием ассоциативного сопряжения с природными явлениями. Фольклорный образ красоты привлекателен тем, что портретная характеристика физического облика героя (-ини) создается привлечением многообразных красивых картин, зрелищ, перечислениями, понятийными описаниями. Таковые характеристики традиционно применяются и в описании других эпических, сказочных красавиц. Сравнения, эпитеты, применяемые для создания положительного образа, отражают жизненные наблюдения, привычные картины жизни или внешнего женского облика.

Во всех случаях первой встречи основных героев с красавицами происходит потрясение силой красоты, она привораживает, останавливает время, заставляет на время забыть героев. Этот акцент имеет функциональное значение как знак обновления, перехода героев на новый уровень восприятия жизни и подготовки к поступкам. «Приворожить можно сверхъестественным проявлением своей силы, необыкновенно красивой внешностью и даже одним лишь взглядом, волшебным словом или магическим воздействием на другого человека», отмечает С.

Бадретдинов [9]. Своей красотой Хумай очаровывает, приводит в восхищение Урал-батыра. Красота дочери Солнца становится причиной возникновения большой любви. Сильная красота в фольклоре всегда действует в паре с образом сильного мужчины. Потому преимущество в женитьбе на прекрасной девушке получает Урал-батыр, наделенный недюжинными способностями.

Урал ташка барған, ти
Йозороклап һуккун, -
Таш тәгәрәп киткән, ти.
Шунан алған кулына,
Ташты атқан һауаға. [7, С. 82]
К камню Урал подошел, говорят.
По камню он стукнул кулаком,
Из земли его вырвал рывком,
И затем тот камень схватил,
В небо синее запустил. [8, С. 102]

Право продолжения героического рода от союза с браком с необыкновенной женщиной также удостоивается Урал. Так проводится идея соотносимости и равноправности женской Красоты мужской физической Силы.

Хумай в силу своей красоты и качеств магических превращений (знак сверхъестественности и единства с природой) имеет влияние на мифического небесного коня Акбузата. Она может тулпара позвать, поговорить, подарить, ласкать. Информативно то, что она владеет булатным мечом – это знак того, что Хумай – воительница и храбрая защитница своего пространства. Так обобщается идея красоты как знаковой силы во имя защиты добродетели и покровительства. Овладение небесным конем и оружием – знак избранных и знак статуса высокой посвященности. Прежде чем подарить эти достояния, Хумай ставит условия, чем подвигает Урал-батыра на великие деяния, победы над драконами. В тексте воспроизводится архетип женщины-повелительницы, покровительницы и царицы.

Булат кылысын алалһаң,
Шундай батыр булалһаң, -
Бузым бүләк кылайым;
Атама әйтеп туй яһаң,
Үзеңә йәр булайым [7, С. 78].
Если из ножен вынешь меч,
Притороченный к луке седла,
Скинешь его над собой,-тогда
Будешь признан батыром ты,
Перейдет к тебе конь навсегда.
Отцу скажу, свадьбу сыграем
Тебе любимой буду! [8, С. 99].

Особая красота Хумай имеет особую силу влияния и власти. Только после благословения Хумай и преподнесения знаковых даров:

Майзанымда буз атты
Кулыңа алып менәлһаң,
Әйәренәң кашынан
Булат кылысын алалһаң,
Шундай батыр булалһаң, -
Бузым бүләк кылайым; [7, С. 78]
Акбуз-тулпара тебе я дам:
Коня того не спалить огням,
В воду ль упадет – не утонет,
Ураганы его не догонят; [8, С. 85].

Урал-батыр достигает решающих, дающих ему право звания Батыр, побед. Таким образом поэтизируется не только сила внешней красоты, но красоты Духа. Ведь благословление на необходимость борьбы с великим Злом способна дать только мудрая женщина. Благодаря мудрости и поддержке Хумай, Урал батыр побеждает дивов. Днем и ночью он сражается с нечистью, заполнившей землю. Акбузат выносил его из битвы, когда батыр уставал и вихрем мчался в бой, когда Урал батыр набирался сил. Урал вдохновлен любовью богини, в руках его – не знающий поражения меч, с ним верный его друг – Акбузат.

Еще одно проявление красоты Хумай содержит эпизод рождения сына Иделя. Материнство мифологической женщины имеет глобальное значение в мироустройстве. Именно с ней, с ее величием связывается продолжение рода человеческого на Урале: «от батыра батыр родится, поколение таких сыновей всеильным будет в стране своей». Хумай – мать Иделя, главной реки Башкортостана, полноводной, сильной. Таким образом, осознается магическое и божественное происхождение реки, олицетворяющей единство мужского и женского начал.

Хумай как мифическая женщина, в архетипе своем содержит магию превращений и привязанности к месту, пространству и времени. Она навсегда осталась в облике птицы и покинула страну. Лишь спустя много лет, соскучившись по мужу, она прилетела на Урал, вывела птенцов, и тогда размножилось от нее лебединое племя людей. Более того, сказав, что «там спокойная страна», Хумай привела туда других птиц, и с тех пор Урал стал благодатным краем, полным дичи, птиц, животных». Иными словами, в эпосе «Урал батыр» Хумай выступает как родоначальница лебединого племени. «Здесь сохранился также весьма архаический мотив партогенеза, который относится к одному из древнейших мотивов: лебеди появляются из снесенных Хумай яиц, которые были оплодотворены воздухом» [3, С. 15].

Как известно, у красивой женщины в башкирском эпосе красивая, сильная любовь. Любовь Хумая к мужу, сыновьям, отцу, матери и всему живому обобщает идеи о всеильном чувстве, имеющем значение первотворения: ведь от ее брака с Урал-батыром произошло лебединое племя людей на Урале. Духовная и физическая красота Хумай является основой всех благородных начал в эпосе. Магизм красоты в течение веков наполняется новыми художественными решениями и образами. Красота мифологизируется, имеет колоссальное звучание во всей эмоционально-экспрессивной картине эпосов. В этой связи место и влияние категории красоты в эпических сказаниях важны сами по себе, они неотделимы от темы героизма и побед основных персонажей. На этом фоне мотивация красоты имеет сюжетобразующее значение, предопределяет особенности поступков героев.

Список литературы / References

1. Толковый словарь современного башкирского языка. Уфа, 2004. – 528 с.
2. Султангареева Р. А. Весенне-летние обрядовые праздники / Р. А. Султангареева // Ватандаш. - 2012. – С. 131.
3. Лепехин И. И. Записки путешествия академика И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году / И. И. Лепехин // –СПб., Т. 4. – 1802. –С. 26.
4. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом отношениях / В. М. Черемшанский – Уфа. – 1859. С. 157.
5. Галин С.А. Башкирский мифологический эпос / С. А. Галин // Учебное пособие. Башкирский институт развития образования. – Уфа. – 1999 - 103 с.
6. Урал батыр. Башкирский народный эпос. – Уфа: Информреклама, 2005. – 120 с.
7. Башкирское народное творчество. Том 1. / Эпос – Башкирское книжное издательство. - 1987. – 545 с.
8. Захарова А. Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха / А. Е. Захарова – Новосибирск. - 2004. - С.35.
9. Бадретдинов С. М. Отражение традиций создания семьи в древних башкирских эпосах, преданиях и легендах [Электронный ресурс] / С. М. Бадретдинов // Соотечественник. - URL: <http://www.vatandash.ru/?article=1924> (дата обращения 21.01.2017)
10. Башкирский народный эпос / сост. А. С. Мирбалдаева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов, автор предисл. А. С. Мирбалдаева; отв. Ред. Н.В. Кидайш-Покровская, М., 1997. - 518 с.
11. Хусаинова Г. Р. Формула красоты. Статус и роль башкирской женщины в современном мире / Под общей ред. Р. А. Султангареевой, С. Г. Сабирьяновой, Г. Ф. Хилажевой. – Уфа: АН РБ, Гилем. – 2011. - 160 с.

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Tolkovyj slovar' sovremennogo bashkirskogo jazyka [Definition dictionary of Modern Bashkir language]. - Ufa, 2004. - 528 P. [in Russian]
2. Sultangareeva R. A. Vesenne-letnie obrjadovye prazdniki [Spring and summer ceremonial holidays] / R. A. Sultangareeva // Contemporaries, 2012. – P. 131. [in Russian]
3. Lepehin I. I. Zapiski puteshestvija akademika I. Lepehina po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva v 1770 godu [Notes of travel of academician I. lepekhina in different provinces of the Russian state in 1770] / I. I. Lepehin –SPb., T.4. – 1802 – P. 26. [in Russian]
4. Cheremshanskij V. M. Opisanie Orenburgskoj gubernii v hozjajstvenno-statisticheskom, jenograficheskom otnoshenijah [Description of the Orenburg province in economic statistical, ethnographic aspects] / V. M. Cheremshanskij – Ufa. – 1859. – P. 157. [in Russian]
5. Galin S. A. Bashkirskij mifologicheskij jepos [Bashkir mythological epic] / S. A. Galin // Uchebnoe posobie / Bashkir Institute of education development. – Ufa. - 1999. – 103 P. [in Russian]
6. Ural batyr. Bashkirskij narodnyj jepos [Ural batur. Bashkir folk epic]. – Ufa: Informreklama. - 2005. – 120 P. [in Russian]
7. Bashkirskoe narodnoe tvorcestvo. Tom 1. Jepos [Bashkir folk art. Volume 1. The epos]. — Башкирское книжное издательство. - 1987. – 545 P. [in Russian]
8. Zaharova A. E. Arhaicheskaja ritual'no-obrjadovaja simbolika naroda saha [Archaic ritual and ceremonial symbolism of the Sakha people] / A. E. Zaharova // Novosibirsk. - 2004. - P.35. [in Russian]
9. Badretdinov S. M. Otrazhenie tradicij sozdanija sem'i v drevnih bashkirskih jeposah, predanijah i legendah [Reflection of the traditions of the family in ancient Bashkir epics, tales and legends] [Electronic resource] / S. M. Badretdinov // Sootchestvennik. - URL: <http://www.vatandash.ru/?article=1924> (accessed: 21.01.2017) [in Russian]
10. Bashkirskij narodnyj jepos [Bashkir national epos] / comp. A. S. Mirbaldaeva, M. M. Sagitov, A. I. Harisov, author of the foreword A. S. Mirbaldaeva; executive editor N.V. Kidajsh-Pokrovskaja, M., 1997. - 518 P. [in Russian]
11. Husainova G. R. Formula krasoty. Status i rol' bashkirskoj zhenshhiny v sovremennom mire/podlbshhej re. R. A. Sultangareevoj, S.G. Sabir'janovoj, G.F. Hilazhevoj, [Beauty formula. The status and the role of the Bashkir woman in the modern world / under the General editorship of R. A. Sultangalieva, S. G. Sabirianova, G. F. Hilariou] – Ufa: AN RB, Gilem. - 2011. – 160 P. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.065>Феоктистова И.А.¹, Лазарева А.А.²¹Ассистент, ²Доцент, кандидат филологических наук,

Бурятский государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И НАУЧНОЙ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ****Аннотация**

Данная статья посвящена вопросам обучения русскому языку как иностранному студентов – филологов. В частности, в ней рассматриваются такие ключевые для современной методики преподавания русского языка как иностранного понятия, такие как картина мира, языковая личность, вторичная языковая личность, «скрытая память языка», а также понятие научной концептосферы и ее содержания применительно к обучению русскому языку как иностранному в специальных целях. Значимую роль в формировании научной концептосферы иностранных студентов-филологов имеет знание истории русского языка, поскольку каждый язык является носителем определенного генетического кода этноса, и усвоение этого кода является одним из ключевых условий формирования научной концептосферы студентов, и, соответственно, неотъемлемым условием формирования вторичной языковой личности иностранцев, изучающих русский язык.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного; языковая картина мира; концепт; научная концептосфера; когнитивная лингвистика; языковая личность; лингвистическая компетенция.

Feoktistova I.A.¹, Lazareva A.A.²¹Teaching Assistant, ²Associate Professor, PhD in Philology,

Buryat State University

**PROBLEMS OF SECONDARY LINGUISTIC PERSONA FORMATION AND SCIENTIFIC SPHERE
OF CONCEPTS AMONG FOREIGN STUDENTS-PHILOLOGISTS****Abstract**

This article is devoted to the issues of teaching Russian language as foreign to students-philologists. In particular, it considers such key methods of Russian language teaching in modern methodology as the world-image, linguistic persona, secondary linguistic persona, "hidden memory of the language," and the concept of the scientific sphere of concepts and its content in relation to teaching Russian language as foreign for special purposes. Knowing the history of the Russian language plays a significant role in the formation of the scientific sphere of concepts among foreign students-philologists, since each language is the bearer of a certain genetic code of an ethnos, understanding this code is one of the key conditions for the formation of the scientific sphere of concepts among students, and, accordingly, an indispensable condition for the formation of a secondary linguistic persona among foreigners studying the Russian language.

Keywords: methodology of teaching Russian as a foreign language; linguistic world-image; concept; scientific sphere of concepts; Cognitive linguistics; linguistic persona; linguistic competence.

В последние годы в теоретической лингвистике произошел значительный сдвиг интересов. Он заключается, в первую очередь, в обращении к объяснительным моделям при осознании национальных особенностей языковых систем, которые, в свою очередь, предполагают широкую актуализацию диахронического аспекта в качестве доказательной базы синхронического аспекта в описании языка.

Обращение к так называемой «объяснительности» (метафора А. А. Зализняк) привело к тому, что «оказался преодолен негласный запрет на использование данных истории языка при синхронном анализе: ведь в конечном счете постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронический аспект» [4, С. 325]. Более того, исследователи отмечают, что для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронический аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для понимания того, как устроен язык, и для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов [4, С. 355].

Особого внимания в этой связи заслуживает понятие «скрытой памяти» языка, предложенное Т. М. Николаевой. В качестве доказательства целесообразности понятия «скрытая память», она приводит целый ряд убедительных примеров того, как язык воспроизводит одну и ту же модель построения концепта, иногда на огромном временном промежутке. Т. М. Николаева этой иллюстрацией обращает внимание на факт исторической обусловленности типичности языкового явления в рамках временного пространства, характеризующегося разной культурной спецификой, отраженной через посредство языка [3]. Обращение к скрытой памяти таким образом позволяет объяснить, в частности, различия в современном употреблении квазисинонимичных форм (например, хоть и хотя) и др.

Можно привести высказывания авторов (Виноградов, Трубачев, Бабаева, Яковлева), работающих в разных направлениях, на тему о том, что синхронная полисемия представляет собою не что иное, как проекцию диахронического развития на синхронную плоскость, или, по выражению Толстого в «развернутую в пространстве диахронию». Все эти исследователи приходят к одному выводу: понять и объяснить современное состояние языка невозможно без обращения к данным истории [6, С. 15].

Вторым направлением, вызывающим на сегодняшний день наибольший интерес исследователей, является когнитивная лингвистика. Это направление в современной науке активно развивается в последние два – три десятилетия, но ее предмет – особенности усвоения и обработки информации при помощи языковых знаков – был намечен еще в XIX веке такими исследователями, как В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня.

Рассматривая теорию Гумбольдта о народном духе, А. А. Потебня признает проблему происхождения языка основополагающей, поскольку, духовная жизнь, предшествующая языку, и законы его образования, развития, а также

влияния его на последующую духовную деятельность относятся к разряду психологических проблем. А. А. Потебня прекрасно понимал роль языка в процессах познания нового, в становлении и развитии человеческих знаний о мире на основе психологических механизмов апперцепции и ассоциации, на основе учета специфики представлений о явлениях у носителей разных языков.

В плане определения предмета когнитивной лингвистики важной, на наш взгляд, является мысль А. И. Бодуэна де Куртенэ о том, что из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного) [1, С. 312].

Ориентация современной теоретической лингвистики на когнитивизм и «объяснительность» обусловили новую парадигму в методике преподавания иностранных языков, в том числе и русского языка как иностранного, когда в качестве основного критерия оценки усвоения учебного материала рассматривается не просто знание отдельных фактов, событий, явлений и процессов, а умение устанавливать между ними причинно-следственные связи, параллели и свободно оперировать полученными знаниями при объяснении неизвестных ранее фактов.

Данная образовательная парадигма тесно связана с понятием «языковой личности», которая применительно к изучению иностранного языка, в том числе и русского языка как иностранного, может быть представлена как вторичная языковая личность.

Под вторичной языковой личностью исследователи понимают совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, предполагающую адекватное взаимодействие с представителями других культур. Эта готовность к взаимодействию складывается из двух подсистем: во-первых, из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, репрезентирующим языковую картину мира носителей этого языка, и, во-вторых, концептуализации знаний о картине мира. Все это в совокупности позволяет человеку понять новую для него действительность, в субстанции которой он овладевает иностранным языком.

Создание у студентов основы для формирования вторичной языковой личности, позволяющей им стать полноценным участником межкультурной коммуникации, и есть собственно стратегическая цель обучения иностранному языку. Базовыми ценностями для формирования вторичной языковой личности являются лингвистическая, языковая, коммуникативная и культурологическая компетенции. Совокупность компетенций позволяет выдвинуть в качестве основного критерия оценки усвоения учебного материала не только степень сформированности знания отдельных языковых фактов и процессов, но и умение устанавливать причинно-следственные связи, параллели и свободно оперировать сформулированными представлениями для объяснения таких языковых фактов, которые присутствуют в системе языка, но не комментируются в учебном процессе. Например, закономерности чередований согласных в суффиксах глаголов при спряжении: *писать* - *пишу*, *купить* - *куплю* и т.д. Или же, например, изучение темы «Категория числа существительных», когда при презентации теоретического материала в рамках указанной темы выявляются несоответствия форм в сочетаниях числительных и существительных. Иностранные студенты не понимают, почему существительные в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре* употребляются в форме родительного падежа единственного числа, хотя сами эти сочетания имеют значение множественности. Эта специфика фонетических и грамматических явлений для этнических носителей русского языка является сложившейся языковой традицией, которая ранее презентовалась как данность, а уже объяснение ее причин представляло интерес только для специалиста-филолога. В аудитории иностранных учащихся, даже нефилологов, эти закономерности всегда вызвали оправданный интерес, возникающий не на пустом месте, потому что каждый, кто изучает иностранный язык, в первую очередь стремится понять языковую логику.

Большинство учебных пособий предлагает этот материал для механического запоминания и не формирует навыков сознательного оперирования указанными фактами, тогда как введение исторического комментария по данной теме значительно облегчит усвоение и продуцирование грамматического материала.

По мнению ученых, в каждом национальном языке отражается генетический код народа-носителя этого языка. Проявления генетического кода можно проследить практически на всех уровнях языковой системы: ритмике и мелодике языка, в его структурно-семантической системе, интонационных конструкциях, фонетическом составе, особенностях функционирования языковых знаков в речи и др. Помимо всего прочего, в лексике и фразеологии любого языка сказываются географические, климатические и историко-культурные особенности, оказавшие влияние на формирование народа как нации. Таким образом, изучение любого иностранного языка (русского как иностранного в том числе) можно рассматривать как попытку усвоения этого кода, которое невозможно лишь только путем знакомства с изучаемой языковой системой без обращения к истории этноса и истории языка.

Зачастую апелляция именно к истории этноса и языка позволяет объяснить многие специфические черты языковой системы и установить четкие причинно-следственные связи между изучаемыми языковыми фактами.

Особенно значимым и функционально необходимым это становится в ситуации презентации теоретических курсов в аудитории иностранных студентов-филологов, поскольку профессиональный уровень владения языком предполагает качественно иную степень его усвоения и понимания. При этом закономерным является обращение к вопросу о структуре и содержании концептосферы студента-филолога, важнейшей категорией, в которой являются понятия и научные концепты. Эти две основополагающие категории находятся в отношениях включенной дистрибуции: научный концепт включает в себя понятие, но им не ограничивается. Помимо понятия научный концепт включает в себя специальный слой, содержащий признаки научного видения мира. [5, С. 26].

В структуре научного концепта понятие, выступая обязательным компонентом, выделяет его логические признаки, выявленные носителями языка в результате познавательной деятельности. Понятия и концепты в научном когнитивном пространстве соотносимы: понятие о конкретном объекте, явлении, пополняясь новыми знаниями, субъективными признаками, переходит в концептуальную структуру, и, наоборот, концепт, обозначенный определенным языковым знаком, лишенный индивидуальных признаков, оформляется в понятие [5, С. 27].

Структурно научный концепт находится во взаимосвязи с научной концепцией, которая рассматривается исследователями как «феномен сознания, рождающийся в процессе осмысления научной информации (научного знания) и представляющий ту совокупность взаимосвязанных концептов, которая обуславливает сущность нового научного знания, заключенного в этой совокупности» [5, С. 27].

В соотношении «концепт – концепция – научная теория» С.В. Ракитина различает две основные разновидности концептов: исходный научный концепт, побуждающий к выстраиванию новой концепции, созданию научной теории; б) завершающий научный концепт, вбирающий смысловое ядро концепции или теории.

Отсюда, концепт, содной стороны, может выступать стимулом рождения новых концепции и теорий, а с другой – базироваться на свернутых концепциях и теориях [5, С. 27].

Таким образом, концептосфера моделируется путем конструирующих ее концептов, которые в своей взаимосвязи отражают систему взглядов в определенной области знания, выступают базовыми в разрабатываемых и уже разработанных научных концепциях.

Объем концептосферы зависит от разнообразия и полноценности составляющих ее концептов.

Концептуальное пространство иностранного студента-филолога наполнено определенной системой знаний и представлений о разных сферах научной и профессиональной деятельности. В зависимости от опыта, широты проблем, которые являются предметом рассмотрения, такое концептуальное пространство может включать ряд концептосфер. Например, концептуальное пространство студента-филолога может включать в себя концептосферы лингвиста, историка, литератора, культуролога и др.

При оформлении высказывания, обобщении своих представлений, формулировании понятия, гипотезы, выводов и т.д. концепты, выступая посредниками в отношениях между отражаемыми объектами познания, образуют в концептосфере определенную последовательность, заполняют концептуальное пространство знаниями об этих объектах, представляя в итоге концепцию студента, систему его взглядов.

Основой концептуального пространства современного иностранного студента-филолога, на наш взгляд, является система лингвистических дисциплин исторического цикла, поскольку именно она (система) приводит к пониманию языка как постоянно развивающейся и динамичной системы, хранящей в себе следы истории этноса.

Функционируя в обществе, язык не может не изменяться. Следовательно, изучение языка на современном этапе его развития предполагает изучение закономерностей его развития, представляющих собой сложный результат взаимодействия истории языка и истории народа, его материальной и духовной культуры. Следовательно, для того, чтобы понять и объяснить факты современного состояния языка и в какой-то степени прогнозировать его будущее, необходимо знать и его прошлое.

Список литературы/ References

1. Бодуэн де Куртенэ А. И. Количественность в языковом мышлении // А. И. Бодуэн де Куртенэ Избранные труды по общему языкознанию. – Т.1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 311-324.
2. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
3. Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы. // Вопросы языкознания. 2002. №4. С. 25-41.
4. Плунгян В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. - М.: Языки славянских культур, 1998. – 660 с.
5. Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста. Автореф. дисс. на соискание ученой степени д.ф.н. : 10.02.01 : защищена 21.06.07 / Ракитина Светлана Владимировна – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2007. – 44 с.
6. Толстой Н. И. Некоторые проблемы славянской семасиологии // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. – 520 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baudouin de Courtenay J. Kolichestvennost' v yazikovom mishlenii [Quantitativeness in Linguistic Thinking] // J. Baudouin de Courtenay / Izbranniye trudy po obshchemu yazikiznaniyu [Selected Works on General Linguistics] - V.1. - M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. - P. 311-324. [In Russian]
2. Zaliznyak A.A. Mnogoznachnost v yazike i sposoby ee predstavleniya [Polysemy in Language and Ways of its Representation] - M.: Languages of Slavic Cultures, 2006. - 672 p. [In Russian]
3. Nikolaeva T.M. «Skritaya pamiyat» yazika: popytka postanovki problemy ["Hidden memory" of a Language: Attempt to Formulate a Problem] // Voprosy yazikoznaniya [Issues of Linguistics] - 2002. – No. 4. – P. 25-41. [In Russian]
4. Plungyan V.A. Problemi grammaticheskogo znacheniya v sovremennykh morfologicheskikh teoriyakh [Problems of Grammatical Meaning in Modern Morphological Theories] // Semiotika i informatika [Semiotics and Informatics] Issue. 36. - M.: Languages of Slavic Cultures, 1998. - 660 p. [In Russian]
5. Rakitina S.V. Kognitivno-diskursivnoye prostranstvo nauchnogo teksta [Cognitive-discursive Space of a Scientific Text. Author's Thesis for the Degree of Doctor of Philology]: 10.02.01: defended 21.06.07 / Rakitina Svetlana Vladimirovna - Volgograd: Volgograd State Pedagogical University, 2007. - 44 p. [In Russian]
6. Tolstoy N.I. Nekotoriye problem slavianskoy semasiologii [Some Problems of Slavic Semasiology] // Tolstoy N.I. Selected Works. V. 1. M.: Languages of the Russian culture, 1997. - 520 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.126>

Цопанова Р.Г.

ORCID: 0000-0002-2223-0435, Доцент, Доктор филологических наук

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 16-14-15002 РФНФ

ОБРАЩЕНИЕ В «НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЯХ»: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**Аннотация**

В статье исследуются семантико-стилистические особенности и функции обращений в осетинских «Нартовских сказаниях». В них отразились обычаи, нравы, этика и этикет сотен поколений, создававших сказания. На первом месте стоят обращения обобщенного характера: чызг (девушка), лæппу (парень), зæронд лæг (букв. старый человек) и др., использование которых можно отнести к тем далеким временам, когда индивидуализация не была столь важна, как в наше время. На втором месте – имена, фамилии, имена и отчества, также эмоционально-оценочные наименованиями героев сказаний. Обращения осложняются коннотативными средствами, что указывает на художественное осмысление сказителями бытовой, мифологической и исторической действительности, представленной в сказаниях.

Большинство из обращений, используемых в текстах сказаний, сохранилось в современной осетинской речи, что говорит о тесной генетической и культурной связи осетин с теми поколениями, которые сотни лет создавали этот шедевр – нартовские сказания.

Ключевые слова: семантика и стилистика обращений, национальный контекст, мифы.

Tsopanova R.G.

ORCID: 0000-0002-2223-0435, Associate Professor, Doctor of Philology

North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Humanities under No. 16-14-15002 of the Russian Foundation for Humanities

ADDRESS IN “NARTOVIAN LEGENDS”: SEMANTIC AND STYLISTIC ASPECTS**Abstract**

The article deals with semantic and stylistic features and functions of address in the Ossetian “Nartovian Legends.” They reflect customs, traditions, ethics and etiquette of hundreds of generations that created these legends. Addresses of the generalized character occupy the first place: чызг (girl), лæппу (boy), зæронд лæг (lit. old man), etc. Their use can be attributed to those far times when individualization wasn't important for people. The second place is occupied by names, surnames, and patronymics, as well as emotional and evaluative names of heroes. Addresses are complicated connotative means – they indicate artistic comprehension of everyday life, of mythological and historical reality presented by narrators.

Most of the addresses in the texts are still used in modern Ossetian speech because of close genetic and cultural connection of Ossetians with those generations that created this masterpiece – “Nartovian Legends” – hundreds of years ago.

Keywords: semantics and stylistics of an address, national context, myths.

Обращение выполняет в речи много функций, в том числе является изобразительно-выразительным средством и в этом качестве формирует эмоционально-оценочный контекст художественного произведения, разговорной речи и фольклорного текста.

Обращение в осетинском языке выражается именем существительным в именительном падеже, субстантивированным прилагательным [3, С. 247], редко – указательным (уый (этот) и неопределенным (цыдæр (какой-то), исчи (кто-нибудь)) местоимением.

Цель нашей работы – исследовать семантико-стилистические, этнокультурные особенности обращений и функции в осетинских нартовских сказаниях.

В сказаниях «описан огромный исторический период, различные типы общественной жизни, вековой опыт народа» [4, С. 56]. «Нарты проводят жизнь в постоянных походах в неизведанные, богатые страны – видят новые чудеса, новые народы, новые обычаи...» [4, С. 13]. Нарты, ведя такую активную, полную приключений и событий жизнь, приобретают друзей или наживают врагов, что нашло отражение и в обращениях.

Материал для данной статьи взят из двух изданий «Нартовских сказаний» [5].

В «Нартовских сказаниях» обращениями бывают собственные имена, наименования домашних и диких животных (фыдбылызы сагтæ (букв. олени несчастья), бæх (конь), рувас (лиса); пернатых (халон (ворона), хъæрцыгъа (ястреб); деревьев (тæрс (бук), тулдз (дуб), бæрз (береза); небожителей (Хуыцауты Хуыцау (Бог богов), Сафа (Сафа), Куырдалæгон (Курдалагон); эмоционально-оценочные, образные и иные наименования мужчин, женщин, животных (мæ цæсты рухс (свет моих глаз – Так Уархаг обращается к своему коню).

Обращения в «Нартовских сказаниях» дифференцируются в зависимости от социальных, семейных и иных отношений героев сказаний. Так, уважительные отношения между Урузмагом и Сатаной, супружеской парой, проявляются в этикетных обращениях друг к другу, где исключается обращение по имени: нæ зæронд лæг (наш старик (букв. наш старый мужчина) («Сатана и дочь Бораты»), мæ зæронд (мой старик), мæ сæры хицау (букв. хозяин мой головы), мæ хур (мое солнце) «Как Батраз спас Урузмага» [8], лæгай (муж) («Безымянный сын Урузмага»); не 'фсин (наша хозяйка) (Базæронд дæн, не 'фсин, æмæ мын Нарт кад нал кæныны (Состарился я, наша хозяйка, и Нарты не воздают мне почести) «Безымянный сын Урузмага»). Они – главные персонажи в нартовских сказаниях: «Сатана – истинная мать народа, центр и средоточие нартовского мира... Без ее участия и совета не обходится ни одно знаменательное событие» [1, С. 160]. Быть супругом Сатаны – «дело нелегкое, связанное с риском обезличиться, затеряться, отойти на задний план [1, С. 160]. Однако с Урузмагом этого не случилось. Он не стоит ниже Сатаны: у него есть воля, мужество, он мудрый старший Нарт. С большим достоинством и честью он поддерживает

супружеский ансамбль. При недовольстве друг другом Сатана и Урузмаг могут нарушить этикет: *Зæронд хæйрæг! Мæ сусæг æвæрæнтæм дæр та мын бахæццæ дæ?* (*Старый черт! Добрался ты опять и до моих скрытых запасов*); *Гъе хæйрæг, куы ницы хъæр кодтай, куы?* (*Эй черт, почему ты скрывала это?*) («Рождение Сослана») (Урузмаг упрекает Сатану).

К Урузмагу младшие редко обращаются по имени, чаще обобщенно: *зæронд (старик), зæронд лæг (старик): Гъæйтт, зæронд, мард дæ æви ма мын æгас дæ?* (*Ну, старик, мертвый ты или еще живой?*) («Как Батраз спас Урузмага»); *Уырызмæджы зæронд (Урузмага старик), хорз зæронд лæг (хороший старик), Нарты зæронд Уырызмæг (Нартов старик Урузмаг)*. В современном осетинском языке обращение *зæронд (старый; старик)* используется в этикетной речи, а также для выражения насмешки, иронии.

По-разному нарекают близкие и недруги Сатану как женщину, хозяйку, ведунью (*хорз Сатана (хорошая Сатана), уæ номдзыд Сатана (о, именитая Сатана), гæды сыл (хитрая женищина): Гæды сыл, мæнæн мæ тых, мæ ныфс æмæ мæ уд уым цы аразың?! (103) (Хитрая женищина, что там делают моя сила, моя надежда и моя душа*) («Сослан и сыновья Тара». Бибыц говорит Сатане).

При обращении к жене в сказаниях используется еще этикетное *нæ ус (наша женищина): Нæ ус! Цытæ хауы дæ дзыхæй?* (*Наша женищина! Что ты говоришь* (букв. что падает из твоего рта) (Уахтаг жене).

С обращениями для усиления значения побудительности и выражения оценки используются многообразные лексико-грамматические единицы: частицы (*о (о), уæртæ, гъе, (вон, вот), гъæ (э, эй), а (а, ну)*); междометия (*а, о, ох-хай (ох)*); пожелания (*райгæ уай (будь радостным), фарн дæ ныхасы (фарн в твоих словах), хъармарт уат (теплого огня вам), фарнайдзаг уай (будь полон фарна)*); проклятия (*дæ бон бакалай (да пропади ты* (букв. пролей свой день), *уæ уаих фæуай (постыдился бы), бын бауат (пропасть вам)*) [7, С. 165].

Обращения с эмоционально-оценочными определениями указывают на положительные или отрицательные свойства характеров героев сказаний. Например, Сослана называют *кæлæнгæнæджы фырт (сын колдуны), сылвæз (женолюбивый), мæнгард (коварный), Нарты номдзыд, нæрæмон (Нарта именитый, неукротимый), нæртон лæг (нартовский мужчина), нæртон гуыр (нартовский человек), нарты æххуырт (батрак Нартов); о, сайæгой æмæ æлгъ кæнинаг цыдæр! о, уæртæ мæнгард æмæ фæлдыст (о, лживый и презренный какой-то! О, вон коварный и посвященный (мертвым))* («Сослан и сын алдара». Сын алдара обращается к Сослану). Другие представители Нартов в обращениях также могут получить отрицательную характеристику: *Уæ, куитæ, Æхсæртæггæтæ! (Эй, собаки, Ахсартаговы!)* (280), *Нарты гуппырсæртæ (богатыри Нартов); æ уæртæ сыл-рувæс (о вон женищина-лиса)* (183) («Яблоко нартов». Уастырджы Дзерассе), *мæнæ гæды гацца (146) (вот лживая сука)* (Колесо Балсага Сырдону), *гъе, куыдзы фырт цыдæр (эй, сын собаки какой-то)* (Ногъа-Богъа Сослану), *гъæ, мæнæ налат (эй, вот дерзкая)* (Сослан Косер-красавице).

Обращения к женщине и девушке отличаются друг от друга. К женщине обращаются по девичьей фамилии (*Быценон (из Быценовых), Алагаты чызг (девушка Алаговых), усай (женищина)*). По имени могут обращаться к Сатане, к другим женщинам – весьма редко (*Бедуха*). К девушке в сказаниях мужчины, если даже имя девушки известно, обращаются обобщенно – *чызг (девушка), чызгай (девушка)*. Они могут иметь определения *хорз (хорошая), хъал (гордая)*. Матери к своим дочерям также обращаются не по имени, а со словами *мæ чызг (моя девочка), мæ хъæбул (мое дитя), мæ къона (мой очаг), чызгай (девушка, дочка), мæ къона (138) (мой очаг)*. Сыновей мать называет *лæппу (мальчик)* и *мæ хъæбултæ (мои дети)*.

К мужчинам в сказаниях принято обращаться: по собственному имени (*Уырызмæг, Борæ, Ногъа-Богъа*); по имени отца (*Дедæнæджы фырт Арахдзау (193) (Арахдзау сын Деденага), Тары фырт Мукара (Сын Тара Мукара)*; по фамилии (*Æхсæртæггæтæ (Ахсартаговы)*).

Строго соблюдаются регламентированные этикетные обращения к женщине в бытовых условиях: *Нæ уайсадæг чындытæ!.. (Наши молчащие (при старших) невестки!..); Мадæл устытæ! Кæд сымах хуызæн у, уæд та нын сымах базонут йæ бæрæг (Матери женищины! Если она похожа на вас, то вы узнайте о ней)* («Рождение Урузмага и Хамыца»).

Когда мужчина пытается заслужить внимание женщины, то использует обращения-метафоры с уточняющими эпитетами. Благодаря этому, создается образ прекрасной женщины [2, С. 402]. Например, Уастырджы так восхваляет красоту Дзерассы, дочери Донбеттыров: *«Уæ хурты хур æмæ арвы фидауц, уæ мæ рухс дуне æмæ бæсты рæсугъд! Æз рагæй дæр дæ фæдыл куы зылын, уæд цæуыл хъыг кæныс?»* («Æхсар æмæ Æхсæртæджы мелæт») («О солнце солнц и красота неба, о мой светлый мир и красавица мира! Я давно хожу за тобой, из-за чего ты горюешь?» («Смерть Ахсара и Ахсартага»); *«Уæ мæ хуры хай, урсцæр, рæсугъд Дзерассæ, бауарз мæ, кæннод дын дон нæ ратдзынæн!»* – лæгстæ кæны Дзерассæйæн доны хицау Гæтæг («О мое солнце (букв. солнца моего доля), белотелая, красивая Дзерассæ, полюби меня, а то я не дам тебе воды! – умоляет Дзерассу хозяин воды Гатаг» («Рождение Сырдона»). Таких выразительных обращений в сказаниях немного.

Сын или дочь к своему отцу обращаются не по имени, а этикетными словами: *мæ фыд (мой отец), æда (батя), баба (отец)*, в определенной ситуации и с упреком или проклятием: *уæ гормон (ай-ай!); уæ уайых фæуай, мæ фыд (будь неладен, мой отец)* («Как Сослан женился на Бедухе». Бедуха упрекает отца).

В обращениях нашло отражение деление членов нартовского общества по социальному положению (*мæ паддзах (мой господин), нæ хорз æлдар (наш хороший алдар)*) и др.

Термины *Нарт (Нарты), нæртон адæм (нартовский народ)* являются собирательным наименованием. Содержание обращений демонстрирует отношение к нартам своих и врагов: то уважительное (*Нарт (Нарты), Нарты адæм (народ Нартов), (Нæртон хæтæг адæм (нартовский кочевой народ), Нарты гуппырсæртæ (богатыри Нартов), Нарты хъалтæ (гордецы Нартов)*), то унижающее (*Куиты Нарт! (Собаки Нарты)*) («Батрадз и Алаф, сын одноглазого уаига Афсарона»).

Близкие отношения у Нартов были с сородичами (и то не со всеми). Остальные в мире воспринимались ими как чужие, враги, что нашло отражение в содержании обращений. Великаны и гумиры получают следующую

характеристику: *куырм хæрæг* (слепой осел), *сау хæрæг* (черный осел), *хæрæджы фырт* (сын осла), *фыд мыггаг* (злое племя), *сохъхъыр хæрæг* (одноглазый осел), *æхсыргæйхæстытæ* (молоком вскормленные); *фынæйдзаг*.

В обращениях к небожителям указываются какие-то их функции: *æрвнæргынгаæнæг* (громовержец – Уацилла), *зондджын Сафа* (умный Сафа), *тызмæг Галагон* (суровый Галагон).

К незнакомым мужчине и женщине уважительно обращались *нæ фыды хай* (отец, букв. доля моего отца), *мæ мады хай* (матушка, букв. доля моей матери), *ацы дзæбæх чызг* (эта хорошая девушка), *ацы дзæбæх лæппу* (этот хороший парень), *ацы лæг* (этот мужчина), *ацы сылгоймаг* (эта женщина): *Цæй æрдиаг-куыд кæныс, ацы сылгоймаг?* (Эта женщина, что так рыдаешь-плачешь? («Яблоня Нартов». Уастырджы Дзерассе).

В «Нартовских сказаниях» встречаются обращения, необычные по структуре и содержанию – слова и предложения: – *Гъæ, куыдзæй чи райгуырд, уыцы куыдз*, – дзуры барæг, – *кæй фос фæтæрыс, кæ?* (*Ну, та собака, что родилась от собаки*, – обращается всадник, – *чей скот ты угоняешь, чей?*); *Гуымыр ныхъхъæр кодта: – Амардтай мæ, гъеуый, æмæ чи дæ?* (Гумир закричал: Убил меня, тот, и кто ты?) («Дзылау»). *Гъейтæ! Ам чи ис, æддæмæ ракаæд* (127) (*Эй! (во множ. числе) Кто здесь, пусть выгянет*) («Уархтанаг и гумир Азырты») и др.

Можно заключить, что обращения отражают различные отношения людей как в нарттовском обществе, так и в других сообществах: бытовые, семейные, социальные, дружеские, враждебные. В содержании и стилистике обращений в «Нартовских сказаниях» отразились разные исторические эпохи. Осетины не потеряли связь со своими предками, сохранили связь с ними на уровне языка.

Многие обращения в сказаниях имеют обобщенный характер, так как возникли в те далекие времена, когда индивидуализация не была столь важна, как в наше время. С этим связаны обращения *лæппу* (мальчик, парень), *чызг* (девочка, девушка) и др., использование вместо единственного числа множественное (*нæ* (нас)). Большинство из обращений (по имени, имени отца, фамилии, по социальному положению и др.) активно используется в современной осетинской речи, что указывает, что часть сказаний появилась ближе к нашему времени. В целом можно говорить о «консерватизме древних духовных ценностей» [6, С. 12], к которым мы относим и обращения как важную часть культуры.

Список литературы / References

1. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – 640 с.
 2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 4-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 448 с.
 3. Джусойты К. Г., Дзодзыккаты З. Б., Цопанты Р. Г. Нырыккон ирон æвзаг: ахуырг. чиныг. – Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдæд, 2010. – 308 ф.
 4. Джыккайты Шамил. Ныхасы фарн // Зонадон уаттæ æмæ эссе. – Дзæуджыхъæу: Ир, 1996. – 284 ф.
 5. Нарты кадджытæ. Дыккаг рауагъд / Ред. Дзанайты Иван. – Дзæуджыхъæу: Ир, 1975. 360 ф.; Нарты кадджытæ. Фыццаг чиныг / Аразæг Гуытыаты Хъазыбег. – Орджоникидзе: Ир, 1989. – 496 ф.
 6. Цагараев В. Золотая яблоня нартов: История, мифология, искусство, семантика. – Владикавказ: Республиканское издательско-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. – 300 с.
 7. Цопанти Р. Г. Ирон æвзаджы стилистикæ: ахуырг. чиныг. – Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2011. – 309 с.
- Примечание: На русском языке написание *Урузмаг* и *Батраз* отражает этимологию этих слов.

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Abaev V. I. Nartovskij epos osetin // Izbrannyye trudy: Religiya, folklor, literatura [Nart epic Ossetians // Selected Works of Religion, folklore and literature]. – Vladikavkaz: Ir, 1990. – 640 p. [in Russian]
2. Golub I. B. Stikistika russkogo yazyka. 4-e izd. [The style of the Russian language. 4-th ed.]. – M.: Iris-Press, 2002. – 448 p. [in Russian]
3. Dzhusoyty K. G., Dzodzykkaty Z. B., Tsopanty R. G. Nyrykkon Iron ævzag: ahuyrg. chinyg [Modern ossetian language: teacher's book]. – Dæudzhychæu: TSIPU-dN rauagdad, 2010. – 308 p.
4. Dzhykkayty Shamil. Nykhasy Farn // Zonadon uatstæ æmæ esse [Richness of a word // scientific articles and essay.]. – Dæudzhychæu: Er, 1996. – 284 p.
5. Narts kaddzhytæ. Dykkag rauagd / Red. Dzanayty Ivan [Tales of Narts. Second edition. / Editor Dzanayty Ivan]. – Dæudzhychæu: Er, 1975. – 360 p.; Narty kaddzhytæ. Fytstsag chinyg / Arazæg Guytiaty Hazybeg [Tales of Narts. First book / Compiler Guytiaty Hazybeg]. – Ordzhonikidze: Er, 1989. – 496 p.
6. Tsagaraev B. Zolotaya yablonya nartov: Istoriya, mifologiya, iskusstvo, cematikæ [Golden apple of Narts: History, mythology, art, semantics]. – Vladikavkaz: Republican publishing and polygraph. Enterprise them. V. A. Gassieva, 2000. – 300 p. [in Russian]
7. Tsopanti R. G. Iron ævzadzhy stilistikæ: ahuyrg. chinyg [Stylistic of ossetian language: teacher's book]. – Dæudzhychæu: SOIGSI IPO, 2011. – 309 p.

Notes: In the Russian language writing *Uruzmag*, *Batraz* reflects the etymology of these words.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.057>**Виноградов О.В.**

Кандидат философских наук,

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАХ ВОСТОЧНЫХ ЕДИНОБОРСТВ**Аннотация**

В статье анализируются историко-философские особенности боевых искусств Востока. Обобщаются и уточняются уже известные морально-нравственные основы единоборств. На примере техник и методик «внутренних» стилей китайского ушу, вьетнамского нят-нам рассмотрены философские принципы космизма и природосообразности. Проведена аналогия между философскими идеями, содержащимися в древнекитайской «Книге Перемен» и комплексами упражнений Тайцзицюань. Актуальность данной работы связана с гносеологической ценностью и с необходимостью совершенствования процесса преподавания восточных видов единоборств с учетом их философских, особенно морально-нравственных основ.

Ключевые слова: восточные единоборства, единство и борьба противоположностей, космизм, природосообразность, даосизм, буддизм, конфуцианство, энергия «ци», первооснова, ушу, этика.

Vinogradov O.V.

PhD in Philosophy,

Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia

ON PHILOSOPHICAL BASIS OF EASTERN MARTIAL ARTS**Abstract**

The paper analyzes the historical and philosophical features of the Eastern martial arts. The already well-known moral principles of the martial arts are generalized and refined. Based on the example of techniques and methods of "internal" styles of Chinese wushu and Vietnamese nyat-nam, we consider the philosophical principles of cosmism and natural conformity. An analogy is drawn between the philosophical ideas of the ancient Chinese "Book of Changes" and the sets of Taijiquan exercises. The relevance of this work is related to gnosiological value and the need to improve the teaching of eastern martial arts, taking into account their philosophical, and particularly the moral foundations.

Keywords: martial arts, unity and struggle of opposites, cosmism, natural conformity, Taoism, Buddhism, Confucianism, "chi" energy, fundamental principles of wushu, ethics.

Результаты исследований уровня подготовки студентов и даже преподавателей физкультурно-спортивных вузов с точки зрения гуманистических принципов (методик, технологий) доказывают, что в настоящее время он явно недостаточный [2]. Данный факт актуализирует исследования духовно-нравственных особенностей боевых искусств Востока, их возможностей в более качественной подготовке специалистов в области физической культуры и спорта. Представляется, что познание философских основ восточных единоборств должно существенно дополнять методики их преподавания. В настоящее время в научной и популярной литературе существует большой объем знаний о восточной философии, традиционных боевых искусствах Востока. Встречается много работ, в которых исследователи с разной степенью глубины показывают взаимосвязи древнекитайских философских воззрений и особенностей китайских, японских, вьетнамских единоборств, зародившихся еще в Древнем мире и сформировавшихся к Средневековью и современности. В данной статье авторы уточняют, дополняют и обобщают известные аспекты философии восточных единоборств.

Общеизвестно влияние даосизма на развитие китайских единоборств. Боевые искусства Китая были основаны на философских постулатах, заимствованных из даосизма, буддизма, конфуцианства, легизма, и других направлений и таким образом самостоятельной философии ушу не возникало. Философские основы китайских традиционных единоборств представляют собой комплекс идей и представлений, определяющий основные биомеханические особенности техники, методики развития физических и психических качеств, совершенствования человека. Существенными принципами даосизма являются «цзы жань» (естественность) и «у вэй» (недеяние). Они означают, что Дао абсолютно свободно. Человек не должен противодействовать трудностям бытия, для него важно следовать своей природе. Познание особенностей окружающего и внутреннего мира помогает находить принципы подготовки и техники. «Цзы жань» и «у вэй» являются значимой основой философских и методологических положений психофизической тренировки ушу. Естественность предполагает освобождение сознания от помех и потому эффективное реагирование на ситуацию. В китайских традиционных единоборствах используются установки, заимствованные из Дао Дэ Цзин, к примеру, такие как, «вода – это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима и нет ей на свете равного». «Свойства воды», как правило, используются в так называемых внутренних стилях, основу подготовки в которых составляют плавные и медленные движения.

Важной категорией для философии Китая и основ восточных боевых искусств является понятие энергии «ци». В даосизме под «ци» понимается субстанция, наполняющая все бытие, жизненная сила. В традиционном ушу представляется, что «ци» движется в организме человека по каналам, аналогичным меридианам в акупунктуре. Управление ею, ее накопление – это основа всех внутренних стилей, психофизических практик в боевых искусствах Востока. Как отмечает Козлов А.М., способность управлять энергией, направлять поток «ци» сознательно по каналам и меридианам организма должна приводить физическому и нравственному совершенствованию [1].

Представление о диалектическом законе единства и борьбы противоположностей (в китайской философии взаимодействие двух первоначал «инь» и «ян») отражается в концепции «Великого Предела» («тай-цзи»). На основе

этих представлений сформирован самостоятельный внутренний стиль ушу тайцзицюань (кулак Великого Предела), в котором техника и ритм движений как бы отображают идею взаимопроникновения двух противоположностей. Согласно легенде, тайцзицюань была создана даосом Чжан Саньфэном после наблюдения за борьбой птицы и змеи. В этой схватке, будучи противоположностями, стремящимися уничтожить друг друга, образуя единое целое, животные дополняли друг друга [5, С. 13]. Данный стиль напрямую связан с наиболее ранним из китайских философских текстов (ок. 700 г. до. н. э.) «И цзин» («Книга Перемен»). Она состоит из 64 символов – гексаграмм, каждый из которых выражает жизненную ситуацию во времени с момента её постепенного развития. Каждый символ включает в себя шесть черт «инь» (прерывистая черта) и «ян» (сплошная черта), обозначающих этапы изменения ситуации. Дао порождает два начала «инь» и «ян» (прерывистая и сплошная черты). Далее все возможные сочетания двух противоположностей образуют восемь триграмм, взаимодействие которых и приводит к 64 гексаграммам. Постулат находит отражение в технике тайцзицюань. К примеру, один из основных комплексов упражнений «13 форм» состоит из движений «Восемь ворот» и «Пять шагов». «Восемь ворот» тайцзицюань символизируют восемь триграмм «И цзин»:

Направления, стихии, движения:

Кунь – Север – Земля. Притягивание.

Цянь – Юг – Небо. Расширение.

Ли – Восток – Огонь. Внешнее толкание.

Кань – Запад – Вода. Внутреннее толкание.

Углы, стихии, движения:

Чжэнь – Северо-Восток – Гром. Вращение.

Гэнь – Северо-Запад – Гора. Усилие спины.

Сюнь – Юго-Запад – Ветер. Опускание.

Дуй – Юго-Восток – Металл. Локтевое усилие.

С идеями сакрального космизма соотносится ориентация Восьми технических действий по сторонам света. Человек понимается как субъект, находящийся в центре мира и выплескивающий силу во всех определенных направлениях.

Восемь триграмм и соответствующих им технических действий дополняются идеей «пяти шагов». «Пять шагов» (убу), включают в себя направления движения вперед и назад, взгляд вправо и влево, равновесие соотносится с философскими представлениями о пяти первоэлементах. Природные стихии дерево, металл, земля, вода, огонь лежат в основе натурфилософии Китая. Человек как «существо, рожденное Землей и Небом и соединившее в себе пять первоэлементов», рассматривается в системе подготовки ушу комплексно. Развитие нравственных и физических качеств обязательно соотносится с особенностями окружающего природного мира. Поэтому в программу большинства направлений и стилей включено взаимодействие со стихиями природы: воды, огня, земли, дерева и металла. Изучая технику специальных боевых и оздоровительных упражнений занимающийся учится познавать бытие через проекцию пяти стихий. По принципам пяти стихий классифицируются приемы атаки и защиты, использование оружия, подобно тому, как огонь подавляет дерево, вода уничтожает огонь и т.п. Как считает Торговкина Н.С., символы триады Небо-Земля-Человек пять стихий и семь светил (планет) отражены в приемах синьцзицюань [4].

Природосообразность как философский принцип является довольно значимым в восточных боевых искусствах. Подражание характеру и повадкам животных проявляется уже в ранних тотемных танцах. Древние китайцы имитировали манеру боя животного. В III в. до н. э. в Китае распространился тотемный танец, исполняя который адепты надевали шлем с рогами. Позднее он трансформировался уже в борьбу. Далее, в более измененном виде он проник в Японию. Так появилось известное единоборство сумо. Произведение «Хуайнань-цзы» (II в. н.э.) содержит комплекс упражнений «игра шести животных» (люцинси). Движения получили характерные названия «оглядывающийся тигр», «скачущая обезьяна», «карабкающийся медведь», «вытянувшаяся в полете птица», «моющаяся дикая утка», «смотрящая сова». На основе движений медведя, тигра, оленя, обезьяны и птицы знаменитый древний врачеватель и последователь даосизма Хуа То основал стиль «Игра пяти животных» (уцинси). Он был убежден, что это «может излечить каждого». Изначально упражнения еще не представляли единоборств и являлись скорее психофизическими практиками. Но, как отмечает Маслов А.А., именно они заложили основные принципы стилей сяньсинцюань [3, С. 31]. Во многих направлениях этого стиля рекомендовалось обучаться в «подходящем месте». Например, «стиль Журавля» – на берегу озера, «стиль Змеи» – в высокой траве, «стиль Утки» – на птичьем дворе.

Имитацию «образа и формы» животных можно обнаружить во многих стилях и видах восточных единоборств. Вьетнамский вид боевого искусства Нят-нам в своей основе имеет имитацию образа животных. Комплексы упражнений (Куены) названы соответствующим образом: «Куен тигра», «Куен змеи», «Куен обезьяны», «Куен танцующего облака». Мастера борьбы часто демонстрируют приемы, в которых проявляются движения, характерные для животных (захваты тигра, ловкие уклоны обезьяны, гибкое скольжение змеи). В Куен, где основная тактика – «жесткость против жесткости», необходимы быстрота и точность, жесткие позиции, сильные удары, стремительная смена приемов. При этом бойцу не обязательно быть гибким, ловким, чувствительным. В других комплексах, где принцип – «чистая жесткость», для занимающегося важны смелость и упорство, а также строгое выполнение требований к упражнениям. Подражание – это выражение уважения к природе. Имитация, в понимании мастеров Востока, как подчеркивает Нго Суан Бинь, это не формальное повторение каких-то упражнений, а умение управлять жизненной энергией, гармонии с природой, когда микрокосмос растворяется в макрокосмосе и наоборот [7, С. 8].

Важным компонентом философских основ восточных боевых искусств являются этические представления. Значительную роль на их формирование без сомнения сыграли Буддизм и Конфуцианство. Большое влияние на формирование нравственных идей в китайском ушу оказал Бодхидхарма, патриарх Чань-Буддизма, проживший девять в монастыре Шаолинь. «Внешне не будь ни к кому, ни к чему привязан, а внутренне не имей страстного желания в

сердце. Когда твой ум станет подобием отвесной стены, ты сможешь вступить на путь», – поучал он второго патриарха [7, С. 123]. Шаолиньским монахам необходимо соблюдать ряд моральных и этических правил поведения, которые вышли из буддизма. Это воплощено в концепции удэ – правилах «боевой добродетели», «благодатном поведении последователя ушу». Система физического и духовного совершенствования монастыря Шаолинь повлияла на многие этические основы многих восточных стилей боевых искусств. К примеру, мастер ушу Чан Найчжоу в «Книге о технике боя» больше внимания уделяет понятиям добродетельного поступка, почтительности, скромности бойца, чем описанию ударов. По его мнению, ушу начинается не с изучения техники, а с воспитания: «Изучая искусство, надо прежде всего совершать добродетельные поступки, в мирских делах быть почтительным и скромным, не вступать в бой с другими людьми. Только таким образом можно стать истинным человеком и благородным мужем» [8, С. 15].

В статье рассмотрен ряд философских основ восточных единоборств. Боевые искусства Востока во многом основаны на Древнекитайской философии. По мнению авторов, их познание неразрывно связано с гуманистическими идеалами и представлениями древних философов о связях с человеком с природой и космосом. Представляется, что их изучение, знание и использование в педагогическом процессе преподавания боевых искусств Востока должно способствовать повышению гуманистической направленности подготовки специалистов соответствующей области.

Список литературы / References

1. Козлов А.М. Религиозно-философские, нравственно-этические и психофизические основы боевых искусств Востока // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2013. – №9. – С.346.
2. Кормозева И.Б. Гуманистическая теория как философско-социологическое основание инновационного педагогического проекта «Боевое (прикладное) движение» // Теория и практика прикладных видов спорта. – 2012. – №1. – С.29-32.
3. Маслов А.А. Ушу: традиции духовного и физического воспитания Китая. М.: Молодая гвардия, 1990. 80 с.
4. Торговкина Н.С. Символ «Великий предел» в теории и практике восточных единоборств // Омский научный вестник. – 2011. – №6. – С. 101.
5. Лу Куань Юй Даосская йога. Алхимия и бессмертие. СПб.: ОРИС, 1993. 368 с.
6. Нго Суан Бинь Борьба Нят-Нам. В 2 т. Т.2. Минск: ПКФ «Илвос», 1993. 192 с.
7. Судзуки Д.Т., Кацуки С. Дзэн-Буддизм: Основы Дзэн-Буддизма. Практика Дзэн. — Бишкек: МП «Одиссей», 1993. 672 с.
8. Чжунхуа ушу цыдянь (Словарь китайского ушу). Сост. Вань Цзиньхуэй и др. Хэфэй: Хэнань тиюй чубаньшэ, 1987. 736 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kozlov A.M. Religiozno-filosofskie, нравственно-eticheskie i psikhofizicheskie osnovy boyevykh iskusstv Vostoka [Religious-philosophical, moral-ethical and psychophysical foundations of martial arts of the East] // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tambov State University]. – 2013. – №9. – P.346.
2. Kormozeva I.B. Gumanisticheskaya teoriya kak filosofsko-sotsiologicheskoe osnovanie innovatsionnogo pedagogicheskogo proyekta «Boyevoe (prikladnoe) dvizhenie» [Humanistic theory as a philosophical and sociological basis of the innovative pedagogical project "Combat (applied) movement"] // Teoriya i praktika prikladnykh vidov sporta [Theory and practice of applied sports]. – 2012. – №1. – P.29–32.
3. Maslov A.A. Wushu: traditsii dukhovnogo i fizicheskogo vospitaniya Kitaya. [Wushu: the traditions of spiritual and physical education of China].– M.: Molodaya gvardia, 1990. – 80 p. [in Russian].
4. Torgovkina N.S. Simvol «Velikiy predel» v teorii i praktike vostochnykh yedinoborstv [Symbol "The Great Limit" in the theory and practice of martial arts] // Omskiy nauchnyy vestnik [Omsk scientific herald]. – 2011. – №6. – P. 101.
5. Lu Kuan' Yuy Daoskaya yoga. Alkhimiya i bessmertie. [Lu Kuan Yui Daoist Yoga. Alchemy and immortality]. – SPb.: ORIS, 1993. – 368 p. [in Russian].
6. Ngo Suan Bin' Bor'ba Nyat-Nam V 2 t. T.2. [Fighting Nyat-Nam. Works in 2 volumes, Volume 2]. – Minsk: PKF Ilshvos, 1993. V. 2. 192 p. [in Russian].
7. Sudzuki D.T., Katsuki S. Dzen-Buddizm: Osnovy Dzen-Buddizma. Praktika Dzen [Zen-Buddhism: The Foundations of Zen Buddhism. Practice of Zen].– Bishkek: MP "Odyssey", 1993. – 672 p. [in Russian].
8. Chzhunkhua ushu tsydyan' (Slovar' kitayskogo ushu). Sost. Van' Tszin'khuey i dr [Zhonghua wushu tidyan (Dictionary of Chinese Wushu). Comp. Wang Jinhui and others].– Hefei: Henan tiuy chubanshe, 1987. – 736 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.161>

Малиева Т.И.

ORCID: 0000-0003-1712-247X, Кандидат философских наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова**ИДЕОКРАТИЯ В ТРАКТОВКЕ Н.С.ТРУБЕЦКОГО****Аннотация**

В идеократии Н.С.Трубецкого идея-правительница и персонифицированная власть связаны онтологически. Нравственная деградация правящего класса приводит к небытию идеи-правительницы, ставя под сомнение законность социального и императивность духовного субстратов. Только в идеократическом государстве рассогласованность идеи – правительницы и правящего класса является предпосылкой небытия государства. В настоящее время Россия делает осторожные шаги по проектированию союза государств на евразийском пространстве в новых более сложных условиях. Критически переосмысливается постперестроечный опыт России, стартовавшей с понижения идеальных устремлений общества, с переоценки исторически сложившейся системы ценностей. Идеи Н.С. Трубецкого о приоритете в обществе надматериальных (надэкономических) целей, о будущем России, как державы евразийской, самобытной и самодостаточной могут быть востребованы в контексте проектирования нового евразийского пространства.

Ключевые слова: идея-правительница, идеократия, персонификация власти, автаркия, евразийство.

Maliyeva T.I.

ORCID: 0000-0003-1712-247X,

PhD in Philosophy, Associate Professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.

IDEOCRACY IN REPRESENTATION OF N.S. TRUBETSKOY**Abstract**

The ruling idea and personified power are connected ontologically in the ideocracy of N.S. Trubetskoy. The moral degradation of the ruling class leads to the non-existence of ruling idea, questioning the legitimacy of social and imperativeness of spiritual substrata. The discrepancy between the ruling idea and the ruling class is a prerequisite for the non-existence of the state only in an ideocratic state. At present time, Russia is taking cautious steps to design a union of states in the Eurasian area in new more difficult conditions. The post-perestroika experience of Russia, which started with the lowering of the ideal aspirations of society, with a reassessment of the historically established system of values, is critically reexamined. Ideas of N.S. Trubetskoy about the priority of supermaterial (supereconomic) goals in society, about the future of Russia as a Eurasian, original and self-sufficient power can be in demand in the context of the design of a new Eurasian space.

Keywords: ruling idea, ideocracy, personification of power, autarchy, Eurasianism.

Введение. Н.С.Трубецкой - один из основателей евразийской идеологии, причисляемой к «наиболее интересным и самобытным течениям русской философской мысли послереволюционных лет» [2, С. 105-106]. Крах исторической России и белого движения Н.С.Трубецкой рассматривал в контексте идей, объединяющих различные структурные составляющие российского общества. Дистанцируясь от идеологии и политики большевиков, он, тем не менее, отдавал должное их исторической победе. Она ими заслужена, поскольку «в отношениях с народами Востока большевики отказались от высокомерного тона европейской империалистической страны..., стараются внушить этим народам сознание естественной культурной солидарности России и Востока», то есть ведут политику органичную «живой, исторической России». По его мнению, «азиофильская ориентация русской внешней политики есть единственная естественная для России ориентация». Одобрительно он отзывался также о создании Красной Армии, заложившей фундамент будущей русской национальной армии [3]. Но к идее пролетарской солидарности относился критически, считая, что она не будет долговечной. Время сгладит классовые различия, возобладают националистические чувства. Обуржуазивание (олигархизация) пролетарской власти, ее перерождение неизбежно приведет к сепаратизму. В целом замену национального субстрата государственности субстратом классовым он считал не совсем удачной [5, С. 378]. СССР и будущую Россию-Евразию рассматривал как разные по своему совершенству формы государства идеократического типа.

Основная часть.

Под идеократией Н.С. Трубецкой имеет в виду политический строй, в котором правящий слой предан одной общей идее-правительнице, монопольно определяет политическую, хозяйственную и культурную жизнь, ограничивая вмешательство в эти сферы неподконтрольных ему факторов, например, частного капитала [4]. В идеократическом государстве идея, претендующая на место идеологии и персонифицированная власть, связаны онтологически. Идея - правительница, чтобы быть таковой, предъявляет особые требования к правящему классу, а правящий класс во имя идеи, демонстрирует постоянную мобилизованность и жертвенность, расцениваемые гражданами как морально ценные поступки. Бытие идеи - правительницы предполагает бытие правящего класса. Но не в статусе эгоцентрической элиты, защищающей своекорыстные интересы, а в статусе служителей, свободных от личных, классовых и национальных эгоизмов. Нравственная деградация правящего класса приводит к небытию идеи-правительницы, ставя под сомнение законность социального и императивность духовного субстратов.

Необходимо отметить, что к правящему классу в любом государстве предъявляются высокие моральные требования. Но только в идеократическом - нравственная и политическая рассогласованность идеи – правительницы и правящего класса является предпосылкой небытия государства. Недееспособность правителя переносится на всю социально-политическую систему, объявляемую также в корне недееспособной. Причины разрушения СССР нельзя понять вне этого обстоятельства. Подрыв веры во власть, которая персонифицировалась с недееспособностью Генсека (брежневский период), а затем с легковесностью первого Президента СССР, является одной из причин

распада страны. И, наоборот, дееспособность Президента Российской Федерации В.В.Путина, с деятельностью которого, справедливо увязывается подъем России, актуализирует в народе веру в будущее страны и определяет ее относительную устойчивость. Экзистенциальное здоровье граждан более чем экономическое, определяет устойчивость государства. Вместе с тем, персонификация власти является и силой, и уязвимым местом идеократии, предъявляющей высокие требования к властной элите.

Качество государственного строя, по Н.С.Трубецкому, в большей степени зависит не от формы правления, а от государственного деятеля. В этом плане можно усмотреть общее между Н.С.Трубецким и Аристотелем. Последний из трех необходимых государственно-деятельных качеств – сочувствие существующему государственному строю, наличие способностей к выполнению своих обязанностей и добродетелей – два первых считал приоритетными, хотя и признавал риск перерождения государственного деятеля при отсутствии соответствующей добродетели [1, с.548]. В этом контексте запрет на вхождение в правящую элиту лицам, имеющим двойное гражданство, является логичным.

Идеократия, как тип государственного образования, в трактовке Н.С.Трубецкого, не может быть исключительно классовым, этнонациональным или общечеловеческим. «Стимулом морального поведения не может быть ни класс, ни этнос, ни человечество» [4]. Социалистическая или этно-национальная идея отвергается Н.С.Трубецким, по причине ее узости, направленности на защиту какой-либо одной части общества, то есть «расширенным своекорыстием». Человечество также не может быть таковым в силу отсутствия признаков индивидуального бытия. Носителем идеи-правительницы может быть только особый мир-государство, «конкретное человечество», целью которого является благо всех, входящих в него народов при предполагающем подавлении «всякого рода эгоцентрических самопревозношений». [4]. «Конкретное человечество» Н.С.Трубецкого многонародно и многонационально, «биологическое разнообразие» которого снимается (в гегелевском значении этого слова) в процессе «духовного, культурного родства и общности судьбы» [4]. «Конкретное человечество» Н.С. Трубецкого и есть Россия-Евразия, особый тип «срединной», по терминологии П.Н. Савицкого, цивилизации. Идеократия и евразийство взаимодополняющие характеристики исторического развития России, отразившие вековую российскую традицию идентифицировать себя не по крови, а по культуре и государственной принадлежности.

Идеократия требует, согласно Н.С.Трубецкому, плановое ведение хозяйства, государственное регулирование духовной жизни, невмешательство иностранного капитала, что выполнимо лишь в условиях автаркии идеократического государства. На первый взгляд, кажется что, автаркия и глобализация, взаимно исключают друг друга. Однако здесь речь идет не о закрытости системы или замкнутости ее на саму себя, но о самодостаточности и минимальной зависимости от окружающей внешней среды.

Максимализм российского государства, ее тотально-соборный характер, по мнению Н.С.Трубецкого оправдан. Он сформировался в процессе освоения огромной территории, в результате перманентной защиты от внешних врагов (как отмечал еще А.Тойнби, даже экспансия России носила оборонный характер) и как противовес национальной, культурной, конфессиональной полифоничности. Он также оправдан близостью ее к населению. Идеократия – это социальное государство. Л. Люкс в связи с этим отмечает, что представление о государстве, как залоге всеобщей гармонии, сохраняются в нашем обществе и по сей день. И если протесты против государства имели место, то это вызвано тем, что оно (государство) «не справлялось с этой задачей»[2, с.108].

Заключение. Идеократия Н.С.Трубецкого представляет собой особый мир. Его существенными характеристиками являются хозяйственно-экономическая самодостаточность, культурное богатство и разнообразие, единое месторазвитие, общность исторических судеб народов его населяющих и наличие идеи-правительницы. Последняя должна органично соответствовать историческим формам русской жизни, обладать действенным патриотизмом, быть направленной на созидание общего блага. Н.С.Трубецкой считал, что

успехи большевиков по собиранию исторической России увенчались успехом

благодаря наличию объединительной идеи, хотя и недолговечной в силу ее эгоистически классового характера. В настоящее время Россия делает осторожные шаги по проектированию союза государств на евразийском пространстве в новых более сложных условиях. Идет поиск новой парадигмы мышления. Критически переосмысливается постперестроечный опыт России, стартовавшей с понижения идеальных устремлений общества, с переоценки исторически сложившейся системы ценностей. Идеи Н.С. Трубецкого о приоритете в обществе надматериальных (надэкономических) целей, о будущем России, как державы евразийской, самобытной и самодостаточной могут быть востребованы в контексте проектирования нового евразийского пространства.

Список литературы / References

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.4 / Аристотель; общ. ред. А.И. Доватура. - М.: Мысль, 1984. - 830 с.
2. Люкс Л. Евразийство / Л. Люкс // Вопросы философии. - 1993. - №6. - С.105-114.
3. Трубецкой Николай. Евразийство и белое движение [Электронный ресурс] / Николай Трубецкой // - URL: http://www.RoyalLib.com/book/trubetskoy...evraziystvo_i_beloe... (дата обращения: 15.02.2017).
4. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства [Электронный ресурс] / Н.С. Трубецкой // URL: <http://www.umilevica.kulichki.net/Трубецкого/tns16.htm>. (дата обращения: 10.03.2017).
5. Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм / Н.С. Трубецкой // Русская идея. М.: Айрис-Пресс - 2002. - С.372- 385.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aristotel'. Sochinenija [Works]. In 4 vols, V.4 / Aristotel'; Ed. by A.I. Dovatur. - M.: Mysl', 1984. - 830 p. [in Russian]
2. Ljuks L. Evraziystvo [Eurasianism] //Voprosy filosofii [Questions of philosophy].- 1993. -№ 6. - P. 105-114. [in Russian]
3. Trubeckoj Nikolaj. Evraziystvo i beloe dvizhenie [Eurasianism and the white movement]. [Electronic resours] / Nikolaj Trubeckoj. - URL: http://www.RoyalLib.com/book/trubetskoy...evraziystvo_i_beloe... (accessed: 15.02.17) [in Russian]

4. Trubeckoj N.S. Ob idee-pravitel'nice ideokraticeskogo gosudarstva [The ruler- the idea of ideocratic state]. [Electronic resours] / N.S. Trubeckoj // URL: <http://www.umilevica.kulichki.net/Trubetskoy/tns16.htm>. (accessed: 10.03.2017) [in Russian]

5. Trubeckoj N.S. Obshheevrazijskij nacionalizm [Pan-Eurasian nationalism] / N.S. Trubeckoj // Russkaja ideja [Russian idea.]. M.: Ajris-Press - 2002. - P. 372- 385 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.151>

Пряхин Н.Г.

ORCID: 0000-0003-3129-741X, Кандидат философских наук,

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

ПРАВСТВЕННОСТЬ В БРЕНДЕ И РЕКЛАМЕ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация

В работе дается определение бренда и рекламы; обозначается современное значение бренда и рекламы; утверждается то, что бренд и реклама, почти всегда, влияют на эмоции и ассоциации личности/общества только для получения прибыли, формирования ложного, т.е. не связанного напрямую с свойствами товара/услуги, образа; рассматривается влияние легенды в рекламе и бренде на человека; определяется значение нравственности, в легенде бренда и рекламы, для гармонизации современного социально-антропологического пространства.

Ключевые слова: бренд, нравственность, реклама, рекламная легенда.

Pryakhin N.G.

ORCID: 0000-0003-3129-741X, PhD in Philosophy,

Saint-Petersburg University of Management Technology and Economics

MORALITY IN BRAND AND ADVERTISING (SOCIAL, PHILOSOPHICAL, PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS)

Abstract

The paper defines a brand and advertisement; the modern meaning of a brand and advertisement is indicated; it is claimed that a brand and advertisement, almost always, affect the emotions and associations of the individual/society only in order to make a profit and to form a false image (not directly related to the properties of the product/service); the influence of a legend over a person in advertisement and brand is considered; it is determined the importance of morality, in the legend of a brand and advertisement for the harmonization of modern social and anthropological space.

Keywords: brand, morality, advertising, advertising legend.

В современном социально-коммуникативном мире роль рекламы и бренда трудно переоценить, поскольку каждый товар является частью определенной торговой марки или фирменного знака. Образы, включаемые в бренд/рекламу оказывают сильнейшее морально-психологическое влияние на человека, личность и общество. Именно поэтому актуализируется нравственная проблема – фактор ненасилия в исследовании антропологического и социального пространства современности

Брэнд (brand), торговая марка – это название, термин, знак, символ, рисунок, целью создания которых - идентифицировать продукт и дифференцировать его от продуктов конкурентов. Реклама (от лат. *reclamare*, что означает «кричать») — это однонаправленная форма коммуникации, с целью и увеличения спроса и усиления внимания к объекту/предмету рекламирования. Главная функция рекламы — трансляция информации от рекламодателя к целевой аудитории. Реклама соединяет в себе основные виды искусства и, некоторые виды науки: логики, философии, психологии, математики, статистики, социологии и маркетинга.

Одной из характеристик бренда/рекламной легенды является их социально-антропологическая ценность, т.е. формируемые ими эмоции; созданные история; определяемая общественная значимость, относительно других торговых марок и историй, вызываемые потребности и ассоциации у целевой группы. Именно социальной ценностью бренда/рекламной легенды объясняется причина, из-за которой потребители предпочитают выбирать определенный бренд, сравнивая товары имеющих одинаковую стоимость и качество, или отдают предпочтение товару с большей стоимостью, но с другой социально-антропологической рекламной легендой, чем товары конкурентов. Легенда и история торговой марки, во многом, создается, что бы удовлетворить эмоциональные, ассоциативные и другие антропологические потребности целевой группы. Следовательно, люди часто покупают не столько товар, сколько социальную историю бренда, рекламную легенду, частью которой они хотят стать. В этой связи возникает вопрос о соответствии бренда и рекламной легенды общественным нравственно-этическим критериям. Как совместить нравственные требования уважать личность, индивидуальность человека, а так же социально значимые ценности, потребности и экономическую обоснованность эффективности производства товара/услуги?

Во-первых, легенда бренда и рекламы, с точки зрения нравственности, может быть конструктивной и деструктивной. Образы, способные вызвать у человека оптимизм и альтруизм; эмоции гармонизирующие психику и нервную систему; отношение к другому; мотивацию к ведению здорового образа жизни; стремление быть успешнее; улучшающие микроклимат в семье и др. – являются конструктивными. Например, рекламная компания бренда Coca-Cola включает слоганы: «Все будет «Coca-Cola»», «Счастливый символ добродушного образа жизни» и др., пробуждают позитивные эмоции. К деструктивным относятся эмоции вызывающие внутри личностное, межличностное и межгрупповое насилие, нетерпимость, нацизм, бессмысленность существования жизни, разрушение мирного сосуществование индивидов и социальных групп.

Во-вторых, предназначение товара и состояния, чувства, которые он вызывает у индивида, могут не совпадать или быть противоположными. У потребителя, при покупке товара, возникает иллюзия приобретения вызываемой в результате будущего использования товара эмоции и ассоциации. Например, образы рекламной легенды бренда «Marlboro» соотносятся с чувствами мужества, брутальности и ловкости ковбоя. Однако, курение оказывает прямо противоположное влияние на биологический и социальный организм человека. Рекламная компания бренда водка «Матрица» создавала ассоциации созависимости этого напитка и философствования. Однако доктор Lars Møller, руководитель программы «Алкоголь и запрещенные наркотики» и другие врачи Всемирной организации здравоохранения утверждают, что безопасного алкоголя нет, следовательно, употребление алкоголя мешает правильной жизненной ориентации личности, правильному мышлению человека.

В-третьих, степень нравственности бренда/рекламной легенды определяется соответствием заявленному этой легендой качеству товара. Например, автомобили брендов «Jaguar», «Range Rover» позиционируют свои машины как надежные, роскошные изделия для тех, кто хочет почувствовать себя английским аристократом. Однако, специалистам в сфере автомобилестроения, известно, что данные машины, выпущенные, до 2008 года, отличались проблемами в работе электроники, двигателя и др.

Кроме того, нравственно-этический подход, в создании и продвижении рекламных сообщений, может заключаться в следующих правилах: [1]

1. Правдивость. Реклама должна раскрывать правду и существенные признаки рекламируемого объекта, не упоминание о которых могло бы ввести в заблуждение личность и социум.
2. Доказательность. Истинность информации, посылаемой в рекламном сообщении, должна подтверждаться фактами и свидетельствами, которыми необходимо обладать субъекту рекламной коммуникации, до начала рекламной компании.
3. Сравнимость. Реклама не должна транслировать не проверенную или ложную информацию о конкуренте и его продукции. Если подобное сравнение, в рекламе, разрешено законодательно, то оно должно основываться на объективных знаниях.
4. Рекламная приманка. Рекламное сообщение не должно являться средством перенаправляющим внимания потребителей с относительно дешевых, на более дорогие товары/услуги.
5. Гарантии и предостережения. Информация о гарантиях и предостережений, в рекламном сообщении, должна быть: 1) полной, достаточной для уведомления покупателей об основных условиях и ограничениях покупки и использования товара/услуги; 2) или точно обозначать, где можно ознакомиться с полным текстом гарантии или предостережения до приобретения рекламируемого товара/услуги.
6. Заявления о ценах. Реклама не должна сообщать ложную информацию о ценах и заявлять о ложной эффективности товара/услуги.
7. Подтверждения. Реклама, включающая в контент подтверждения, должна ограничиваться только профессиональными заключениями соответствующих специалистов, излагающих объективные и честно выраженные мнения.
8. Вкус и благопристойность. Реклама не должна содержать сообщений, которые противоречат общепринятым эстетическим ценностям и оскорбительны с позиций социальной нравственности.

В современном мире существуют множество брендов и рекламных легенд, которые создают новую систему ценностей, меняют духовные, культурные, социальные традиции общества и личности. Созданные рекламным агентством или рекламодателем, бренды и рекламные образы заполняют личную, эмоциональную психологическую сферу человека, вытесняя нравственные основы его жизнедеятельности. Более того, легенды бренда и рекламы, формируют новое мировоззрение и мироощущение человека, во многом определяют вектор развития личности и социума. Именно последний факт, является основанием для актуального обсуждения философами и антропологами, исследующими общественное развитие, обсуждать, формировать и реализовывать программу нравственного наполнения легенды бренда и рекламы, брендинга и рекламирования.

Список литературы / References

1. Уэллс У. Реклама: принципы и практика / У. Уэллс, Д. Бернет, С. Мориарти. – СПб.: Питер, 2001. – 797 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Uells U. Reklama: printsipy i praktika [Advertising: principles and practice]/ U. Uells, D. Bernet, S. Moriarti. - SPb.: Piter, 2001. - 797 P. [in Russian]

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTUREDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.005>**Базилевич А.М.**

Старший научный сотрудник, кандидат архитектуры, доцент,

Государственный Университет по Землеустройству

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ, ВКЛЮЧАЯ АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН**Аннотация**

Освещаются теоретические вопросы Ландшафтной архитектуры (ЛА) и Архитектурно-ландшафтного дизайна (АЛД), анализируются специфика их учёта на различных стадиях территориального, планировочного и пространственного проектирования. Подчёркивается морфологическое сходство объектов ЛА с градостроительством, объектов АЛД – с архитектурой. Особый акцент ставится на формировании знания ландшафтного архитектора и ландшафтного дизайнера в предметно-пространственно-информационной среде, для чего необходимо преобразовать стратегию и логику исследования.

Ключевые слова: ландшафтная архитектура; мышление предметное; предметно-пространственная среда; поведенческая ситуация; архитектурно-ландшафтный дизайн; градостроительное проектирование.

Bazilevich A.M.

Senior Research Associate, PhD in Architecture, Associate Professor,

State University of Land Management

PRINCIPLES OF LANDSCAPE ARCHITECTURE STUDY INCLUDING ARCHITECTURAL AND LANDSCAPE DESIGN**Abstract**

Theoretical issues of Landscape Architecture (LA) and Architectural and Landscape Design (ALD) are covered in the paper. Their peculiarities at various stages of territorial, planning and spatial design are analysed. Morphological similarity of the objects of LA and urban planning is underlined, as well as the similarity of ALD objects with architecture. Special emphasis is placed on the formation of knowledge of a landscape architect and landscape designer in the object-space-information environment. This requires the transformation of the strategy and logic of the research.

Keywords: landscape architecture; object thinking; object-spatial environment; behavioral situation; architectural and landscape design; urban design.

В существующих теоретических и практических подходах к ландшафтной архитектуре (ЛА) и архитектурно-ландшафтному дизайну (АЛД) отсутствует четкость в области культурологического смысла каждой из дисциплин что приводит к :

- подмене понятий - одни и те же объекты относят к ЛА и АЛД, а иногда ЛД принимается за более главный, чем АЛД. В учебном пособии «Архитектурно-ландшафтный дизайн», речь идёт об архитектурно-ландшафтном обустройстве территорий – урбанизированных, природных, т.е. об ландшафтной архитектуре [1]. В другой работе глава под названием «Ландшафтный дизайн селитебной территории» содержит подразделы по ландшафтной организации общественного центра города, площадей, магистралей, набережных. При этом в рамках селитебной зоны рассматриваются даже заповедные объекты истории и культуры, которые, как правило, находятся вне поселений. Другая глава содержит подразделы по озеленению микрорайонов, т.е. лишь по одному из трёх основных (рельеф, озеленение, обводнение) компонентов ландшафтной архитектуры [2];

- упрощённой классификации типов объектов ЛА и АЛД. Например, часто используется понятие комплекс «природное-искусственное», в составе которого выделяют три типа объектов ландшафтного дизайна (или архитектуры) по удельному весу каждой из составляющих – природной или естественной. Имеется классификация типов ЛА по различным основаниям - графический, промышленный, архитектурной среды, архитектурно-ландшафтный дизайн. Но, например, любой промышленный дизайн, может быть одновременно графическим;

- неясности в технологии проектирования ЛА и АЛД. В большинстве случаев для ЛА рекомендуются архитектурно-строительные стадии проектирования - ПЗ (проектное задание), П (проект), РЧ (рабочие чертежи). Тем самым игнорируется тесная связь ЛА с градостроительным проектированием.

История архитектуры показывает, что для понимания сути любого архитектурного (включая архитектурно-ландшафтного, градостроительного) проектирования, важно помнить о триаде (три качества, которыми обязательно должна обладать архитектура) римского архитектора Марка Витрувия - «прочность-польза-красота (*firmitas-utilitas-venustas*). В этом случае станет очевидно, что ЛА совместно с градостроительством решает вопрос прочности, через категории структурности, устойчивости развития территорий; пользы (для организации отдыха), красоты (за счёт учёта индивидуальных качеств природы) [3]. В то время как любому дизайн-проекту присуще только два компонента триады, т.е. «польза-красота». При этом именно красота (техническая эстетика) явилась исторической первопричиной появления дизайна.

Ниже (табл. 1) нами предложена систематизация целей, задач, функций, принципов ЛА и АЛД в составе архитектурного и градостроительного проектирования.

Таблица 1 – Сферы архитектурного и ландшафтного творчества (автор – А.М.Базилевич)

УЧАСТНИКИ творчества	Архитектура и градостроительство		Ландшафтная архитектура (ЛА)					Ландшафтный дизайн (АЛД)		
			Антропогенная среда				Природная среда (Охраняемые территории)	Малых участков земли и интерьеров зданий	Малых форм: архитектуры, природы	Искусственных оснований
			Садово-парковое искусство	Зоны рекреации (отдыха)	Функциональные зоны учреждений	Санитарные зоны				
СУБЪЕКТ проектирования	Архитектор 270300	градостроитель 270400	Художник-архитектор	Ландшафтный архитектор 250700		Инженер, градостроитель.	Эколог, географ, градостроитель.	Архитектор-дизайнер 270302	Скульптор	Инженер-архитектор
ОБЪЕКТ проектирования	Здания и сооружения	Планировка и застройка	Сад, сквер, парк	Места отдыха	Специализированные участки	Зоны от предприятий с вредными выбросом	Заповедники Заказники, Национальные парки	Малый сад, партеры цветник.	Оборудование, МАФ, МЛФ, скульптура	Сады на крышах, подземных сооружений Горизонт Вертик. плоскост
ПРЕДМЕТ деятельности	Обеспечение связи «польза-прочность-красота»	Взаимосвязь функций на территории	- решение эстетических задач; - обеспечение стиля	- Связь: с внешним пространством; - с функцией отдыха	Связь: - с пространством здания	- Содействие гигиене	- Сохранение природных ресурсов - сохранение индивидуального облика	- детализация ландшафтной архитектуры; - формирование стиля предмета		
МОРФОЛОГИЯ объекта	Объём, внутреннее пространство	- плоскость в природной среде	Открытое (от архитектурных объёмов) пространство					Пространство предметов	- Объёмы, фактура поверхностей	

Принимая во внимание наличие вышеизложенных и других проблем понимания онтологии ЛА и АЛД и опираясь на общую теорию дизайна [4], нами предлагаются стратегия и логика предстоящих исследований.

СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ строится с учётом ориентации исследования на специальности «ландшафтный архитектор» и «ландшафтный дизайнер», а потому особый акцент должен ставиться на выработку алгоритма интерпретации эмпирических и онтологических сторон исследования в архитектурно-градостроительные категории. История изучения взаимосвязи компонентов системы «архитектура-ландшафт-дизайн» позволяет выделить три проектные парадигмы, где каждая из последующих включает содержание предыдущей:

- Проектирование отдельных предметов (ньютонианское понимание «предметов»);
- Проектирование предметно-пространственной среды (декартовское понимание «пространства»);
- Проектирование информационных объектов, маркирующих реальное и виртуальное пространство (высший уровень реальности)

ЛОГИКА ИССЛЕДОВАНИЯ должна ответить на вопросы, лежащие в культурологической сфере:

1. Какие культурологические смыслы находят выражение в объектах ЛА и АЛД?
2. К чему в восприятии адресата обращён АЛ-проект и АЛД-продукт?
3. По каким внутренним законам выстраивается АЛ и АЛД деятельность?

Сочетание структуры и логики предстоящих исследований показано ниже (табл.2).

Таблица 2 – Структура исследования архитектурно-ландшафтной и дизайнерской деятельности

Уровни ландшафтной архитектуры (ЛА) и архитектурно-ландшафтного дизайна (АЛД)	направления исследования		
	Смыслы, выраженные в ЛА и АЛД	Восприятие ЛА- и АЛД- продукта	Принципы ЛА- и АЛД- проектирования
I. ЛА и АЛД как предметное творчество	Предмет в культуре, цивилизации	Предметное мышление	Художественное моделирование предметного мира
II. ЛА и АЛД как компонент предметно-пространственной среды	Единица анализа – поведенческая ситуация	Средовой характер восприятия	Включение проектирования в пространственную среду
III. ЛА и АЛД как информационный компонент предметно-пространственной среды	Преодоление графических свойств объектов	Система требований виртуального события	Соответствие свойств объектов требованиям виртуальной реальности

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что:

1. Ландшафтная архитектура, являясь органичной предметно-пространственной составляющей любых объектов территориального планирования и градостроительного проектирования должна рассматриваться в иерархии задач - от географического анализа к зрительному и, наконец, к чувственному (пейзажному) восприятию, в отличие от относительно автономного восприятия объекта архитектурно-ландшафтного дизайна, являющегося преимущественно предметной составляющей ландшафтных или архитектурных объектов.

2. Для повышения качества объектов архитектуры и дизайна, связанных с ландшафтом, необходимо системное изучение предметных, предметно-пространственных и информационных факторов формирования процессов, в которых выступают ландшафтные структуры, принадлежащие не каждому отдельно взятому процессу, а целостному комплексу – их совокупности.

Список литературы/ References

1. Архитектурно-ландшафтный дизайн: теория и практика: учебное пособие/ под общ. ред. Г.А. Потаева. – 2-е изд. – М.:ФОРУМ; ИНФРА-М, 2015.- 320с.: цв. Ил.- (Высшее образование. Бакалавриат).
2. Кукушин В.С. Ландшафтная архитектура. Учебное пособие. /В.С. Кукушин, С.Н. Кружилин -Ростов н/Д:Феникс.2010.-350с.:ил.- (Высшее образование).
3. Базилевич А.М. Польза, прочность, красота в ландшафтной архитектуре/ А.М.Базилевич. // Сборник трудов научной конференции «Вопросы современных технических наук: свежий взгляд и новые решения» (12 марта 2015) Екатеринбург, ИЦРОН, 2015, 87с.
4. Розенсон И.А. Основы теории дизайна/ И.А. Розенсон Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения 2-е изд. – СПб.: Питер Пресс, 2013.-256с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arkhitekturniy dizayn: teoriya i praktika: uchebnoye posobiye [Architectural and Landscape Design: Theory and Practice. Textbook] / Edited by G.A. Potaeva. – 2nd edition. – М.: FORUM; INFRA-M, 2015. – 320 p.: Illustrated – (Higher Education, Bachelor's Degree). [In Russian]
2. Kukushin V.S. Landshaftnaya arkhitektura. Uchebnoye posobiye [Landscape Architecture. Textbook.] / V.S. Kukushin, S.N. Kruzhilin – Rostov-na-Donu: Phoenix. 2010. – 350 p.: Illustrated. – (Higher education). [In Russian]
3. Bazilevich A.M. Pol'za, prochnost, krasota v landshaftnoy arkhitekture [Benefits, Strength, Beauty in Landscape Architecture] / A.M.Bazilevich. // Sbornik trudov nauchnoy konferentsii «Voprosy sovremennykh tekhnicheskikh nauk: svezhiy vzgliad i novye resheniya » [Proceedings of Scientific Conference “Issues of Modern Technical Sciences: Fresh Look and New Solutions”] (March 12, 2015) Ekaterinburg, ITSRON, 2015, 87 p. [In Russian]
4. Rozenson I.A. Osnovy teorii dizayna [Fundamentals of Design Theory] / I.A. Rosenson Textbook for High Schools. Standard of the Third Generation 2nd edition. – St. Petersburg: Peter Press, 2013. – 256 p. [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.031>

Гагарина Е.С.

ORCID: 0000-0003-0691-3946, Аспирант,

Московский архитектурный институт (Государственная академия)

ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ АДАПТАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ К УСЛОВИЯМ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКОГО И АНТРОПОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация

Статья посвящена «адаптивности» городской среды и рассматривает это свойство с точки зрения современных средовых ответов на климатические явления. В ней рассмотрены материалы реального и поискового проектирования, позволяющие выделить основные векторы развития идей адаптивного средоформирования: от общего смягчения и улучшения климатических характеристик общественных пространств города до непрерывного контроля и корректировки в зависимости от пожеланий потребителя. В статье также рассматривается такое понятие как «гибридные» установки, позволяющие совмещать в себе разнородные средства адаптации, для достижения максимального эффекта гибкости среды.

Ключевые слова: адаптивность, адаптивное средоформирование, гибридные установки, климатическая адаптация.

Gagarina E.S.

ORCID 0000-0003-0691-3946, Postgraduate student,

Moscow Institute of Architecture (State Academy)

TRENDS IN URBAN ENVIRONMENT ADAPTATION TO NATURAL-CLIMATE CONDITIONS AND ANTHROPOGENIC CHARACTER

Abstract

The article is devoted to urban environment “adaptability” and considers this property from the point of view of modern environmental responses to climate phenomena. It examines the materials of real and exploratory design, which allow to single out the main vectors of ideas development in adaptive environment formation: From general mitigation and improvement of climatic characteristics of the city public spaces to continuous monitoring and adjustment depending on the wishes of the consumer. The article also examines the concept of “hybrid” installations allowing the combination heterogeneous means of adaptation in order to achieve the maximum effect of the environment flexibility.

Keywords: adaptability, adaptive media formation, hybrid installations, climate adaptation.

Категория «адаптивность» как явление проектной культуры существовала всегда и сопровождала все этапы развития цивилизации, от первобытнообщинного строя до нынешнего становления глобальной информационной среды (требования к оптимальным характеристикам среды менялись, развивались, приобретали новые смыслы вместе с развитием культуры и общества). В теории проектного дела *«адаптивность»* означает свойство нашего материального и интеллектуально-чувственного окружения менять свои параметры соответственно задачам его оптимального потребления. Необходимость в таком свойстве обусловлена воздействием неблагоприятных климатических условий, частой сменой внутрисредовых процессов, повышенными требованиями человека к комфорту и другими факторами.

Стоит отметить, что режимы изменений состояний среды (смена процессов, действия человека, динамика форм и т.д.) определяются обычно не отдельными факторами, а их совместным действием, при этом «вес» каждого внутри системы тесно связан с типом адаптируемой среды. Например, в городской среде лимитирующей группой факторов являются условия природно-климатического (сезонные и суточные перемены температур, паводки, вегетационные периоды растений и пр.) и антропогенного характера (вибрации, загрязнение воздуха и пр.). Если рассматривать систему «человек-среда», то при влиянии природных факторов (снегопад, ураган, дождь и т.д.) процесс адаптации смещается в сторону человека, заставляя его корректировать свои планы, внутрисредовую деятельность, внешний вид (зимой – катание на коньках, а летом – катание на лодках; личные приспособления человека – зонты, одежда и т.д.). Однако развитие идей адаптивности в проектной культуре, в том числе и в области ландшафтной архитектуры, движется в сторону инверсии субъект-объектных отношений, что подтверждается мировой проектной практикой.

Особенно эта тенденция актуальна для общественных пространств города, которые обычно представлены многофункциональными парками, скверами, площадями, набережными и т.д. Одно из их характерных качеств – превалирование природных слагаемых как средообразующих. Базовые принципы и технологии работы с ними сложились еще в древности, когда они были всего лишь прямым инструментом приспособления условий жизни к потребностям и свойствам человеческой натуры.

Использование природных компонентов (рельеф, водные и воздушные массы, растительный и животный мир, почвы) для снижения негативного воздействия внешних условий (жара, ливни, паводки, ураганы, загрязнение воздуха и т.д.) подробно описаны в трудах Л.С. Залесской, Е.М. Микулиной, В.А. Горохова, В.С. Теодоронского, В.А. Нефедова и др. и подробного описания не требуют. Стоит только отметить одно из главных свойств, которое необходимо учитывать архитектору при адаптации открытых пространств: ландшафт – категория комплексная, всеобъемлющая, где единичное преобразование целого стремится стать источником системы следствий, нарушающих исходное состояние (например, изменение рельефа повлечет за собой изменения в распределении воздушных и водных масс, инсоляционного и температурного режимов и как следствие распределение растительного покрова и его качества). Также стоит учитывать, что адаптационные качества ландшафтных компонентов сильно меняются из-за природных циклов. Все это переводит «естественные» компоненты городской среды в категорию «мягких», экологических и часто нестабильных средств адаптации. При этом с точки зрения эмоционально-эстетического воздействия – природные элементы остаются неотъемлемой и важнейшей частью города.

Таким образом, еще с древности, возникала необходимость стабилизации адаптивного эффекта за счет архитектурных, инженерно-технических и дизайнерских компонентов, но в наше время этот прием, соединив новое понимание задач эксплуатации среды с синтезом любых возможностей ее формирования, породил такие ее формы, которым нет аналогов в истории. Материалы реального и поискового проектирования позволяют выделить три крупных блока образований:

- **смягчения и улучшения климатических характеристик** среды за счет продуктивного сочетания традиционных и современных адаптивных компонентов (без дифференциации потребителя);
- **локальные изменения климата за счет гибридных форм среды;**
- **непрерывный текущий контроль** базовых характеристик среды (микроклимат, загрязнение, шум и т.д.) за счет использования инновационных технологий (смена микроклимата может зависеть как от коллективных, так и индивидуальных потребностей).

Первый фокусируется на комплексных целях адаптации без выделения индивидуальных предпочтений. Примером может служить площадь Республики в Париже (Place de la République, Франция, комп. Transsolar, 2013), которая была своего рода «тепловым островом», разрушающим ткань городской среды. Решило проблему использование светоотражающих плиток, которые свели к минимуму перегрев среды. Густые деревья давали тень, они же очищали воздух, а «сухие фонтаны» (см. рис. 1) обеспечивали дополнительное охлаждение и акустический комфорт [1].

Рис. 1 – Площадь Республики в Париже как пример улучшения климатических условий за счет применения традиционных и современных методов

Изменение или смягчение климата за счет внедрения дизайнерского и инженерного оборудования породило целый ряд экспериментов в области *«климатических иллюзий»*, нехарактерных для места. Это своего рода «игры» с климатом микросреды, которые носят скорее эмоциональный и ассоциативный характер, нежели практический. Примером может служить полуоткрытый павильон Австрии на ЭКСПО в Милане (EXPO Pavillon 2015 – Breathe. Austria, комп. Transsolar, 2015 г.), где системы теплового моделирования «заменяли» горячий миланский воздух атмосферой прохладного австрийского леса [1].

Еще более «адаптивным» средством формирования ландшафтной среды города являются развитые *гибридные установки* (это различные многофункциональные комплексные устройства, соединяющие разнородные средства приспособления среды к человеку и направленные как на раздельную, так и совместную адаптацию), которые образуют второй блок проектных поисков. Пример такого «гибридного» искусства – «три воздушных дерева» (см. рис. 2), направленных на увеличение социальной активности бульвара в Мадриде (Eco-boulevard, Испания, арх. группа «Ecosistema Urbano», 2007 г.). «Деревья» выполняют две основные цели: социальную (генерирование активности вокруг них) и экологическую – биоклиматической адаптации [2]. Изменение микроклимата происходит за счет системы пассивного кондиционирования. Данные объекты мобильны и могут перемещаться в любое требующее реактивации место [3]. По сути это пример не только активно выраженной адаптивности, но такого явления, как синтез искусств: идеей стал образ дерева с его способностью облагораживать и делать комфортным принадлежащее ему место, однако научно-техническое наполнение идей превращает ее в многослойную комбинации, живущих по своим законам дизайнерских, архитектурных природных и художественных компонентов [4].

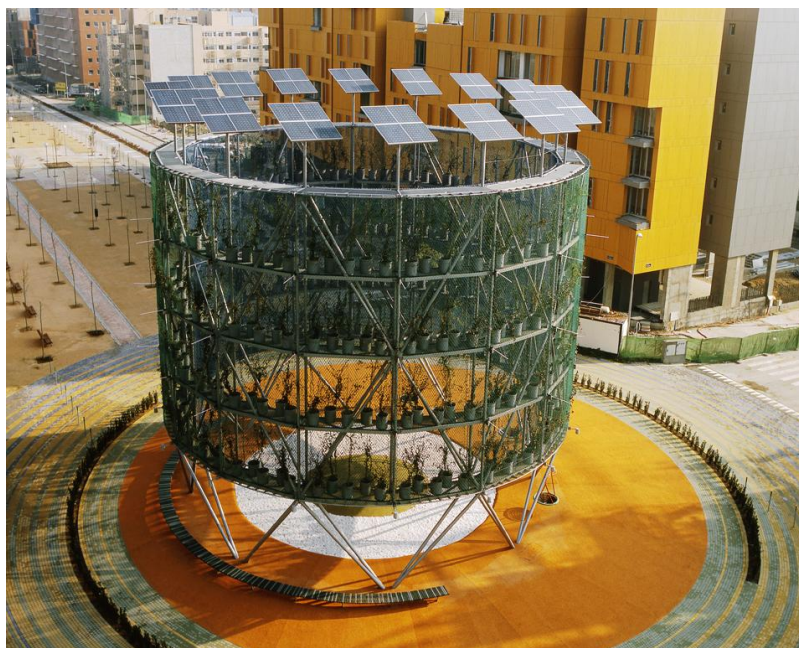

Рис. 2 – Одно из «деревьев» на эко-бульваре как пример внедрения «гибридных» установок для климатической адаптации фрагментов среды

Третий блок формируют наиболее передовые варианты адаптивного средоформирования, направленные не только на формирование оптимальных условий, но и на их индивидуализацию. При этом варианты применения современных технических устройств и традиционного оборудования далеко выходят за рамки общепринятых принципов понимания проблем адаптации или развития городского комплекса. Поскольку явное новаторство возникающих при этом проектных идей напрямую сталкивается с известным консерватизмом компетенций ландшафтной архитектуры (где главенствуют явления природы со своими законами и ритмами), большинство этих идей носит экспериментальный характер и нацелено на определение дальнейших путей развития данного направления в целом.

Одним из лучших примеров в этой области является Джейд Эко Парк (Jade Eco Park, Тайвань, арх. Ф. Рам, 2011 г.). В его структуре предусмотрено множество инноваций, которые еще долго будут изучаться и развиваться практикой ландшафтного формообразования. Образуют Джейд Метео Парк одиннадцать зон («Климатических Земель»), которые модифицируют нужные среде параметры через «естественные» приемы (орошение, выбор растений, принципы планирования) и высокотехнологичные искусственные устройства [5]. К последним относятся подземные конвекционные системы, силикатные и гелевые осушители и обменники, устройства для пылезащиты и фильтрации воздуха, соединенные с ультразвуковыми установками, отгоняющими мошкар (см. рис. 3). Условиями при необходимости можно управлять вручную, и если для проведения какого-либо мероприятия в той или иной части парка будет нужен определенный климат, достаточно просто задать системе нужные для этого сценария параметры [6].

Другими словами, символом образа парка стала абсолютно нестандартная – дизайнерская трактовка облика его форм и именно она определяет роль объекта в развитии принципов ландшафтной организации среды обитания.

Рис. 3 – Дизайнерское и техническое оборудование как основа контроля и управления условий климатического и техногенного характера в парке

Эти тенденции содержат далеко не весь спектр соответствующих исканий, но именно они сегодня наиболее заметны и, как правило, привлекательны в творческом плане. В целом сегодня для адаптивного средоформирования характерно возникновение решений, отличающихся новизной, оригинальностью и подсказывающих вообще иные принципы комплексного (многофакторного) формирования адаптивных решений. Их появление обусловлено рядом характерных особенностей.

Во-первых, все чаще можно наблюдать экспериментальные проекты различных лабораторий (группа Hyperbody, ecoLogic Studio, SPARC, студия Roosegaarde, Э. Диллер и Р. Скофидио, Д. Брюгеса исследования Б. Кантрелла, К. Остерхауса, и др.), которые в большинстве случаев не «практичны», а эмоциональны, характеризуют не функции форм среды, а механизмы их потребления (интерактивность, «отзывчивость», сращивание разных типов среды в комплексное образование, интегрирование разных предназначений в едином принципе действия) или оттенки восприятия и использования (динамичность, гибкость и т.д.). Это способствует развитию такого направления как *«реагирующий ландшафт»* [7].

Во-вторых, их появление обычно связано с обобщением системных взглядов на улучшение не отдельных сторон потребления среды, а совместного решения разобщенных задач этого процесса. Таким образом все более актуальным становится *средовой подход*, где четко проявляются тенденции интеграции (например, функциональное и предметно-пространственное объединение интерьерных и экстерьерных форм) и единство масштабности, эмоциональной ориентации, функциональной целостности (например, Сады у залива в Сингапуре, канал в Факуоке).

В конечно итоге это приводит к формированию *универсальных, гибридных пространств*, способных «реагировать» на потребителя, менять свои микроклиматические параметры в зависимости от процессуальной деятельности (как это сделано в Джейд Эко Парке), защищать от негативных природных или антропогенных явлений (например, Мингху Ветланд Парк в Китае), способствовать развитию принципов устойчивости, экологичности и адаптивности.

Список литературы / References

1. Transsolar [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.transsolar.com/projects> (дата обращения: 14.03.2017).
2. Vidiella, A.S. Landscape architecture/A.S. Vidiella. – Barcelona: Books publishers byba, 2010 – 620 p.
3. Eco-boulevard in Vallecas [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecosistemaurbano.com/portfolio/eco-boulevard/> (дата обращения: 14.03.2017).
4. Шимко, В.Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование. Генерирование проектной идеи. Основы методологии: учебное пособие для вузов / А.А. Гаврилина, Е.С. Гагарина, Манусевич Ю.П., Микулина Е.В., Стегнова Е.В., Тимофеева Т.А., Шулика Т.О., под ред. В.Т. Шимко. – М.: «Архитектура-С», 2016. – 248 с.
5. Garcia, M. Future landscapes of spatial details/ M. Garcia//Detail. – 2010. – № 4. – P. 79-85.
6. Интервью с Филиппом Рамом [Электронный ресурс]. – URL: <http://archplatforma.ru/?act=1&nwid=3496> (дата обращения: 24.08.2016).
7. Cantrell, B. Responsive landscapes – strategies for responsive technologies in landscape architecture / B. Cantrell, J. Holzman. – London: Routledge, 2015. – 390 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Transsolar. Available at: <http://www.transsolar.com/projects> (accessed: 14.03.2017)
2. Vidiella, A.S. Landscape architecture/A.S. Vidiella. – Barcelona: Books publishers byba, 2010 – 620 p.
3. Eco-boulevard in Vallecas. Available at: <http://ecosistemaurbano.com/portfolio/eco-boulevard/> (accessed: 14.03.2017)
4. Shimko V.T. Arhitekturno-dizajnerskoe proektirovanie. Generirovanie proektnoj idei. Osnovy metodologii [Architecture and design projects. Generating project ideas. The basics of methodology]/ A.A. Gavrilina, E.S. Gagarina, U.P. Manysevich, E. V. Mikylyna, E. V. Stegnova, T. A. Timofeeva, T.O. Shylyka, editor V.T. Shimko. Moscow, 2016. – 248 p. [in Russian]
5. Garcia, M. Future landscapes of spatial details/ M. Garcia//Detail. – 2010. – № 4. – P. 79-85.
6. Interv'ju s Filippom Ramom [Interview with Philippe Rahm]. Available at: <http://archplatforma.ru/?act=1&nwid=3496> [in Russian] (accessed: 24.08.2016)
7. Cantrell, B. Responsive landscapes – strategies for responsive technologies in landscape architecture / B. Cantrell, J. Holzman. – London: Routledge, 2015. – 390 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.010>

Наумкин Г.И.

ORCID: 0000-0001-6725-0416, Кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры,
Государственный университет по землеустройству

**МАТЕРИАЛЬНЫЙ ФОНД ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ
КОНКУРСА НА ПРОЕКТ ПАРЛАМЕНТСКОГО ЦЕНТРА**

Аннотация

В новых социально-экономических условиях для учреждений управления используется материальный фонд советского периода. В отсутствие научных изысканий по градостроительству и архитектуре используются устаревшие методы проектирования, которые проявились на конкурсных проектах Парламентского Центра. В комплексном образовании необходимо применять композиционные методы структурного формирования учреждений управления. В градостроительной системе столичного мегаполиса учреждения высших органов государственной власти должны располагаться и доминировать в общественных центрах.

Ключевые слова: материальный фонд, общественный центр, инфраструктура, здания управления.

Naumkin G.I.

ORCID: 0000-0001-6725-0416, PhD in Architecture, Associate professor, Chair of Architecture,
State University of Land Use Planning

**MATERIAL FUND OF STATE MANAGEMENT INSTITUTIONS AND COMPETITION RESULTS
FOR THE PROJECT OF PARLIAMENTARY CENTRE**

Abstract

Managing institutions of the Russian Federation still use the material fund of the Soviet period in new socio-economic conditions. Since there is no scientific research on urban planning and architecture, old-fashioned design methods are being used, which manifests itself in the projects of the participants of the competition for a new Parliamentary Centre. Composite methods of structural formation of management institutions should be used in complex education. Higher bodies of state power should be located in public centres in the city-planning system of the metropolis.

Keywords: material fund, community centre, infrastructure, management buildings.

Существующий материальный фонд зданий управления исполнительной власти России недостаточно отражает систему государственного управления. Использование исторического материального фонда не соответствует структурной организации государственной власти современной России. В сложившейся ситуации вся система архитектуры учреждений управления должна быть подвержена пересмотру. Для новых учреждений управления материальный фонд следует развивать в соответствии с современной социально-экономической политикой, принятой в стране.

В системной организации материального фонда зданий управления возникла потребность в связи с принятием новой Конституции России (1991 г). Появилась необходимость в формировании комплексных образований

государственных учреждений управления для законодательной и исполнительной власти. В настоящее время в России высший государственный орган управления представлен Государственной Думой и Советом Федерации. Материальный фонд современных институтов законодательной и исполнительной власти в России использует материальный фонд институтов управления периода советской власти. Нынешнее здание Государственной Думы изначально было предназначено для Совета Труда и Оборона, Совета Министров СССР и союзного Госплана. Высший законодательный орган государственного управления Совет Федерации Федерального Собрания – парламент Российской Федерации использует здание, которое ранее принадлежало Госстрою СССР

Для системы высшего государственного органа управления законодательной и исполнительной власти проявляется необходимость в формировании архитектурного комплекса нового типа, взамен приспособленного существующего материального фонда учреждений управления советского периода. В 2015 году был объявлен конкурс на проект Парламентского Центра. Материалы конкурса показали, что в отсутствии научных изысканий по градостроительству и архитектуре, были выявлены слабые стороны проектных решений.

Это, прежде всего, проявилось с выбором строительной площадки в лощине Мневниковской поймы. Высокий статус государственных учреждений управления должен доминировать в композиционном образовании, а не рассматриваться по принципу: «любая свободная территория пригодна для строительства» и размещаться на периферии города. Комплексное образование Парламентского Центра как государственное учреждение управления следует рассматривать как центр, как стержень, организующего градостроительное пространство. На её градостроительной композиционной основе формируется общественный центр. Однако выделенная территория под строительство комплекса Парламентского Центра не содержит условий для развития инфраструктуры общественного центра, но может претендовать на рекреационную зону отдыха для жителей города.

Конкурсные проекты комплексного образования законодательной и исполнительной власти Российской Федерации показали, что в отсутствии современной теоретической базы применяется советская методика проектирования, по которой не предусматривается организация архитектурной структуры по подразделениям функциональных блоков управления. В современной России каждая из ветвей высшей государственной власти имеет свои функции государственной деятельности и разный состав подразделений блоков. Эти особенности не проявились в комплексном структурном образовании проектных решений. В структурном образовании Парламентского Центра отсутствуют связующие звенья подразделений, которыми должны быть зальные рекреации. В рассматриваемом комплексном образовании для Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации не проявились основные составляющие:

- государственная концепция идеи, которая должна быть главенствующей в композиции, конструкциях и в архитектурном образе;
- высокая нота государственной функции архитектуры, которая должна быть выражена в архитектурной семантике;
- центра образующая пространственная зона, которая объединяет в системное структурное образование комплекс залов: от пленарных заседаний до совещаний и переговоров;

– автономность структурной организации для разных ветвей государственной власти (нарушены условия конституционного закона – независимость деятельности двух ветвей государственной власти Российской Федерации).

В современных социально-экономических условиях возникла острая необходимость в новой методике проектирования и в создании нового материального фонда для государственных учреждений управления [1]. В комплексном образовании зданий управления должны учитываться исторические национальные особенности и современные социально-экономические процессы, происходящие в государстве. В градостроительном аспекте, проблема строительства новых зданий управления связана с определением места на существующей территории города. Этой проблеме были посвящены статьи академика архитектуры Ю.П. Бочарова, в которых затрагиваются проблемы по соблюдению интересов Российской Федерации и региональных интересов в столичном городе, что связано с размещением зданий управлений для разного уровня государственной власти на территории г. Москвы [2], [3]. Определение градостроительных мест для государственных учреждений управления федерального значения и субъекта федерации следует связывать с долгосрочной градостроительной стратегической программой развития города Москвы. Это, прежде всего, затрагивает градостроительную политику развития г. Москвы, её специфические особенности, к которым следует отнести исторический композиционный каркас центра и лучевую транспортную сеть.

Необходимость в проведении всестороннего анализа по архитектурному наследию и по существующей градостроительной системе связано с тем, что происходящие в настоящее время мероприятия по застройки столицы, приводят к ещё большему переуплотнению коммуникаций, ведущие к историческому центру. Дальнейшее решение проблемы по реконструкции столицы следует связывать: с организацией новых общественных центров; с линейной градостроительной системой; с переводом сети дорог на диагональную трассировку транспортных магистралей внутри города. По решению этой проблемы в столичном городе должна формироваться новая градостроительная инфраструктура с образованием новых общественных центров в существующем мегаполисе. Образование новых общественных центров будет одним из решений по размещению современных учреждений управления федерального уровня Российской Федерации и учреждений управления г. Москвы. Государственные учреждения управления столичного и федерального уровней, во вновь образованных общественных центрах, должны стать доминантами в композиционном пространстве.

Долгосрочная программа по развитию градостроительной системы в городе, построенная на основе формирования кольцевых образований и лучевых связей исчерпала свои ресурсы. Существующая градостроительная система стала тупиковой уже в начале XXI в., и она не может оставаться концепцией спасения в перезагрузке транспортной сети в перспективном развитии столицы.

Стратегическая градостроительная программа развития Москвы с линейной градостроительной системой и ленточной застройкой с развитой инфраструктурой вдоль транспортной магистрали со сквозными проездами через

город должна быть направлена: на улучшение микроклимата города, на организацию новых общественных центров, на ликвидацию транспортных пробок и организацию пешеходных и транспортных потоков внутри города. Предложение по структурному перераспределению градостроительной планировки и транспортной сети следует связывать с перспективными градостроительными программами.

Градостроительная система столичного мегаполиса должна содержать новые общественные центры с современной инфраструктурой комплексных образований, включая учреждения высших органов государственной власти. В транспортной сети линейные сквозные автомобильные магистрали могут быть образованы вместо железнодорожной сети дорог [4]. Подобные преобразования транспортной связи со сложившейся градостроительной структурой мегаполиса нередки в зарубежной градостроительной практике. К радикальным преобразованиям градостроительной и транспортной сети можно отнести знаменитые реконструкции Парижа, Вены в XIX веке, генеральную реконструкцию в Оттаве XX-XXI веках [4].

Список литературы / References

1. Наумкин Г.И. Функциональные связи в зданиях управления / Г.И. Наумкин // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Ежемесячный научный журнал. – Екатеринбург. 2015. – №6, с. 41-43.
2. Бочаров Ю.П., Сиренко Э.А. Локализация властных структур Москвы / Ю.П. Бочаров, Э.А. Сиренко // Городское управление. – 2000. – №3. – С. 39-41.
3. Бочаров Ю.П., Сиренко Э.А. Проблемы развития Москвы как столицы федерации / Ю.П. Бочаров, Э.А. Сиренко // Academia. Архитектура и строительство. – 2011. – №4. – С. 35-37.
4. Артемьева А.С., Доценко С.И. Концепция переноса железнодорожных вокзалов Москвы с реновацией существующих зданий и территории путевой инфраструктуры к ним / А.С. Артемьева, С.И. Доценко // Градостроительство. – 2012. – №6. – С. 28-38.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Naumkin G.I. Funkcional'nye svyazi v zdaniyah upravleniya [The functional communications in management buildings] / G.I. Naumkin // Nacional'naja asociaciya uchenykh (NAU). Ezhesmesjachnyj nauchnyj zhurnal [The National Association of Scientists (NAS). Monthly Scientific Journal]. – Ekaterinburg. 2015. – №6, P. 41-43. [in Russian]
2. Bocharov Ju.P., Sirenko Je.A. Lokalizacija vlastnyh struktur Moskvy [The localization of authorities of Moscow] / Ju.P. Bocharov, Je.A. Sirenko // Gorodskoe upravlenie [City government]. – 2000. – №3. – P. 39-41. [in Russian]
3. Bocharov Ju.P., Sirenko Je.A. Problemy razvitiya Moskvy kak stolicy federacii [Problems of development of Moscow as the capital of the federation] / Ju.P. Bocharov, Je.A. Sirenko // Academia. Arhitektura i stroitel'stvo [Academia. Architecture and Construction]. – 2011. – №4. – P. 35-37. [in Russian]
4. Artem'eva A.S., Docenko S.I. Konceptiya perenosa zheleznodorozhnyh vokzalov Moskvy s renovaciej sushhestvujushih zdaniy i territorii putevoj infrastruktury k nim [The concept of transfer of railway stations of Moscow with the renovation of existing buildings and areas of track infrastructure for them] / A.S. Artem'eva, S.I. Docenko // Gradostroitel'stvo [City and town planning]. – 2012. – №6. – P. 28-38. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.006>

Сапрыкина Н.А.

ORCID: 0000-0003-2003-0744, Доктор архитектуры, Профессор,
Московский архитектурный институт (государственная академия)

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РЕЛАКСАЦИИ В ФУТУРИСТИЧЕСКОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Аннотация

Выявлена проблема формирования личного пространства в архитектуре. Рассмотрен опыт футурологических изысканий и утопического проектирования прошлого века за рубежом как альтернатива по отношению к традиционному жилищу. Определены принципиально новые тенденции создания психологического климата среды обитания в будущем. Установлено, что результаты исследования дают мощный концептуальный импульс и раскрывают безграничные возможности для творческого поиска современных архитекторов.

Ключевые слова: утопическое проектирование, футурологические концепции, динамические системы, информационные технологии.

Saprykina N.A.

ORCID: 00000000-0002-1825-0097, PhD in Architecture, Professor,
Moscow architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

ARCHITECTURAL SPACE FOR RELAXATION IN FUTURISTIC DESIGN

Abstract

The problem of personal space formation in architecture is studied in the paper. Futurological research and utopian design of the last century abroad are considered as an alternative to traditional dwelling. Revolutionary new trends in the creation of psychological climate of the environment in the future are determined. The results of the research give a powerful conceptual impetus and open unlimited possibilities for further creative search in modern architecture.

Keywords: utopian design, futurological concepts, dynamic systems, information technology.

Introduction

The constant search for a new way of life that corresponds to the current level and quality of residence determines the future research that mobilize people to find ways to adapt to the new requirements of society.

To identify trends in the formation of spatial Environment in future interest about how perception of space: on the one hand, people define space in narrow, local borders, but on the other hand, they are constantly trying to fix them. With the development of information technologies, the subjective experience of perception of space changed, physical boundaries no longer limit the ability of communication between people separated by large distances.

Perception of two main parameters of time and space that interact with a wide variety of other, more specific trends, offers a wide variety of styles of behavior. On a personal level, there is a tendency of aspiration of departing people under the protection of their own home and their social group, rather than engaging in public activity. This desire to gain a sense of comfort in its own territory in search of individualization of personal space leads to the personalization of space for each person.

In connection with the development of information technologies appear way of exploration of the new world in the context of cyberspace, virtual world, as well as a better understanding of the real and the physical world. People try to stay in touch with each other-there - has been a process of return of collective activity in housing.

The aim. The rapid growth of computer networks increases the value of the relationship and shows that the psychological distance between people working in various fields, dramatically shrinking.

This trend is reflected in the diversity of individual styles of behavior associated with the increasing use of telecommunication devices, many of which provide immediate feedback.

Trend of education virtual communities is justified by the desire of some people to enter into definite relations, which are due to geographic location or because of the reluctance be limited to normal relations grow in alternating periods of separation and proximity.

Methods

The incorporation of technological innovation in housing dramatically alters its essence. This demonstrates the theory and practice of futures studies last century abroad as an alternative in relation to traditional housing. Therefore, it is advisable to consider the experience of a utopian design. This allows you to identify trends and tendencies of space habitats in the architecture of the future.

Adaptation of architectural objects to man, as well as his psychological isolation from negative factors Environment habitats are constantly attracted the attention of architects and specialists.

In the field of futurism design to the 70 years of the last century emerged a fundamentally new trend creating psychological climate Environment. There have been attempts to directly through the illusory effects or even direct effects on the brain in human perception constructed a special, independent of reality "own Environment" as a complex of certain sensations.

Results

This problem in the same years was widely discussed in the literature and gave a lot of precedent for its decision using the principles of dynamic adaptation. In this regard, the trend appeared in architecture "architectural space for relaxation.

Thinking on a wide range of problems associated with the invasion in "inner space" was held at the educated back in 1968 year group "Coop Himmelblau". In the manifesto of the Group stated that architecture has become boring and oppressive, sensual impressions disappeared, human contacts ceased to develop properly, managed thread information sent to us and reinforces the suppression, and personal and social development stalled. They also report that the build machines, which are the basis of new housing, communication and emotional capabilities and make our sense of fresh and new [1].

Members of the group "Himmelblau" stubbornly working to "overcome the global impact of the surrounding world". In their view, newly created objects and these objects, organized by space must be understood "as a dynamic process" that reinforces human sensations. To convert a meaningful environment using a special kind of psychophysical structures housing, architects create a flexible architectural machines and apparatuses.

This group in 1969 year was created a complex automatic device "Astroballon", which makes electronic Assembly heard and visible beats own heart by using welded to the main cylinder fixtures that flicker to the rhythm of the pulse. "Pulse-vest" connects to the "breathable" space and serves a specially body "feeling of spatial changes» [2]. To this group of machines can be traced and the device "Fin soul", which is based on the fact that facial expressions are fixed by electrodes and affect changes in space Environment.

Created by the same group architectural machine "Villa-Rose" is an intensely act apparatus for "refresh of senses" and invigorate the senses sensation of reality. Device with multiple built-in programs consists of individual variable in form of mobile cells of climate control, reception and processing of information [3]. Auditory and Visual information is perceived by the user on a rotating bed in "breathing" space pulsating change of colors and sounds of programmer is coordinated with the rhythm of breathing.

According to the authors, the shell called "friendly skin" covering a person from all sides, activates of the perception, reinforces of the sense of security and independence. The shell can be packed in helmet-form, from which you then blown out pneumatic "leisure suit". By expanding the costume in the compact space of his soft shell promotes physical relaxation and concentration. All this leads to a complete disconnect from the real environment.

Similar is to the project "the Yellow heart" (Group House-Rucker-co, 1968). Premises made of plastic shell can increase and decrease in the rhythmic patterns of shape changing, through appropriate distribution mechanisms of air units. Project "Pneukosm", built in 1967, this same group, offers the use of a pneumatic residential cells, which joins the spatial structure (on the principle of bulbs) in the city, for psychological human isolation. This allows address a number of a variety of emerging psychological problems.

Theoretical group "Himmelblau" most fully reflected in the project "Sky blue cloud", as an element of a group dynamic organism for the city, which is a meeting place. This object is not only habitable machine because provides a wide range of sensations, having not only physical, but also reduces aggressiveness, satisfies the needs for information and communications. According to the authors, here you can relive the events of the past days and even change their course (for example, you can see the spatial projection of their own sleep, "his smell and Association") [4]. In the project synthesized the capabilities of

modern spatial constructions and communications technology. Together with other avant-garde designers and architects "Himmelblau" suggest to organize specialized industrial workshops producing such apparatus - "the factory of new Environment" [5].

Continuing the direction of creating "machines for living", many projects created by the "Archigram" use the principles of transformation, as elements of furniture and whole buildings. In the project of the architect D. Greene "Living pod" the overlap, place of sleeps, partitions, service mechanisms capsules for three-four people are pneumatic and hidden in the enclosing constructions (control pneumatics and automatic mechanisms).

In another project, architect M. Webb offers application automatically controlled air jets of air from the floor to form a bed or chairs (particularly effective use of such "furniture" for burn patients). This same architect proposed a draft home-suit (project "Kashiki") with all the necessary software, which makes it fundamentally comparable with the suit of astronaut (governance and transformation of houses-clothing occur automatically). Minimized housing also suggested in the project "Suitaloon", which provides for its multifunctional application due to automatic transformation of structural elements [6].

The same decision provided for in the project "Auto-Environment", where containers are designed to provide life (work and leisure) and fitted with appropriate equipment are carried by special machines. They can, with the assistance of hydraulic, pneumatic and mechanical devices be formed both vertically and horizontally. Separate containers are combined with each other, making up a complex spatial system providing multiple-use [7].

The concept of "own Environment" has consistently promoted one of the representatives of the new movement in the Vienna School X. Hollejn. He believes that it is necessary to create not so much how much Environment's new illusion new Environment. Based on this principle, he naturally came to "minimum to manage residential Environment, consisting of tablets and vials with different colored fluids (swallowing any pill, the person experiences a particular complex sensations similar to those that arise in real residential Environment a type)" [8].

As an alternative model of temporary shelter for two people developed a draft "the Bubble" (firm "System of the future", architects J. Kaplicki and D. Nixon, 1983). Its main design provides inflatable spherical shell, the upper part of which is covered with an aluminum layer (to reduce sunlight and for partial obscuration).

The design of the slab keeps on aluminums radial farms and four ropes attached to the ground. Access to housing is carried out on a light metal bridge. Inside the shell provides all necessary facilities (WC, shower) and a relaxation area. Complete darkening of the premises is carried out by rotating and transforming the telescopic mast with an umbrella that is installed at the central volume of the building [9, C. 252].

Discussion

The above "living machines" (objects, disable the person from reality and lead him into the world of illusions, special devices, modifying the perception Environment through impact on the senses and the brain, as well as controlling the psyche and "refreshing" feeling apparatus for "playing the expansion of consciousness", capsules and helmets for listening to yourself electronically) at one time, in terms of common sense, wore a fantastic character. However, these new ideas open boundless opportunities for creativity, and discussed projects indicate the most decisive shifts in this direction.

Conclusion

Despite the fact that the projects were at one time represented in the architectural press, originality and boldness of thought they don't lost relevance and are outstanding examples of the considered problem.

Thus, review of the experience of a utopian design of the last century allows us to identify trends of development and trends, which reflect the focus of creativity of many contemporary architects. He gives a powerful conceptual impetus, allow them to be unchained creative thinking, undermine and overcome the established stereotypes about the contents and forms of architectural objects, which is one of the main tasks of the futurism design.

Список литературы / References

1. Группа «Химмельбляу». Футурология жилья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=101> (дата обращения: 23.01.2017).
2. Проекты «небесно-голубых». Футурология жилья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=103> (дата обращения: 23.01.2017).
3. Архитектурная машина «Вилла-Роза». Футурология жилья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=104> (дата обращения: 23.01.2017).
4. Теоретические установки группы. Футурология жилья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=106> (дата обращения: 23.01.2017).
5. Деятельность «небесно-голубых». Футурология жилья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=108> (дата обращения: 23.01.2017).
6. Аркигрэм // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.archstroi.ru/info/authors/arkigrem/> (дата обращения: 23.01.2017).
7. Становление и развитие творческой концепции группы Аркигрэм [Электронный ресурс]. – URL: <http://septima.net.ua/rus/statii/arhitekturnye-proekty-gruppy-arkhigram> (дата обращения: 23.01.2017).
8. Иллюзия новой среды. Футурология жилья. [Электронный ресурс]. – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=111> (дата обращения: 23.01.2017).
9. Сапрыкина Н.А. Основы динамического формообразования в архитектуре / Н.А. Сапрыкина // М.: Архитектура-С, 2005. – 312 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gruppа Himmelblau. Futurologija gijja. [Group "Himmelblau". Housing futures.] [Electronic resource] – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=101> (accessed: 23.01.2017). [in Russian]
2. Proekty "nebesno-golubych"/ Futurologija gijja. [Projects "sky-blue". Futures housing] [Electronic resource] – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=103> (accessed: 23.01.2017). [in Russian]

3. Architecturnaja maschina Villa-Rosa. Futurologija gilja. [Architectural machine "Villa-Rose". Housing futures.] [Electronic resource] – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=104/> (accessed: 23.01.2017). [in Russian]
4. Teoreticheskie ustanovki gruppy. Futurologija gilja. [Theoretical group. Housing futures.] [Electronic resource] – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=106> (accessed: 23.01.2017). [in Russian]
5. Dejatel'nost' "nebesno-golubych". [Activities of "sky-blue". Housing futures.] [Electronic resource] – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=108> (accessed: 23.01.2017).
6. Archigrem [Archigram] [Electronic resource] – URL: <http://www.archstroi.ru/info/authors/arkigrem/> (accessed: 23.01.2017). [in Russian]
7. Stanovlenie i razvitie tvorcheskoy koncepcii gruppy Archigrem [Formation and development of creative concept group Arkigrem] [Electronic resource] – URL: <http://septima.net.ua/rus/statii/arhitekturnye-proekty-gruppy-arkhigram> (accessed: 23.01.2017). [in Russian]
8. Illusija novoy sredy. Futurologija gilja. [Illusion new Environment. Housing futures.] [Electronic resource] – URL: <http://flat77.ru/future.php?id=111> (accessed: 23.01.2017). [in Russian]
9. Saprykina N.A. Osnovy dinamicheskogo formoobrasovaniya v architecture [Basics dynamic form of education in architecture] / N.A. Saprykina // M.: Architecture-C, 2005. P. 312. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.082>

Сарвут Т.О.¹, Дмитриев Н.С.²

¹ORCID: 0000-0002-4763-1139, старший преподаватель кафедры Архитектуры и градостроительства, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»,

²студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ РАЗЛИЧНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Приведена методика типологического структурирования специальных посёлков Российской Арктики с учетом интенсификации разработки месторождений полезных ископаемых, охраны государственных границ и развития туристского кластера. Поднимается проблема проектирования на принципах дифференциации градостроительных приемов в зависимости от медико-географических условий Арктического региона и внедрение их в практику. Анализируется опыт проектирования и строительства в схожих экстремальных условиях Антарктиды на примере развития бельгийской станции. Предлагается применение адекватных конструкционных и теплоизоляционных материалов на основе конкретных свойств.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, особые климатические условия Российской Арктики, Halley, автономный климат.

Sarvut T.O.¹, Dmitriev N.S.²

¹ORCID: 0000-0002-4763-1139, Senior Lecturer at the Department of Architecture and Urban Development, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

²student, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering"

MAIN FEATURES OF DESIGNING OBJECTS OF DIFFERENT PURPOSE IN CONDITIONS OF ARCTIC ZONE OF RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The articles provides the methodology of typological structuring of special settlements of the Russian Arctic with regard to the intensification of mineral deposits development, protection of state borders and the development of a tourist cluster. The problem of designing based on the principles of differentiation of town planning techniques is raised in the paper depending on the medical and geographical conditions of the Arctic region. Their implementation into practice is discussed. The experience of designing and building in similar extreme conditions of Antarctica is analyzed on the example of a Belgian station development. The article suggests the use of adequate structural and thermal insulation materials based on specific properties.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, special climatic conditions of the Russian Arctic, Halley, autonomous climate.

Концепция активного освоения Арктической зоны Российской Федерации предусматривает обширные перспективы деятельности. Основные направления: интенсификация промышленной разработки месторождений полезных ископаемых, модернизация и переоснащение военно-морских баз, продвижение российской Арктики как перспективного туристического направления. «План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» содержит 80 пунктов, за большинством из которых стоит задача проектирования и строительства соответствующих объектов [1]. И в экстремальных условиях Севера остро встает вопрос обеспечения благоприятных условий деятельности и жизни. На проектировщиках лежит ответственная задача формирования архитектурной среды, обеспечивающей нужды общества, государства, человека [2, С. 443], адекватной уровню современных технологий и социальных запросов.

Анализируя Стратегию развития АЗ РФ, нужно учитывать распространение различных видов деятельности, локализующихся не в городах, а в небольших поселениях. В общем, возможна следующая типология поселений по функциональному признаку: транспортная база, аварийно-спасательная база МЧС (МЧС), военная база, база топливно-энергетического комплекса (ТЭК), рабочий поселок промышленного производства, научная база, туристическая база.

Каждый из типов характеризуется основным (общим для всех) и индивидуальным набором компонентов. По численности населения базы можно делить на 2 группы: многочисленные (до 3,5 тысяч человек) и малочисленные (от 12 чел.). Учитывая возможность деятельности в течение года, образуются группы круглогодичного и сезонного действия. Транспортные объекты, в возможной перспективе постоянного использования Северного морского пути, вероятно, следует относить к первой группе. Объекты стратегического назначения (военные базы), объекты ТЭК и промышленного производства – круглогодичного действия и самые многочисленные. Объекты туризма и науки – сезонного действия и малочисленные. К базам с минимальным контингентом относятся объекты сезонного характера – туристические (туристские) и научные базы.

Основной набор компонентов содержит: блок жизнеобеспечения, жилой блок, блок питания, больничный блок, блок охраны [3]. Для сезонного объекта необходимо наличие минимального континента поддержания систем. Индивидуальный набор компонентов формируется в зависимости от специализации объекта.

За время присутствия СССР в Арктике созданные объекты не отличались разнообразием – бараки и избы. После тридцатилетнего перерыва интенсивно стали застраиваться объекты стратегического назначения характерными типами зданий. Типология, по сравнению с СССР, расширена. Военные базы проектируются как комплекс, состоящий из основного сложного в плане здания, включающего в себя основные функции (офисы, жилье, медпомощь и т.д.), и отдельно стоящие объекты специального назначения («Звезда», «Арктический трилистник»). Реконструкция нефтедобывающих платформ предполагает их приспособление под тот или иной вид деятельности с соответствующей типологией [4].

Привлечение людских ресурсов к реализации обширных задач возрождения активного присутствия Российской Федерации в Арктической зоне возможно, во многом, на основе вахтовой миграции. Вахтовый метод – ротация рабочих и служащих – наиболее вероятный способ реализации арктической стратегии.

Один из принципов дифференциации градостроительных приемов в зависимости от медико-географических условий Арктического региона необходимо создание поселений с автономным климатом, высоким уровнем комфорта для проживания людей, специально отобранных для работы в таких условиях [5]. И, если в северном полушарии подобные проекты пока не построены, то в южном – в Антарктиде – они успешно реализованы. Экстремальные условия обоих полюсов – отличный полигон для проявления достижений научной и технологической мысли.

Можно считать уникальным проект английской станции Halley с момента основания в 1958 году и до наших дней, каждая из которых была заброшена или снесена (кроме последней).

Halley I – 1958 г. – деревянный дом,

Halley II – 1967 г. – несколько деревянных домов с усиленными конструкциями крыш с учетом массы снега,

Halley III – 1973 г. – станция размещается внутри стальных труб ARMCO, засыпана 15-метровым слоем снега,

Halley IV – 1983 г. – 9-метровые армированные ангары, внутри которых были здания станции, специально планировались для нахождения под снегом,

Halley V – 1989 г. – 2-этажные здания станции построили на стальных платформах, ежегодно поднимали выше, некоторые установлены на сваях,

Halley VI – 1213 г. – «станция космической эры» - 8 модулей могут быть перемещены на салазках на новое место дислокации.

История станции уникальна с точки зрения разнообразия реализованных идей для конкретного объекта. В каждом новом проекте станции учитывались достоинства и недостатки предыдущей.

Использованы решения: традиционное (деревянное здание), аэродинамическое (стальные трубы), размещение под землей (снегом), размещение на земле (снегу) на плите, размещено над землей (снегом) – «подвижной состав» на салазках.

С 2013г. прошло немного времени, но конструкция себя оправдала: уже сейчас требуется «переезд» станции на новое место дислокации из-за образовавшейся многокилометровой трещины на ледяном шельфе.

В проекте Halley VI использованы новые приемы динамической архитектуры – здание можно перемещать. А в проекте бельгийской станции Princess Elisabeth Antartica (2009 г.) применены эко-материалы, независимые источники энергии, оптимизированы ее потребление («zero emission station» - станция с нулевым выбросом) и предусмотрена утилизация отходов.

Пример станции Halley наглядно демонстрирует применение разных конструкционных и отделочных материалов.

Для строительства зданий и сооружений в условиях Крайнего севера необходимы материалы и изделия, предполагающие удобную их транспортировку к месту возведения и быстрый монтаж. Поэтому материалы для монолитного бетонирования основе вяжущих веществ с водным затворителем (бетоны и растворы), которым необходимо определенное время для образования твердой структуры из жидкой смеси здесь не подойдут, т.к. необходимы сложные мероприятия, связанные с прогревом бетонного массива.

Среди теплоизоляционных материалов для применения в условиях крайнего севера есть материалы волокнистой (минеральная вата) и ячеистой структуры (пенопласты, пеностекло и ячеистые бетоны).

Таблица 1 – Сравнение теплоизоляционных материалов

Материал	Минеральная вата	Экструдированный пенополистирол	Пеностекло	Пенобетон
Плотность, кг/м ³	50	30	100	200
Срок службы не менее, лет	50	50	100	-
Теплопроводность, Вт/м·С	0,04	0,032	0,04	0,05
Коэффициент паропроницаемости мг/(м·ч·Па)	0,3	0,03	-	-

Из материалов, перечисленных в таблице 1, наилучшими теплоизолирующими свойствами обладает экструдированный пенополистирол. В отличие от минеральной ваты у него почти полностью закрытая пористость, соответственно, он не теряет теплоизолирующих свойств при контакте с водой или увлажнении. Он также не деформируется при действии механических нагрузок, что не характерно для минеральной ваты. Технология производства не такая сложная и энергозатратная, как у пеностекла. Вес изделий из экструдированного пенополистирола более чем в 10 раз меньше, чем изделий из ячеистых бетонов. Однако, класс горючести у данного материала Г4 (горит, плавится), поэтому необходимо выбирать изделия с повышенной огнестойкостью (например, с антипиренами) и самозатухающие, не поддерживающие горение. Соответственно, не рекомендуется сочетать изделия из экструзионного пенополистирола с изделиями и конструкциями из древесины и других материалов, горение которых достаточно продолжительно. Таким образом, целесообразно использовать в качестве теплоизоляционного материала экструзионный пенополистирол, а в качестве конструкционного – сталь.

Особые приемы проектирования, применение определенных строительных материалов – это далеко не весь спектр факторов, учет которых необходим в Арктике. Короткий период вегетации, медленный режим восстановления после механических и иных воздействий требует иного подхода к организации и производству строительных работ, а также к режиму эксплуатации [6].

Список литературы / References

1. Госкомиссия по развитию Арктики. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.arctic.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2017).
2. Ильвицкая С.В. Этапы развития архитектуры и природы как единой системы / С.В. Ильвицкая, И.А. Поляков // Естественные и технические науки. – 2014. – № 11-12 (78). – С. 443-444.
3. Саркисова И.С. Проектная концепция формирования структуры специальных островных посёлков российской Арктики / И.С. Саркисова, Т.О. Сарвут // Архитектура и строительство России. – 2015. – №11– 12. – С.42–49.
4. Дуничкин И.В. Реновация и реконструкция морских нефтедобывающих платформ в центр повышения биоразнообразия и очистки акватории / И.В. Дуничкин, Т.В. Григорян // Научное обозрение. – 2015. – №14. – С.29–32.
5. Путинцев Э.П. Комплексная концепция северного градостроительства: Северное градостроительство в I климатическом районе: автореферат дис. ... доктора архитектуры: 18.00.04 / Путинцев Эдуард Петрович. – М., 2005. 65 с.
6. Dunichkin I. V., Kalashnikov P. K. Accounting for climate and typology of reuse of offshore structures with a change of function // Applied Mechanics and Materials . Vols . 713-715 (2015) pp. 205-208.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Goskomissija po razvitiyu Arktiki [State Commission on Arctic Development] [Digital resource].-URL: <https://www.arctic.gov.ru/> (accessed: 20/03/2017). [in Russian]
2. Il'vickaja S.V. Jetapy razvitiya arhitektury i prirody kak edinoj sistemy [The development of architecture and nature as a indivisible system]/ S.V. Il'vickaja, I.A. Poljakov // Estestvennye i tehicheskie nauki [Natural and technical sciences]. – 2014. – № 11-12 (78). – P. 443-444. [in Russian]
3. Sarkisova I.S. Proektnaja koncepcija formirovanija struktury special'nyh ostrovnyh posjolkov rossijskoj Arktiki [Project concept for formation of the structure of special island settlements in the Russian Arctic]/ I.S. Sarkisova, T.O. Sarvut // Arhitektura i stroitel'stvo Rossii [Architecture and construction Russia] – 2015. – №11.– 12. – P.42–49. [in Russian]
4. Dunichkin I. V. Renovacija i rekonstrukcija morskih nefteobvayushhih platform v centr povyshenija bioraznoobrazija i ochistki akvatorii [Renovation and reconstruction of sea oil-extracting platforms in the center of increase in a biodiversity and cleaning of the water area] /I.V. Dunichkin, T.V. Grigorjan // Nauchnoe obozrenie [Science Review]. – 2015. – №14 – P.29–32. [in Russian]
5. Putincev J.P. Kompleksnaja koncepcija severnogo gradostroitel'stva: Severnoe gradostroitel'stvo v I klimaticheskom rajone [Complex concept of northern town planning / I climatic region of the country]: abstract dis. ... of PhD in Architecture.: defense of the thesis 18.00.04 / Putincev Jeduard Petrovich – М., 2005. 65 p. [in Russian]
6. Dunichkin I. V., Kalashnikov P. K. Accounting for climate and typology of reuse of offshore structures with a change of function/ I. V. Dunichkin, P. K. Kalashnikov // Applied Mechanics and Materials - 2016 . - Vols . 713-715 (2015) – P. 205-208.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTSDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.036>

Костко О.Ю.

Доцент, Тюменский индустриальный университет

БИДЕРМАЙЕР. К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ «БИЛЬДЕРУР»**Аннотация**

В данной статье рассматривается характерный для эпохи бидермайера предмет: музыкальная картина - часы, именуемая дословно «бильдерур». До сих пор нет единого названия для группы данных вещей, как нет фундаментальных научных исследований, им посвященных. Цель данной публикации - доказать, что к их исполнению привлекались не только художники второго плана, но и высокопрофессиональные мастера, такие как известный русский художник - пейзажист эпохи романтизма Григорий Чернецов, следовательно «бильдерур» напрасно отказано в художественных качествах.

Ключевые слова: Бильдерур, стиль бидермайер, Григорий Чернецов, «Мост Фердинанда в Вене», ведута, время, искусство.

Kostko O.J.

Associate Professor, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

BIEDERMEIER. TO THE QUESTION OF BILDERUHR PHENOMENON**Abstract**

The following article studies the object common for the Biedermeier era: A musical painting-clock called "bilderuhr." Until now, there is no name for the group of these things, as there are no fundamental scientific studies dedicated to them. The purpose of this publication is to prove that both middle ground artists and highly professional masters, for example, such well-known Russian artist and landscape painter of the Romantic era as Grigory Chernetsov, were involved in their performance, hence "bilderuhr" is denied artistic merit for no reason at all.

Keywords: bilderuhr, Biedermeier style, Grigory Chernetsov, "Ferdinand Bridge in Vienna," veduta, time, art.

В эпоху бидермайера развивается особая отрасль часового производства, которую в Австрии именуют «Rahmenuhr» и «Bilderuhr», как и в Германии, в России – «бидермейеровской музыкальной картиной» [1, С. 357], в Венгрии - «часы в раме». Часы, спрятанные в картине, появились в эпоху бидермайера (1815-1848) в австрийском искусстве не впервые, известны образцы, датируемые 1780 годом, но именно бидермайер их распространил. Обычно «бильдерур» изображали пейзажные виды городов, популярных мест отдыха со стаффажем, интерьеры, где часы располагались в удобном по сюжету месте. Бытовали и откровенные «курьезы»: «Обезьяний оркестр» из усадьбы Золотаревых (Объединенный Калужский музей) в духе знаменитых мейсенских фигурок, по мнению исследователей выполненный как пародия на теорию эволюции Чарльза Дарвина в парижской мастерской 2-ой половины XIX века. Механизм с музыкой или другими звуковыми эффектами был довольно увесистым, поэтому живопись наносилась на металлическую основу, за которой скрывалась вся рабочая часть, поэтому глубина рамы тоже была основательной. Медная или железная пластина при работе требовала от художника хорошей технологической подготовки. Что касается сюжетов, чаще всего использовались популярные видовые гравюры, где автор корректировал композицию, исходя из расположения и размеров циферблата. В фондах Тюменского областного музея изобразительных искусств хранится произведение «Мост Фердинанда в Вене» кисти Григория Чернецова, подписанное и датированное автором: - «Ferdinand Brucke in Wien G Tschernetzoff 1840». [2, С. 199].

Рис. 1 – Г. Чернецов «Мост Фердинанда в Вене». 1840

Путешествие в Италию через Австрию и ее столицу - Вену вдохновило художника на «бильдерур» в стиле Карла Людвиг Хоффмайстера, работу, выставленную в экспозиции Венского музея часов. Она была создана в 1828 году и называется «Bilderuhr mit Ansicht des defestigten Wien vom Donaukanal».

Рис. 2 – К.Л. Хоффмайстер «Вид на венские валы с Дунайского канала». 1828

Вид укреплений по линии дуайского канала венчает шпиль собора Святого Стефана, куда и вписан циферблат, чуть превышающий размеры и не совсем точно попадающий в ракурс перспективы, при всем мастерстве исполнения у того и другого мастера. «Мост Фердинанда в Вене» не является точной копией венского оригинала. Художник приближает к зрителю передний план, крепостной вал занимает почти весь левый угол. На него перемещается группа из 4-х человек, находящаяся в правом нижнем углу у Хоффмайстера, при этом дама желтом платье учтиво посажена, тогда как мужчина продолжает стоять в том же ракурсе, как и в работе австрийского живописца. Возможно, что лица, которые теперь можно рассмотреть детально, приобретают портретные черты. А кавалькада, проезжающая через мост, остается у мастера почти без изменений. Точка зрения художника перемещена с правого на левый берег, но соотношение значимости часов, их размера и на общем поле картины практически не нарушено. Обе ведуты на сегодняшний день имеют статус важного «документа», поскольку в результате реконструкции исторического центра Вены во 2-ой половине XIX века мост Фердинанда был снесен. То, что казалось ранее малосодержательным стилем без имен и шедевров, сегодня трактуется как историческое, этнографическое и даже философское произведение, обладающее, как минимум, научной ценностью факта. Литература и изобразительное искусство с 1830-х годов, как в Австрии и Германии, и в России, охотно обращается к описанию городских видов и типов, обитающих на этих пространствах, что позволяет проводить сюжетные и смысловые аналогии, и часто сами художники прибегают к литературным комментариям живописных изображений - в стихах, прозе, пословицах, куплетах – почти оперетта в лучших венских традициях. Протокольная точность заменяет мастерам бидермайера манеру, пейзаж носит этнографический оттенок, как и большинство видов, которые встречаются в живописи и графике данной эпохи и напоминает о точности старых географических карт Голландии и немецких видовых гравюрах.

Будучи посторонним учеником Академии, Чернецов, привезенный Свиным в Петербург в 1819 году, занимался у мариниста Максима Воробьева. От учителя он и научился представлять городской пейзаж, как синтез архитектуры, природного ландшафта и жанра, однако романтизм в его работах носил уже остаточный характер. Посещение Вены, впечатления о ней, стали для Чернецова не просто новым сюжетом, но и качественно новым живописным опытом по совмещению часов, музыкального механизма и живописи на металле, в отличие от традиционной станковой картины. Что касается стилистики, бидермайер был близок Григорию Чернецову, как последователю Франца Крюгера, в духе которого он исполнял императорские заказы согласно должности. В официальные обязанности художника «Кабинета Его Величества» Николая I входило изображение парадных или официальных событий, но, кажется, и в путешествии он не расслабляется, остается скрупулезным и педантично точным.

Циферблат и механизм на картине Чернецова, к сожалению, утрачены, часы просто дорисованы при реставрации с соблюдением размера. Пусть данная «бильдерур» - слишком явная цитата, она, как и прототип кисти Хоффмайстера, красноречиво выражает общие стилевые устремления эпохи.

«Порядок восприятия, расстояние и дистанция, позиция наблюдателя формирует не только композицию и перспективные построения планов, но и символизирует гармонию в мире неких установленных границ, порядок развития смысловых наслоений. Конкретная изобразительность места, где пространственные слои создают ощущение незыблемости и порядка, делают мост «сердцевиной» картины - как опыта воссоединения разных берегов и людей. Пространство стабильно, неподвижно, а время – идет, причем в самом прямом смысле. Здесь все пропитано «искусственной естественностью», как и соседство новых и старых построек в городской среде. Скорость экипажей и

карет соотносится со скоростью и ритмом передвижения пешеходов. Это продолжение опыта «обманок» и предчувствие коллажей начала XX века. Приметы времени развиваются в пространстве – стиль построек, костюмы, присутствие карет: Вена эпохи бидермайера уже походила на «всеевропейский город». Образ «доброй старой Вены» заботливо подстраивается под новые идеалы, как старый крепостной вал в местечко для прогулок [3, С.121].

Такой предмет, как «бильдерур», где сочетание слов говорит о гибриде изобразительного и прикладного искусства, важен для понимания стиля бидермайера, который совмещает удобство, комфорт и красоту. Отсутствие фамильных портретных галерей в мещанской среде восполняло дефицит высокого искусства с помощью подобных «гибридов», не лишенных полезности. Идеальная вещь обязана сочетать искусство и практическую пользу: живопись – улаживать взор и оживлять память, музыка – радовать слух и напоминать о времени, часы – служить точности отсчета и наводить на мысли в духе «ванитас». Именно такими качествами, воссоединенными вместе в целостный организм, обладает музыкальная картина. Период существования подобных работ был очень недолгим, примерно четверть века, хронологически он совпадает с бидермайером. Сложные дорогостоящие механические «курьезы» вытеснили удобные небольшие хронометры, находящиеся всегда под рукой, а в интерьерах поселились часы, для которых предлагались подчасники – футляры в стиле историзма.

Список литературы / References

1. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Собрание живописи Германия, Австрия, Швейцария XV – XX века. М. - 2009 – 480 с.
2. Русская живопись XVIII - начала XX века. Тюменский музей изобразительных искусств. Каталог. Тюмень. - 2001- 268с.
3. Костко О. Ю. Предметная среда эпохи бидермайера. Пространство и смыслы (на примере картины Г. Чернецова «Мост Фердинанда в Вене») //Актуальные проблемы строительства, экологии и энергосбережения в условиях Западной Сибири. Тюмень. - 2014 - С.118-124.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gosudarstvenniy muzey izobrazitelnykh isskustv im. A.S. Pushkina. Sobraniye zhivopisi. Germaniya, Avstriya, Shveytsariya XV – XX veka. [State Museum of Fine Arts. Aleksandr Pushkin. Collection of Paintings in Germany, Austria, Switzerland XV - XX Century] M. - 2009 - 480 p. [In Russian]
2. Russkaya zhivopis XVIII – nachala XX veka. Tumenskiy muzey izobrazitelnykh isskustv. Katalog [Russian Painting of XVIII - Early XX Century. Tyumen Museum of Fine Arts. Catalogue] Tyumen. - 2001- 268p. [In Russian]
3. Kostko O. Y. Predmetnaya sreda epokhi bidermayera. Prostranstvo i smysly (na primere kartiny G. Chernetsova "Most Ferdinanda v Vene") [Object Environment during Biedermeier Era. Space and Meanings (on the example of G. Chernetsov's painting "Ferdinand Bridge in Vienna")] // Aktualnye problemy stroitelstva, ekologii i energosberezheniya v usloviyakh Zapadnoy Sibiri [Current Problems of Construction, Ecology and Energy Saving in Western Siberia] Tyumen. - 2014 - P.118-124. [In Russian].

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.069>

Плетнёва Е.В.

Кандидат искусствоведения,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова»

ПЕСНОПЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ОКТОИХА В СТУДИЙСКО-АЛЕКСИЕВСКОМ УСТАВЕ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования Студийско-Алексиевского Устава XII века по списку ГИМ. Син. 330 как источника сведений о репертуаре песнопений древнерусского Октоиха и способах их исполнения. Благодаря Уставу, в котором присутствуют инципиты и полные тексты песнопений, удалось атрибутировать 72 песнопения Октоиха без учета стихирных и тропарных моделей. В качестве справочников по атрибуции привлекались списки Октоиха Изборного конца XIII–XV веков. В итоге выявлены песнопения разных жанров (стихиры, каноны и различные виды тропарей), часть которых имеет специальные исполнительские указания – ремарки «петь», «слагать».

Ключевые слова: древнерусский Октоих, Студийско-Алексиевский Устав, исполнительские ремарки, стихира, тропарь, канон.

Pletneva E.V.

PhD in Arts,

State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training,
"St. Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimskiy-Korsakov"

CHANTS OF THE ANCIENT OKTOECHOS IN THE STUDIO-ALEKSYEVSKY STATUTE

Abstract

The paper presents the results of a study of the Studio-Alexievsky Statute of the 12th century according to the list of the GIM. Syn. 330 as a source of information about the repertoire of the chants of the Old Russian Oktoechos and the ways of their performing. The Statute, containing the incipits and full texts of hymns, allowed to attribute 72 hymns of the Oktoechos without taking into account sticheron and troper models. The lists of Oktoechos Izbranniy (the end of the XIII-XV centuries) were used as the lists of attribution. As a result there were revealed hymns of different genres (sticheron, canons and various kinds of troper), some of which had special performing instructions - the "sing" and "say" remarks.

Keywords: Old Russian oktoechos, Studio-Alexievsky statute, performance remarks, sticheron, troper, canon.

Студийско-Алексиевский Типикон XII века из Синодального собрания Государственного исторического музея №330 (в дальнейшем изложении – Устав), как наиболее полный древний список, неоднократно привлекал внимание ученых в качестве источника сведений о раннем русском Октоихе, памятники которого, по неизвестным причинам, не сохранились. Октоих считается единственной певческой книгой, постоянно упоминаемой в Уставе [1, С. 102]. Благодаря трудам исследователей, был реконструирован жанровый состав, определено количество текстов Октоиха применительно к каждому жанру, выстроен порядок следования песнопений Октоиха в службах [2, с. 40-46], установлено количество канонов [3, С. 97-98], выявлен корпус стихирных и тропарных моделей [4, С. 60-61]. Также была предпринята попытка восстановления репертуара Октоиха на материале избранных седальнов, функционирующих в качестве праздничных тропарей в службах Триодно-Минейного круга [2, С. 116].

Публикация рукописи Устава [5, С. 233-420] позволяет проводить детальное изучение его содержания, направленное на выявление текстов Октоиха и возможных способов их исполнения. Отметим, что обе уставные части (богослужбная и дисциплинарная) являются ценным материалом, освещающим музыкальную сторону древнерусского Октоиха в эпоху, от которой до нас дошли только отдельные фрагменты одного вида этой книги – Параклитика. Таким образом, данные Устава способствуют формированию нашего представления об утраченном репертуаре Октоиха.

Сложность работы с текстом Устава состоит в отсутствии единой системы фиксации песнопений и отсылок к певческим книгам. Исчерпывающие сведения с указанием функции песнопения, способа его исполнения, жанра, тематики, гласа, инципита или целого текста и принадлежности певческой книге встречаются редко: *«поютъ же ся въ тѣ день въздвиженія. по първой. кафизме. седален. въ октаице глас. с. Днесъ пророческое събытся слово»* (Устав, л. 76-76 об.).

Выделим два способа экспонирования материала Октоиха, которые связаны с фиксацией конкретных песнопений. 1. Отмечена и певческая книга, и песнопение: *«седален. въ октаице. апостолска. глас. с. Яко посреде ученик приде спасе»* (Устав, л. 44 об.). 2. Отмечено только песнопение: *«на оутрѣни. по псалмехъ. поетъ ся. богъ господь (...) и богородичен. отъ века утаенное»* (Устав, л. 64 об.). Как правило, инципиту сопутствует указание жанра и/или тематического содержания песнопения («стихира воскресна», «богородичен» и др.), что является косвенной отсылкой к книге Октоих. Так представлены многие песнопения, в том числе стихирные и тропарные модели: *«глас а. подобенъ Небеснымъ чиномъ»* (Устав, л. 70), которые в статье не рассматриваются.

Для подтверждения принадлежности песнопений Октоиху была произведена их атрибуция по отношению к Октоиху Изборному, как наиболее архаичному источнику, содержащему сведения об октаичных стихирах и тропарях. На материале списков конца XIII–XV веков РНБ. Соф. 122, 123, 126, 163/2; РГАДА. Ф. 381. №75 рассматривались песнопения разделов «седальны воскресны» и «стихиры воскресны». «Стихиры молебны» не привлекались, т.к. они в Уставе не упоминаются [2, С. 99].

В итоге в Уставе было выявлено 72 песнопения Октоиха без учета моделей. Это 2 заупокойных канона; 16 стихир (воскресные, крестные, заупокойные и богородичные); 54 тропаря – седальны, тропари, ипакои, кондаки разной тематики (воскресные, покаянные, крестные, апостольские, мученичные, заупокойные, богородичные). Из всех исполнительских ремарок Устава по отношению к Октоиху употребляются только две – *петь* и *глаголатъ* [4, С. 62-67], при этом прослеживается явная приоритетность «певческой» ремарки.

Репертуар Октоиха в Уставе представлен ниже следующим образом: песнопения сгруппированы в порядке осмогласия, отсутствующие в Уставе указания на гласы восстановлены, уставная информация дополнена сведениями Октоиха (в квадратных скобках), способ исполнения отражен буквенными сокращениями: П (*петь*) и Г (*глаголатъ*).

Глас	ПЕСНОПЕНИЕ ОКТОИХА	ИСПОЛНЕНИЕ	ЖАНР. ТЕМАТИКА
1	Боголепное твое съхождение	П	Стихира воскресная
	Гаврилоу провещавъшю	П	Богородичен [тропарь]
	Гробъ твой христе	П	Седален воскресный
	Девичьское тържество		Богородичен [стихира]
	Жены придоша на гроб	П	Седален воскресный
	Камени знаменанюу	П / Г	Тропарь [воскресный]
	Креста твоего древоу	П	Тропарь [крестный]
	Мать ты божию		Тропарь [богородичный]
	Обятия отча		Тропарь [покаянный]
	Спаси господи люди своя	П	Тропарь [крестный]
	Цесарь небесный	П	Стихира [богородичная]
2	Благообразный иосифъ	П	Тропарь [крестный]
	Живящий крестъ твоя благи		Тропарь [крестный]
	Мати святая		Тропарь [богородичный]
	Мироносицамъ женамъ	П	Седален воскресный
	Непроходима двери	Г	Богородичен [стихира]
	О великаго таинства		Богородичен [стихира]

	Помяни господи яко благъ	П	Тропарь [заупокойный]
	Пречистоумоу ти образу покланяемся благыи	П	Тропарь [крестный]
	Преблагословена еси	П	Богородичен [тропарь]
	Спасение съдея посреде		Седален [крестный]
	Твердыя и богогласныя		Кондак [апостольский]
	Яко же явился христе		Стихира [воскресная]
3	Въскрьсь из гроба		Тропарь [воскресный]
	Да веселять ся небесная	П Г	Тропарь воскресный
	Дньсь спасение вьсего мира		Тропарь [воскресный]
	Тебе исходатающу	П Г	Богородичен [тропарь]
4	Варивъше оутро	П	Ипакои [воскресный]
	Възнесиися на крестъ		Кондак [крестный]
	Иже апостоломъ първопрестольници		Тропарь [апостольский]
	Къ богородици прилежно		Тропарь [богородичный]
	Мученици твои		Тропарь [мученичный]
	Мученикъ твоихъ		Тропарь [мученичный]
	От века оутаеное	П	Богородичен [тропарь]
	Оубогая душа		Тропарь [покаянный]
	Светлоую въскресения	П	Тропарь воскресный
5	Господи якоже изиде	П	Стихира воскресная
	Покой спасе		Седален «за покой»
	Събезначальное слово	Г	Тропарь воскресный
6	Ангелскыя силы на гробе		Тропарь воскресный
	Богородице дево моли сына		Богородичен воскресный [тропарь]
	Въистиноу суета всяческая		Седален «за мертва»
	Въ оудоле плачевьне		Седален «покаян»
	Дньсь пророческое	П	Седален [крестный]
	Достоино есть яко въистиноу	П Г	Богородичен [стихира]
	Едино въдрожися древо	П	Седален [крестный]
	Крестъ твои Господи освяти ся	П	Седален [крестный]
	Милосърдия источникъ		Тропарь [богородичный]
	Начяткъ ми и състав		Стихира «за покой»
	Оученикъ твоих		Седален воскресен [апостольский]
	Помышляю день онъ страшнь		Седален, тропарь [заупокойный]
	Придете вси языци		Богородичен [стихира]
	Яко посреде оученик приде спасе	П	Седален апостолам
	Яко по суху		Канон «въ октаице» в заупокойной службе субботы мясопустной
7	Знаменаноу гробоу	П	Тропарь [воскресный]
	Оуже пламенное оружие	П	Кондак [воскресный]
	Плодь чрева твоего		Богородичен [тропарь]
	Церкы въпиеть ти	П	Тропарь [крестный]
	Бещисмене боудет	П	Стихира [заупокойная]
	Вознесе ся на крестъ	П	Стихира крестная
8	Възбраньноумоу воеводе		Кондак [богородичный]
	Глоубинами моудрости	П	Тропарь [заупокойный]
	Егда насажение креста твоего	П	Стихира крестная
	Иже въ едеме раи древле	П	Стихира крестная
	Мосеова палица	П	Стихира крестная
	Окъмъ милосердымъ		Тропарь [покаянный]
	О тебе радуется		Богородичен [тропарь]
	Плачю ся и рыдаю	Г	Стихира «за мертвыя»
	Рожися насъ ради		Тропарь богородичный
	Съмъртию съмърти Христове		Канон «за мертвыя»
	Съ святыми покои	П	Кондак, тропарь [заупокойный]
	Яко начятки естества		Кондак [мученичный]

Список литературы / References

1. Заболотная Н. Древнерусские певческие рукописи Студийской эпохи в их отношении к богослужебному уставу // Византия и Восточная Европа. Литургические и музыкальные связи. Гимнология. Выпуск 4. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 100–115.
2. Крашенинникова О.А. Древнерусский Октоих XII–XIV веков как памятник средневековой гимнографии : дис. ... канд. филологических наук : 10.01.01 / Крашенинникова Ольга Александровна; [Место защиты: Институт мировой литературы имени А. М. Горького]. – Москва, 1996. – 213 с.

3. Лозовая И. Е. Древнерусский нотированный Параклит XII века: Византийские источники и типология древнерусских списков. – М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2009. – 156 с., ил.
4. Плетнева Е.В. Певческая книга «Октоих» в древнерусской традиции (по рукописям XI-XV веков) : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02 : защищена 25.02.08 : утверждена 19.09.08 : / Плетнева Екатерина Васильевна; [Место защиты: Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова]. – СПб., 2008. – 458 с.
5. Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2001. – 431 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zabolotnaya N. Drevnerusskie pevcheskie rukopisi Studiiskoj epohi v ih odnoschenii k bogoslužebnomu ustavu [Ancient Russian Chant Books and Stoudios Typikon] / N. Zabolotnaya // Vizantija i Vostochnaja Evropa. Liturgicheskie i muzikalnye svjazi. Gimnologia. Vipusk 4. [Byzantium and East Europe. Liturgical and Musical links. Hymnology. Vol. 4]. – М.: Progress-Traditsia, 2003. – P. 100–115. [in Russian]
2. Krascheninnikova O.A. Drevnerusskij Oktoih 12-14 vekov kak pamjatnik slavjanskoj gimnografii [Early Russian Octoechos of the 12-14th Centuries as a Ancient Monuments of Middle Ages Hymnography] : dis. ... of PhD in Philology : 10.01.01 / Krascheninnikova Olga Alexandrovna; [Place of defence: Institute of World Literature named by A. M. Gorky]. – Moscow, 1996. – 213 p. [in Russian]
3. Lozovaya I. E. Drevnerusskij notirovannij Paraklit 12 veka: Vizantijskie istochniki i tipologija drevnerusskikh spisikov [The Early Russian Parakletik of the 12th Century: Byzantine Sources and Typology of Ancient Russian Manuscripts] / I. E. Lozovaya. – М.: Nauchno-izdatelskij tsentr «Moskovskaja konservatorija», 2009. – 156 p. [in Russian]
4. Pletneva E.V. Pevcheskaja kniga «Oktoih» v drevnerusskoj traditsii (po rukopisjam 11-15 vekov) [The Chant-book «Octoechos» in the Early-Russian Tradition (on Manuscripts of the 11-15th centuries)] : dis. ... of PhD in Arts : 17.00.02 : defence of the thesis 25.02.08 : approved 19.09.08 / Pletneva Ekaterina Vasilievna; [Place of defence: Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory]. Saint-Petersburg, 2008. – 458 p. [in Russian]
5. Pentkovskiy A.M. Tipikon patriarha Aleksija Stoudita v Byzantii i na Rusi [The Typikon of Patriarch Alexios Stoudites in Byzantium and Russia]. – М.: Izdatelstvo Moskovskoi patriarii, 2001. – 431 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.068>

Плетнёва Е.В.

Кандидат искусствоведения,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова»

ПОМЕТА «ЗЕЛА» В ДВОЗНАМЕННЫХ ПРАЗДНИКАХ РГБ. ТСЛ. №450

Аннотация

Статья посвящена изучению функционирования одной из ранних помет – пометы «зела» в древнерусских двознаменниках, сочетающих две строки нотации – знаменную и киевскую. Материалом исследования послужил широко известный список певческой книги Праздники из собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки №450. Неоднократное использование пометы «зела» в одном, устойчивом значении – редакторской или корректорской отметки, указывающей на ошибку писца, – можно признать особенностью данного памятника.

Ключевые слова: певческая книга Праздники, двознаменники, знаменная нотация, помета «зела».

Pletneva E.V.

PhD in Arts,

State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training, "St. Petersburg State Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov"

"ZELA" POSTIL IN DIVINE HOLIDAYS RGB. TSL. №450

Abstract

The paper is devoted to the study of the functioning of one of the earliest "zela" postils in the Old Russian divines, combining two lines of notation - the "Flag" and the "Kiev" one. The material of the study is the well-known list of chant book of Holidays from the collection of the Troitse-Sergiyeva Lavra of the Russian State Library No. 450. The repeated use of "zela" postil in one, stable meaning (editor's or corrector's mark, indicating the scribe's error) can be regarded as a feature of this monument.

Keywords: chant book, Holidays, divine holidays, znamennaya notation, "zela" postil.

Помета *зела*, название и начертание которой происходит от буквы церковнославянской азбуки *з* «зело», встречается в древнерусских певческих рукописях и теоретических руководствах, связанных со знаменной нотацией. Особенность пометы состоит в том, что она употребляется редко, имеет особое значение (не относится к степенным или указательным пометам) и может выполнять разную функцию.

Исследователи определили, что временной ареал действия пометы *зела* охватывает весь XVII век. Она выявлена в авторских теоретических руководствах – списках «Указа о подметках» [1, С.105; 2, С. 106-107] и рядовых фитниках [3, С. 61]. Помета присутствует в певческих рукописях со знаменной нотацией, созданных на протяжении XVII века, но не встречается в старообрядческих источниках [4, С. 133-135, 137-138]. Что касается двознаменников, сочетающих знаменную пометную нотацию и киевскую квадратную ноту, то в списках теоретического руководства «Ключ

разумения» Тихона Макарьевского помета *зела* используется неоднократно. Например, РГБ. Ф. 379. №2 (л. 26 об., 28 об., 43 об.). Вопрос о бытовании пометы в рядовых двознаменных рукописях пока открыт.

Для изучения этой проблемы мы обратились к певческой книге Праздники. Во-первых, подтвержден факт наличия пометы *зела* в дореформенном списке Праздников 60-х гг. XVII века [2, С.71, 75-76, 110-113]. Во-вторых, данная помета свойственна крюковым Праздникам, написанным в конце XVII века, параллельно с двознаменниками. Нам известны две рукописи – НАРК. 29(26) [5, С.102] и РНБ. Солов. 621/662. Вероятно, их количество гораздо внушительнее. В-третьих, песнопения двенадцатых Праздников изобилуют фитами, а в фитных розводах, изложенных в фитниках, фигурирует *зела* [3, С.61, 246, 266].

Материалом исследования послужила рукопись из собрания Троице-Сергиевой лавры, хранящаяся в Российской государственной библиотеке (далее – ТСЛ 450). В Праздниках ТСЛ №450 помета *зела* встретила семь раз на листах 66 об., 67 об., 94 об., 116, 160 об., 210 об., 328 об. Она появляется в текстах служб шести Господских и Богородичных праздников: Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Богоявление, Сретение, Преображение. Это стихира Крестовоздвижению «Днесь владыка твари» 8-го гласа (помета в песнопении используется дважды), стихира Введению во храм Пресвятой Богородицы «Днесь собори верных» 6-го гласа, тропарь Часов Царских Рождества Христова «Днесь висит на древе» 6-го гласа, тропарь Часов Царских Богоявления «Егда к себе грядуща» 2-го гласа, стихира Сретению «Закон иже в писании» 4-го гласа и стихира Преображению «Закону и пророкам» 5-го гласа. Помета проставлена, аналогично другим степенным и указательным пометам, киноварью. Но ее местоположение в рукописи варьируется. Она появляется в основном тексте песнопения в строке знаменной нотации и параллельно на полях (три случая фиксации), только в основном тексте в строке знаменной нотации (три случая фиксации), только на полях (единожды, вероятно, писцу не хватило места в основном тексте).

Попытаемся понять значение *зела* в новаторской для своего времени двознаменной рукописи. Обратимся к функциям этой пометы в знаменной нотации, известным исследователям.

Помета *зела*, наряду с пометами аналогичного действия (*ониками*, *крыжиками*, *палками воздернутыми*), применяется для обозначения одинаковых фрагментов в песнопении или цикле песнопений, т.е. в функции «*строки против строк*». [2, С. 107]. Согласование музыкальных фрагментов, как одно из проявлений системы подобия, можно считать ведущей функцией пометы. С этим значением она используется в большинстве рядовых певческих источников [4, С.135, 137-141, 146]. Помета *зела* маркирует окончание *приступа фиты* в фитном розводе. [3, С. 61]. Выскажем предположение, что действие пометы здесь аналогично «*строкам против строк*», т.к. *зела* ставится на границах одинаковых музыкальных фрагментов в розводах фит. Остальные значения пометы выявлены на материале одного памятника – певческой книги Праздники, написанной в 60-х гг. XVII века иноком Иосифом Ловзунским. Это маркировка «сугубого согласия» и «странных голосов» – мутационных помет, подтверждение высотности проставленных помет, а также корректурно-редакторский значок «выноски» [2, С. 207]. В последнем случае, по мнению В.Ю. Григорьевой, *зела* «употребляется в непевческом значении – как знак отсылки к примечанию на поле рукописи, где выписаны розводы сложных знаков или варианты графики». [2, С. 107].

Как показало исследование, в рукописи ТСЛ 450 помета *зела* выступает в одной функции. С ее помощью отмечались писцовые ошибки, состоящие в пропусках окончаний или других фрагментов фитных розводов и отдельных слов текста с нотацией. Наличие ошибок подтверждается сравнительным анализом песнопений рукописи с песнопениями из других списков Праздников – знаменных и ноталинейных. Очевидно, значение пометы *зела* приближено к редакционно-корректорскому, но с одним, весомым отличием. Любая редакторская или корректорская работа подразумевает наличие правки, которая должна осуществляться либо в тексте, либо на полях. Однако в половине случаев исправлений не было или они производились частично. Так, в стихире «Днесь владыка твари» в строке «и заушается брэнною рукою рукою создавый человека» пометой *зела* отмечен пропуск второго слова «рукою», который не был исправлен (л. 66 об.). В этой же стихире на слове «богъ» пропущено окончание фитного розвода, при этом нотная строка не исправлена, а крюковая строка дописана на полях (л. 67 об.). В стихире «Днесь собори верных» пропущен фрагмент фитного розвода на слове «матери» (л. 94 об.), в тропаре «Егда к себе грядуща» нет окончания фиты на слове «славословимъ» (л. 160 об.). В обоих случаях правка не проводилась.

Наличие песнопений с ошибками, особенно с пропусками слов и слогов поэтического текста, ставит вопрос о возможности пения по данному источнику на клиросе. Исходя из количества писцовых пометок, исправлений в тексте и на полях, ясно, что рукопись правилась неоднократно. Выскажем предположение, что работа над рукописью не была закончена, а ограничилась в описанных выше случаях констатацией пометы *зела* в качестве условного сигнала «зри», с учетом внесения исправлений в будущем.

Почему справщик выбрал именно помету *зела*, тонкое начертание которой с трудом заметно в музыкальной записи, учитывая, что для корректорских отметок, в том числе, выносок на поля, употребительными были другие значки, например, крыжи (крестики)? Обратим внимание на звуковысотные пометы, использующиеся в знаменной нотации Праздников. Помимо характерного для времени создания рукописи чередования трех помет «*г*», «*гн*», «*+*» в качестве первой ступени мрачного согласия обиходного звукоряда и вариантности в использовании в качестве десятой ступени помет *гораздо высоко* и *мало повыше с хохлом*, в нотации имеются следующие особенности. Полный обиходный звукоряд не проявлен, т.к. первая ступень простого согласия не маркирована. Вторая ступень простого согласия отражена не как помета *низко с крыжем*, а как помета *низко* с расположением «*н*» под невмой. Избегание помет простого согласия с крыжами, с одной стороны, могло быть вызвано желанием отделить их от мутационных помет. Действительно, в рукописи отражены многочисленные нисходящие мутации, для показа которых применяется, в частности, *низко с крыжем*. С другой стороны, «непроявленность» простого согласия и отсутствие крыжевых помет для обозначения двух его ступеней могло быть вызвано ориентацией создателей рукописи на источники «домезенцевского» типа. В таком случае внесение пометы *зела* в кодекс двознаменных Праздников можно расценивать как своеобразную дань традиции, память о ранних пометах.

Итак, в древнерусских двознаменниках помета *зела* могла выступать в двух функциях – обозначения одинаковых музыкальных фрагментов, как происходит в списках «Ключа разумения», а также корректорского сигнала для внесения поправок, как свидетельствуют Праздники ТСЛ 450.

Список литературы / References

1. Гусейнова З.М. «Извещение» Александра Мезенца и теория музыки XVII века». – СПб., 1995. – 217 с.
2. «Книга инока Ловзунского, его знамени и пометы». Певческие Праздники XVII века. Публикация и исследование памятника – В.Ю. Григорьевой. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. – 476 с.
3. Бражников М.В. Лица и фиты знаменного распева: Исследование / Общая редакция Н. Серегинной и А. Крюкова. – Л.: Музыка, 1984. – 304 с.
4. Григорьева В.Ю. К вопросу об атрибуции киноварных помет в певческих рукописях XVII века // Современные проблемы археографии. Вып. 2. Сб. ст. / Сост. М.В. Корогодина. – СПб.: БАН, 2016. – С. 131-150.
5. Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 605 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Guseinova Z.M. «Izveschenie» Aleksandra Mezenetsa i teorija muziki XVII veka» [“Izveschenie” of Alexander Mezenets and the theory of music of the 17th century] / Z.M. Guseinova. – St-Petersburg, 1995. – 217 p. [in Russian]
2. «Kniga inoka Lovzunskaogo, ego znaveni i pometi». Pevcheskie Prazdniki XVII veka. Publikatsia i issledovanie pamjatnika – V.Y. Grigorjevoy [“The book of monk Lovzunsky, his signs and notes”. Chant holidays of the 17th century. Publication and study of the historical record – V.Y. Grigorieva]. – M.: Izdatelstvo Moskovskoy Patriarii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2014. – 476 p. [in Russian]
3. Brazhnikov M.V. Litsa i fiti znamennoogo raspeva: Issledovanie [Litsa and thetes of znamenny chant: Researching] / Obschaja redaktsia N.Sereginoy i A. Krjukova [General editorship – N. Serigina and A. Kriukov]. – L.: Muzika, 1984. – 304 p. [in Russian]
4. Grigorieva V.Y. K voprosu ob atributsii kinovarnih pomet v pevcheskih rukopisjah XVII veka [On question of cinnabar notes attribution in the 17th century chant manuscripts] // Sovremennye problemi arheografii. V. 2. Sb. St. / Sost. M.V. Korogodina [Contemporary problems of archeography. Ed.2. Collection of articles /Comp. M.V. Korogodina]. – St-Petersburg, BАН, 2016. – P. 131-150. [in Russian]
5. Pamjatniki knizhnoi starini Russkogo Severa: kollektzii rukopisey XV–XX vekov v gosudarstvennih hranilischah Respubliki Karelia [Book antiquities of the Russian North: collection of manuscripts of the 15th-20th centuries of the state repository of Karelia republic] / Sost., отв. red. i avtor predisl. A.V.Pigin [Compiler, chief editor and author of introduction A.V. Pigin]. – St-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2010. – 605 p. [in Russian]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.033>

Лобов А.В.

ORCID: 0000-0002-7276-171X, Аспирант, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФАЛЬШИВЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ И ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1861-1917)

Аннотация

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с историей подделок денежных знаков и финансовых инструментов в пореформенной Российской империи. Особое внимание уделяется анализу и систематизации способов изготовления фальшивых монет, кредитных билетов и ценных бумаг, истории развития их технологии и методов, примененных для распознавания недействительных денежных средств. В исследование также включены малоизученные источники фондов Рязанского окружного суда (Ф. 640) и Прокурора Рязанского окружного суда за 1866-1918 гг. (Ф. 641) Государственного архива Рязанской области (ГАРО), посвященных фальшивомонетчеству.

Ключевые слова: поддельная монета, кредитный билет, купон билета казначейства, денежный знак, финансовый инструмент.

Lobov A.V.

ORCID: 0000-0002-7276-171X, Postgraduate student, Ryazan State University named for S.A. Yesenin

ON THE ISSUE OF FAKE MONEY HISTORY AND FINANCIAL TOOLS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1861-1917)

Abstract

The article is dedicated to the study of issues related to the history of banknotes falsification and financial tools in the post-reform Russian Empire. Particular attention is paid to the analysis and systematisation of counterfeit coins production methods, as well as banknotes and stocks. The paper examines the history of the technology development and methods used to recognise fake banknotes. The study also includes poorly researched sources of the Ryazan District Court funds (F. 640) and the Prosecutor of the Ryazan District Court during 1866-1918 (F. 641) of the State Archives of the Ryazan Region (SARR), related to counterfeiting.

Keywords: fake coin, banknote, treasury ticket coupon, monetary symbol, financial tool.

Подделка денежных знаков и финансовых инструментов, наносящих ущерб финансовому благосостоянию государства, является актуальной проблемой для научных исследований, начиная с дореволюционной историографии. Огромный интерес к историческому аспекту данного вопроса наблюдается и сегодня среди специалистов по бонистике и по истории денежного обращения.

По общепринятой терминологии фальшивомонетчество – преступление, заключающееся в изготовлении или сбыте поддельных металлических монет, денежных знаков или ценных бумаг под видом полноценных [1]. Многие исследователи сходятся во мнении, что качественно новый скачок в своем развитии явление получило в последние 70 лет существования Российской империи, о чем свидетельствует обширное уголовное делопроизводство по фальшивомонетчикам и огромное количество сохранившихся экземпляров подделок этого периода. Среди публикаций, посвященных вопросам технических особенностей изготовления фальшивых денежных знаков и финансовых инструментов, следует отметить работы Алямкина А.В., Баранова А.Г. [2], Андрианова Я.В. [3], Страхова В.В. [4], Узденикова В.В. [5]

Поскольку целью исследования является анализ и систематизация способов изготовления фальшивок, выделим основные предметы подделки: металлические монеты, бумажные банкноты (кредитные билеты), ценные бумаги (Государственные казначейские билеты и купоны).

Широкое хождение в денежном обращении дореволюционной России имела медная монета, которая становилась предметом подделки чаще всего в провинции среди фальшивомонетчиков - одиночек, имевших своей целью удовлетворение мелких бытовых потребностей. Поскольку масса действительных медных монет, отчеканенных до середины XIX века, почти всегда разнилась даже внутри одной партии, крайне затруднительным являлось выявление подделок по весовому параметру.

Такое сопоставление стало возможным, благодаря внедрению более строгого весового контроля со второй половины XIX века. Законодательно, нормативное значение диаметра и толщины монеты было установлено лишь в декабре 1885 года [5, С. 160].

Особо следует отметить такой вид разменной металлической монеты как биллон - сплав серебра и меди с преобладанием последней (низкопробное серебро), номинальная стоимость которого не превышала стоимость содержащегося в монете металла и расходы на чеканку. Биллонная монета выступала лишь как средство обращения и средство платежа [6, С. 37].

Чеканка биллона законодательно ограничивалась 3 рублями на душу населения (по Монетному уставу 1899 г.), однако его реальное количество было гораздо ниже допускаемой нормы [7, С. 128].

Фальшивомонетчики, обладавшие определенными техническими навыками, отливали поддельные биллоны из сплавов меди и сурьмы, используя в качестве модели подлинные монеты.

В 1910 году в Рязанской губернии допрошенные приставом Скопинского уезда Смирновым, родственники крестьянина Ивана Осина, изложили примененный им способ изготовления фальшивых монет. С их слов для чеканки необходимы «две дощечки с углублениями, в которых помещается размоченный мел и сглаживается стеклом, дощечки складываются вместе с настоящей монетой внутри, затем мел застывает, монета удаляется и образовавшаяся формочка заливается расплавленным белым металлом» [8, С. 5].

Серебряный рубль, имевший хождение с 1704 года, в 1840 году в результате денежной реформы Е.Ф. Канкрин был принят как основная денежная единица России вплоть до преобразований министра финансов С.Ю. Витте в 1897 году. Политика серебряного монометаллизма была эффективной до лета 1893 года, когда стоимость серебра упала ниже его номинальной цены и серебряная монета перестала отличаться от разменной [9, С. 194-195].

Весьма любопытным фактом является распространение в конце XIX – начале XX вв. такого вида преступной деятельности как преднамеренная порча серебряных монет, когда мошенники выбивали из них серебро и оставляли отверстие. Закон в России тогда разрешал использование серебряных монет с небольшими повреждениями. В результате, повальное распространение испорченных денежных знаков заставило правительство исключить такие экземпляры из оборота. После принятых государством мер, фальшивомонетчики освоили новую технологию: заполнение пустоты в монетах оловом или свинцом. При этом, как правило, без тщательного осмотра такие подделки отличить от оригинала было крайне затруднительно.

С введением в конце XIX века золотого монометаллизма, серебряные и медные монеты стали вспомогательным платежным средством. Таким утверждением новой редакции монетного устава 7 июня 1899 г., стала новая государственная денежная единица – рубль стал содержать 17,424 доли чистого золота [10, С. 665-671]. Обмен денег на золото был прекращён с началом Великой (Первой мировой) войны в 1914 году.

Одним из распространенных методов фальшивомонетчиков в этот период было обрезывание — «искусственное злонамеренное уменьшение веса монет различными механическими способами. Чаще всего это было срезание края монеты ножницами, но могло применяться также опилование и сверление с последующим заполнением образовавшегося отверстия недорогим металлом» [11].

В целях предотвращения опилования или обрезывания монет из драгоценных металлов, а также для затруднения литья новых фальшивок подвергались гурчению — получению специального оформления боковой поверхности (гурта).

Помимо способа, предполагающего литье в формы, изготовленные с помощью действительных монет, фальшивомонетчики могли чеканить фальшивки поддельными или настоящими штемпелями.

Золотые монеты, изготовленные этим методом, могли полностью соответствовать аналогичным подлинникам, а смысл их изготовления заключался в менее рискованном сбыте нелегального золота, переплавленного в денежные знаки.

Бумажные деньги стали предметом подделки практически с момента их появления в 1769 году. Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг (ЭЗГБ) с 1819 года являлась государственным учреждением, отвечающим за

выпуск банкнот, а также контроль и систематизацию различных видов подделок. Подробно остановимся на технологии изготовления фальшивых кредитных билетов, применяемой мошенниками во второй половине XIX – XX вв. Исходя из особенностей производства поддельных бумажных билетов, выделим основные способы.

Рисование являлось наиболее простым способом с точки зрения его технологичности, но могло быть использовано только лицами, имеющими определенные художественные навыки. В 1907 году к приставу Спасского уезда Рязанской губернии обратился псаломщик местной церкви Семен Голубев, заявив, что его малолетний сын Иван изготавливает путем рисования государственные билеты и в подтверждение предоставил образцы пяти, десяти и двадцати пяти - рублевого достоинства. В ходе следствия Иван объяснил, что «рисовал билеты, открыто и не из корыстных целей, а из любопытства, упражнялся в рисовании и в обращение не пускал» [12, С. 19]. Однако вскоре обнаружилось, что Иван пытался сбыть нарисованные билеты среди односельчан, но большинство из них замечало обман и возвращало поддельные денежные знаки [Там же, С. 20].

Другим способом, не требовавшим наличия типографского оборудования, являлся анастатический, представлявший собой двукратное копирование, предполагавшее размягчение краски действительной бумажной купюры и получение с нее оттиска на бумаге.

Особенно отметим типографический способ, получивший распространение в 90-х годах XIX века. В отличие от рисования и двукратного копирования, этот способ выделялся своей трудоемкостью и высокой технологичностью. Фальшивомонетчики применяли цветные копировальные машины с двухсторонней печатью, что гарантировало хорошее качество и возможность неограниченного производства билетов. Такой вид подделки мог выявить только специалист. Именно с этого момента в стране началось массовое изготовление копий денежных купюр. По статистике 90% обнаруженных и изъятых фальшивых купюр были изготовлены данным способом [13, С.412].

С 60-х гг. XIX века царское правительство принимало активные меры по защите денежных знаков, дизайн купюр менялся почти каждые 10 лет. Помимо этого, применялась дорогостоящая металлографская печать. Однако, несмотря на нововведения, вскоре в обращении появлялись фальшивки такого высокого качества изготовления, что, к примеру, привело к прекращению тиражирования билетов достоинством в 50 руб. образца 1866 г.

Среди крупного объема подделок достоинством в 25 руб. и 50 руб., поступавших в финансовые каналы, не всегда билеты имели высокое качество и могли содержать ошибки. Так, на некоторых экземплярах было напечатано «*госуларственная*» вместо «*государственная*» или «*холячей*» вместо «*ходячей*» [14, С. 153]. Такого рода опечатки могли быть результатом малограмотности или невнимательности изготовителей. Характерно также, что после изъятия правительством из обращения всех 25 - и 50 - рублевых билетов, выяснилось, что в финансовых каналах циркулировало приблизительно 70 млн руб. фальшивых банкнот.

С появлением «орловской печати» российские кредитные билеты стали считаться высоконадежными и защищенными от попыток их копирования кустарными способами, особенно купюры в 50, 100 и 500 руб. В связи с этим, фальшивомонетчики сконцентрировались на изготовлении билетов меньшего номинала. Однако из-за невозможности симитировать новую печать, подделки достаточно быстро обнаруживались и изымались из обращения [2, С. 26-31].

Следует подчеркнуть, что все вышеперечисленные способы подделки бумажных билетов в той же степени могли быть применимы и к имевшим хождение с 1831 года Государственным казначейским билетам. В 1860 году начался выпуск билетов с напечатанными вокруг купонами, которые при уплате процентов отрезались казначеями. С 1863 года выплаты процентов стали производить по предъявлению купонов от билетов. С этого периода начинается распространение фальшивых купонов от билетов Государственного казначейства, в частности, номиналом 1,5 рубля. В большинстве случаев сбываемые подделки быстро выявлялись, поскольку производились на бумаге плохого качества, и отпечатывались штампом с одним и тем же серийным номером. Так 10 ноября 1907 года в уездном городе Михайлове Рязанской губернии по горячим следам был задержан мещанин Нижнего Новгорода Ф.Н. Александров за сбыт трех фальшивых купонов за номером CDXIII № 139284, которыми он расплатился в торговой лавке, аптеке и булочной [15].

Аналогичный случай произошел и в Егорьевском уезде, где крестьянка М.П. Баранова и мещанин А.З. Житинский оплатили товары крестьянина Н.В. Гусарова купонами в 1,5 рубля, но он их вернул, так как купоны значились за одним серийным номером CDXIII № 435021. В ходе последовавших следственных мероприятий, экспертиза установила, что «означенные купоны фальшивы, подделаны на простой бумаге механическими средствами. Подделка этого рода считается весьма грубой и легко распознаваемой не только лицами хорошо осведомленными, но и всеми, кому приходится иметь дело с купонами от билетов государственного казначейства» [16].

Попутно отметим, что помимо единичных случаев сбыта поддельных купонов известны случаи и массового производства подделок в 1,5 рубля организованными преступными группами на территории нескольких соседних губерний [17].

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что помимо государственных кредитных билетов и купонов от казначейских билетов, среди бумажных денежных знаков подделке в годы Первой мировой войны подверглись денежные марки, выпускавшиеся в 1915-1917 гг. в качестве разменного денежного средства в связи с острым дефицитом материалов для чеканки монеты [18].

Согласно данным, полученным в результате исследования источников фондов Рязанского окружного суда (Ф. 640) и Прокурора Рязанского окружного суда (Ф. 641) Государственного архива Рязанской области, посвященных подделке денежных знаков и финансовых инструментов, из выборки, включающей 50 дел, было выявлено следующее соотношение. За период с 1866 по 1917 гг. в Рязанской губернии 62% уголовных дел было возбуждено по факту подделки или сбыта монет, 30% - кредитных билетов, 6% и 2% купонов от казначейских билетов и денежных марок, соответственно (рис. 1).

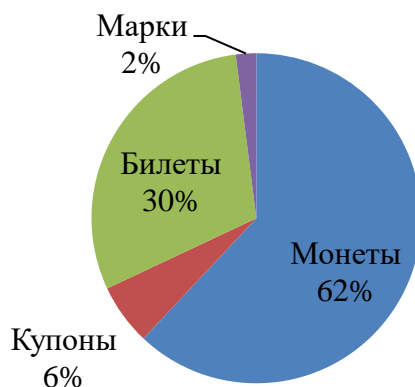

Рис. 1 – Соотношение уголовных дел по различным типам поддельных денежных знаков в Рязанской губернии с 1866 по 1917 гг.

Среди различных типов металлических монет, имевших хождение в указанный период, подделке чаще всего подвергались серебряные и медные, фальшивые золотые рубли встречались лишь в 10% дел, посвященных выделке и сбыту монет (рис. 2).

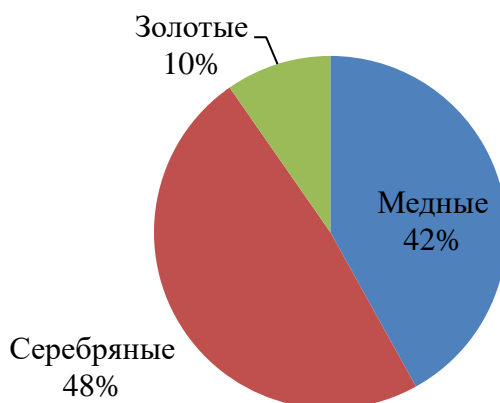

Рис. 2 – Соотношение уголовных дел по поддельным монетам в Рязанской губернии с 1866 по 1917 гг.

Показательным моментом также является и то, что самый популярный среди фальшивомонетчиков номиналом бумажных кредитных билетов в Рязанской губернии являлся образец в 25 руб., за ним следовала банкнота в 10р. (рис. 3).

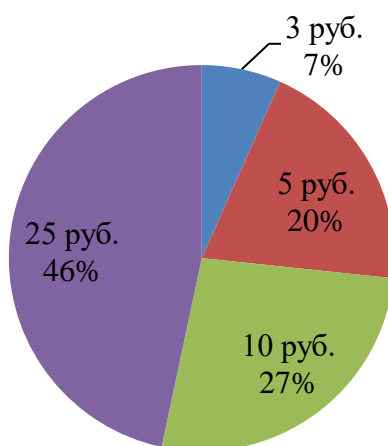

Рис. 3 – Соотношение уголовных дел по кредитным билетам различной номинальной стоимости в Рязанской губернии с 1866 по 1917 гг.

Исходя из вышеизложенного материала, выделим основные моменты, связанные с особенностями подделки денежных знаков и финансовых инструментов в Российской империи второй половины XIX – начале XX вв. Следует признать тот факт, что практически все без исключения виды денежных средств и ценных бумаг становились предметом фальсифицирования, включая металлические монеты, бумажные кредитные билеты, купоны от билетов Государственного казначейства и деньги - марки.

Медные, серебряные и золотые монеты подвергались копированию путем литья или чеканки, также порче путем обрезывания, спиливания и высверливания с последующей заменой удаленных частиц драгоценных металлов (золота или серебра) недрагоценными.

Бумажные деньги (кредитные билеты, купоны билетов казначейства и марки - деньги) подвергались подделке путем рисования или создания оттиска с оригинала, однако самым качественным и распространенным являлся типографический способ. В зависимости от технологии и методов производства встречались фальшивки различного качества, от содержащих ошибки и неточности в изображении и надписях и до высокотехнологичных, распознаваемых исключительно специалистами. Широкий интерес исследователей к истории фальшивомонетчества, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени актуальности изучения вопросов, связанных с методами и технологиями изготовления фальшивок.

Список литературы / References

1. Энциклопедический словарь экономики и права [Электронный ресурс], 2005. – URL: <http://enc-dic.com/ecolaw/Falshivomonetnistvo-7313>.
2. Алямкин А.В., Баранов А.Г. Фальшивомонетничество «а ля рус». Кто и как подделывал бумажные денежные знаки в Российской Империи // Банкноты стран мира. – 2006. - № 1. - С. 26-31.
3. Адрианов Я.В. "Фальшивые монеты трех последних столетий в жизни и нумизматике. Российская империя, РСФСР, СССР, РФ" 2016, С.177.
4. Страхов В.В., Толмачев Ю.О. Фальшивомонетничество // Рязанская банковская энциклопедия к 150-летию Банка России. Рязань, 2010. С. 254-255.
5. Уздеников В.В. "Монеты России XVIII - начала XX века. Очерки по нумизматике", 2004, С. 160.
6. Гацалов М.М. Современный экономический словарь-справочник. - Ухта: УГТУ, 2002. С. 37.
7. Финансовая энциклопедия, второе издание, под общей редакцией Г.Я. Сокольникова, Д.П. Боголепова, А.И. Буковецкого и др. - М.: 1927. С. 128.
8. ГАРО. Ф.640. Оп.54. Д. 83. С. 5.
9. Дмитриев-Мамонов В.А., Евлзин З. Деньги. Пг.: 1915. С. 194-195.
10. Устав Монетный (Закон 17120) // Полное собрание законов Российской империи, третье собрание (1881-1913), т. XIX (1899), ч. 1, С. 665-671.
11. Словарь нумизмата: Пер. с нем. / Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер / 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс] - М.: Радио и связь, 1993. – URL: <http://www.numizm.ru/html/o/obrez3vanie>.
12. ГАРО Ф.641. Оп.1. Д. 3042. С. 19-20.
13. Углева Е.Ю. Способы подделки и защиты бумажных денежных знаков: история и современность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2011, №1 (14), С.412.
14. Шаповалов В.А. исторические аспекты фальшивомонетчества в России // социально-экономические явления и процессы, №1, 2010, С. 153.
15. ГАРО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3040.
16. ГАРО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3039.
17. ГАРО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 1845.
18. ГАРО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 6979.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Jenciklopedicheskij slovar' ekonomiki i prava [Encyclopedic dictionary of economy and law] [Electronic resource], 2005. – URL: <http://enc-dic.com/ecolaw/Falshivomonetnistvo-7313>. [in Russian]
2. Aljamkin A.V., Baranov A.G. Fal'shivomonetnistvo «a la rus». Kto i kak poddelyval bumazhnye denezhnye znaki v Rossijskoj Imperii [Counterfeiting "A la rus". Who and how did counterfeit money in Russian Empire] // Banknoty stran mira [Banknotes of world countries.]. – 2006. - № 1. - P. 26-31. [in Russian]
3. Adrianov Y.V. "Fal'shivye monety treh poslednih stoletij v zhizni i numizmatike. Rossijskaja imperija, RSFSR, SSSR, RF" [Counterfeited coins of the last three centuries in life and numismatics. Russian Empire, RSFSR, USSR, RF]. 2016, P.177. [in Russian]
4. Strahov V.V., Tolmachev Ju.O. Fal'shivomonetchestvo [Counterfeiting] // Rjazanskaja bankovskaja jenciklopedija k 150-letiju Banka Rossii [Ryazan bank encyclopedia for 150 anniversary of Russian bank]. Rjazan', 2010. P. 254-255. [in Russian]
5. Uzdenikov V.V. "Monety Rossii XVIII - nachala XX veka. Oчерki po numizmatike" [Coins of Russia in XVIII – the beginning of XX centuries. Numismatic studies], 2004, P. 160. [in Russian]
6. Gacalov M.M. Sovremennij jekonomicheskij slovar'-spravochnik. [Modern economic dictionary - handbook] - Uhta: UGTU, 2002. P. 37. [in Russian]
7. Finansovaja jenciklopedija [Financial encyclopedia] 2nd edition, edited by G.Ja. Sokol'nikova, D.P. Bogolepova, A.I. Bukoveckogo and others - M.: 1927. P. 128. [in Russian]
8. GARO. F.640. Op. 54. D. 83. P. 5. [in Russian]
9. Dmitriev-Mamonov V.A., Evlzin Z. Den'gi. [Money] Pg.: 1915. P. 194-195. [in Russian]
10. Ustav Monetnyj (Zakon 17120) [Monetary regulations (Act 17120)]: official text // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, tret'e sobranie [Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (1881-1913), v. XIX (1899), ch. 1, P. 665-671. [in Russian]
11. Slovar' numizmata: Per. s nem. / H.Fengler, G.Girou, V.Unger / 2-e izd., pererab. i dop. [Numismatic references: translated from German, 2nd edition] [Electronic resource] - M.: Radio i svjaz', 1993. – URL: <http://www.numizm.ru/html/o/obrez3vanie>. [in Russian]
12. GARO F.641. Op.1. D. 3042. P. 19-20. [in Russian]

13. Ugleva E.J. Sposoby poddelki i zashhity bumazhnyh denezhnyh znakov: istorija i sovremennost' [Ways of counterfeit and protection of banknotes: the history and the present period] // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal science and practice: the bulletin of Russian MVD Nizhny Novgorod Academy], 2011, №1 (14), P.412. [in Russian]

14. Shapovalov V.A. istoricheskie aspekty fal'shivomonetchestva v Rossii [Historic aspects of coinage offence in Russia] // social'no-jekonomicheskie javlenija i processy [Socio-economic events and processes], №1, 2010, P. 153. [in Russian]

15. GARO. F. 641. Op. 1. D. 3040. [in Russian]

16. GARO. F. 641. Op. 1. D. 3039. [in Russian]

17. GARO. F. 641. Op. 1. D. 1845. [in Russian]

18. GARO. F. 641. Op. 1. D. 6979. [in Russian]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.012>

Коваль С.В.

ORCID: 0000-0002-2313-4613,

Соискатель учёной степени кандидата культурологии,

Специалист культурно-просветительского отдела Музея истории города Хабаровска

ФОРМА ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА МУЗЕЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ Г. ХАБАРОВСКА)

Аннотация

В статье ставится задача выявления эффективной формы трансляции культурного опыта для музея истории города, находящегося в системе региональной культуры Дальнего Востока России. Аналитическое рассмотрение и поиск оптимальной музейной формы, передающей духовные и материальные ценности – является поводом нашего исследования. Сегодня продукт музея становится экономическим предложением на рынке культурно-образовательных услуг, подвергая переосмыслению традиционные «три кита» музея (теория документирования, теория тезаврирования, теория коммуникации) переориентированные на запросы современного общества.

Ключевые слова: форма трансляции в музее, музеи истории города, художественно-краеведческая музейная экскурсия-услуга.

Koval S.V.

ORCID: 0000-0002-2313-4613,

Applicant for a Degree of PhD in Culture Studies,

Specialist of Cultural and Educational Department Of the Museum of Khabarovsk History

MUSEUM CULTURAL EXPERIENCE TRANSMISSION IN THE SYSTEM OF CULTURE (EXEMPLIFIED BY THE MUSEUM OF Khabarovsk History)

Abstract

The aim of the article is to identify an effective form of cultural experience transmission for a museum of the city history in the regional culture system of the Russian Far East. Analytical study and search for the most effective form of transmitting spiritual and material values is the main reason for our research. Today, the museum becomes an economic offer on the market of cultural and educational services, which leads to the rethinking of traditional “three whales” the museum stands on (document theory, theory of thesaurus, theory of communication) in modern society.

Keywords: form of transmission in the museum, museums of city history, artistic and local history excursion in a museum as a service.

Задачей данной статьи является выявление эффективной формы трансляции культурного опыта для музея истории города, находящегося в системе региональной культуры Дальнего Востока России. Аналитическое рассмотрение и поиск оптимальной музейной формы транслирующей культурное наследие как материальное, так и нематериальное – является поводом нашего исследования. Трансляцию или передачу информации от музея обществу рассматривает теория музейной коммуникации, просветительская деятельность которой, прежде всего, связана с созданием научной экспозиции. Очевидно, что музейные артефакты, документирующие историю определённого места, не могут сами себя транслировать и передаваться в поколениях. Этим занимаются специалисты, которые непосредственно работают с посетителями, создавая музейный продукт-услугу для населения и приезжающих туристов.

В современном мире происходит трансформация общественных взглядов на музей и культурное наследие. Рыночная экономика и новые современные виртуальные технологии существенно повлияли на просветительскую, культурно-образовательную, педагогическую деятельности музея, что стало задавать отечественным музеям новую логику существования и развития не только в социокультурном, но и в экономическом пространстве. Сегодня продукт музея становится экономическим предложением на рынке культурно-образовательных услуг, подвергая переосмыслению традиционные «три кита» музея (теория документирования, теория тезаврирования, теория коммуникации) переориентированные на запросы современного общества.

В статье «Бренд-культура как технология повышения конкурентоспособности музея» предлагается современная эффективная технология бренда для музейной сферы «продвижения» культурных услуг, в которой: «перенос

технологии бренд-культуры из сферы бизнеса должен быть произведён корректно, т. е. с максимально возможным учётом специфики музейного продукта и самого музея как учреждения культуры» [1, с. 26]. Переводя на язык бренда структуру ценностей музейного продукта-услуги, автор статьи выделяет основные:

- духовную ценность, удовлетворяющую потребность трансформации (самореализации, обучения, эстетичности);
- эмоциональную ценность, которая заложена в музейном переживании;
- функциональную ценность бренда музейной услуги, которая соотносится с качеством самой услуги;
- социальную ценность, присущую структуре всех трёх предыдущих уровней: трансформаций, переживаний и услуг [1, с. 39].

В нашем исследовании мы обращаемся к музеям истории отечественных городов, которые являются некоей «визитной карточкой» региона. Музеи истории таких городов – музеи краеведческого типа, в которых ярко выражена гуманитарная сторона, человеческая, сохраняющая память в предметах о тех, кто стоял у истоков становления города, региона. Следовательно, музейное краеведение можно условно разделить на естественнонаучное (в основном это бывшие музеи местного края или краеведческие музеи) и гуманитарное. Гуманитарное краеведение в музеях истории города документирует предметы повседневного быта горожан разных сословий и профессий, семейные традиции и реликвии.

Культура, культурное наследие города-столицы региона включает историко-культурные памятники, культурные институции, к которым относятся в том числе и музеи города, как памятники архитектуры. Выделим основные формы трансляции культурного опыта в музее как в подсистеме культуры, и выделим ту форму, которая в большей степени соответствует нашему исследованию.

1. Форма подлинных артефактов культуры в музее и вне музея. Основной формой трансляции культурного опыта в музеях, документирующих историю данного города, будут подлинные историко-бытовые вещи, мемориальные предметы из частных и семейных коллекций, находящиеся в открытом хранении, сам музей, как историко-культурный памятник. То есть то, что одним своим подлинно-предметным существованием несёт визуально-пространственную информацию о конкретном культурном наследии.

2. Форма научно-экспозиционной интерпретации музейных артефактов. К этой форме трансляции относится построение пространственной образно-визуальной интерпретации музейного собрания художниками-дизайнерами на основе научной концепции, соответствующей данному типу музея. В музеях истории города это в основном, историко-бытовые, мемориальные и военно-исторические экспозиции.

3. Форма культурно-образовательной дидактической экспозиции детского музейного центра. Пространственная форма трансляции, интерпретирующая копии музейных подлинников для дидактической наглядности, развивающих интерес у детской аудитории к музейному способу передавать информацию. Детский музейный центр – это, как правило, музей в музее, интерпретирующий улицу Старого города, старинный особняк, музыкальную дореволюционную гостиную или просто пространство для детского творчества.

4. Синтетическая форма вербально-визуальной трансляции – музейная услуга. Такая форма непосредственно соприкасается с людьми разных социальных групп, её можно определить как вербальная интерпретация выставок или экспозиций, то есть интерпретация интерпретации. Именно в ней и формируется тот музейный продукт-услуга, созданный хранителями, историками, дизайнерами и др., который «реализует» специалист, работающий с посетителями.

Рассмотрим основные требования к проектированию эффективной формы музейной услуги, отвечающей всем современным требованиям как социокультурным, так и экономическим.

В статье «Образ музея XXI в.» А.А. Будко предлагает применять не моноцентрический, а полицентрический подход при анализе музея как культурной формы. Моноцентрический или односторонний подход декларирует использование не музея в целом, а отдельных моментов его существования, использования профильных наук и культурных практик, стремясь к замкнутости и самодостаточности музея. «При полицентрическом подходе музей рассматривается как нечто целое, как единство закономерно расположенных и находящихся во взаимодействии всех его частей, обеспечивая сохранение и воспроизводство различных форм социокультурной деятельности» [2, с. 12]. В результате музей как культурное пространство не стремится к замкнутости, как в случае с моноцентрической моделью музея. На основе этого подхода автор предлагает рассматривать модель музея, как три взаимосвязанных пространства: пространство артефактов, пространство образов и миссий.

Пространство артефактов культуры включает деятельность музея, связанную со сбором, хранением и научным изучением музейных предметов и коллекций, что соответствует работе музейных фондов. Пространство образов – это научно-экспозиционная работа, просветительская, воспитательная деятельность, непосредственно взаимодействующая с человеком и обществом. Пространство образов равноправно существует с пространством артефактов, интерпретируя музейный предмет современными техническими и художественными средствами, отображая информацию, соответствующую миссии музея.

Пространство миссий решает в основном прогностические задачи, и вся деятельность музея соотносится с основными миссиями, реализующихся при помощи пространств образов и артефактов. Например, музеи истории города, формулируя собственные миссии и задачи, выделяют историческую миссию музея в пространстве культуры региона (*историко-культурная*), которая в основном соответствует пространству артефактов, историко-культурным памятникам. В последнее время, многие музеи выделяют как основную миссию – музейную педагогику, или *образовательно-воспитательную*, просветительскую деятельность, которая соответствует пространству образов. И, наконец, современные музеи, несмотря на некоммерческий статус, вовлечены в рынок культурного туризма, создавая привлекательный образ региона, определяя тем самым *социально-экономический* характер миссии.

Итак, синтетическая форма трансляции культурного опыта, музейная услуга, должна соответствовать одновременно и миссии исследуемого музея, и эффективным технологиям музейного бренда, выделенными нами ранее. В результате получаем три основных требования:

1. Историчность. Духовной ценностью любого старого города является его исторический центр, который определяет его индивидуальность и характер, несмотря на то, что процент занимаемой территории 1-2%. Таким образом, основной уникальностью города является его историко-культурное наследие, музеи. Каждый историко-культурный памятник связан с историей людей, семей, ранее живших, строивших первые городские сооружения, а в музейных экспозициях истории города можно увидеть предметы быта этих людей, благодаря чему история этих памятников и доходных домов «оживает».

2. Эмоциональность. Эмоциональной ценностью культурно-образовательных музейных услуг является переживание, создание специалистом интерпретации, например, чтобы «себя помнили». Такая интерпретация возможна для отдалённого Дальневосточного региона РФ, который самый территориально большой и самый малонаселённый. Хабаровск, как его центр и своеобразная визитная карточка региона, со своей уникальной историей становления культуры, долгое время ощущал оторванность от внутрироссийской отечественной культуры. Эта «ностальгия» прослеживается и в предметах быта городских сословий, семейных реликвиях, традициях. Любительские семейные концерты и спектакли образованных горожан были первыми очагами культуры, где воспитывали молодое поколение. Создавая такие эмоционально-просветительские услуги, специалист не только передаёт музейную информацию, он заставляет «прожить» культурную практику, чтобы посетители увидели себя как в зеркале другой историко-культурной эпохе.

3. Функциональность. Социальной и функциональной ценностью исследуемой музейной услуги будет вариативность для разных социальных групп и разделение на основные направления культурной деятельности: музейно-выставочное (историко-культурное, гуманитарно-краеведческое), музейно-педагогическое (образовательно-воспитательное) и культурный туризм (менеджмент и маркетинг в культуре). Два разнонаправленных полюса: воспитание и менеджмент – должны быть уравновешены в зависимости от социального статуса группы и направления культурной деятельности.

Исходя из этих критериев, теоретически спроектируем культурную идею-услугу, облекая её в подходящую музейную форму трансляции культурного опыта – экскурсию. Во-первых, экскурсия по историко-культурным памятникам Старого города может быть комплексной, то есть сочетать в себе автобусную (пешеходную) и музейную. Например, после тематической музейной экскурсии о жизни хабаровской семьи можно завершить тему у дома-памятника архитектуры, где жила эта семья. Во-вторых, музейная экскурсия с эмоционально-психологическими «проживаниями» может включать ревитализацию или реконструкцию культурной практики из семейной традиции (музыкальные вечера). Нужно отметить, что речь идёт не о музыкальном исполнительском искусстве экскурсовода, актуализирующего нематериальное наследие музейного экспоната. В нашем случае экскурсовод создаёт образность, присущую гуманитарному краеведению, применяя экскурсионные методики интеграции, персонификации и литературного монтажа, ревитализируя естественную потребность городского жителя существовать в духовном пространстве художественной культуры (декламация, литература, любительское творчество). Такие синтетические музейные экскурсии, объединяющие язык артефактов (музейные фонды) и язык образов (экспозиции, культурно-образовательная деятельность), можно назвать художественно-краеведческими. В-третьих, именно экскурсия и экскурсовод может сочетать и образовательно-воспитательную функцию культуры, которая превалирует в музейных экскурсионных занятиях, и быть менеджером конечного музейного продукта-услуги, так как напрямую работает как с населением города, так и с туристическими группами, являясь автором-интерпретатором, например, художественно-краеведческой комплексной музейной экскурсии-занятия.

Итак, в качестве итога можно выделить следующее. Музей, находящийся в системе культуры, являясь некоей культурной формой или культурной институцией, коллекционирует своё собственное уникальное музейное культурное наследие. В связи с этим выделяются три основные формы трансляции культуры: 1) музей как культурное наследие, 2) культурное наследие (материальное и нематериальное) в музее, детский музейный центр и 3) синтетическая форма «реализации» культурного продукта - музейной услуги для привлечения посетителей и участия в культурной жизни региона, города.

Определив экскурсию как эффективную форму трансляции культурного опыта в музее истории города, важно отметить для экскурсовода необходимость соблюдения баланса между:

а) экскурсией как экскурсионным методом (то есть сочетающей образовательно-воспитательные функции культуры и презентацию экскурсионными методиками нематериального наследия), и

б) экскурсией, эффективно «капитализирующей» музейное культурное наследие, продвигающей на рынке культурных услуг конкурентоспособный музейный продукт, согласно миссии данного музея (включающую *историчность* пространства артефактов и *эмоциональность* в технологиях пространства образов, таких как «проживание» и чтобы «себя помнили»).

Исходя из того, что музейная экскурсия-услуга прежде всего «опирается» на подлинный предмет, интерпретированный в экспозиции, то такая «капитализация» музейного культурного наследия будет конкурентоспособной из-за самого предмета. Но так как музеи истории города музеи относительно молодые, в бывших музеях местного края (краеведческих музеях) такие предметы и экспозиции тоже есть. Таким образом, экскурсоводу музея истории города, который непосредственно «реализует» услугу, так же необходимо создавать и уникальную (инновационную) интерпретацию, чтобы быть конкурентоспособным по отношению к краеведческому музею. Это достигается путём передачи духовных или нематериальных ценностей ушедших эпох в музейной интерпретации истории города.

Следовательно, в опоре на гуманитарное городское краеведение (семейные династии, выдающиеся личности города их биография и быт, городские сообщества), можно выделить такие же выставки и экспозиции: историко-бытовые, историко-мемориальные, общественно-исторические, «оживляющие» историко-культурные памятники города, доходные дома, старинные особняки. С учётом всех перечисленных требований, созданный экскурсоводом культурный продукт-услуга для музея истории города, может быть назван как художественно-документальная гуманитарно-краеведческая комплексная музейная экскурсия-занятие или «художественно-краеведческая музейная экскурсия».

Список литературы / References

1. Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / под ред. Дукельского В.Ю. (отв. ред.). — Москва, 2010. — 199 с.
2. Музей в мире культуры. Мир культуры в музее / Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию кафедры музеологии и культурного наследия 5–6 декабря 2013 г. — Труды СПбГИК. — 2015. — Т. 212 – 320 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Muzeinaya kommunikatsiya: modeli, tehnologii, praktiki [Museum communication: models, technologies, practices] / pod red. Dukelskogo V. Y. (otv. red.) [edited by V.u. Dukel'skogo (Executive Editor)] . — Moscow, 2010. — 199 p. [in Russian]
2. Muzey v mire kultury. Mir kultury v muzee / Materialy Vseros. nauch.- prakt. konf., posv. 25 let kaf. Muzeologii i kulturnogo naslediya 5-6 dek. 2013 g. [Materials of all-Russian scientific-practical conference dedicated to the 25 anniversary of the Department of museology and cultural heritage 5-6 December, 2013.] — Trudy SPbGIK. — 2015. — T. 212 – 320 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.179>**Комиссарова Е.В.**

Кандидат исторических наук,

Волгоградский государственный медицинский университет

**КАЗАЧЬИ РЕЛИКВИИ В СОСТАВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)****Аннотация**

Статья посвящена проблеме изучения и сохранения культурного наследия казачества. В многонациональной культуре Волгоградской области особенно ярко представлена самобытная материальная и духовная культура донского казачества. В бурных событиях социально-политической и военной истории региона южного порубежья России не многие из памятников традиционной культуры казаков, отраженной в реликвиях, регалиях, символах и знаках, сохранились до нашего времени. Тем ценнее для нас каждый памятник истории казачества, выявленный и сохраненный усилиями музейных работников и краеведов при активной поддержке энтузиастов из местного населения. Сохраняя реликвии и традиции казачества, региональные музеи выполняют миссию трансляции культурного наследия, сохранения социальной памяти и национальной идентичности. Исследование выполнено на основе анализа музейных собраний Волгоградского областного краеведческого музея и муниципальных музеев Волгоградской области. Публикация может найти практическое применение в работе музеев по научной атрибуции и интерпретации музейных предметов, а также в культурно-просветительной деятельности по пропаганде традиций российского казачества.

Ключевые слова: казаки, культурное наследие, краеведческий музей, Волгоградская область.

Komissarova E.V.

PhD in History, Volgograd State Medical University

**COSSACKS RELICS AS A PART OF RUSSIA'S REGIONAL CULTURAL HERITAGE (BASED ON LOCAL
MUSEUMS MATERIALS IN VOLGOGRAD REGION)****Abstract**

The article is devoted to the problem of studying and preserving the cultural heritage of the Cossacks. The Volgograd region is multinational; it is characterized by originality and unique culture of the Don Cossacks. Not many important Cossack sights, landmarks, relics, regalia, and symbols have been preserved after the turbulent events of the socio-political and military history of the southern Russian border region. This makes every monument that has survived till nowadays invaluable. Many of them have been preserved by the efforts of museum workers and local history researchers with the active support of the local enthusiasts. Keeping relics and traditions of the Cossacks period, regional museums fulfill the mission of transmitting cultural heritage and preserving national memory and identity. The research was carried out on the basis of museum collections of the Volgograd Regional Museum of Local History and municipal museums in the Volgograd Region. The publication has practical application in the work of museums related to scientific attribution and interpretation of museum items, as well as in cultural and educational activities aimed at promoting the traditions of the Russian Cossacks.

Keywords: cossacks, cultural heritage, local history museums, Volgograd region.

В многонациональной культуре Волгоградской области особенно ярко проявляются традиции донских казаков. Самобытность материальной и духовной культуры российского казачества нашла отражение и в казачьих реликвиях, регалиях, символах и знаках. В бурных событиях социально-политической и военной истории южно-русского пограничного региона не многие из них сохранились для потомков, тем ценнее для нас каждый памятник истории казачества, выявленный и сохраненный усилиями музейных работников и краеведов при активной поддержке энтузиастов из местного населения.

Наиболее ранними памятниками истории казачества из собраний музеев Волгоградской области обладает Камышинский краеведческий музей – это натрубка персидская XVII в., привезенная, по преданию, разинцами из похода 1667–1669 гг., лезвие топорика парадного с инкрустацией XVII в., перчатка кольчужная. Украшением экспозиции Волгоградского областного краеведческого музея (ВОКМ) является памятная плита, установленная в честь основания станицы Кременской на Дону в XVI в. В музее хранятся образцы холодного и огнестрельного оружия XVIII в., согласно легенде, принадлежавшего соратникам К.А.Булавина и Е.И.Пугачева, – это кремневые

гладкоствольные пистолеты, пушки и ядра, а также натруска-пороховница. Во второй половине XVIII в. вооружение казака состояло из сабли с портупей, пики, карабина, пистолета и лядунки для патронов, которую носили на поясе [2, С. 130-132].

Многие предметы, бытовавшие в повседневной и воинской жизни донского мужского сообщества наделялись символическим значением. К началу XX в. ценнейшими реликвиями для казаков являлись пожалованные в разное время Войску Донскому царские и императорские грамоты и регалии, к которым относились войсковые регалии: герб Войска Донского, знамена станичные, полковые, войсковые, станичные бунчуки и войсковые клейноды – знаки атаманского достоинства: насека, бунчук, булава, пернач; а также регалии строевых частей, выставляемых Войском Донским – штандарт, знамя, серебряные трубы, знаки отличия на головные уборы и др. [3, С. 5-19].

Булава, пернач – деревянный стержень с металлической шишкой (яблоком) на верхнем конце, в древности служила оружием, но позднее стала употребляться как начальнический жезл, символ военной власти атамана [4, С. 91]. В ВОКМ имеется булава атамана станицы Соломенской XIX в. [10, № 29945]. К символам и атрибутам атаманской власти относится насека – посох с металлическим навершием. Первоначально она изготавливалась из толстой ветки и имела ножевые насечки, которыми отмечали годы пребывания атамана на должности. Впоследствии насека была заменена жезлом, верхний конец которого был облит свинцом, так что он имел вид булав [6, С. 370]. Атаманская насека XIX в. с х. Пронин экспонируется в Серафимовичском музее. Во Фроловском музее хранится металлическое навершие с надписью «В.Д. ст. Арчадинской хутора Мироничева Атаман», датируемое серединой XIX – началом XX вв. [8].

В фондах ВОКМ хранятся первая гербовая войсковая печать, утвержденная Петром I в 1704 году [10, № 11771] и должностной знак «Станичный судья донского казачьего войска Федосеевской станицы» [10, № 11769].

Важное смысловое значение имел головной убор. Признаком обладания казаком юридического полноправия была шапка специального образца, первоначально «клубок со шлыком», папах, а затем фуражка. На круге казак был обязан быть в шапке, а не имеющие юридических прав казачества – с непокрытыми головами. Шапку снимали во время молитвы, присяги и выступлений на круге, голосовал казак тоже шапкой. В шапку зашивались образки. Потерять шапку казак мог только с головой, попытка сбить шапку с головы рассматривалась как оскорбление. В курене она лежала на почетном месте, в доме вдовы – под иконой, символизируя защиту семьи богом и общиной [5].

Шашка, первоначально сабля, как символ полноты прав у казака, а также обладания им паевым земельным наделом, вручалась казаку стариками в 17 лет, без темляка (ремень, петля, шнур или кисть на эфесе холодного оружия). В 21 год, при отправке на службу, казак получал погоны, кокарду и темляк. Шашка хранилась в доме на видном месте и передавалась от деда к внуку, когда старик менял шашку на посох. Если в роду не оставалось наследников, переломленную пополам шашку хоронили вместе с покойным. Шашку и шапку казак мог потерять только вместе с головой. На круге голосовали шашками [9]. По решению Круга казак мог быть лишен права ношения оружия на срок, следующим наказанием было исключение из станицы и казачества [3, С. 5-19]. Искусное владение оружием казаки доказали во многих военных походах. В музеях региона хранятся казачьи шашки XIX–XX вв., одна из них, принадлежавшая участнику Первой мировой войны Ф.Д.Ступину из станицы Бузулукской, находится в ВОКМ [10, № 21634]. Оружие участников Первой мировой и гражданской войн хранится в Волгоградском мемориально-историческом музее – филиале музея-заповедника «Сталинградская битва», бывшем Музее обороны Царицына, в его экспозиции представлена сабля, пожалованная в 1763 г. императрицей Екатериной II походному сотнику Донского войска Василию Путягину «за ево верныя службы». В 1918 г. сабля была взята как трофей красноармейцами, защищавшими Царицын.

Мужской казачий костюм формировался на протяжении столетий, к началу XX в. став форменной одеждой военно-служилого сословия, каждый элемент которой имел свою историю и значение. В музеях региона полных комплектов мужской казачьей одежды не сохранилось: в череде суровых военно-политических испытаний и тяжелого труда невозможно было сберечь повседневную одежду, тем более что в форме казака провожали в последний путь.

Элементом зимнего военного обмундирования являлся шерстяной башлык (от тюркского «головной», «во главе», «на голове») [4, С. 58], способ его ношения сообщал о возрасте и занятиях казака: если концы завязаны на груди, – казак отслужил срочную службу, перекрещенны на груди – следует по делу, заброшены за спину – отдыхает). Башлыки из коллекции ВОКМ [10, № 22440, 21632], Фроловского и других музеев относятся к периоду Первой мировой войны, их носили и в годы гражданской войны.

Члены совета стариков сидели, опершись на посох – символ старости и мудрости. Посохами наделялись ходатаи по делам церковной общины, паломники. Поднятый посох означал призыв круга к молчанию, поднятая на посохе шапка – особо важное сообщение [3, С. 5-19]. Уникальным экспонатом ВОКМ является походный посох Петра I, врученный им жителям Царицына в 1722 г. во время возвращения из Персидского похода.

Историю донского казачества в экспозициях Иловлинского музея народной архитектуры и быта донских казаков, Урюпинского, Михайловского, Фроловского, Калачевского, Серафимовичского и других краеведческих музеев Волгоградской области отражают предметы военной атрибутики, обмундирования, домашнего быта, фотографии казаков. К наиболее интересным предметам военной службы донского казачества во Фроловском краеведческом музее относится кавалерийский горн казака х. Б.Лычак Раздорской станицы Г.И.Воловатова, участника Первой мировой и гражданской войн. В годы Великой Отечественной войны в пожилом возрасте он сражался в рядах Донской кавалерийской дивизии. Казачий полк насчитывал более 600 человек, во время учений, маневров или боев, чтобы приказы командира были слышны всем, рядом с командиром постоянно находился горнист, который звуком горна оповещал дальние ряды казаков о команде [8].

Казак должен был являться на службу на коне и с оружием, оружие и обмундирование складывалось в сундук. Такие походные сундуки имеются в нескольких районных музеях области. Во Фроловском музее экспонируется деревянный, окованный жестью сундук с надписью на крышке: «Лейб-гвардии атаман Цесарского полка 3-й сотни

казак Трифон Федорович Фомин, станица Сергиевская 1897 г., 15 августа» [8]. В Серафимовичском литературно-краеведческом музее хранится инкрустированный сундук, привезенный в 1870 г. казаком из похода.

О воинской доблести казаков свидетельствует коллекция фалеристики ВОКМ, в которую вошли награды Российской империи за участие в военных кампаниях XVIII–XX вв., а также ордена и медали СССР. Подвиги земляков были отмечены Крестами ордена св. Георгия четырех степеней н. XX в., а также медалями: «Победителю над пруссаками» XVIII в., «За взятие Парижа» 1814 г., «За персидскую войну» 1828 г., «За усмирении Венгрии и Трансильвании» 1849 г., «За покорение Чечни и Дагестана» 1859 г., «За покорение Западного Кавказа» 1864 г., «В память войны 1853-1856 гг.», «В память русско-турецкой войны 1877-1878 гг.», «За взятие штурмом Геок-Тепе» 1881 г., «За поход в Китай» 1901 г., «За поход в Среднюю Азию», «В память Русско-японской войны 1904-1905 гг.», «За отличный глазомер» н. XX в., «За храбрость» III-IV степеней 1914 г. [10, № № 1173, 1185, 4712, 4742, 9007].

О духовной жизни казаков рассказывают коллекции памятников христианской культуры в собраниях краеведческих и художественных музеев. Как православные христиане казаки почитали иконы. Наиболее распространенными в Волго-Донском регионе были образы Богоматери (Оранта, Одигитрия, Умиление), Иисуса Христа, св. Георгия Победоносца, св. Николая Чудотворца, св. Апостолов Петра и Павла, многосюжетные иконы с изображением двенадцатых праздников и другие. Святые Гурий, Самон и Авив считались покровителями казачьего быта. В походах казака сопровождали складни и миниатюрные нагрудные иконы. В коллекции ВОКМ интерес представляют памятники мелкой меднолитой пластики: кресты, иконы, трех- и четырехстворчатые складни, украшенные синей или многоцветной эмалью или без нее, датируемые XVIII–XIX веками, например, икона Божией Матери «Неопалимая купина» с голубой, синей и желтой эмалью.

В Чернышковском районном казачьем музее истории и этнографии представлены иконы старообрядческие, Покрова, православный деисусный чин, коллекция крестов нательных и наперсных, оружие XIX в.: пики казачьи (1838 г.), шашки, одежда. Иловлинский музей народной архитектуры и быта донских казаков представляет собой усадьбу казака конца XIX – начала XX вв.: курень, летняя кухня, мастерская, амбар и конюшня. Калачевский краеведческий музей (филиал ГУК «ВОКМ») располагает предметами этнографии, коллекцией холодного оружия конца XIX в. Музей истории донских казаков Клетского муниципального района собрал этнографическую коллекцию одежды донских казаков; предметов народных промыслов и ремесел; памятников православной культуры, а также предметов, связанных с воинской службой – шашка, стремяна, подковы. В Михайловском краеведческом музее хранятся предметы казачьего быта – чекмень, зипун конца XIX в., сабля периода Первой мировой войны, насека атамана хутора Чаплыженского конца XIX в., Георгиевский крест 1914 г.

В современной социокультурной ситуации ярко проявляется тенденция возрождения нематериального культурного наследия, в том числе традиционной праздничной культуры [1, С. 306]. Казачьи праздники соединили почитание Богородицы и памятные даты истории казачества [7, С. 18-19].

Сохраняя реликвии и традиции казачества, региональные музеи при активной поддержке казачьих обществ выполняют миссию трансляции культурного наследия, сохранения социальной памяти и национальной идентичности.

Список литературы / References

1. Галкова О. В. Культурное наследие Волгоградской области (структура и актуальные проблемы охраны памятников культуры) / О. В. Галкова, Е. В. Комисарова, И. А. Петрова, О. Н. Савицкая. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2013. – 332 с.
2. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков / под ред. Г. А. Новицкого. – М.: Госкультпросветиздат, 1953. – 170 с.
3. Иллюстрированная история казачества. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. – Волгоград : Вздо, 1994. – 544 с.
4. Казачий словарь-справочник – Т. I: Абрамов – Зябловский / Изд. А. И. Скрылов, Г. В. Губарев. Репринт. воспроизведение изд. 1966 г. Кливленд. Охайо. США. – М.: ТО «Созидание», 1992. – 286 с.
5. Ростовский В. Ю. Символика военного мундира // Народно-художественная культура российского казачества как культурно-исторический феномен: проблемы, опыт, перспективы развития: материалы и статьи I Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград: Станица-2, 2006. – С. 32-36.
6. Рыблова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века: [монография] / М. А. Рыблова; ЮНЦ РАН, ВолГУ; науч. ред. А. Ю. Дворниченко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 544 с.
7. Рыблова М. А. Календарные праздники донских казаков / М. А. Рыблова; отв. ред. А. В. Венков. – Волгоград : Издатель, 2014. – 168 с.
8. МКУК «Фроловский городской краеведческий музей» [Электронный ресурс]. – URL: http://muzei-85.ucoz.ru/index/o_muzee/0-7 (дата обращения 7.11.2016).
9. История России и казачества [Электронный ресурс]. – URL: http://istoriyadona.ucoz.ru/publ/kazaki_prodolzhenie_2/1-1-0-4 (дата обращения 03.03.2017).
10. ГБУК «Волгоградский областной краеведческий музей». Книга поступлений.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Galkova O. V. Kul'turnoe nasledie Volgogradskoj oblasti (struktura i aktual'nye problemy ohrany pamjatnikov kul'tury) [Cultural heritage of the Volgograd province (structure and the vital problems of the protection of the monuments of the culture)] / O. V. Galkova, E. V. Komisarova, I. A. Petrova, O. N. Savickaja. – Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2013. – 332 p. [in Russian]
2. Denisova M. M., Portnov M. Je., Denisov E. N. Russkoe oruzhie. Kratkij opredelitel' russkogo boevogo oruzhija XI–XIX vekov [Russian weapon. Brief determinant of the Russian combat weapon XI–XIX of the centuries] / pod red. G. A. Novickogo [Edited by G.A.Novickij] – M.: Goskul'tprosvetizdat, 1953. – 170 p. [in Russian]
3. Iljustrirovannaja istorija kazachestva [Illustrated history of Cossacks]. Reprintnoe vosproizvedenie izdanija [The reprint reproduction of publication] 1909 y. – Volgograd: Vздо, 1994. – 544 p. [in Russian]

4. Kazachij slovar'-spravochnik [Cossack dictionary-handbook] – V. I. Abramov – Zjablovskij / Izd. A. I. Skrylov, G. V. Gubarev. Reprint. vosproizvedenie izd. [The reprint reproduction of publication] 1966 y. Klivlend. Ohajo. SShA. – M.: TO «Sozidanie», 1992. – 286 p. [in Russian]
5. Rostovskij V. Ju. Simvolika voennogo mundira [Symbolism of the military uniform] // Narodno-hudozhestvennaja kul'tura rossijskogo kazachestva kak kul'turno-istoricheskij fenomen: problemy, opyt, perspektivy razvitija: materialy i stat'i I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The People-artistic culture of Russian cossacks as the cultural-historical phenomenon: problem, experience, the prospect for the development: materials and the article of the I All-Russian practical-scientific conference]. – Volgograd: Stanica-2, 2006. – P. 32-36.
6. Ryblova M. A. Donskoe bratstvo: kazach'i soobshhestva na Donu v XVI – pervoj treti XIX veka [Don brotherhood: Cossack associations on to Don in XVI – first third XIX of the century]: monografija [the monograph] / M. A. Ryblova; JuNC RAN, VolGU [SSC RAS, VolSU]; nauch. red. [the scientific editor] A. Ju. Dvornichenko. – Volgograd: Izd-vo VolGU, 2006. – 544 p. [in Russian]
7. Ryblova M. A. Kalendarnye prazdniki donskih kazakov [Calendar holidays of the Don cossacks] / M. A. Ryblova; otv. red. [Chief editor] A. V. Venkov. – Volgograd: Izdatel', 2014. – 168 p. [in Russian]
8. MKUK «Frolovskij gorodskoj kraevedcheskij muzej» [Frolovo municipal museum of local lore] [Electronic resource]. – URL: http://muzei-85.ucoz.ru/index/o_muzei/0-7 (the date of the access 7.11.2016). [in Russian]
9. History of Russia and Cossacks [Electronic resource]. – URL: http://istoriyadona.ucoz.ru/publ/kazaki_prodolzhenie_2/1-1-0-4 (the date of the access 03.03.2017). [in Russian]
10. GBUK «Volgogradskij oblastnoj kraevedcheskij muzej» [Volgograd provincial museum of local lore]. Kniga postuplenij [Book of enterings]. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.127>

Торохова Г.З.

Старший преподаватель,

Череповецкий государственный университет

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НА КНИГАХ УСАДЕБНЫХ БИБЛИОТЕК ДВОРЯН БАТЮШКОВЫХ И ВЕРЕЩАГИНЫХ

Аннотация

Статья посвящена владельческим признакам на книгах усадебных библиотек дворянских семей Батюшковых и Верещагиных. В работе представлена информация о владельцах книжных собраний, предпринята попытка анализа владельческих надписей. Автографы, пометы, надписи владельцев книг являются важным дополнительным источником при исследовании фондов домашних библиотек русских дворян. Они представляют большой интерес и служат средством для полного восстановления и понимания истории и культуры второй половины XVIII – первой трети XIX в.

Ключевые слова: усадебная библиотека, владельческие пометы, автографы, надписи, титульный лист.

Torokhova G.Z.

Senior lecturer,

Cherepovets State University

OWNERSHIP SIGNS ON BOOKS OF MANOR LIBRARIES OF NOBLE FAMILIES BATHUSHKOV AND VERESHCHAGINS

Abstract

The paper is devoted to the ownership signs on the books of the manor libraries of the noble families Batiushkovs and Vereshchagins. The work presents the information about the owners of book collections, the attempt is made to analyze the owner's inscriptions. Autographs, litters, inscriptions of the book owners are the important additional source in the study of the collections from home libraries of Russian nobles families. They are of great interest and serve as a means for the complete restoration and understanding of the history and culture of the second half of the 18th century and the first third of the 19th century.

Keywords: manor library, ownership signs, autographs, inscriptions, title page.

В связи с возникшим в последние годы интересом к провинции, ее прошлому и настоящему, на региональном уровне активно изучается история личных библиотек, что позволяет проследить судьбы книжных собраний, некогда принадлежавших бывшим помещикам.

Важным дополнительным источником для исследования частных библиотек являются владельческие признаки на книгах. О.Л. Тараканова разделяет владельческие признаки на фиксированные и нефиксированные. К фиксированным относятся признаки присвоения (экслибрисы, штампы, тиснения, владельческие надписи) и признаки пользования (маргиналии, пометы, автографы). Нефиксированные признаки бывают прямыми (подтвержденными архивными материалами, мемуарами, литературными источниками) и косвенными (легенды и традиции) [6].

Автографы, владельческие надписи и пометы, записи на полях книг, переплетах или свободных от текста листах раскрывают имена владельцев, дарителей, свидетельствуют об отношении читателя к книге, к тексту, к явлениям духовной и культурной жизни своего времени [2, с. 57]. Книга, благодаря признакам, оставленным на ней владельцем, становится уникальной, и может поведать о фактах, представляющих неоценимый материал для исследователей.

При изучении усадебных библиотек дворян Батюшковых и Верещагиных, владевших именными в Новгородской губернии, были выявлены общие черты, свойственные книжному собирательству второй половины XVIII – первой

трети XIX в. Анализ книжного состава показал, что основная часть фонда обеих библиотек состоит из иностранных книг, большей частью на французском языке. Это объясняется явлением галломании – квинтэссенции французского влияния, которая в России отмечалась в период середины XVIII – первой трети XIX в. [1, с. 26]. На некоторых книгах библиотек Батюшковых и Верещагиных есть признаки присвоения и пользования ими.

Библиотека семьи поэта К.Н. Батюшкова начала формироваться во второй половине XVIII в. в родовом имении села Даниловское. Первым ее владельцем являлся прадед поэта Андрей Ильич Батюшков. После того как усадьба Батюшковых в 1917 г. была национализирована, а 1106 книг из Даниловского в 1921 г. отправили в Устюженский отдел народного образования, в секцию охраны памятников искусств и старины. В 1937 г. по требованию Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина книги Батюшковых были переданы в ее фонды [5, с. 273]. В 1987 г. перед 200-летним юбилеем К.Н. Батюшкова встал вопрос о восстановлении Даниловской библиотеки Батюшковых. Работники Устюженского краеведческого музея направили запросы в Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, сотрудники которой смогли выявить лишь отдельные экземпляры книжного собрания. Последние, вместе с целым рядом дубликатов, были переданы дому-музею Батюшковых в Даниловском и музею поэта в Вологде. [7, л. 6, 7]. В настоящий момент экспозиция насчитывает более 200 томов.

Выявление книг проходило на основании описи, составленной дедом поэта Львом Андреевичем Батюшковым, включавшей также и краткий реестр библиотеки. Владельческие признаки, несмотря на то, что они имеются лишь на нескольких книгах, также свидетельствуют о принадлежности их дворянской семье Батюшковых. Автографы, надписи на книгах оставлены в основном отцом поэта, Николаем Львовичем, и сестрой отца, Анной Львовной.

Л.Н. Майков в книге, посвященной биографии поэта К.Н. Батюшкова и его сочинениям, писал, что Николай Львович после выхода в отставку поселился в своем родовом имении в Даниловском. Здесь он занимался хозяйством. В последние годы жизни Николай Львович увлекся промышленными предприятиями, которые значительно содействовали увеличению его состояния. «Большой любитель французской литературы и почитатель философии XVIII века, он собрал богатую библиотеку, со множеством роскошных изданий, которая и поныне составляет одно из лучших украшений села Даниловского» [4, с.14]. Отец поэта «не учился» по-французски и своим знакомством с «великими людьми Вольтером, Жан-Жаком Руссо, Мармонтелем и пр. и пр.» обязан лишь собственному «прилежанию». Свободно читая по-французски, он писал на этом языке с «помощью лексикона» [3, с. 75]. Его автографы и надписи на титульных листах некоторых книг являются свидетелями владения и чтения ими.

На титульном листе первого тома труда Луи-Бенжамена Франкёра «*Traité, élémentaire de mécanique*» («Основания механики») мы находим автограф Николая Львовича: «*Batuchkoff*», а на титульном листе второго тома этого произведения, помимо автографа еще и дату: «*Batuchkoff 10 мая 1818*».

На титульном листе 22-го тома собрания сочинений Филдинга есть надпись: «Все 22 тома прочтены мною в 1807 году <неразборчиво> Николай Батюшков». На титульных листах 23, 24, 25-го томов полного собрания сочинений Руссо написано: «Прочитано 1809 г. Николаем Батюшковым. Прочитано 1814 году». «Прочитано 1808 года Николаем Батюшковым в Даниловском. Прочитано 1815 год. Н.Б.».

Три книги содержат автографы и надписи, оставленные тетей поэта, Анной Львовной, в замужестве Карауловой. Вероятно, они были сделаны ей в пору девичества, когда она жила в родовом имении в Даниловском. Так, второй том книги «*Contes moraux*» («Моральные сказки») известной французской писательницы Лепренс де Бомон содержит автограф «*Anna de Batuschkoff*». На книге Ригора «*Connaissance de la mythologie par demandes et par réponses*» («Знание мифологии в вопросах и ответах») есть надпись «*Le livre appartient à Anne de Batuschkoff*» («Книга принадлежит Анне Батюшковой, 1797»).

Имеются также нефиксированные признаки владения книгами членами семьи Батюшковых, о чем свидетельствуют письма поэта Константина Николаевича своим родным, его переписка с отцом и записные книжки, в которых часто упоминаются авторы произведений и книги из семейной библиотеки. Это является отдельной темой исследования и выходит за рамки данной статьи.

В отличие от усадебной библиотеки дворян Батюшковых, книжное собрание семьи художника В.В. Верещагина практически не пострадало. Начало создания фамильной библиотеки принадлежит прадеду художника – Алексею Петровичу Башмакову, владевшему имением в селе Любец Череповецкого уезда. Его дети, Петр и Наталья, продолжили формирование книжного собрания. Вплоть до 40-х годов XX столетия библиотека находилась в родовом имении Верещагиных в селе Пертовка, а после его затопления Рыбинским водохранилищем была передана семьей Кузьмы Николаевича Верещагина, племянника художника, в 1940 г. Череповецкому краеведческому музею. Из 220 книг большая часть представлена в экспозиции Мемориального дома-музея В.В. Верещагина в Череповце, остальная находится в фондах Череповецкого музейного объединения.

Владельческие пометы, надписи, автографы на некоторых книгах, а также цитаты, включенные в дневники членов семьи Верещагиных, говорят о том, что книги не только читали, но и глубоко осмысливали. Надписи, представленные далее, дают информацию о том, кому принадлежала та или иная книга, в каком году она была куплена или прочитана, кем подарена, что более всего заинтересовало в ней читателей.

Надписи на книгах членов семьи художника В.В. Верещагина

1. Dictionnaire biographique et historique des hommes marquants de la fin du XVIII siècle. A. – D. T. 1. – Londres, 1800.

На титульном листе: «Подарена дядинькою Алексеем Васильевичем нам».

2. Genlis, Stéphanie Félicité de. La duchesse de la Vallière. Cinquième édition. T. 1 – 2. - Paris: Marchand, an XII (1804).

На титульном листе: «*du l'an 1805*». «Петра Башмакова».

3. Godwin, William. Saint-Léon, Histoire du seizième siècle, traduit de l'anglais. Orné de jolies gravures. T.1. – Paris: Michel, Le Normant, Billois, an 8 (1800).

На первом листе обложки: «1821 года 2 июня: 3 тома, 1 том С.-Петербург. Москва. Можайск. Худая и хорошая погода».

4. Lafontaine, Auguste Heinrich Julius. Henriette Bellman ou Dernier tableau de famille. T. 1. – Paris: J. Garnier, an XI (1803).

На титульном листе: «du l'an 1805» («прочитана в 1805 году»). «Петра Башмакова».

5. Les femmes.

На стр. 10: «ceci n'est pas vrai» («это неправда»).

6. Lettres diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde. Nouvelle édition. – Paris: Méquignon, fils aîné, 1820.

На титульном листе: «Acheté par Natalie Véréchtchaguine l'an 1833» («Куплена Натальей Верещагиной в 1833 году»).

7. Marmontel, Jean François. Oeuvres complètes. T. 3 – 7, 9 – 11, 15 – 16. – Paris: Née de la Rochelle, 1787.

1) На последнем листе обложки 3 тома: «Page (страница) 234 опровержение Mr сочинителя на многие Bayle (далее неразборчиво) о вере Христианской единобогущей господствовать в Европейских монархиях».

2) На последнем листе обложки 3 тома: «стр.: 240: р. 241 достойны препятствовать Монтескье».

3) На титульных листах 17 – 20 томов: «Анна Верещагина сестра Башмакова».

8. Naubert, Christine-Bénédict-Eugénie Hebenstreit, dame. Lindorf et Caroline, ou les Dangers de la crédulité, traduit de l'allemand. T. 1, 3. – Paris: Ouvrier, 1802.

На стр. 261: «Page 40 mot philosophique du père Eustache» («Страница 240 философское слово отца Эсташа»).

9. Les études convenables aux demoiselles, contenant la grammaire, la poésie, la rhétorique, le commerce des lettres, la chronologie, la géographie, l'histoire, la fable historique, la fable morale, les règles de la bienséance, et un cours traité d'arithmétique. Ouvrage destiné aux jeunes pensionnaires des communautés et maisons religieuses. T. 1. – Lille: André-Joseph Panckoucke, 1759.

На первом листе обложки: «Ce livre appartient à Elisabeth de Bachemakov. Acheté à Pétersbourg. L'an 1777» («Эта книга принадлежит Елизавете Башмаковой. Куплена в Петербурге. 1777 год»).

10. Plutarque. Les vies des hommes illustres, traduites en français, avec des remarques historiques et critiques, par M. Dacier. T. 1 – 2, 7 – 11, 13 – 14. – Lyon: Amable Leroy, 1803.

1) На первом листе обложки 1 тома: «Плутарх все части принадлежат А. Верещагину».

2) На последнем листе обложки 1 тома: «256 page réponse de Grenadier à Mr Chatelet» («256 страница ответ Гренадье господину Шатле»).

11. Wieland, Christoph Martin. Aristippe et quelques-uns de ses contemporains, traduit par Henri Coiffier avec portraits. T. 1 – 3, 5. – Paris: Poignée, an X (1802).

На титульном листе первого тома: «Творение достойно весьма внимания. Март 1803».

12. Young, Edward. Les nuits, traduites de l'anglais. T. 1 – 2. – Amsterdam: aux dépenses de la Compagnie, 1771.

1) На последнем листе обложки 1 и 2 томов: «Сия книга подарена мне сестрицею Настасьей Васильевною на мои именины 1820 год 23 ноября А. Wéréschaguine».

2) На титульном листе 1 и 2 томов: «Натальи Верещагиной куплена в Москве 1811 20 марта».

Самая ранняя надпись датирована 1777 годом и принадлежит прабабушке В.В. Верещагина, Елизавете Башмаковой (№ 9). Она информирует о том, где и когда было куплено «Учебное пособие для девиц». Самая поздняя надпись сделана Натальей Верещагиной, бабушкой художника, в 1833 году, которая также свидетельствует о покупке книги «Несколько писем святого Франциска Сальского людям, живущим в миру» (№ 6). Имеются автографы и надписи на книгах ее брата, Петра Башмакова (№ 2, 4). Некоторые тома носят владельческие признаки других членов большой дворянской семьи Башмаковых-Верещагиных – детей Натальи Верещагиной – Анны, Алексея (№ 7, 12), ее внуков (№ 1). Отдельные книги имеют записи и пометы, которые не представляется возможности идентифицировать, но они, по всей вероятности, также принадлежат членам рода Верещагиных (№ 3, 5, 8, 11).

Автографы, пометы, надписи членов семьи Башмаковых-Верещагиных, оставленные на титульных листах, страницах томов, равно как и упоминания о книгах в дневниках и мемуарах некоторых из них являются дополнительным материалом при исследовании усадебной библиотеки, помогают выявить читательские вкусы и предпочтения дворян, служат средством для полноты понимания и восстановления истории и культуры ушедшей эпохи.

Владельческие признаки на книгах оживляют пожелтевшие от времени или же поврежденные в силу каких-то обстоятельств страницы томов, которые держали в руках, читали члены дворянских семей знаменитых деятелей русской культуры. Многим из автографов, помет и надписей уже больше 200 лет. Книги, пережившие своих владельцев, являются свидетелями истории повседневной жизни русских дворян второй половины XVIII – первой трети XIX в.

Список литературы / References

1. Загряжская Т.Ю. Русско-французские культурные связи // Франция и Россия: культурные контакты / Под ред. Т.Ю. Загряжской. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010. – С. 7-48.

2. Киселева Л.И. Записи на рукописных и редких печатных книгах как исторический источник и их использование в базе данных // Археографический ежегодник за 2003 год /о. Ред. С.О. Шмидт; Археограф. Комис. – М.: Наука, 1957-2003. – 2004. – С. 57-63.

3. Лазарчук Р.М. К.Н. Батюшков и Вологодский край. – Череповец, 2007. – 344 с.

4. Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. – М.: «Аграф», 2001. – 528 с.

5. Морозова Н.П. Библиотека Батюшковых (XVIII – начала XIX века) // Череповец: Краеведческий альманах. – Вологда, 1996. – Вып. I. – С. 270-286.

6. Тараканова О.Л. Антикварная книга [Электронный ресурс]. URL: <http://hi-edu.ru/e-books/AK/vyhodn.htm> (дата обращения: 06.03.2017).

7. Устюженский краеведческий музей. – Фонд 9. – Оп. 1. – Дело № 1004.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zagryazkina T.YU. Russko-francuzskie kul'turnye svyazi [Russian-French cultural relations] // Franciya i Rossiya: kul'turnye kontakty [France and Russia: cultural contacts] / Pod red. T.YU. Zagryazkinoj. 2-e izd., ispr. i dop. [Edited by T.YU. Zagryazkina. The second, amended and supplemented edition]. – M., 2010. – P. 7-48. [in Russian]
2. Kiseleva L.I. Zapisi na rukopisnyh i redkih pechatnyh knigah kak istoricheskij istochnik i ih ispol'zovanie v baze dannyh [Records on the handwritten and rare printed books as a historical source and their use in the database] // Arheograficheskij ezhegodnik za 2003 god [Archaeographic of yearbook 2003] / Otv. red. S.O. Shmidt; Arheograf. Komis. [Executive editor S.O. Shmidt; Archaeographic commission]. – M.: Nauka [Science], 1957-2003. – 2004. – P. 57-63. [in Russian]
3. Lazarchuk R.M. K.N. Batyushkov i Vologodskij kraj [K.N. Batyushkov and Vologda region]. – Cherepovets, 2007. – 344 P. [in Russian]
4. Majkov L.N. Batyushkov, ego zhizn' i sochineniya [Batyushkov, his life and writings]. – M.: «Agraf», 2001. – 528 P. [in Russian]
5. Morozova N.P. Biblioteka Batyushkovykh (XVIII – nachala XIX veka) [The Batyushkovs' library (XVIII – the beginning of the XIX century)] // Cherepovets: Kraevedcheskij al'manah [Cherepovets: Local historic almanac]. – Vologda, 1996. – Issue I. – P. 270-286. [in Russian]
6. Tarakanova O.L. Antikvarnaya kniga [Antiquarian book] [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. URL: <http://hi-edu.ru/e-books/AK/vygodn.htm> (data obrashcheniya: 06.03.2017) [date of the application: 06.03.2017]. [in Russian]
7. Ustyuzhenskij kraevedcheskij muzej [Ustyuzhna Regional Museum]. – Fund 9. – Inventory 1. – Dossier № 1004. [in Russian]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITOLOGYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.094>

Гуринович Д.Ф.

ORCID: 0000-0002-4723-9313, Аспирант факультета политологии,
Московский государственный институт

международных отношений (университет), МИД РФ

БРИКС В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА**Аннотация**

Рассматриваемое в статье транснациональное объединение государств БРИКС представляет собой новый политический формат в развитии многомерности условий современной глобализации. Исследование различных аспектов трансрегионального развития современного политического института, представленного объединением БРИКС, обуславливается тем обстоятельством, что механизм его развития зависит не только от экономической заинтересованности, сколько от политических условий стабильности регионального взаимодействия входящих в него стран.

Ключевые слова: БРИКС, политический институт, экономическое объединение, трансрегиональное сотрудничество, новый геополитический формат, новая форма международных отношений.

Gurinovich D.F

OCSID: 0000-0002-4723-9313, Postgraduate,
Faculty of Political Sciences

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

BRICS IN THE STRUCTURE OF THE MODERN WORLD ORDER**Abstract**

BRICS – the transnational association of states considered in the paper is a new political format in the development of the multidimensionality of the modern globalization conditions. The study of various aspects of the transregional development of the modern political institution represented by the BRICS Union is due to the fact that the mechanism of its development depends not only on economic interest, but also on the political conditions for the stability of the regional interaction of its members.

Keywords: BRICS, political institute, economic association, transregional cooperation, new geopolitical format, new form of international relations.

В XXI веке новый миропорядок обретает конкретную, исторически обусловленную структуру, стабильность которой поддерживается приблизительным паритетом между государствами и блоками государств. Демонтаж прежнего миропорядка является следствием нарушения равновесия и активизирует переходный, транзитивный период, в ходе которого мир, как система, стремится достичь нового равновесия или нового дисбаланса. После того как равновесие будет достигнуто, будет складываться новый миропорядок, стабильность и продолжительность существования которого определяется: во-первых, тем, какие государства окажутся, образно говоря, форвардами в международной политической игре; во-вторых, тем, какие государства и какие регионы по какой-либо причине снизят своё влияние или же выдвинутся в определённом ареале геополитического пространства;

В данном контексте значительную актуальность приобретает тот факт, что БРИКС, как интеграционное объединение, представляет собой мощную структуру в современной системе международных отношений.

Без преувеличения возможно сказать, что проблематика БРИКС – один из постдисциплинарных объектов социогуманитарного знания последнего десятилетия, и синергетическая методология подобного знания позволяет продуцировать концептуальные основания решения возникшей, трансформирующейся и образно говоря, «мутирующей» проблемы. Интегральным выражением указанных проблем является оценка БРИКС в целом с позиций сущностно рассматриваемой современности.

Глубокое и всестороннее осмысление смыслов термина БРИКС предполагает, по мнению современного философа И.Я. Левяш, концептуально целостный контекст: триаду геополитики/геоэкономики - цивилизации - культуры с опорой на «культурные слагаемые современности»; понимание единства и вместе с тем многомерности глобального мира; выяснение роли в нем *smart power* (разумной силы) наций-государств; непосредственная зависимость этой силы от беспрецедентной в истории инверсии - развития как условия выживания; признание, что пока субъекты БРИКС в лучшем случае более растут, чем действительно развиваются; отсюда - востребованность методологии предвидения, прогнозирования и моделирования процесса формирования БРИКС [1].

Следует подчеркнуть - БРИКС как межгосударственное объединение занял особое место в ряду трансрегиональных организаций. Он отображает тренд, в соответствии с которым Россия солидаризуется в качестве межрегионального центра влияния с элементами глобальной державы, разумеется, насколько это адекватно её реальным ресурсам, а не только декларациями.

Создание БРИКС, говорит о начале изменения мировой экономики в направлении с Запада на Восток, в сторону развивающихся стран. Кроме взаимодействия по значительным проблемам современности, БРИКС проводит политику невмешательства во внутренние дела своих партнёров. Практически, БРИКС, в случае его дальнейшего плодотворного развития, может предстать не только как идеальная модель института сотрудничества стран в глобальном мире; но и как реальная модель, выстраивания направлений «Север-Юг» и «Восток-Запад», а также каких-либо военно-политических блоков [2].

По мнению главного научного сотрудника Института Латинской Америки РАН Я.Г. Шемякина, в контексте осмысления предпосылок объединения стран БРИКС «...одна из главных коллизий, развёртывающихся в духовном пространстве BRICS, - это столкновение, взаимное переплетение и конфликтное взаимодействие двух качественно различных типов рациональности - формальной рациональности западного происхождения и характера» и присущей странам БРИКС «ценностной рациональности, опирающейся на духовное наследие соответствующих неевропейских цивилизаций». При всей огромной разнице между особенностями цивилизации стран БРИКС, все они «разновидности рациональности, которую вслед за Вебером можно назвать «ценностной»: здесь ключевое значение придаётся качественным характеристикам объектов действительности, всегда присутствует представление о некоей высшей цели» [3, С. 76].

Исходя из официальной позиции России, взаимодействие в рамках БРИКС совпадает со стратегическими национальными интересами, обеспечивая стабильность внешней политики. Данная позиция нашла своё отражение в концепции внешней политики России, а также и в других документах МИД Российской Федерации.

Необходимо учитывать, также потенциал структуры БРИКС имеющий стремление развиваться и тем самым увеличивать свой авторитет в мире, в том числе России, как одной из ключевых стран-участниц БРИКС. Практика отношений с США и Евросоюзом показывает, что в условиях второй декады XXI столетия Российская Федерация не достигает взаимопонимания по важным для себя вопросам. Соответственно, развитие альянсов подобных БРИКС, должно способствовать повышению уровня рациональности, сбалансированности и продуктивности системы международных отношений. Безусловно, нахождение России в БРИКС ведёт к укреплению её позиций в диалоге с США и Евросоюзом по актуальнейшим проблемам международных отношений. Россия в перспективе могла бы стать связующим звеном между членами самого БРИКС (с государствами-участниками которых у РФ складывается благоприятный диалог), а также БРИКС и G-7.

России исторически присуще стремление к расширению пространства, таким образом, как известно, развивалось Российское государство. Объединяясь с Бразилией, Индией, Китаем, ЮАР, Россия имплицитно расширяет собственную зону влияния, реализуя собственные, а именно внешнеторговые интересы. Коллективная экономическая деятельность БРИКС должна способствовать развитию экспорта российского товара, способствующего укреплению торговли и налаживанию взаимодействия в сфере конкурентной политики. Тем самым БРИКС даёт возможность России широкого доступа на новые финансово-экономические рынки. К тому же Россия сохраняет положение главного поставщика энергоресурсов для государств партнёров, а в перспективе становясь важным импортёром новейших технологий, в таких сферах как: авиастроение, ядерная энергетика, производство военной продукции и т.д. Тем самым способствуя усилению конкуренции России как крупного экономического партнёра. Ко всему, используя БРИКС, Россия может решительнее озвучивать собственные предложения относительно борьбы с мировым кризисом (в частности, в рамках G-20), что объективно способствует усилению её влияния на глобальную экономику, и не только через энергетическую сферу [4, С.25].

Россия придерживается следующего что, имея жёсткую политическую волю в лице руководства стран БРИКС к стремлению кооперации, этот альянс в скором времени станет одним из главных элементов новой системы глобального управления, а именно в финансово-экономической сфере. Наряду с этим Российская Федерация выступает за позиционирование БРИКС в мире как принципиально новую модель международных отношений, дополняющей/замещающей прежние модели отношений «Север - Юг или Восток - Запад».

Впрочем, не стоит рассматривать процессы, относящиеся с БРИКС, только лишь с точки экономических процессов. БРИКС предполагает решение более сложных и масштабных задач - достижение мира и безопасности, развития сотрудничества в различных регионах планеты. БРИКС стремится «внести значительный вклад в развитие человечества и создание более равноправного и справедливого мира» [5].

Поэтому, как нам видится, членство в БРИКС сказывается положительно на интересах России по многим причинам. С учётом перспективности развития БРИКС, Российская Федерация приобретает сильный инструмент

усиления политического авторитета в мире, сниженного с распадом СССР, а также получает средство утверждения и прогресса в своих стратегических приоритетах. Участники БРИКС выступают фактически партнёрами и единомышленниками в совместном осмыслении и принятии решений при возникновении региональных и глобальных проблем в ООН, а также включая «Большую двадцатку» (G-20). Ответственно и многообещающе БРИКС заявил о себе в Совете безопасности ООН.

Исходя из геополитической специфики Россия имеет таких препятствий меньше, по крайней мере, они незначительнее, возможно, за исключением системы США - Бразилия. Эти же сравнительные преимущества России распространяются и на её отношения в «Большой восьмёрке» и «Большой двадцатке». Во-первых - она образует фактически собственную категорию в одном лице и способна декларировать, по крайней мере, теоретически, свою повестку дня, с учётом интересов своих стратегических партнёров, включая членов БРИКС. Во-вторых, место и роль Российской Федерации более естественны, так как там у неё открывается потенциал не только «разыгрывать карту» своего вхождения в клуб «восьмёрки», где РФ находится отчасти, не будучи членом «финансовой семёрки», но и кооперироваться с Бразилией, Индией, Китаем, и другими, вновь заявившими о себе центрами мирового влияния во взаимодействии с членами G-7, которые возможно считаются безусловными единомышленниками.

Акцентируя усилия в придании БРИКС современного качественного уровня, очень важно усиление взаимодействия не только на государственном уровне, но и между гражданским обществом стран-партнёров. Поэтому для более глубокой интеграции структур гражданского общества в концепции председательства России в БРИКС отражены предложения о конкретных шагах в социально-политическом взаимодействии, молодёжной политики и культуры [6].

Необходимо отметить, что за короткий срок БРИКС продемонстрировал заметные успехи на мировой арене, из начально воспринимаемый как договор между государствами с развивающейся экономикой защищающихся от кризиса, БРИКС становится заметным объектом на карте мира.

Список литературы / References

1. Левяш И.Я. БРИКС в постдисциплинарной оптике современности: вызовы и ответы по оси Москва – Пекин/И.Я. Левяш// <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2015/08/Левяш.doc>
2. Торин А.И. Академический форум БРИКС: к новой модели глобальных отношений / А.И. Торин // Журнал Международная жизнь. - 2015, // <https://interaffairs.ru/news/show/13192>.
3. Шемякин Я.Г. BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания / Я.Г. Шемякин // Журнал Латинская Америка. - 2014. - № 7. - С. 76.
4. Гришаева Л.Е. БРИКС и новая роль России в глобальном партнёрстве // Экономический журнал. - 2012. - №27. - С. 6-28.
5. Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС. - Санья, Китай. – 2011. // <http://kremlin.ru/supplement/907>
6. Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах. Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС. // http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html

Список литературы на английском языке / References in English

1. Levyash I. Ya. BRICS v postdisciplinarnoy optike sovremennosti: vyzovy i otvety po osi Moskva-Pekin [BRICS in postdisciplinary optics of the present: challenges and answers along the Moscow-Beijing axis]/ I. Ya. Levyash// <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2015/08/Levyash.doc>. [in Russian]
2. Torin A. I. Akademicheskij forum BRIKS: k novoy modeli globalnih otnosheniy [BRICS Academic Forum: Towards a New Model of Global Relations] /A. I. Torin// Jurnal Mejdunarodnaya jizn [Journal International Affairs]. - 2015, // <https://interaffairs.ru/news/show/13192>. [in Russian]
3. Shemyakin Ya. G. BRIKS: civilizacionnaya identichnost i imperative vzaimoponimaniya [BRICS: civilizational identity and imperative of mutual understanding] / Ya. G. Shemyakin // Jurnal Latinskay Amerika [Journal of Latin America]. - 2014. - №. 7. - P. 76. [in Russian]
4. Grishaeva L.E. BRIKS i novaya rol Rossii v globalnom partnerstve [BRICS and the new role of Russia in the global partnership] // L.E. Grishaeva// Ekonomicheskij jurnal [Economic Journal]. - 2012. - № 27. - P. 6-28. [in Russian]
5. Deklaraciya, prinyataya po itogam samite BRIKS [Declaration adopted at the end of the BRICS summit]. - Sanya, China. – 2011. // <http://kremlin.ru/supplement/907>. [in Russian]
6. Konceptiya predsedatelstva Rossiyskoy Federacii v mezhgosudarstvennom obedinenii BRIKS v 2015-2016 godah [The concept of the Russian Federation's chairmanship in the BRICS interstate association in 2015-2016]// Oficialniy sayt predsedatelstva Rossiyskoy Federacii v BRIKS [The official website of the Russian Federation presidency in the BRICS]// http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.028>Коломейцева Н.А.¹, Коломейцев Ю.Ю.²¹Кандидат политических наук, заведующая кафедрой политологии Дальневосточного федерального университета,²Директор Центра социальных инноваций «Чёрный куб»**БРИКС: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО ВЕКТОРА ПОЛИТИКИ****Аннотация**

Объявленный в 2013 году президентом России курс на развитие Дальнего Востока РФ, а также внешнеполитический разворот нашей страны на Восток в связи с современным кризисом системы международных отношений создали дополнительные предпосылки тесной интеграции Российской Федерации и ее дальневосточных субъектов со странами АТР. Автор полагает, что в концепцию современной восточной политики РФ вписывается ее деятельность в рамках международного института БРИКС, членом которого Россия является уже более десяти лет. По мнению исследователя, в условиях глобальной напряженности, институциональные возможности БРИКС будут способствовать реализации азиатско-тихоокеанского вектора российской политики.

Ключевые слова: БРИКС, АТР, Российская Федерация, Дальний Восток, КНР, Индия, международные институты, восточная политика, внешняя политика, система международных отношений, система международной безопасности.

Kolomeitseva N.A.¹, Kolomeitsev Y.Y.²¹PhD in Political Science, Head of Department of Political Science,Far Eastern Federal University, ²Director of the Center for Social Innovations «Black Cube»**BRICS: RUSSIA'S INSTITUTIONAL OPPORTUNITIES FOR EXECUTING ASIA PACIFIC DIRECTION OF ITS POLICY****Abstract**

The focus on Russian Far East development announced by Russian president in 2013 and the turnaround of Russian foreign policy towards the East due to contemporary crisis of the system of international relations have created additional prerequisites for close integration between the Russian Federation and its Far Eastern constituent entities and APR countries. The author argues that the Russian Federation's activity within the framework of BRICS, an internal institution with Russia having been its member for more than 10 years, fits well into the concept of its contemporary eastern policy. In the author's opinion, given global tensions, BRICS's institutional opportunities will promote the execution of Asia Pacific direction of Russian policy.

Keywords: BRICS, APR, Russian Federation, Far East, PRC, India, international institutions, eastern policy, foreign policy, system of international relations, international security system.

Rapid deterioration of Russian-Western relations, triggered by so-called «Ukrainian crisis» of 2013-2014 marked the crisis of contemporary system of international relations. Seeming inviolability of the most recent world orders was based on international institutions established during the «cold war». Confrontation of two global systems in the second half of 20th century was very similar to the previous stages of world order development in terms of struggle for global domination providing basis for foreign-policy intensions of leading political actors. After the collapse of the Soviet Union the United States of America remained the only such actor, acting as a «global policeman» under continuous local conflicts and growing terrorist threat, which seized to be intraregional one, due to globalization processes and, mainly, liberalization of migration processes during the last two decades.

Contrary to its objectives, US foreign policy of the last 25 years not only has failed to stabilize the relevant process in Eurasia, but also has created a number of new issues the international community is currently facing. By preserving an expansionist nature of its foreign policy, the USA sought to create a system of international relations based on establishing regimes loyal to the United States in the states, which leaders promote abandonment of Western values and complete independence in their foreign affairs, under the pretext of the struggle for human rights.

By imposing Western political models on neighboring continents, the USA accelerated the process of political globalization, which, contrary to economic one, has a number of negative features. Apart from intensifying international connections, it leads to the marginalization of global policy, emergency of new unconventional types of international political actors in the form of transnational corporations, private financial institutions and international terrorist organizations. Given this new political reality, it is becoming obvious that «global policeman» mechanism is not capable to address contemporary global threats, since the subjects of such threats are non-state formations (notably terrorist organizations) that bear no legal responsibilities.

In our opinion, current conditions call for new global management structures based on network diplomacy principle. Due to its paradigm uniformity and failure to take into account the interests of both non-Western world and European establishment, an aggressive, one-way Western policy fails and puts the whole system of international relations at risk. Given an intensifying globalization, addressing global problems calls for multilateral dialog, which would reflect the multipolarity having established during recent years, and which is denied by only a few experts due to the gradual shift of global economy's center of gravity to the Asia-Pacific Region and the recovery of its foreign-policy outposts in the Middle East and Central Asia by Russia.

We assume that contemporary crisis of international relations could be overcome, first, by engaging the biggest non-Western political actors, which role on the foreign-policy stage has recently grown, into global process of making political decisions, and, second, by integrating and synchronizing economic processes in the East: due to relatively weak integration connections between the APR countries, Asian economy will be no longer capable to provide political mightiness of the East.

In its contemporary foreign policy the Russian Federation as a global policy actor incrementally moves towards creating multi-faceted international space. In as early as 2006 an international organization, BRIC (lately renamed as BRICS), was created at the initiative of the Russian Federation to consolidate new growing global economies with vast demographic and resource potentials. In his Address to the Federal Assembly of 2013, Russian president, Vladimir Putin, announced the priority of Far East developing in the national strategy, designed, among other things, to ensure the performance of external integration function with the economies of the Asia-Pacific Region.

Emergence of BRICS and extension of Asian economic cooperation has occurred to creation of such international institutional platforms as Russia-ASEAN, ASEAN+3, ASEAN+6, SCO, APEC and the like. These international organizations play a significant role in creating constructive international field, which may provide basis for developing parameters of new world order system that would better fit current geopolitical balance of forces on our planet, natural gap closing between the West and the East, the North and the South, «Golden Billion» countries and other states.

BRICS's influence on the international stage is based on growing economic power of its member states and their demographic status and important role in providing resources for humanity. In 2017 BRICS's shares of global GDP, Earth's land surface and global population is over 21%, 26% and 42% respectively [6, P. 307]. During the recent years BRICS economies have grown five-fold, while those of developed countries – by 61% [3, P. 2]. At the same time, Asia-Pacific Region is already home to over half of global population and includes the most populous countries and the most densely-populated regions in the world. According to forecasts, in a short term the region's population share will have exceeded 60% by 2020 [2, P. 95], with Asian countries already contributing over 40% of global GDP [5].

BRICS can turn into an institutional platform, which has a positive effect on reinforcing integration processes in the APR, for Russia. As practice shows, it is political differences between countries in this region that impede the promotion of economic interests. That's why the strongest integration processes are currently encountered in Southeast Asia (SEA). Countries located in this sub-region are not actors of large-scale global policy. It is plausible to say that creation of ASEAN and its integration platforms with other countries fits well into national interest of SEA countries, with their voice getting heard by international community.

In this regard BRICS is the largest global platform, within which member countries declare the unity of the interests belonging to political field and aimed against unfair financial, economic and political domination of developed countries. According to S.V. Lavrov, ministry of foreign affairs of the Russian Federation, BRICS countries are united by their «determination to reform an obsolete global financial and economic architecture, which does not take into account increased economic influence of BRICS countries and other «new» economies. Common commitment of member countries to the principles and rules of international law and zero tolerance to power politics and infringement of sovereignty of independent countries are important too. These five member countries share a lot of common challenges and issues related to demands for economy and social life modernization. Finally, the complementarity of numerous economy sectors of our countries promotes our strategic rapprochement» [3, P. 2].

Beside Russia, BRICS include two other countries that have great political, economic and spiritual influence in Asia, China and India. PRC is the largest Eurasian economy, while India enjoys the highest index of economic development in Asia, with its annual GDP growth of about 8%. Nowadays Indian foreign policy is clearly directed to the East. This country has been executing its «Look East Policy» since 1991. Indian companies actively participate in developing continental shelves in the South China Sea and near Sakhalin Island. Beside BRICS, India participates in such Asian dialog formats as RIC, EAS, SCO and WPNS. There are also negotiations on adding this sixth global economy to APEC. In the meantime numerous contradictions with China, which used to openly impede east direction of Indian policy for a long time, have been overcome. Nowadays most APR countries recognize India as «Pacific power» [4, P. 43].

Thus, given common political and economic interests of non-Western community subjects, with its core located in Asian region, and also economic development tendencies of Eastern and Southern countries, it is obvious that both BRICS and Asia Pacific community have global extension prospects. The role the East and other regional powers play in establishing world order will grow accordingly. According to Carlos Pereira, a leading Brazilian political expert, Asian and Latin America countries challenge conventional world order with the West itself, which has to approach BRICS countries due to the lack of resources for maintaining its economic might [1].

As for Russia, it has long ago secured its place as BRICS's political key-note. Nowadays our country develops international information agenda as none other in Eurasia. The focus on creating modern mixed economy in the Russian Far East through attracting Asian investments to advanced development territories and Free Port of Vladivostok, which was announced by Russian government and its president, is gaining even more support from its APR countries, which was shown by ASEAN leaders in Sochi in May, 2016; leaders of South Korea and Japan at the 2nd Eastern Economic Forum that took place in Vladivostok on September 2nd, 2016; and Chinese president, Xi Jinping, at G20 Summit in China two days later.

In our opinion, as globalization processes are expanding in developing world, which is already encounterable, a mutual influence of BRICS and leading APR economies on each other will grow. Thus, in case of maintaining the direction of Russian foreign policy and Russia's place in BRICS institution and its organization, the role of the Russian Federation in the Asia-Pacific Region will, at least, grow in the medium term.

Список литературы / References

1. Карлос Перейра М. Латинская Америка: БРИКС бросает вызов старому мировому порядку [Электронный ресурс] / М. Карлос Перейра. – URL: <http://inosmi.ru/latamerica/20120206/185016460.html> (дата обращения: 17.11.2016).
2. Коломейцева Н.А. Политика реализации выхода России в Азиатско-Тихоокеанский регион через аграрную отрасль юга Дальнего Востока / Н. А. Коломейцева // Вестник БИСТ. – 2016. – №3 (32). – С. 93-102.
3. Лавров С. В. БРИКС – глобальный форум нового поколения / С. В. Лавров // Международная жизнь. – 2012. – № 3. – С. 1-6.
4. Лебедева Н. Б. Южно-Китайское море: «окно» Индии в Азиатско-Тихоокеанский регион (интересы, цели, перспективы) / Н. Б. Лебедева // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – № 20. – С. 40-68.

5. ТОП-5 экономик Азии к 2030 году (09.07.2016) [Электронный ресурс] // Политэксперт. – URL: <http://politexpert.net> (дата обращения: 16.11.2016).

6. Шатская И. И. Перспективы развития БРИКС / И. И. Шатская // Научный альманах. – 2016. – №4-1 (18). – С. 307-311.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Carlos M. P. Latinskaya Amerika: BRIKS brosaet vyzov staromu mirovomu poriyadku [Latin America: BRICS challenge conventional world order] [Electronic resource] / M. Carlos Pereira. – URL: <http://inosmi.ru/latamerica/20120206/185016460.html> (accessed: 17.11.2016). [in Russian]

2. Kolomeitseva N. A. Politika realizatsii vykhoda Rossii v Aziatsko-Tikhookeanskii region cherez agrarnuyu otrasl' yuga Dal'nego Vostoka [Policy of executing Russian access to the Asia-Pacific Region through agricultural industry of southern Far East] / N. A. Kolomeitseva // Vestnik BIST [Bulletin of Bashkir Institute of Social Technologies]. – 2016. – N 3 (32). – P. 93-102. [in Russian]

3. Lavrov S. V. BRIKS – global'nyi forum novogo pokoleniya // [BRICS as a new-generation global forum] / S. V. Lavrov // Mezhdunarodnaya Zhizn' [International affairs]. – 2012. – N 3. – P. 1-6. [in Russian]

4. Lebedeva N. B. Yuzhno-Kitaiskoe more: «okno» Indii v Aziatsko-Tikhookeanskii region (interesy, tseli, perspektivy) [South China Sea: India's «window» on Asia Pacific Region (interests, goals and prospects)] / N. B. Lebedeva // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: Important Development Issues]. – 2013. – N 20. – P. 40-68. [in Russian]

5. TOP-5 ekonomik Azii k 2030 godu [Top 5 Asian economies by 2030] (09.07.2016) [Electronic resource] // Politeksper [Political expert]. – URL: <http://politexpert.net> (accessed: 16.11.2016). [in Russian]

6. Shatskaya I. I. Perspektivy razvitiya BRIKS [BRICS development prospects] / I. I. Shatskaya // Nauchnyi al'manakh [Scientific miscellany]. – 2016. – N 4-1 (18). – P. 307-311. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.064>

Малов А.В.

ORCID: 0000-0002-6493-5150, Аспирант, Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

ПОЛИТИКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье ставится задача рассмотреть элементы политики продовольственной безопасности в эпоху античности. На историко-философских примерах: из биографии номарха Антилопьевого нома «Амени», идеального государства Платона, Хлебных законов Херсона Таврического и института рабства в образцовой вилле Марка Порция Катона показано, что такая политика проводилась. В результате сравнительного анализа, автор, один из первых в отечественной и зарубежной литературе показывает, как контролирующим органом: проводилась поддержка социально уязвимых категорий граждан методом раздачи зерна и хлеба; осуществлялась интенсификация сельского хозяйства, позволяющая избегать голода и стимулировать трудовую занятость; отменялись торговые пошлины при одновременном запрете ввоза и вывоза определённого контингента товаров; практиковались торгово-экономические блокады, как первые попытки продовольственной изоляции в истории.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственная самодостаточность, продовольственная самообеспеченность, зависимость от импорта, продовольственная угроза.

Malov A.V.

ORCID: 0000-0002-6493-5150, Postgraduate Student, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

FOOD SECURITY POLICY IN ANTIQUE ERA: HISTORIC AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Abstract

The aim of the article is to examine food security policy in antique era. Historical and philosophical examples (taken from the biography of the nomarch of Antilopium noma "Ameni," the ideal state of Plato, the Bread Laws of Kherson Tavrichesky and the institution of slavery at the model villa of Marc Porcia Catonis), illustrate that such policy was carried out in ancient states. As a result of comparative analysis, the author, one of the first ones in domestic and foreign literature, shows how the controlling body supported socially vulnerable categories of citizens by means of distributing grain and bread. It intensified agriculture, which helped to avoid hunger and stimulate employment. Trade duties were abolished while the import and export of certain kinds of goods were simultaneously banned. Trade and economic blockades were practiced, as the first attempts of food isolation in history.

Keywords: food security, food self-sufficiency, food self-reliance, dependence on import, food threat.

Одна из самых древних форм социального объединения - государство, упоминается неразрывно с первыми могущественными фараонами из города Мемфиса, который являлся центром Египта за 3000 лет до Рождества Христова [4, С. 12]. Отношение египтян к продовольствию носило сакральный оттенок. По их убеждениям, потребность в пище испытывали даже умершие, набальзамированные трупы которых, более обеспеченные жители мумифицировали, заливая горячей смолой (асфальтом). Жившая в мумии душа для своего существования нуждалась во всём, чем пользовался умерший при жизни. Для этого в склепах богатых людей на стенах были высечены картины из жизни: приготовление, подача обеда на стол. Родственники умерших бедняков сами приносили пищу своим покойникам. Если приношения прекращались, то душа мстила, насылая несчастья и болезни [4, С. 6].

Об актах продовольственной безопасности людей, проживающих на территориальной единице контролируемой уполномоченным органом, свидетельствуют слова одного из Сиутских номархов Гераклеопольского владычества, датируемые 2200 годом до нашей эры: «Я был богат зерном. Когда страна испытывала нужду, я поддерживал голод, с помощью ха и хекет (меры зерна); я позволял гражданину брать для себя зерна, и его жены, вдов и детей. Я покрыл пастбища скотом; у каждого человека было много приплода; коровы телились дважды, загоны были полны телят» [1, С. 167].

Многочисленны упоминания и о чиновниках, которые так же заботились о благосостоянии области, находившейся под их управлением. Так, в эпоху Одиннадцатой династии, помощник казначея Фиванского нома (административной единицы), живший в городе Гебелен, говорит: «Я поддерживал Гебелен в неурожайные года. Я составил четыре стада из коз и приставил к каждому стаду людей; я составил два стада из рогатого скота и одно стадо из ослов. Я сделал тридцать судов; затем ещё тридцать, привезя зерна для городов Эсне и Туфиума, после того как Гебелен получил поддержку. Никогда Гебелен не посылал ни вверх ни вниз по течению в другую область за продовольствием» [1, С. 169].

Еще одним примером политических действий в области продовольственной безопасности, служит определение из биографии Амени, номарха (губернатора) Антилопьега нома (области), начертанное в его гробнице в Бени-Хасан: «Когда наступили голодные года, я вспахал все поля Антилопьега нома, вплоть до южного и северного рубежа, сохранив его население живым и доставляя ему пропитание, так что не было ни одного голодного. Затем наступили года обильного Нила, богатые зерном и всякими вещами, но я не собирал недоимок (налоговой задолженности) с полей» [1, С. 169].

Описанные выше исторические примеры свидетельствуют о том, что:

- I. Контролирующим органом проводилась поддержка социально уязвимых категорий граждан, путём раздачи зерна.
- II. Осуществляемая интенсификация сельского хозяйства, позволяла избегать голода и обеспечивала трудовую занятость среди местного населения.
- III. Рост внутреннего производства стимулировал внешнюю торговлю, расширял промысел, улучшал инфраструктуру.
- IV. Местное производство товаров удовлетворяющих собственные потребности у населения, гарантировало продовольственную самодостаточность и формировало политическую независимость на региональном уровне.
- V. Политическая инстанция, устанавливала благоприятный платёжный климат, организовывала налоговые послабления для общества в виде лояльного отношения к сбору недоимок.

Следующим объектом, рассматриваемым на предмет политики продовольственной безопасности станет Южная часть Балканского полуострова, называемая Грецией. Древнейший памятник греческой литературы открывается в трудах Гомера. В Илиаде и Одиссее изображено как жили греки в своих государствах в десятом и девятом веке до нашей эры: описывается их государственное устройство, быт и нравственные понятия. В Одиссее, к примеру, в аллегорической форме передаётся запрет на определённые методы добычи пищи. Так, стрелять дичь и ловить рыбу, презиралось греческими мореходами. За непослушание, последовало страшное знамение: «..шкуры умерших животных ползали за своими убийцами, а мясо, сидя и жарясь на вертелах, издавало страшный рёв и стон» [6, С. 107].

Однако, более предметно о теории государства и структурированно о его функциональном назначении, говорится в трудах Платона. Рассуждая о смысле и причинах организации государства, Аристокл полагает, что оно возникает тогда: «..когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом ещё нуждается. Испытывая нужду во многом, люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь» [7, С. 80]. Платон связывает образование государства с необходимостью удовлетворять потребности человека, первая и самая большая из которых – это добыча пищи для существования и жизни [7, С. 81]. Так же требуется уточнение того, что Платон разделял причину возникновения государства и цель, для которой оно создано, понимая последнюю как высшее благо, а не чисто прагматически и утилитарно [7, С. 81].

В «Законах», Платон систематизирует требования к государственному аппарату, внося рекомендательные характеристики для инстанции обеспечивающей продовольственную стабильность. В частности, говоря о правилах импорта и экспорта товаров, он упоминает, что: «никто в государстве не должен платить никакой пошлины ни за ввозимые товары, ни за те, что вывозятся. Не допускается ввоз ладана, пурпура и окрашенных тканей, которых не производит страна. Точно так же не разрешается вывоз таких предметов, наличие которых необходимо в стране. Во всём этом должны разбираться стражи законов, они же будут всем этим ведать» [8, С. 284]. Так же, уделяя особое внимание военным орудиям, Платон поясняет, что если для ратных нужд понадобится импорт чужеземных изделий, дерева, металла, гиппархи распоряжаются ввозом или вывозом всего того, что производит или в чём нуждается государство [8, С. 285].

Подобно хроматической гамме (звукоряду включающему двенадцать, входящих в октаву звуков), Платон разделил своё сочинение «Законы», описанную в нём страну, государство и население на двенадцать частей. Аналогичная дифференциация применялась Платоном и для распределения продуктов питания: «..все припасы должны быть всеми разделены на двенадцать частей и соответственно должны потребляться» [8, С. 286]. При этом, каждая двенадцатая часть продовольствия делилась ещё на три части: первая предназначалась для свободнорожденных, вторая для их рабов, третья для ремесленников и чужеземцев. В отличие от первых двух, только третью часть можно было пускать в продажу, которая находилась под надзором агрономов.

Итак, рассмотренная выше идеальная модель государства Платона, включала следующие аспекты продовольственной безопасности:

- I. Отмена пошлин на экспорт и импорт при одновременном запрете ввоза и вывоза определённых групп товаров, являет собой гибрид более современных направлений в политике и хозяйственной практике - протекционизма и фритредерства.

- II. Запрет на экспорт ресурсов, в которых нуждается государство.
- III. Меры селективного протекционизма не распространялись на сферу обеспечивающую военные интересы государства.
- IV. Форма справедливого разделения продовольствия сокращала вероятность голода, в первую очередь среди свободнорождённого населения.

Соотношение теоретической модели государства и его практической формой реализации, можно проследить через политическое сознание граждан греческой общины. Иллюстрацией которого служит надпись, открытая в Херсоне Таврическом, которая включает в себе полный текст гражданской присяги [2, С. 6]. В колонии, располагавшейся в одном из кантонов (округов) Греции кипела бурная политическая жизнь: борьба партий греческих общин, заговоры политических клубов, изгнания побеждённых противников, измены эмигрантов и т. д. Поэтому присяга херсонцев характерна и для греческих городов вообще [2, С. 7]. Среди политических заверений, присяга содержит в себе обещание спровоцированное продовольственными условиями Херсона и законами о хлебной торговле, гласящими: «Я не буду продавать хлеба, получаемого с полей нашей родины, я не стану его вывозить в другое место, помимо Херсона» [2, С. 7].

В самую цветущую эпоху греческой жизни, в пятом веке до нашей эры, всё острее чувствовалась несостоятельность в самообеспечении и пропитании, стремительно возросшего, местного населения. Перед Грецией остро встал вопрос о собственном обеспечении продуктами первой необходимости, особенно хлебом. Демографический рост опережавший продовольственные возможности, осложнялся политическим кризисом. Результаты которого в значительной степени усложняли ситуацию продовольственной обеспеченности внутри государств. Военные и геостратегические обстоятельства, спровоцировали рассмотреть новые качества продовольственной политики. А одним из первых в истории актов товарной блокады, был выполнен афинянами. Которые, в 431 году до нашей эры, составили план уничтожения спартанской мощи по средствам полной экономической изоляции Пелопоннеса с моря, особенно на разрезе путей сообщения с его западными колониями, итальянских и сицилийских. В свою очередь, существовавшая зависимость Афин от богатых черноморских областей, придавало стратегически важное значение овладению проливами, Геллеспонтом (Дарданеллы) и Босфором. Борьба за гегемонию между Спартой и Афинами в 411-405 годах до нашей эры, сосредоточилась в проливах, с потерей которых и прекращением подвоза из Понта, Афины, осуждённые на голодную смерть, капитулировали [2, С. 9].

Рассмотренные примеры практических ситуаций, связанных с продовольственной безопасностью в Древней Греции, указывают на:

I. Наличие строгой продовольственной регламентации на уровне греческой общины, воспитывающей в самосознании граждан требования сохранения местного продовольствия внутри государства, во избежание голода.

II. Сценарий Пелопоннесских войн, подчеркнул высокую значимость колоний для продовольственной безопасности расширяющегося могущества метрополий. А действия афинян, осуществлявших торгово-экономическую блокаду спартанцев, могут быть расценены как первые попытки продовольственной изоляции в истории.

В этнографической близости к грекам находились римляне. Последние, оказавшись на высшей ступени своего политического развития, так подступились к грекам, как не сближалась ни одна из других наций древнего мира, и затем в течении целых столетий римская жизнь во всех направлениях и сильно была проникнута и пропитана греческими влияниями [2, С. 9]. Одним из таких воздействий, которым наполнился Рим - было рабство. Которое, нигде не достигало таких размеров и не принесло столько вреда, как в Риме [9, С. 1].

Учитывая существование института рабства в Древнем Риме, необходимо определить условия на которых осуществлялось его взаимодействие с государственными инстанциями, обеспечивающими продовольственную безопасность как внутри него, так и в целом по стране.

Французский экономист Бартеlemi-Пьер Дюнуайе свидетельствует о том, что порядок любого социального объединения, в начале его оседлой жизни, непременно основывается на рабстве в рабочих профессиях, а самые обширные исторические исследования, подтверждают эту его мысль [5, С. 5]. Имея больше негативного в своей сути, рабство признавалось неизбежным явлением социальной экономики уже у самых древних мыслителей. К примеру, Демокрит говорил, что он пользуется рабами, как членами своего тела, каждым для известной надобности. В «Законах», Платон объявляет рабство необходимым и советует в интересах безопасности хозяев, разделять рабов по этническому признаку и хорошо обращаться со всеми. Владея тринадцатью рабами и называя их живой собственностью, Аристотель считал, что рабство заложено в самой природе человека [5, С. 29]. Исследователь Д. Ингрэм в книге «История рабства, от древнейших до новых времен» [5, С. 7] утверждает, что относительный взгляд на само явление рабства, внушающее современному человеку отрицательные образы, всё же являлось громадным шагом вперёд на пути прогресса, так как, с его водворением, убийство пленных, часто сопровождаемое каннибализмом, заменилось пожизненной работой или службой победителю. Эта всеми признанная заслуга рабства.

Яркая фигура римского политического олимпа, Марк Порций Катон, в сочинение «De re rustica» описывает образцовое поместье (виллу). Во главе которой стоит идеальный тип хозяина, рациональный и заботящийся о культуре своего поместья. Необходимо заметить, что Катон имеет в виду не землевладельца-средняка, а солидного хозяина, обладающего ресурсами содержать усадьбу-виллу, состоящую: из маслиновой рощи в 60 гектаров, виноградной плантации, зернового хозяйства и пастбища [11, С. 136]. Защитник «золотого века» Римской республики и борец с роскошью во всех наиболее её кричащих проявлениях, Марк Порций подчёркивал, что главной рабочей силой в его идеальном поместье являются рабы. Составляя теоретический портрет инстанции обеспечивающей продовольственную безопасность трудящихся в деревне-вилле, Катон подробно высчитывает количество и качество отпускаемой пищи, необходимой для поддержания их здоровья. Продуктовое довольствие рабов выглядело следующим образом: Рабы работающие зимой получают четыре модия пшеницы, летом – четыре с половиной (модий – мера сыпучих тел, равная 8,75 литров). Виллику (управляющий виллы), надсмотрщику, овчару по три модия,

закованным в цепи – зимой по четыре фунта хлеба, а когда начнут копать виноградник – по пять фунтов, пока не начнут созревать фиги, затем опять переведи на четыре (Римский фунт равен 327, 45 граммов). Масла давай в месяц каждому один секстарий (0,5 литра), соли на каждого будет достаточно один модий [11, С. 137]. Для усиления значимости расчётов выполненных Катонем, стоит определить число рабов и установить соотношение между ними и свободными гражданами. Данная задача оказалась сложной, но вполне выполнимой для Д. Ингрэма в книге «История рабства, от древнейших до новых времен» [5, С. 69], который определяет отношение рабов к свободным гражданам, как: три к одному для периода между покорением Греции в 146 году до нашей эры и царствованием Александра Севера в 222-235 годах нашей эры. При Клавдии свободных граждан насчитывалось чуть меньше семи миллионов и следовательно, число рабов должно было достигать около двадцати одного миллиона».

Выполненные Марком Катонем письменные рекомендации для обеспечения питанием самого широкого по численности класса в Древнем Риме, являются актом продовольственной безопасности государства. Учитывая тот факт, что Марк Порций являлся практикующим политиком, можно не без основания предположить, что его калькуляции имели больше прикладного значения, чем теоретического. Надобность в которых не ослабла и в римском обществе нашей эры. К социуму делившемуся на два класса людей: господ и рабов, добавился третий компонент – народ. Могущественный во время республики, но сократившийся количественно благодаря войнам, конкуренции с рабами и потерявший всевозможное политическое влияние, он являлся переходной степенью между классом рабов и господ - плебсом, потерявшим свои права и имевшим теперь больше общего с рабами чем со свободными гражданами [5, С. 91].

Для того чтобы отвлечь и сделать безвредной эту праздную толпу, закон должен был обеспечить её существование бесплатной раздачей хлеба. Поэтому, *плебеи, в качестве государственных пансионеров, были занесены в списки и это давало право каждому из записавшихся на государственную помощь ему и каждому из членов его семьи* [5, С. 94].

Вообще, раздача хлеба и других съестных продуктов было довольно популярным политическим явлением в римской истории. Осуществлявшееся на непостоянной основе и за пол цены до 123 года до нашей эры, а в 58 году до нашей эры, ставшей бесплатной. При Помпее Великом число пользующихся этой услугой в одном только Риме, равнялось 320,000. При Цезаре, Августе и при императорах, держалось тех же количеств. Исходя из цифры потребления хлеба в Риме и зная размеры его расходования в городах Южной Италии начала 20 века, Г. Сальвиоли в книге «Капитализм в античном мире» [10. С. 108] приходит к заключению, что хлеба прежде потребляли больше, потому что не умели использовать низшие сорта злаков, ячмень и овёс, и не знали ни маиса, ни картофеля, а овощей потребляли мало. На основании всего этого следует определить цифру населения Рима меньше, чем в один миллион.

Уже в 270 году, для более чем трети населения Рима, раздача хлеба превратилась из ежемесячной в ежедневную. Вместо пяти мер зерна (44 литра) ежемесячно, каждый пролетарий стал получать по два фунта (650 граммов) хлеба ежедневно. Впоследствии к этому добавлялось раздача вина, мяса, масла, а так же денежные подати. По расчётам, денежные средства плебей, выдавались властью в следующих пропорциях: «Цезарь завещал плебсу по 450 сестерций на душу; Август в течение своего царствования выдал по 4200 сестерций каждому плебею; Тиверий 1332 сестерций; Калигула 900, а Клавдий, Нерон, Домициан в два раза больше. Траян 3900 сестерций, Адриан по 6000 сестерций (одна сестерция была эквивалентом одного литра столового вина или двум килограммам хлеба) [5. С. 96].

Влияние этой государственной милостыни было губительно для всего сельского хозяйства Рима. Надежда на даровой хлеб привлекла в город массу бездельников и побуждала плебс презирать труд [10. С. 108]. К похожему выводу приходит и Д. Ингрэм в книге «История рабства, от древнейших до новых времен» [5. С. 97], сравнивая римский плебс с потерявшим всякое достоинство животным: «которого кормили и которое приветствовало радостными криками каждого кормильца».

Осуществляемая властями Рима политика продовольственной безопасности, была рассмотрена внутри двух социальных элементах общества: рабов и плебеев. Относительно класса рабов, было установлено, что их продуктовая защищённость, как основного источника труда и самого численно ёмкого социального фрагмента общества, получила должное как теоретическое, так и практическое осмысление. Рекомендации по рациону питания и регламентации по их содержанию, указывают на рабовладельцев, как инстанцию, гарантирующую продовольственную безопасность рабов. Довольствие которых, по идеальной модели Марка Порция Катона, не уступало рациону следующему социальному элементу – классу плебеев. В отличие же от рабов, при различных исторических обстоятельствах и по разным политическим причинам, у плебса не было нужды обменивать свой труд за съестные припасы. Которыми их щедро обеспечивала власть, выступающая гарантом продовольственной безопасности.

Итак, рассмотренные явления в двух фрагментах римского общества свидетельствуют о том, что:

I. Наличие инстанции гарантирующей продуктивное довольствие для здоровой жизнедеятельности в двух социальных классах, указывает на реализацию политики продовольственной безопасности.

II. Раздача съестных продуктов, как мера по борьбе с голодом, является ранней формой современных социальных гарантий, пособий по безработице, и программ льготного получения продуктов питания.

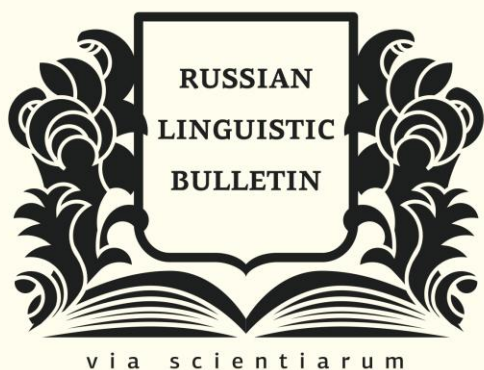
Список литературы / References

1. Брэстед Д. Г. История Египта с древнейших времён до персидского завоевания. В 2 т. Т. 1 / Авторизированный перевод с английского языка В. Викентьева. – М.: Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых, 1915. – 343 С.
2. Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху 9 – 4 вв. до Р. Х. - М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Компания, 1916. – 575 С.
3. Герцберг Г. Ф. История Рима / Перевод с немецкого языка М. А. Антонович. – Киев: Типо-Литография М. Я. Минкова, 1898. – 672 С.
4. Зенченко С. В. Учебник древней истории. – М.: Издание К. И. Тихомирова, 1901. – 288 С.

5. Ингрэм Д. К. История рабства, от древнейших до новых времен / Перевод с английского языка З. Журавской / С дополнением из трудов Валлона, Турмания, Рамбо и Лаввиса в переводе Н. П. Новоборской. – СПб.: Паровая скоропечатная А. Проховщикова, 1896. – 334 С.
6. Коллинз У. Л. Гомер. Одиссея в изложении Лукаса Коллинза / Перевод с английского языка Ф. Резенера. – СПб.: Издание В. Ковалевского, 1876. – 172 С.
7. Платон. Государство / Перевод с древнегреческого А. Н. Егунова. – М.: Академический проект, 2015. – 398 С.
8. Платон. Законы, Послезаконие, Письма. – СПб.: Издательство «Наука», серия «Слово о сущем», 2014. – 519 С.
9. Рабство в древнем Риме. – М.: Издание редакции журнала «Русская мысль», Типо-Литография А. В. Васильева и Компания, 1900. – 41 С.
10. Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Этюды по истории хозяйственного быта / Перевод с французского языка Р. Гальперина. – Харьков: Вторая Государственная типография, 1923. – 187 С.
11. Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. В 2 ч. Ч. 1 – М.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство Москва, 1938. – 372 С.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Brasted D.G. Istoriya Egipta s drevneyshikh времен do Persidskogo zavoyevaniya V 2 t. T. 1 [History of Egypt from Ancient Times to the Persian Conquest. In 2 volumes. V. 1] / Authorized translation from English by V. Vikentiev. – M.: M. and S. Sabashnikovs Book Publishing, 1915. – 343 P. [In Russian]
2. Vipper R. Yu. Istoriya Gretsii v klassicheskuyu epokhu [History of Greece in Classical Era of 9 - 4 centuries BC] – M.: Typolithography of I. Kushnerev and Company Partnership, 1916. – 575 P. [In Russian]
3. Gertsberg G.F. Istoriya Rima [History of Rome] / Translation from German by M.A. Antonovich. – Kyiv: Typolithography of M.Y. Minkov, 1898. – 672 P. [In Russian]
4. Zenchenko S. V. Uchebnik drevney istorii [Textbook in Ancient History] – M.: Publication of K.I. Tikhomirova, 1901. – 288 P. [In Russian]
5. Ingram D.K. Istoriya rabstva ot drevneyshikh do novykh времен [History of Slavery, from the Most Ancient to the New Times] / Translated from English by Z. Zhuravskaya / S dopolnieniem iz trudov Vallona, Turmaniya, Rambo i Lavvisa v perevode N.P. Novoborskoy [Contains works by Wallon, Tourman, Rambo and Lavvis in the translation of N. P. Novoborskaya] – SPb.: Steam Fast-printing of A. Prokhovshchikov, 1896. – 334 P. [In Russian]
6. Collins W.L. Gomer. Oddiseya v izlozhenii Lukasa Kollinza [Homer (the Odyssey) Rev. W. Lucas Collins] / Translated from the English language by F. Rezener. – SPb.: V. Kovalevsky Edition, 1876. – 172 P. [In Russian]
7. Platon. Gosudarstvo [Plato. Republic] / Translation from Ancient Greek by A.N. Egunova. – M.: Academic Project, 2015. – 398 P. [In Russian]
8. Zakony, Posliezakoniye, Pis'ma [Plato. Laws (dialogue.)] – SPb.: “Nauka” Publishing House, “The Word of the Things Existent” series, 2014. – 519 P. [In Russian]
9. Rabstvo v drevnem Rime [Slavery in Ancient Rome] – M.: “Russian Thought” Edition, Typolithography of A. V. Vasiliev and the Company, 1900. – 41 P. [In Russian]
10. Salvio G. Kapitalizm v antichnom mire. Etiudy po istorii khoziaystvennog obyta [Capitalism in the Ancient World. Essay on the History of Economic Life] / Translation from the French language by R. Halperin. – Kharkiv: Second State Printing House, 1923. – 187 P. [In Russian]
11. Sergeyev V.S. Ocherki po istorii drevnego Rima V 2 ch. Ch. 1 [Essays on the History of Ancient Rome. In 2 parts. Part 1] – M.: OGIZ [In Russian]

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте: <http://rulb.org/>

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.009>Носаненко Г.Ю.¹, Галкина Э.Ю.²¹Кандидат политических наук, доцент. Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)),²старший преподаватель. Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП))**РАЗВИТИЕ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА», КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА НИЖНЕКАМСК****Аннотация**

В статье говорится о потенциальных возможностях некоммерческих организаций решать, совместно с властью, насущные городские проблемы, выполнять функции гражданского контроля и формировать человеческий капитал. Для этого сам «третий сектор» должен быть многочисленным и устойчивым. Однако нижекамские НКО только стремятся к этому состоянию. Пока сектор является малочисленным и локальным. Его добровольческая база только формируется. Позитивным моментом являются доверительные отношения НКО с муниципальной властью и наличие потенциала, для дальнейшего развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, НКО, человеческий капитал.

Nosanenko G.Yu.¹, Galkina E.Yu.²¹PhD in Political Science, Associate Professor. Kazan Innovation University named after VG Timiryasova (IEML),²Senior Lecturer. Kazan Innovation University named after VG Timiryasova (IEML)**DEVELOPMENT OF THE “THIRD SECTOR” AS ONE OF THE METHODS TO INCREASE SUSTAINABLE CITY DEVELOPMENT IN NIZHNEKAMSK****Abstract**

The article studies the potential of non-profit organizations to solve, some pressing urban problems with the help of authorities, to perform civil control functions and to form human capital assets. In order to reach all of these goals, the “third sector” has to be numerous and stable. However, NPOs in Nizhnekamsk have not yet reached this state. So far, this sector is small and local. Its volunteer base is being formed. The main positive aspects of NPOs in Nizhnekamsk are trust-based relations of NPOs with municipal authorities and the potential of organisations for further development.

Keywords: sustainable development, NPO, human capital assets.

В современном мире, ключевая роль в процессе производства и потребления, формирования образа жизни принадлежит городам. Находясь ближе всего к населению, городские власти первыми сталкиваются с экономическими, экологическими и другими проблемами, связанными и с истощением природно-ресурсного потенциала, и, с вопросами достижения социальной справедливости.

Для характеристики типа экономического развития, который способствовал бы решению основных проблем, в начале 90-х годов XX века, был введен специальный термин - «устойчивое развитие». В настоящее время в науке сложилось два достаточно ярких направления в его трактовке. В рамках первого, говорится о необходимости обеспечения воспроизводства ограниченных ресурсов, и «основной акцент делается на экологическую составляющую». В рамках второго – «на первый план выдвигаются социально-экономические аспекты устойчивости» [1, С. 307-309].

Переход к такому развитию предполагает использование партнерских принципов взаимодействия всех общественных структур: государства, бизнеса и «третьего сектора». В развитых европейских странах некоммерческие организации (НКО) уже признаются полноценными игроками публичной политики, способными влиять на власть и общество, осуществляя функцию гражданского контроля. Несколько иная картина наблюдается в России, где в различных субъектах институты гражданского чувствуют себя по-разному. В связи с чем исследования НКО, проведенные в 2012-2015 гг. в городах РТ, представляют определенный интерес [2, С. 75-80].

Обратимся непосредственно к Нижнекамскому муниципальному району (НМР). По данным Общественной Палаты РТ (ОП РТ), в НМР насчитывается 238 НКО, из которых 162 зарегистрированы в городе. На тысячу жителей приходится 0.7 НКО. А в республиканском масштабе доля нижекамских НКО составляет 4,4%.

Общая характеристика нижекамского НКО-сектора выглядит следующим образом [3, С. 227-234]:

Во-первых, он носит локальный характер: 69% организаций осуществляют свою деятельность на территории муниципального района, 25% – на территории города, 6% – на территории нескольких субъектов в пределах одного территориального округа.

Во-вторых, характеризуется наличием неформальных связей. Некоммерческий сектор демонстрирует внутрисекторное сотрудничество: более трети НКО (39%) взаимодействуют с другими НКО города в той же сфере, где работают сами; каждая четвертая организация (25%) имеет такие связи с НКО, функционирующими в республике; практически каждая пятая НКО (18%) сотрудничает с городскими НКО, работающими в другой сфере; 6% взаимодействуют с региональными НКО, работающими в другой сфере; 6% взаимосвязаны с однотипными НКО других регионов; 6% НКО имеют связи с однотипными организациями на территории СНГ.

Широкое поле сотрудничества основывается на связях национально-культурных сообществ с диаспорами по всей России и соотечественниками, живущими на этнической родине. Координатором таких связей в городе выступают ОП РТ и Общественный Совет Нижнекамского муниципального района.

В-третьих, отмечается малочисленность участников: 63% организаций не имеют штатных сотрудников, 19% имеют от 1 до 5 человек в штате, у 13% штат состоит из 6–10 сотрудников, у 5% – работает 31 и более сотрудников.

В-четвертых, на начальной стадии находится процесс формирования добровольческой базы. На вопрос о количестве добровольцев были получены следующие ответы: 25% НКО имеют в своём составе от 11 до 30 добровольцев, 25% – от 31 до 100 добровольцев, 25% – более 100 добровольцев, 6% НКО насчитывают от 1 до 5 добровольцев, 6% – от 6 до 10 добровольцев. В 13% НКО добровольцы не участвуют в делах организации.

Представленные данные характеризуют третий сектор НМР, как малочисленный, и, несмотря на внутреннюю сплочённость, слабый, пока не способный выстраивать равноправные отношения ни с бизнесом, ни с властью, и, «не играющий существенной роли в реализации стратегии социально-экономического развития и не являющийся общественным ресурсом процесса модернизации экономики и социальной сферы» [4].

Одной из основных проблем функционирования местных НКО является финансовая неустойчивость. При этом, большинство НКО относится к таким типам организаций (религиозные и досуговые), для которых финансовые ресурсы не являются определяющими [5, С. 1498]. Поэтому, несмотря на устоявшуюся тенденцию оценивать роль третьего сектора с экономической точки зрения, отметим, что главная его роль определяется социально-гуманистической составляющей и раскрывается через такие понятия, как «качество жизни», «человеческий капитал», «благополучие».

Важной составляющей развития любого общества является доверие к власти. В Нижнекамском муниципальном районе практически каждая третья НКО (31%) позиционирует себя в качестве партнёра государственной власти. 28% НКО считают, что некоммерческий сектор должен помогать государственным и муниципальным органам власти в их работе с населением. 13% уверены, что НКО могут брать на себя решение тех задач, на которые у государства не хватает финансовых ресурсов. При этом 9% полагают, что участвовать в решении вопросов местного значения можно при условии, что затраты на их решение будут компенсированы органами власти. 3% НКО заявили, что «третий сектор» должен выступать в качестве подрядчика для реализации социальных программ, инициируемых властью. Только 3% руководителей опрошенных организаций считают, что НКО должны заниматься своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями. И еще 13% убеждены, что НКО должны помогать населению в его конфликтах с государственными и муниципальными органами. В то же время, большинство нижекамских НКО вообще не ставят перед собой задачу какого-либо участия в политике или влияния на власть, видя в ней только своего «донора» (часто в обмен на лояльность) [6, С.105-110].

Основное назначение некоммерческого сектора его руководители видят в решение двух основных задач: компенсировать провалы рынка и государства в части производства чистых и смешанных общественных благ, а также некоторых частных благ; и, ослабить социальную напряженность и политические конфликты (исполнить роль «буфера» между государством и обществом) [7, С. 7-20].¹ И здесь, потенциал нижекамских НКО очень велик.

Так, третий сектор начинает выступать конкурентом малому бизнесу, особенно в области оказания услуг по социальному заказу и более активно участвовать в реализации муниципальных программ, выполняя услуги гораздо более качественно, чем государственные учреждения [8]. В перспективе вполне возможен переход части государственных социальных функций (вместе с необходимым финансированием) именно социально-ориентированным некоммерческим организациям» [9]. Усиление сектора способствовало бы росту ВВП, во-первых, путем увеличения потенциала отдельных категорий граждан к созданию ВВП (социальная адаптация инвалидов, помещение сирот в семьи); во-вторых, выстраивая инфраструктуру для деятельности и создания ВВП компаниями-поставщиками (пример – дом престарелых, вокруг которого действуют компании-поставщики) [10].

Подводя итоги, отметим, что на фоне углубляющихся межстрановых расхождений и ограниченных возможностей для маневра в налоговой и денежно-кредитной политике, функционирование некоммерческого сектора может стать основой для социальной стабильности.

Сегодня, несмотря на слабость и неустойчивость нижекамского третьего сектора, в НМР есть все предпосылки для его развития и партнерского взаимодействия. В перспективе НКО города способны стать базой качественных перемен и их человеческим капиталом.

Список литературы / References

1. Цапиева О.К. Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель / О.К. Цапиева // Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов. - 2010. - №2. – С. 307- 309
2. Носаненко Г.Ю. Индекс устойчивости некоммерческих организаций и городская среда: возможности для развития / Г.Ю. носаненко // Социум и власть. - 2016. - №2.- С.75-80
3. Носаненко Г.Ю. Некоммерческий сектор Республики Татарстан: тенденции становления (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) / Г.Ю. Носаненко // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2014. Т. 156. - № 1. - С. 227-234.
4. Республиканская целевая программа «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Татарстан» на 2011-2013 годы // opr.tatarstan.ru/rus/programmasonko.html (дата обращения 4.02.2017)
5. Holloway R. Sustainability // International Encyclopedia of Civil Society / H. Anheier, S. Toepler (Eds). – Springer. - 2010. - P. 1498.
6. Носаненко Г.Ю., Захарова Е.Ю. Борьба с коррупцией: потенциал некоммерческих организаций (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) / Г.Ю. Носаненко, Е.Ю. Захарова // Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. - Том 8. - №3/1.- С.105-110
7. Seibel W., Anheier H.K. Sociological and Political Sciences Approaches to the Third Sector / W. Seibel, H.K. Anheier // The Third sector: comparative studies of non profit organizations / Edited by Helmut K. Anheier and Wolfgang Seibel. - Berlin; New York: Walter de Gruyter. - 1990. P. 7 - 20.
8. Выгодно ли государству отдавать соцзаказы НКО? // <http://www.portal-nko.ru/dialog/blog/p/12577> (дата обращения 4.02.2017)
9. «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития // <http://civildfund.ru/mat/view/20> (дата обращения 4.02.2017)
10. Стратегия 2020 // <http://strategy2020.rian.ru/load/366143122> (дата обращения 4.02.2017)

¹ Seibel W., Anheier H.K. Sociological and Political Sciences Approaches to the Third Sector // The Third sector: comparative studies of non profit organizations / Edited by Helmut K. Anheier and Wolfgang Seibel. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1990. P. 7 - 20.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Tsapieva O.K. Ustoichivoye razvitiye regiona: teoreticheskiye osnovy i model' [Sustainable Development of the Region: Theoretical Foundations and Models] / O.K. Tsapieva // Ekonomicheskiye problem regionov i otraslevykh kompleksov [Economic Problems of Regions and Industrial Complexes] - 2010. - No.2. - P. 307- 309 [In Russian]
2. Nosenenko G.Y. Indeks ustoichivosti nekommercheskikh organizatsiy i gorodskaya sreda: vozmozhnosti dlia razvitiya [Sustainability Index in Non-profit Organisations and Urban Environment: Opportunities for Development] / G.Y. Nosenenko // Sotsium i vlast' [Society and Authorities] - 2016. - No.2. - P.75-80 [In Russian]
3. Nosenenko G.Y. Nekommercheskiy sektor Respubliki Tatarstan: tendentsii stanovleniya (po materialam empiricheskogo issledovaniya v g. Nizhnekamske) [Non-profit Sector of the Republic of Tatarstan: Formation Trends (based on the materials of Nizhnekamsk empirical research)] / G.Y. Nosenenko // Ucheniye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities] - 2014. V. 156. - No.1. - P. 227-234. [In Russian]
4. Respublikanskaya tselevaya programma «O podderzhke sotsialno orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v Respublike Tatarstan» na 2011-2013 gody [Republican Target Program "On Socially-oriented Non-profit Organizations Support in the Republic of Tatarstan" for 2011-2013] // op.r.tatarstan.ru/eng/programmasonko.html (accessed date 4.02.2017) [In Russian]
5. Holloway R. Sustainability // International Encyclopedia of Civil Society / H. Anheier, S. Toepler (Eds). – Springer. - 2010. - P. 1498.
6. Nosenenko G.Y., Zakharova E.Y. Bor'ba s korruptsiyey: potentsial nekommercheskikh organizatsiy (po materialam empiricheskogo issledovaniya v g. Nizhnekamske) [Fighting Corruption: Potential of Non-profit Organisations (based on the materials of Nizhnekamsk empirical research)] / G.Y. Nosenenko, E.Y. Zakharova // Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya misl' [Historical and Socio-Educational Thought], 2016. - V. 8. - No.3 / 1.- P.105-110 [In Russian]
7. Seibel W., Anheier H.K. Sociological and Political Sciences Approaches to the Third Sector / W. Seibel, H.K. Anheier // The Third sector: comparative studies of non-profit organizations / Edited by Helmut K. Anheier and Wolfgang Seibel. - Berlin; New York: Walter de Gruyter. - 1990. P. 7 - 20.
8. Vygodno li gosudarstvu ot davat' sotszakazy NKO? [Is it Profitable to Give Social Orders to NPO for a State?] // <http://www.portal-nko.ru/dialog/blog/p/12577> (accessed date 4.02.2017) [In Russian]
9. «Tretiy sektor» v Rossii: tekushcheye sostoyaniya i vozmozhniye modeli razvitiya ["Third sector" in Russia: Current State and Possible Development Models] // <http://civilfund.ru/mat/view/20> (accessed date 4.02.2017) [In Russian]
10. Strategiya 2020 [Strategy 2020] // <http://strategy2020.rian.ru/load/366143122> (accessed date 4.02.2017) [In Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.112>Тымбай А.А.¹, Тымбай С.А.²

¹ORCID: 0000-0003-2061-0263, кандидат филологических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; ²ORCID: 0000-0003-1247-3238, ученица, ГБОУ города Москвы «Школа 2123 им. Мигеля Эрнандеса»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ «РАСШИРЕННОЙ БИПОЛЯРНОСТИ»**Аннотация**

В статье рассматривается один из возможных вариантов развития системы международных отношений. Авторы показывают, что с исчезновением двупольной системы мироустройства, существовавшей во времена холодной войны, мир оказался на распутье. С одной стороны, однополярный мир во главе с США не может обеспечивать мировому сообществу достаточную стабильность, с другой - государств, претендующих на роль других полюсов и способных в одиночку конкурировать с США за мировое лидерство, пока просто не существует. В связи с этим в статье выдвигается гипотеза, согласно которой новыми центрами силы становятся не отдельные страны, а группы стран, объединенные общей идеологией или политико-экономическими интересами. Особое внимание в статье уделено роли России в новом мироустройстве.

Ключевые слова: однополярность, многополярность, система международных отношений, расширенная биполярность, цивилизационный полюс.

Tymbay A.A.¹, Tymbay S.A.²

¹ORCID: 0000-0003-2061-0263, PhD in Philology, MGIMO University; ²ORCID: 0000-0003-1247-3238, student, GBOU of Moscow "Miguel Hernandez School 2123"

POLITICAL DIALOGUE IN TERMS OF "EXTENDED BIPOLARITY"**Abstract**

The article considers a possible way of international relations' development. The authors believe that since the collapse of the bipolar world, which existed in the times of the Cold War, no solid system of international relations has been formed. The tentative unipolarity with the USA at the head cannot guarantee the world community long-term security. At the same time a true multipolar world can hardly be formed in the near future, as no country alone is capable of competing with the American leverage. The article suggests a hypothesis that new centers of power made up of several states will be formed around common ideologies or political and economic interests. These might once again divide countries into two competing camps, forging the so-called "extended bipolarity". The role of Russia in the new system is yet to be defined.

Keywords: unipolarity, multipolarity, system of international relations, extended bipolarity, civilizational pole.

После окончания Второй мировой войны в мире сложилась биполярная система международных отношений, которая выразилась в противостоянии двух центров силы: капиталистического лагеря во главе с США и коммунистического - во главе с СССР. Противоборство затрагивало все сферы государственной деятельности: от идеологической пропаганды до экономического и военного соперничества. По мнению американского политолога, специалиста по международным отношениям Дж. Миршаймера, эта система отличалась определенной стабильностью, так как существовала только одна воинственная диада и число точек соприкосновения, где сфера влияния оставалась не разграничена, было сравнительно небольшим [3]. Однако после распада СССР данная система мироустройства рухнула. В связи с этим последние два с половиной десятилетия остро стоит вопрос о том каковы новые реалии ведения политического диалога.

Существует довольно распространенное мнение, что с исчезновением одного из центров силы двуполярная система мироустройства автоматически стала однополярной с центром в США. Однако становится все более очевидно, что в настоящее время Соединенные Штаты с каждым годом теряют роль единственной мировой сверхдержавы, все больше попадая под влияние других государств и политических центров. Даже бывшая экономическая мощь страны перестала быть недостижимой для других стран. Китай, например, по некоторым показателям давно опережает Соединенные Штаты. Серьезным ударом по попыткам США обеспечить себе гегемонию стали теракты 11 сентября 2001 года, потребовавшие привлечения огромного числа ресурсов для борьбы с терроризмом. В то же время какого-либо другого центра, который мог бы безапелляционно претендовать на статус экономического, военного и политического полюса одновременно, на настоящий момент не существует и, вероятнее всего, не будет существовать в условиях глобализации и все более ускоряющейся международной интеграции.

Таким образом, однополярность с центром в США в современном мире невозможна. В пользу этой точки зрения следует привести и тот аргумент, что во все исторические эпохи обществу было свойственно противостояние, в частности идеологическое, которое поддерживает мировой баланс (противостояние церкви и государства, гуманизма и национал-социализма, противоборствующих религиозных течений). Нарушение этого баланса может происходить как следствие одного из двух сценариев: либо один центр полностью разрушает и поглощает другой, что привело бы к неоспоримому и полному господству этого центра во всем мире до появления нового противника, либо один из полюсов самороспускается, уничтожая самого себя (как в случае с СССР), и противоборствующий центр, утрачивая свою роль противовеса, теряет и свою значимость. Иными словами, монополярность после самороспуска Советского Союза попросту не могла сложиться, так как Соединенные Штаты перестали играть роль противовеса и тем самым утратили свою значимость как центра силы.

В данный момент в мире утверждается новая система, которую можно условно назвать «расширенной биполярностью». Именно в условиях расширенной биполярности большинству стран, включая Россию, нужно научиться выстраивать эффективное политическое взаимодействие.

Попытаемся представить современный мир как систему, где существует несколько центров различной направленности: экономический, политический, военный и цивилизационный.

- Сильным экономическим полюсом в Азиатско-Тихоокеанском регионе уже довольно много лет является Китай. В ближайшие десятилетия он, бесспорно, станет экономическим центром всего мира. По оценке Международного валютного фонда китайская экономика в 2014 году стала крупнейшей в мире, опередив американскую. Огромный экономический потенциал этой страны, начавший реализовываться сравнительно недавно, еще не скоро будет израсходован. Американский политолог Иан Бреммер в интервью журналу «Foreign Affairs» прямо заявляет о том, что геоэкономическая стратегия Китая представляет собой долгосрочную угрозу для США [5]. По словам Бреммера, финансируя культурные и инфраструктурные проекты по всему миру, Китай мягкой силой заставляет многие страны действовать в собственных интересах, ориентироваться не на США, а на китайские интересы и валюту.

- Значимым политическим полюсом все еще по-прежнему являются США с их глобальной политикой. В сферу влияния Соединённых Штатов входят ЕС, многие страны Африки и средней Азии, а также в некоторой степени такие отдаленные регионы, как, например, Австралия. Однако ситуация в Сирии доказала, что Российская Федерация в настоящий момент может активно и эффективно решать проблемы глобального характера, а значит – и претендовать на роль политического полюса, равного по значимости США.

- За звание мощного военного полюса чуть ли не с той же силой, что и во время холодной войны борются Россия и Соединенные Штаты. Военный бюджет США остается самым большим в мире, хотя и не превышает объемы времен холодной войны. Россия, напротив, продолжает увеличивать свои затраты на оборону. По данным газеты «Ведомости», пятая часть государственного бюджета России уходит на улучшение ее обороноспособности, создание новых видов вооружения, в том числе космического. Но в этой гонке вооружений есть и другие участники. Затраты на оборону неуклонно растут у Китая, Саудовской Аравии, ряда стран северной Африки, претендующих на роль региональной военной доминанты.

- На роль важного культурного и цивилизационного полюса до недавнего времени активно претендовал Европейский Союз, рекрутирующий под свое крыло все новых и новых членов. Для многих стран восточной Европы именно он стал воплощением торжества либеральных и демократических ценностей. Однако экономические трудности в странах южной Европы, миграционный кризис, слепое следование указке США и, наконец, выход из ЕС Великобританией доказали многим его политическую несостоятельность. По мнению политолога Д. В. Тренина, новым мировым цивилизационным полюсом вполне может считаться Российская Федерация [4, С. 144]. Россия всегда являлась многонациональным государством, обладавшим свойством объединять племена, народы, а иногда и целые государства совершенно ненасильственно и бескровно. А концепция "Москва - третий Рим" еще с XV века способствовала сплочению православных народов вокруг России.

Как видно из вышеизложенного, количество серьезных игроков на мировой арене только увеличивается. Тем не менее, США, Россия и Китай, являясь великими державами, все же не могут претендовать на статус сверхдержав, так как в эпоху развития интеграционных процессов они не обладают ярко выраженным суверенитетом и

субъективностью, какими обладали в свое время США и СССР. Такие центры не являются противоборствующими, не превосходят друг друга, не стараются распространить свое влияние друг на друга, что противоречит вышеупомянутой гипотезе о необходимости противостояния двух или более центров для поддержания мирового баланса. Это значит, что подобное многополярное общество не сможет существовать в течение длительного периода времени, не претерпев значительных изменений. Поэтому нельзя не согласиться с мнением Министра иностранных дел России С. Лаврова, полагающего, что для обеспечения управляемости мирового развития в современных условиях требуется какое-то ядро из ведущих государств, несмотря на то, что силы и влияние становятся все более рассредоточенными [2]. Существует высокая вероятность того, что на этом фоне сформируются не один, а два противоборствующих лагеря, в каждом из которых будут свои центры - полюса силы. Это ляжет в основу системы, которую можно условно назвать системой «расширенной биполярности». В соответствии с этой гипотезой в мире будут противопоставлены друг другу не центры в лице отдельных государств, а стороны, каждая из которых будет организована по типу многополярного мира.

В качестве аргумента можно привести тот факт, что в мире на данный момент уже существуют две противоположные идеологии: либерально-демократическая, приверженцами которой являются большинство государств Америки и Европы, и авторитарно-консервативная, которой придерживаются идеологически развитые государства Африки, Азии и Ближнего Востока, исторически предрасположенные к авторитарному строю. Однако в каждом из этих двух обширных идеологических полюсов существуют свои центры с различной направленностью, в том числе культурной и политической. В разных государствах, входящих в их состав, и демократия, и авторитаризм находятся на разных уровнях развития, господствуют отличные друг от друга идеологии. Поэтому в каждом из этих блоков можно выделить центры, которые, собственно, и формируют основы вышеописанной системы расширенной биполярности.

Согласно новой внешнеполитической концепции, обнародованной 1 декабря 2016 года, Россия должна упрочить свои позиции как одного из влиятельных центров современного мира, в частности выступив в роли лидера в борьбе с Исламским государством [1]. Еще в 1996 году Евгений Примаков, возглавлявший тогда МИД, начал проводить политику по поддержанию Россией концепции многополярного мира, предполагавшую многовекторность и поиск новых союзников на Востоке. По мнению президента РФ В. В. Путина, высказанном в новой внешнеполитической концепции России, на данный момент в мире формируется полицентричная система международных отношений. Президент отмечает, что происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Это означает, что формируется отдельный блок, к которому Российская Федерация, очевидно, и примкнет.

Учитывая современную тенденцию к радикализации евразийства, противостояние российского правительства и запада, которое, кстати, переживает взлеты и падения в зависимости от геополитической ситуации, а также тот факт, что капитализм, экономический либерализм и либеральный демократизм часто воспринимаются общественной мыслью исключительно как западные ценности и потому отвергаются, следует признать, что в настоящее время Россия не может претендовать на лидерство в либерально-демократическом блоке. Ее позиция на мировой арене - ближе к авторитарно-консервативной. Именно в этом блоке она имеет все шансы на лидерство. Однако Россия не намерена прекращать деловые отношения с западными партнерами, в том числе с США. Будут привлекаться новые инвестиции и реализовываться совместные бизнес-проекты.

Подобно двуполярности периода холодной войны, система «расширенной биполярности» является достаточно устойчивой и имеет возможность существовать в течение длительного периода времени, так как отвечает требованиям современного общества: наличие идеологического противостояния двух блоков и наличие определенной направленности у полюсов внутри каждого из них определяет их взаимодействие в условиях глобализации, интеграционных процессов в экономике, международного разделения труда и т. д. Однако в отличие от системы-предшественницы, новая биполярность допускает изменения в своей внутренней организации. Если государство, в силу политических или экономических причин, уходит с позиций лидера, его место занимает другая страна со схожей позицией, что не ведет к разрушению всей системы. Еще одним плюсом такой системы можно назвать и то, что она не может разрушиться, а может лишь видоизмениться: например, при появлении какой-либо третьей идеологии, которая станет достаточно сильной для того, чтобы сформировался еще один блок. Он сформируется автоматически, не нанеся особого вреда двум предыдущим, и скоро установит новый принцип равновесия. Однако и формирования большого количества таких блоков опасаться не стоит, так как их число ограничено действительно массовыми, перспективными идеологиями, каких по сути своей не может быть много.

Россия придает большое значение обеспечению устойчивости мирового развития. Она осознает, что для этого необходимо коллективное лидерство ведущих государств, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной координирующей роли ООН. В этих целях Россия наращивает взаимодействие с партнерами в рамках «Большой двадцатки», БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, а также в рамках других структур и диалоговых площадок.

В заключение необходимо отметить, что справедливая система международных отношений – это система многополярная. Но полюса в этой системе не существуют сами по себе. Они, как заряженные частицы, либо тяготеют друг к другу, либо отталкиваются друг от друга, в зависимости от глубинных убеждений, будь то политико-экономических, этно-культурных или социально-религиозных. Тем самым формируется более структурированная надсистема в которой России и предстоит вести политический диалог. На данный момент эта система представлена «расширенной биполярностью», основанной на противостоянии двух идеологически противоположных лагерей, где каждое из государств, входящих в их состав, сохраняет свою способность к самоопределению, превратившись в экономический, политический, военный или цивилизационный полюс.

Список литературы / References

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 15.02.2017).
2. Лавров С. В. Россия и мир в XXI веке / С. В. Лавров // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11159 (дата обращения 15.02.2017).
3. Миршаймер Дж. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне / Дж. Миршаймер // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12061 (дата обращения 15.02.2017).
4. Тренин Д. В. Россия и мир в XXI веке / Д. В. Тренин. – М.: Эксмо, 2016. – 384 с.
5. Bremmer I. On America's Role in the World / I. Bremmer // Foreign Affairs. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/videos/2015-06-25/ian-bremmer-americas-role-world> (дата обращения 15.02.2017).

Список литературы на английском языке / References

1. Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinyim 30 nojabrja 2016 g.) [Russia's Foreign Policy Concept (Sealed by President Vladimir Putin on November 30, 2016)]. [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (accessed: 15.02.2017). [in Russian]
2. Lavrov S.V. Rossiya i mir v XXI veke [Russia and the World in the XXI century] / S.V. Lavrov // Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Politics]. [Electronic resource]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11159 (accessed: 15.02.2017). [in Russian]
3. Mirshajmer Dzh. Pochemu my skoro budem toskovat' po holodnoj vojne [Why we will soon miss the Cold War] / Dzh. Mirshajmer // Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Politics]. [Electronic resource]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12061 (accessed: 15.02.2017). [in Russian]
4. Trenin D.V. Rossiya i mir v XXI veke [Russia and the World in the XXI century] / D.V. Trenin. – M., 2016. – 384 p. [in Russian]
5. Bremmer I. On America's Role in the World / I. Bremmer // Foreign Affairs. [Electronic resource]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/videos/2015-06-25/ian-bremmer-americas-role-world> (accessed: 15.02.2017).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.035>

Чжэн И.

Аспирант кафедры Политология Востока,

ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова

ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ И ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация.

Предметом исследования автора является изучение взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики по вопросам совместного обеспечения военной и ядерной безопасности в контексте современной международной геополитической напряженности. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при выстраивании договоренностей в указанной сфере с Европейскими государствами, США, а также государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В данной статье затрагиваются исторические аспекты взаимодействия двух стран, уже предпринятые ими шаги, а также перспективы в указанном направлении на будущее.

Ключевые слова: Россия, Китай, военная и ядерная безопасность, национальная безопасность, военно-техническое сотрудничество, военное вооружение и техника.

Zheng Y.

Postgraduate student the Department of political Science East,

of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

TRENDS IN THE COOPERATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF MILITARY AND NUCLEAR SECURITY

Abstract

The research subject is the study of the interaction between the Russian Federation and people's Republic of China on joint military security and nuclear safety in the context of contemporary international geopolitical tensions. Special attention is paid to the problems in establishing agreements in this area with the European States and Nations in the Asia-Pacific region.

This article addresses the historical aspects of cooperation between the two countries have already taken steps, as well as the prospects in that direction for the future.

Keywords: Russia, China, military, and nuclear safety, national security, military-technical cooperation, military weapons and equipment.

Введение. Китай является государством, имеющим древнюю историю и культуру, помнящим традиции и стремительно набирающим силу как в экономическом плане, так и в военном. Исторически у России были с Китаем территориальные споры и периоды напряженности в отношениях, например, переход к Российской Империи территорий Дальнего Востока по Пекинскому договору 1860 года, который китайские историки считают неравноправным [1 С. 93-98]; пограничный конфликт на острове Даманский в 1969 году. Но данные конфликты были улажены, и остались в прошлом..

Объекты исследования является определение основных предполагаемых военных и ядерных угроз для России и Китая на примерах действий и решений других государств в тех или иных регионах мира, сфер геополитических интересов на основе изучения материалов СМИ, мер, принимаемых двумя государствами в указанной сфере, а также обоснованность такого сотрудничества.

Основными методами, применяемыми при исследовании указанных выше исторических аспектов, взаимодействия, перспектив развития отношений двух стран являются сбор фактов из различных информационных источников, в том числе иностранных СМИ, с целью установления объективных закономерностей и причин развития сотрудничества между странами, их обобщение и анализ.

В июне 2015 года США и Китай подписали соглашение о военном сотрудничестве, которое стало первым документом, подписанным между странами в военной сфере за последние годы [2]. Данное соглашение призвано отработать механизмы диалога между двумя армиями, предотвращение возможных кризисов, в том числе обострившегося конфликта за острова Спратли и другие территории в Южно-Китайском море. Также подписанные соглашения делают возможным проведение сухопутных учений между двумя странами и подписание дополнительных соглашений. Таким образом, размещение системы ПРО в Южной Корее негативно отражается на военном сотрудничестве Китая и США. Данный комплекс будет размещен в 2017 году, в непосредственной близости от территории Китая и границ российского Дальнего Востока, что ослабит сдерживающий ядерный паритет между США и РФ, а также КНР.

Так, 23 февраля 2017 года представитель Министерства обороны Китая Жэнь Гоцян на очередной пресс-конференции заявил, что Китай категорически выступает против размещения США в Республике Корея /РК/ американской системы противоракетной обороны ТНAAD, так как это наносит серьезный ущерб стратегической безопасности и интересам соседних стран, включая Китай и Россию, и нарушает стратегический баланс в регионе [3].

Важным документом, положившим начало сотрудничеству в сфере военной безопасности современной России и Китая, стало подписанное 11 ноября 1993 года Соглашение о военном сотрудничестве между военными ведомствами двух стран. Начиная с данного времени, была установлена прямая связь между Народной освободительной армией Китая (НОАК) и вооруженными силами России. Таким образом, военное сотрудничество между двумя странами начало развиваться еще со времени первого президента современной России Б. Н. Ельцина. Основное развитие данное сотрудничество получило во времена президентства В. В. Путина. Так, 16 июля 2001 года был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между РФ и КНР, в котором стороны обязались развивать на долгосрочной основе взаимовыгодное стратегическое взаимодействие, в том числе и в военной сфере [4]. Данный договор позволил уладить пограничные споры между двумя странами и создал юридическую основу для дальнейшего развития отношений между Россией и Китаем.

Основной заинтересованностью Китая в военном сотрудничестве с Россией, особенно на раннем этапе, было приобретение КНР отдельных видов вооружений российского производства, которые РФ имела возможность предложить.

В период с 1992 по 1999 годы Китай предъявлял относительно невысокие требования к поставляемым вооружениям, были значительные объемы закупок, быстрое согласование и выполнение военных заказов. Российская военная промышленность получила загрузку мощностей [5 С. 17-26].

В период с 1999 по 2004 годы Китай повысил требования ккупаемым вооружениям и военным технологиям, но коммерческие условия оставались благоприятными для российского военно-промышленного комплекса. Поставки вооружений оплачивались валютой, либо производились за счет обязательств в счет погашения внешнего долга российского государства. Военные заказы были серийными, чрезмерные требования к модернизации поставляемых экземпляров вооружений по сравнению с базовыми версиями отсутствовали [6 С. 118-128].

После 2004 года поставки вооружений Китаю стали значительно меньше, а в отдельных видах вооружения и вовсе приостановились. Китай стал больше присматриваться к западным, особенно европейским, военным технологиям, надеясь на отмену эмбарго со стороны Европейского союза на поставку оружия. После событий 1989 года на площади Тяньаньмень в Пекине США и страны Западной Европы наложили эмбарго на поставку продукции военного назначения Китаю. До настоящего времени европейское эмбарго не отменено, но различные страны Европы имеют отличающуюся экспортную политику в данной отрасли: Франция более либеральна, Великобритания и Германия более консервативны.

В настоящее время важнейшим приоритетом для Китая является разработка собственных высокотехнологичных вооружений, в том числе на основе российских и западных технологий, которые Китаю удалось получить. Это укрепляет собственные промышленные возможности страны, а также позволяет не зависеть от поставок вооружений и комплектующих от других стран. Поэтому, в условиях сохраняющегося эмбарго на поставки вооружений, Россия остается для Китая важнейшей страной для военно-технического сотрудничества, важнейшим источником модернизации собственного военно-промышленного комплекса и перевооружения армии.

В 2010-2014 гг. на Китай пришлось 11% экспорта российской военной продукции или 61% импорта вооружения Китая. В настоящее время наиболее активным покупателем российского оружия является Индия (39% российского экспорта), с которой у Китая достаточно непростые отношения.

В настоящее время Китай стал одним из крупнейших экспортеров вооружений, заняв в 2015 году третье место на рынке поставок вооружений, после США и России. При этом позиции России на международном рынке вооружений в 2014-2015 году упали, значительную роль в этом сыграло снижение закупок российского оружия со стороны Китая и Индии. В настоящее время Китай заинтересован только в поставках наиболее высокотехнологичных образцов военной техники из России, что вызывает разногласия со стороны РФ. Кроме того, Россия требует гарантий прав интеллектуальной собственности, так как Китай уже неоднократно копировал как российские, так и западные военные технологии. Достаточно долго согласовывалась сделка на поставку в Китай новейших российских истребителей СУ-35, в результате был заключен договор на поставку 24 единиц, начиная с конца 2016 года. При этом Китай уже осенью

2016 года выпустил собственный истребитель-невидимку пятого поколения J-20, аналоги которому есть только у США и России [7].

Таким образом, объемы покупки российского вооружения Китаем в настоящее время существенно снизились: КНР заинтересована только в покупке наиболее современных военных технологий, которые Россия не заинтересована передавать третьим странам. На фоне современных геополитических противоречий с западными странами и непростой экономической ситуации Россия становится более лояльной в области экспорта наиболее современных вооружений Китаю. В настоящее время Китай стал одним из ведущих игроков на рынке вооружений, занимая третье место, что делает его конкурентом российскому военно-промышленному комплексу на международном рынке.

В последние годы Россия пошла на уступки Китаю в области совместного производства военной продукции. Раньше Россия поставляла только законченную продукцию военно-промышленного комплекса, которую в Китае пытались копировать и совершенствовать. В настоящее время Россия стремится втягивать китайские оборонные компании в совместные разработки и производство военной продукции. В условиях санкций и экономических проблем в российской экономике подобное сотрудничество является взаимовыгодным для обеих сторон. Так, создание совместного широкофюзеляжного самолета, которых в РФ в настоящее время почти не производят, позволит создать конкуренцию американским Boeing и европейским Airbus на рынке гражданских самолетов.

В мае 2016 года Россия и Китай провели совместные военные учения, в том числе командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность» и российско-китайские морские военные учения в Южно-Китайском море, которые должны укрепить оборону двух стран от силового воздействия других государств. Хотя стороны и подчеркивают, что совместные учения России и Китая не направлены против третьих стран, это является сигналом, направленным против развертывания американской системы ПРО ТНAAD в Южной Корее (целью которых формально является противодействие возможной угрозе со стороны Северной Кореи). Проведенные учения являются одним из ответных шагов Соединенным Штатам Америки, несут скорее политическое, чем военное значение.

В настоящее время Россия и Китай не входят в совместный военный блок, поэтому четких границ сотрудничества в военной сфере между государствами до сих пор нет. Совместные маневры между странами проходят после долгих согласований и носят более ситуативный характер, чем стратегический. Но, переход от сотрудничества в области поставок вооружений к совместным военным маневрам говорит о построении отношений более высокого уровня в области военной безопасности между странами. Россия все более охотно продает Китаю свои новейшие военные технологии, в том числе Китай получил одобрение на поставку зенитно-ракетных комплексов С-400, а поставка истребителей СУ-35 началась осенью 2016 года.

18 февраля 2017 г. прошло пленарное заседание на 53-й Мюнхенской конференции по безопасности, на которой обсуждались, в том числе, и вопросы по ядерной проблеме Корейского полуострова. Министр иностранных дел КНР Ван И отметил, что с 2003 по 2009 год продолжались диалог и переговоры в указанной области, но после 2009 года шестисторонние переговоры полностью остановились, ядерная проблема Корейского полуострова перешла в русло конфронтации, появился порочный круг – ядерное испытание, санкции, повторное ядерное испытание, повторные санкции. "Такая ситуация не должна продолжаться! Потому что ее окончательного итога, вероятно, не выдержит никто. Это принесет проигрыш для всех сторон", – заявил он. Также в своем выступлении отношения Пекина и Москвы он назвал "опорой глобальной стабильности".

Глава МИД КНР отметил, что мир и развитие по-прежнему остаются главными в современном мире, и для преодоления актуальных вызовов необходимо продолжать непрерывно укреплять сотрудничество, совершенствовать глобальное управление, поддерживать сотрудничество различных регионов. По его словам, Китай продолжит углублять собственные реформы, увеличивать открытость миру, вносить вклад в мир и развитие на планете [8].

Таким образом, 53-я Мюнхенская конференция по безопасности, в которой принимали участие также члены Российского совета по международным делам, стала одним из примеров сотрудничества в сфере безопасности и взаимной поддержки на мировой арене между Китаем и Россией. На конференции выдвигались следующие инициативы в сфере безопасности: снижение уровня опасности применения ядерного оружия; снижение риска ядерного «мгновенного удара»; уменьшение угрозы попадания ядерных и радиологических материалов в руки террористов; снижение риска военной конфронтации.

Политический курс Китая в области международной военной и ядерной безопасности совпадает с российским: обе страны видят международные отношения как многополярный мир, а не диктат США в решении ключевых мировых вопросов.

Тем не менее, экономические отношения с США являются важнейшими для Китая – две страны являются экономически взаимосвязанными, ключевыми торговыми партнерами. При этом Китай имеет значительный положительный торговый баланс в отношениях с США и является крупнейшим держателем американских долговых обязательств. Военный и экономический конфликт между США и Китаем не выгоден двум странам, поэтому они нацелены на взаимовыгодное сотрудничество, избегание лишней эскалации, хотя и становятся крупнейшими конкурентами в мировом масштабе.

Подписанное между США и Китаем соглашение показывает, что Китай сохраняет дистанцию как между Россией, так и США, чтобы ни одна из стран не могла считать его своим эксклюзивным военным партнером, а присутствовала конкуренция между США и Россией за партнерство с Китаем. Таким образом, Китай показывает себя как одного из самых гибких и умелых партнеров в Азии. Кроме того, данное соглашение должно поставить под сомнение решимость применения военной силы США в случае конфликта Китая с Тайванем, у которого с США союзнический договор 1972 года.

Одной из целей внешней политики Китая является расширение своего влияния в Юго-Восточной Азии и постепенное вытеснение оттуда США. Хорошим примером успеха Китая на данном направлении стало согласование территориальных вопросов с новым президентом Филиппин, вовлечение этой страны в орбиту китайских интересов

во время визита филиппинского президента в Китай в октябре 2016 года. Китай стремится стать новой сверхдержавой, усиливает свое экономическое, политическое, дипломатическое и военное влияние в мире.

Результаты исследований и их обсуждение. Таким образом, можно считать, что в дипломатических и политических вопросах Китай и Россия придерживаются дружественного курса, что благоприятно сказывается на их экономическом и военном сотрудничестве, а также сотрудничестве в сфере ядерной безопасности. Китай усиливает свое влияние в треугольнике Россия – США – Китай, идя на значительное сближение с Россией, однако стремится сохранить и хорошие отношения с США, жестко отстаивая при этом свои интересы в Юго-Восточной Азии. Сотрудничество России и Китая в политической сфере может осуществляться за счет поддержки Китаем действий России в Европе и Ближнем Востоке и обратно поддержки Россией Китая в территориальных конфликтах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, что соответствует интересам двух государств. Но в странах Средней Азии интересы Китая и России могут конкурировать, что может вызывать противоречия между двумя державами [9 С. 32-53].

Выводы. На основании изученных материалов, можно сделать вывод, что Китай и Россия не являются военными союзниками, как, например, страны блока НАТО или США и Японии, и не планируют ими становиться в ближайшее время. Страны готовы взаимодействовать в сфере военной безопасности на взаимовыгодной основе, с учетом текущей геополитической ситуации в мире, но все же между ними остается конкуренция на рынке вооружений, а также определенный уровень недоверия. При этом Россия всегда с опаской смотрит на усиление Китая в военном отношении, так как страны являются соседями и у них остаются исторические разногласия по поводу Дальневосточных территорий РФ. Тем не менее, в настоящее время интересы России и Китая во многом совпадают, они готовы противостоять односторонней политике США, но с учетом своих национальных интересов. При этом Китай не планирует заключать тесные военные альянсы ни с Россией, ни с США, стараясь сохранить взаимовыгодные отношения с каждой из стран. Усиление Китая в последнее время меняет баланс сил в мире, и та страна, которая будет наиболее близко сотрудничать с Китаем в военной сфере, будет иметь важное преимущество перед потенциальным противником, но ситуация в мире может достаточно резко измениться. Важное значение для российско-китайских отношений в сфере военной безопасности будет иметь внешнеполитический курс, выбранный новым президентом США после выборов 8 ноября 2016.

Список литературы / References

1. Хакунова Ж. А. Российско-китайские отношения во второй половине XIX века / Ж. А. Хакунова // Концепт. – 2016. – Т. 33. – С. 93–98.
2. Китай и США подписали договор о военном сотрудничестве // Российская газета. – 2015. Электронный доступ: <https://rg.ru/2015/06/15/dogovor-site-anons.html> (дата обращения: 15.07.2016).
3. Китай решительно выступает против размещения в РК системы противоракетной обороны THAAD // Жэньминь Жибао. – 2017. Электронный доступ: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0224/c31521-9181939.html> (дата обращения: 24.02.2017).
4. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. – 2009. Электронный доступ: <https://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (дата обращения: 20.03.2016)..
5. Волынчук А. Б., Волынчук Я. А. Российско-китайское сотрудничество – синдром отложенного партнёрства // Россия и АТР. – 2016. – № 2 (92). – С. 17–26.
6. Лурда Р. В., Тарасова Ю. А. Российско-китайское военно-техническое сотрудничество в конце XIX–середине XX века // Проблемы современной науки. – 2014. – № 14. – С. 118–128.
7. Дейв Маджумдар. Сравнение самолетов-невидимок: китайский J-20 против российского Т-50 ПАК ФА // Военное дело. – 2016. Электронный доступ: <http://inosmi.ru/military/20161105/238143647.html> (дата обращения: 05.11.2016).
8. Источник: Глава МИД КНР принял участие в Мюнхенской конференции по безопасности // Синьхуа. Электронный доступ: http://russian.news.cn/2017-02/18/c_136065870.htm (дата обращения: 18.02.2017).
9. Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990-2015) // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 6. – № 1 (18). – С. 32–53.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Hakunova Zh. A. Rossijsko-kitajskie otnoshenija vo vtoroj polovine XIX veka [Russian-Chinese relations in the second half of the XIX century] /Zh. A. Hakunova // Koncept [The concept]. – 2016. – P. 33. – V. 93–98. [in Russian]
2. Kitaj i SShA podpisali dogovor o voennom sotrudnichestve [China and the United States signed an agreement on military cooperation] // Rossijskaja gazeta. – 2015. // [Russian newspaper] [Electronic resource] <https://rg.ru/2015/06/15/dogovor-site-anons.html> (accessed: 15.07.2016). [in Russian].
3. Kitaj reshitel'no vystupaet protiv razmeshhenija v RK sistemy protivoraketnoj oborony THAAD [China is firmly opposed to embed in the ROK missile defense system THAAD] // Zhjen'min' Zhibao. – 2017. [Electronic resource] <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0224/c31521-9181939.html> (accessed: 24.02.2017). [in Russian].
4. Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj [The Treaty on good-neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and people's Republic of China] // Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. – 2009. [Electronic resource] <https://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (accessed: 15.09.2016). [in Russian].
5. Volynchuk A. B., Volynchuk Ja. A. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo – sindrom otlozhennogo partnjorstva [Russian-Chinese cooperation – syndrome delayed partnership] // Rossijskaja i ATR // [Russia and Asia Pacific] – 2016. – № 2 (92). – P. 17–26. [in Russian]

6. Lurda R. V., Tarasova Ju. A. Rossijsko-kitajskoe voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo v konce XIX–seredine XX veka [Russian-Chinese military-technical cooperation in the late XIX–mid XX century // Problemy sovremennoj nauki. [Problems of modern science] – 2014. – № 14. – P. 118–128. [in Russian]
7. Dejv Madzhumdar. Sravnenie samoletov-nevidimok: kitajskij J-20 protiv rossijskogo T-50 PAK FA. [Comparison of stealth aircraft Chinese J-20 vs Russian T-50 PAK FA // Voennoe delo. [Military science] – 2016. – [Electronic resource] <http://inosmi.ru/military/20161105/238143647.html> (accessed: 05.11.2016). [in Russian].
8. Istochnik: Glava MID KNR prinjal uchastie v Mjunhenskoj konferencii po bezopasnosti [Source: foreign Minister of China took part in the Munich security conference] // Sin'hua. [Electronic resource] http://russian.news.cn/2017-02/18/c_136065870.htm (accessed: 18.02.2017). [in Russian].
9. Voskresenskij A.D. Rossijsko-kitajskie otnoshenija v kontekste aziatskogo vektora rossijskoj diplomatii [Russo-Chinese relations in the context of the Asian vector of Russian diplomacy] (1990-2015) // Sravnitel'naja politika [Comparative politics]. – 2015. – V. 6. – № 1 (18). – P. 32–53.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.150>

Борисова П.В.¹, Молонова Д.Е.²

¹ORCID: 0000-0003-3743-9247, Кандидат педагогических наук, Доцент, ²ORCID: 0000-0003-3770-8291, Студент,
Санкт-Петербургский горный университет

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИНДРОМА ХИКИКОМОРИ У СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация

Синдром хикикомори – острое психологическое состояние, характеризующееся избеганием социальных контактов и отказом от любой социально обусловленной деятельности представителями обоих полов юношеского возраста. Целью нашего исследования было изучение уровня эмоционального и социального одиночества и его влияние на возможность возникновения синдрома хикикомори у студентов направления ИСТ Санкт-Петербургского горного университета. Опираясь на концепцию Р. Вейса о том, что эмоциональное и социальное одиночество являются состояниями отличными друг от друга, были получены результаты, которые показали, что более 21% респондентов в возрасте от 18 до 22 лет находятся в группе риска и имеют склонность к социальной изоляции, способствующей возникновению синдрома хикикомори.

Ключевые слова: хикикомори, социальное одиночество, эмоциональное одиночество, юношеский возраст с 18 до 22 года.

Borisova P.V.¹, Molonova D.E.²

¹ORCID: 0000-0003-3743-9247, PhD in Pedagogy, Associate Professor,

²ORCID: 0000-0003-3770-8291, Student,

The Saint Petersburg Mining University

EMOTIONAL AND SOCIAL LONELINESS AS THE PREMISE OF HIKIKOMORI SYNDROME AMONG THE IST STUDENTS OF THE SAINT PETERSBURG MINING UNIVERSITY

Abstract

Hikikomori syndrome is a syndrome of severe social withdrawal typical for adolescents and young adults of both genders and characterized by their refusing of all contacts with society and withdrawing from all social activities. The aim of the given study was to analyze the level of emotional and social loneliness of the students studying of the Saint Petersburg University majoring in computer science as it can be the premise of hikikomori syndrome origination. The results of the study supporting Weiss' conception about treating social and emotional loneliness as distinct states showed that more than 21% of the respondents (aged from 18 to 22) are prone to absolute loneliness making them be potential hikikomori.

Keywords: hikikomori, emotional loneliness, social loneliness, adolescents and young adults (aged 18-22).

Introduction

Loneliness is a subjective, unpleasant experience that can have life threatening consequences. Weiss conception about treating social and emotional loneliness as distinct states [1] proves its importance as 94% of adolescent and young adults (aged 18-22) report feelings of loneliness and 21% of them are prone to absolute loneliness. Social loneliness is based on the lack of sense of community. Emotional loneliness is the result of the absence of personal, intimate relationship or attachment. According to Weiss emotional loneliness is a more painful form of loneliness, whereas social loneliness can be treated as the combination of feeling rejected and boredom [1].

Social loneliness can be associated with hikikomori – a syndrome of severe social withdrawal typical for adolescents and young adults and characterized by their refusing of all contacts with society and withdrawing from all social activities [2]. The term “hikikomori” refers to both the sociological syndrome and to the person suffering from it. In general, people with this syndrome have difficulties in communicating to others and do not participate in human interactions or social situations such as attending school or going to a workplace for a substantial period of time. There is a strong connection between hikikomori syndrome and computer (especially Internet) addiction precisely [3] [10] creating the supportive environment for incipience of hikis [6]. Moreover, the shift from direct to indirect contacts is correlated with the rise of level of emotional and social loneliness. According to Furlong A. there are five groups of individuals who are in the risk group to become potential hikis;

socially incompetent “geeks” who are heavy internet users (The “Otaku”) and young people who are socially isolated (“The lonely and isolated”) are among them [7]. Little or no research has been made to examine the possible experience of loneliness among students majoring in computer science in the Saint Petersburg Mining University with respect to treat loneliness as the premise to Hikikomori syndrome.

The purpose of this study was first (i) to measure the level of loneliness of students majoring in computer science in the Saint Petersburg Mining University (using UCLA scale version 3) and (ii) to analyze the results of the questionnaire presented to the students with a high level of loneliness to find out if these students are able to be prone to hikikomori syndrome.

Material and methods

The subjects of this study were students the Saint Petersburg Mining University majoring in computer science. The total number of the respondents was 375 (aged from 18 to 22). The students were offered to answer 20-item, self-report measure, UCLA (University of California, Los Angeles) [9] Loneliness Scale concerning an individual's satisfaction with his or her interpersonal relationships. UCLA is one of the most widely used instruments to measure the subjective experience of loneliness. Then the subjects were offered to answer a questioner aimed to determine if loneliness can be a premise of hikikomori syndrome origination. The answers of three hundred seventy five IST students majoring in computer science who had been offered to respond to the questionnaire consisting of 10 questions were analyzed in the given study. The results were statistically analyzed by Survey Monkey. The statistical procedure to test the research questions was the One Way Analysis of variance was performed using the statistical package for social science SPSS. After the data was collected, the information was downloaded from Survey Monkey. All statistical analyses were tested at a minimum of 0.05 level of significance.

Results

1. *What is the level of loneliness among the students majoring in computer science in the Mining University?* Table 1 displays the results obtained from 375 students of both genders (N=375). The mean score for loneliness (35.81) of participants demonstrates us the average level of loneliness with a tendency to a lower end of the scale score (20-80) on the UCLA. This indicates a significantly low level of loneliness among students.

Table 1 – Measure Mean Standard Deviation UCLA

Measure	Mean	Standard Deviation
UCLA	35.81	10.001

2. *What students with high level of loneliness (40 and higher on the UCLA) are in the risk group to become potential hikikomori?* The summary of the obtained results can be seen in Table 2. A Likert scale is a commonly used method for the measurement of attitudes in survey studies. The students ranked their answers to a statements according to 5 point scale ranging from 1(strong disagreement) to 5 (strong agreement), with 3 neutral responses.

Table 2 –The summary of the results

	Students (N 76)
1. Experiencing loneliness by the respondents	5.67±4.1
2. Frequency of feeling lonely	2.80±1.0
3. Absence/Presence of a partner	3.11±1.2
4. Absence/Presence of a true friend	3.61±1.1
5. Frequency of shutting down	3.89±0.9
6. Satisfaction with loneliness	4.13±0.8
7. Satisfaction with having friends	3.70±0.8
8. Influence of Internet to the social interaction	4.02±0.6
9. Subjection to social isolation	3.85±0.7
10. Satisfaction with social isolation	4.13±0.8

All the questions offered to the subjects can be divided to two big groups – social loneliness and emotional loneliness (romantic emotional loneliness and family emotional loneliness). The respondents tended to show strong agreement to limit their interaction with the outside world (about 21% of answers). Unfortunately, the responses given to this question demonstrate that these respondents are prone to absolute loneliness making them potential hiks. The present pilot study has demonstrated that, every fifth man/woman is addicted to become socially isolated. So, hikikomori syndrome is becoming more and more impending threat.

Discussion

The present study investigated the level of loneliness among the students of The Saint Petersburg Mining University demonstrated that the level of emotional and social loneliness of the students studying of the Saint Petersburg University majoring in computer science as it can be the premise of hikikomori syndrome origination. The results of the study supporting Weiss' conception about treating social and emotional loneliness as distinct states showed that more than 21% of the respondents (aged from 18 to 22) are prone to absolute loneliness making them be potential hikikomori.

Conclusion

The aim of the present study has been to measure the level of loneliness of students majoring in computer science in the Saint Petersburg Mining University and to determine whether students with high level of loneliness are able to be prone to hikikomori syndrome. On the basis of statistical findings obtained, the following conclusions can be made: 1. There is significantly low level of loneliness among the students from the Saint-Petersburg Mining University who major in computer

science. 2. Those students who have a high level of loneliness are prone to absolute loneliness that can make them potential hikikomori. This new knowledge can be used to inform professionals working with the students in the Mining University.

Список литературы / References

1. Weiss, R.S. (1973). Loneliness: The experience of emotional and social isolation. Cambridge, MA: The MIT Press.
2. Saitō T. Shakaiteki hikikomori: Owaranai shishunki. Tōkyō: PHP Kenkyūjo ; 1998
3. Motoki Watabe, Takahiro A. Kato. (2015) "Relationship between Trusting Behaviors and Psychometrics Associated with Social Network and Depression among Young Generation: A Pilot Study." <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4383339/>
4. Teo AR (2010) A new form of social withdrawal in Japan: a review of hikikomori. Int J Soc Psychiatry 56: 178–185. doi: 10.1177/0020764008100629 [PMC free article] [PubMed]
5. Kato TA, Shinfuku N, Sartorius N, Kanba S (2011) Are Japan's hikikomori and depression in young people spreading abroad? Lancet 378: doi: 10.1016/S0140-6736(11)61475-X [PubMed]
6. Alexander Krieg (2016) Reclusive shut-ins: Are hikikomori predominantly a Japanese problem? doi: <http://think.iafor.org/reclusive-shut-ins-hikikomori-predominantly-japanese-problem/>
7. Teo, Alan R.; Gaw, Albert (2010). "Hikikomori, a Japanese Culture-Bound Syndrome of Social Withdrawal? A Proposal for DSM-5". Journal of Nervous and Mental Disease 198 (6): 444–449. doi:10.1097/NMD.0b013e3181e086b1.
8. Furlong A. The Japanese hikikomori phenomenon: acute social withdrawal among young people. Sociol Rev. 2008;56(2):309 doi: https://www.researchgate.net/publication/44390937_The_Japanese_hikikomori_phenomenon_Acute_social_withdrawal_among_young_people
9. Dan Russell The Revised UCLA Loneliness Scale: Concurrent and Discriminant Validity Evidence. doi: http://www.peplaulab.ucla.edu/Peplau_Lab/Publications_files/Russel%20Peplau%20%26%20Cutrona%2080.pdf
10. Kato TA, Tateno M, Shinfuku N, Fujisawa D, Teo AR, et al. (2012) Does the 'hikikomori' syndrome of social withdrawal exist outside Japan? A preliminary international investigation. Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol 47: 1061–1075. doi: 10.1007/s00127-011-0411-7 [PMC free article] [PubMed]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.040>

Маркина Е.П.

Кандидат философских наук, Старший преподаватель,

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНОСТЬ» В СОЦИОЛОГИИ

Аннотация

В статье рассматриваются многообразные варианты интерпретации понятия «личность» в социологии. Показано, что наиболее распространённым и соответствующим российскому обществу типом является модальная личность. Всестороннее рассмотрение базовой и модальной типов личности позволит создать или даже выработать общую картину генезиса исследуемого понятия. В статье отмечается, что размышления социологов о сущности, видах и специфике понятия «личность» имеют давнюю историю, а также перспективы для дальнейшего развития в рамках проводимых сегодня социологических исследований.

Ключевые слова: индивид, личность, рационалистическая ориентация, самореализация, самосовершенствование, современная индивидуальность, установка.

Markina E.P.

PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Orel State University I.S. Turgenev

ESSENCE AND SPECIFICITY OF RESEARCH OF THE CONCEPT OF «PERSONALITY» IN SOCIOLOGY

Abstract

The article considers the diverse variants of interpretation of the concept of «personality» in sociology. It is shown that the most common and relevant Russian public is modal personality type. Comprehensive review of the basic and modal personality types will create or develop an overall picture of the genesis of the studied concepts. The article notes that the reflections of sociologists about the nature, types and specific «personality» concepts have a long history, as well as prospects for further development of the sociological researches conducted today.

Keywords: individual, personality, rationalist orientation, self-actualization, self-improvement, the modern personality, installation.

Тематика и проблематика личности сегодня является одной из дискуссионных, оправданно актуальной и перспективной в своём дальнейшем исследовании и доработки. Сущность и специфику понятия «личность» изучали как классические теоретики социологии, так и современные молодые учёные. Детальные и глубинные концепции сущности понятия «личность» находят своё отражение как в работах отечественных, так и зарубежных учёных. Рассмотрение данного термина имеет свои корни, а следовательно истоки и генезис своего исследования и дальнейшей перспективы современной интерпретации. Вполне логично предположить, что в ближайшие годы доктора и кандидаты социологических наук выработают сравнительно новые трактовки и обновлённую классификацию понятия «личность».

В общепринятом на сегодняшний день толковании понятия «личность» социолог понимает субъект социальных отношений и социальной деятельности, а также социально и духовно развитого человека включённого в общественные отношения и проявляющего себя в совместной деятельности и общении с другими людьми. Под

личностью следует понимать и всю совокупность социальных свойств человека, а также воспринимать как продукт общественного развития и его включения в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения [1, С. 13]. Становление личности связано с принятием индивидом выработанных в обществе социальных норм, ролей, правил поведения. Таким образом, уже сформированная личность представляет собой субъект самостоятельного и ответственного поведения в социуме.

Понятие «личность» несёт в себе и языковую наполненность, которая раскрывается через следующие характеристики: независимая, энергичная, деятельная, сильная. В результате, исследуемое понятие представляет индикатор общественного развития. Параметрами личности выступают следующие её составляющие компоненты: социально-специфические особенности (установки, ценности), свойства психики (эмоции, мышление, память, восприятие), индивидуальные свойства психики личности, свойственные только ей (способности, темперамент, характер, привычки).

Генезис рассмотрения личности, её попытки классифицировать принадлежат Э. Шпрангеру. Учёный предлагает следующие идеальные типы личности на основе их мотивационной направленности. К этим видам относятся следующие разновидности:

- *теоретический тип* (ориентированный на получение новых знаний человеком);
- *социальный тип* (направленный на социальное окружение и коммуникацию с другими людьми);
- *эстетический тип* (склонный к переживаниям, самовыражению, впечатлениям);
- *политический тип* (ориентированный на распределение социальных ролей, на господство или подчинение);
- *экономический тип* (склонный к прагматизму в отношении с другими людьми);
- *религиозный тип* (направленный на поиск высшего смысла жизни и общения с Богом).

Есть и такие исследователи социологии личности, которые выделяют такой тип личности в современном обществе как «*инновационный*» (Щупленков О.В., Щупленков Н.О.). Данный вид личности с точки зрения общества изначально является направленным типом, содержательным и характеризуется соответствующими качествами. С помощью этой новой формулировки и обозначения нового вида личности, авторы ориентированы на формирование неких новых качеств личности (стремление к самоутверждению, к новизне, откровенность) востребованных сегодняшней Россией.

Можно предложить и другую классификацию интерпретации личности. Например, сформулируем следующие подвиды исследуемого термина:

- *креативная или творческая личность* (основные виды деятельности, в которых человек развивается, ему необходимы, не для результата, а скорее для себя самого);
- *управленческий тип личности* (характеризуется стремлением человека к властным позициям в жизни, а не к подчинению);
- *научный тип личности* (ориентированный на свою самореализацию в рамках реализуемой человеком научной деятельности);
- *эгоистический тип личности* (характеризуется ориентацией в первую очередь, только на свои потребности, интересы и предпочтения).

И всё же, если вернуться к осмыслению специфичности рассматриваемого понятия, то стоит отметить наиболее известные типы личности: «базовый» и «модальный». Социологи придерживаются мнения, что всё-таки именно базовый тип личности как нельзя лучше соответствует нынешней культуре, а модальный тип является доминирующим, принимаемым, наиболее распространённым в обществе. Можно предположить, что сегодня базовая личность современного человека пока ещё, наверное, не утвердилась и не закрепились должным образом в менталитете, культуре, жизненных установках членов общества. Модальный тип в свою очередь, распространён и подразумевает такой тип личности, который рассчитывает на государственную поддержку, а также является нетерпимым к иному образу жизни и конечно расходящимися личными взглядами.

Однако в социологии понятие «личность» проявляет себя как социальный тип, а отнюдь не как индивидуальность. По мнению К. Маркса: «сущность особой личности составляет не её абстрактная физическая природа, а скорее её социальное качество» [2, С.65]. Социолог И.С. Кон под «личностью» понимает маску с указанием определённой роли или социальной функции выполняемой человеком [3, С.28-29]. Э. Гидденс удивляет своим видением личности в виде «обструганного болвана». Р. Дарендорф придерживается вполне социологического понимания исследуемого нами термина «личность» и рассматривает её интерпретацию в книге «*Homo Sociologicus*», в которой социальный человек уже ею является (личностью). П.Л. Лавров считает, что «личность должна понять общественные интересы, а также и то, что если общество заглушит критически мыслящих личностей, это приведёт к застою и гибели» [4, С.199]. В.М. Хвостов утверждал, что «личность – это социокультурное образование, на которое общество и культура ставят свой отпечаток» [5, С.131]. В.А. Ядов, более ориентирован на поиск и дальнейшую интерпретацию нынешнего современного типа личности россиянина. В результате, учёным описывается приспособление личности к заданным и от неё практически не зависящим условиям жизни [6, С.36]. Так появляется новая позиция рассмотрения В.А. Ядовым личности как человека вида «*Хомо адаптатуса*».

Суммируя, обобщим, что размышления социологов о сущности, видах и специфике понятия «личность» имеет давнюю историю, а также перспективы для дальнейшего диспута в рамках проводимых сегодня социологических исследований. В контексте развития специальных социологических теорий и исследований в сфере социологии личности наиболее значимыми явились работы таких учёных, как: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарёв, В.М. Бехтерев, В.П. Тугаринов [7], Г.В. Осипов, В.И. Селиванова, И.С. Кона, В.Г. Харчева, Ю.А. Левады, В.А. Ядов, Ю.Л. Качанов, В.Б. Ольшанский [8]. Из последних интересных социологических исследований сущности и специфики личности принадлежат К.К. Оганян [9, 10], которая проанализировала понятие «личность» в истории российской социологии. В размышлениях современных социологов рассматривается также такая специфическая черта личности, как *индивидуализм* (индивидуалистическая личность), который характеризует человека как выступающего и отвечающего за себя самого, свои интересы и права.

Преобразования и изменения других специфических черт личности, а также выработка комплексного подхода к личности – длительный процесс, который только постепенно обозначается со временем.

Список литературы / References

1. Андриюшин Е.Н. Краткий словарь важнейших социологических понятий. – Орёл: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2013. – 38 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – С.65.
3. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
4. Оганян К.К. Социологический анализ концепции личности Лаврова П.Л. // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность: материалы VII науч. - практ. конф. 27 мая 2011 г./ред. кол.: М.П. Горчакова-Сибирская. - СПб.: СПбГИЭУ, 2011. - С. 197-200.
5. Хвостов В.М. Основы социологии. - М.: Русский книжник, 1923.
6. Ядов В.А. Личность как объект и субъект социальных отношений // Социология и современность. Т. 1. - М.: Наука, 1977. - С. 34-38.
7. Тугаринов В.П. Личность и общество. - М.: Мысль, 1965. – 188 с.
8. Ольшанский В.Б. Личность в российской психологии и социологии // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Институт социологии РАН, 1998. - С.346-469.
9. Оганян К.К. Анализ личности в истории российской социологии // Дис. д-ра социол. наук: 22.00.01. - Санкт-Петербург, 2015.
10. Оганян К.К. Некоторые аспекты анализа концепции личности. Казанские социологические чтения (в рамках проекта «Год социологии в России»). // Материалы II Всероссийской научной конференции. - Казань, 13-15 мая, 2008. – Казань, 2008. - С. 147-150.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andryushin E.N. Kratkij slovar' vazhnejshih sociologicheskikh ponjatij [A short dictionary of the most important sociological concepts]. - Orel: FGBOU HPE "OSU", 2013. - 38 p. [in Russian]
2. Marx K., Engels F. Nemeckaja ideologija [German ideology] // Marx K., Engels F. Soch. T.3. - P.65. [in Russian]
3. Kon I.S. V poiskah sebja: Lichnost' i ee samosoznanie [In search of yourself: Personality and self-consciousness]. - Moscow: Politizdat, 1984. - 335 p. [in Russian]
4. Oganian K.K. Sociologicheskij analiz koncepcii lichnosti Lavrova P.L. [Sociological analysis of the concept of personality Lavrova P.L.] // Otechestvennye tradicii humanitarnogo znaniya: istoriya i sovremennost': materialy VII nauch. - prakt. konf. 27 maja 2011 g. [Domestic traditions of humanitarian knowledge: history and modernity: materials VII scientific-practical. Conf. May 27, 2011] / ed. Count: M.P. Gorchakova-Siberian. - SPb.: SPbGIEU, 2011. - P. 197-200. [in Russian]
5. Khvostov V.M. Osnovy sociologii [Basis of Sociology]. - M.: Russian scribe, 1923. [in Russian]
6. Yadov V.A. Lichnost' kak ob#ekt i sub#ekt social'nyh otnoshenij [Personality as an object and subject of social relations] // Sociologija i sovremennost' [Sociology and modernity]. T. 1. - Moscow: Nauka, 1977. - P. 34-38. [in Russian]
7. Tugarinov V.P. Lichnost' i obshhestvo [Personality and society]. - M.: Thought, 1965. - 188 p. [in Russian]
8. Olshansky V.B. Lichnost' v rossijskoj psihologii i sociologii [Personality in Russian psychology and sociology] // Sociologija v Rossii [Sociology in Russia] / Ed. V.A. Yadov. - Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 1998. - P. 346-469. [in Russian]
9. Oganian K.K. Analiz lichnosti v istorii rossijskoj sociologii [Analysis of personality in the history of Russian sociology] // Dis. Doctor of Sociology. Sciences: 22.00.01. - St. Petersburg, 2015. [in Russian]
10. Ohanyan K.K. Nekotorye aspekty analiza koncepcii lichnosti. Kazanskije sociologicheskie chtenija (v ramkah proekta «God sociologii v Rossii») [Some aspects of the analysis of the concept of personality. Kazan sociological readings (within the framework of the project "The Year of Sociology in Russia")]. // Materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii. - Kazan', 13-15 maja, 2008 [Proceedings of the II All-Russian Scientific Conference. - Kazan, May 13-15, 2008]. - Kazan, 2008. - P. 147-150. [in Russian]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGYDOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.001>

Ангел М.С.

Аспирант, ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет имени А.И. Герцена»

**ПРОБЛЕМА КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ПОДРОСТКОВ С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ
В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (1985-2015 ГОДЫ)****Аннотация**

В статье представлены основные результаты психологических исследований мотивационно – потребностной сферы подростков с аддиктивным поведением, проводившихся в различные периоды социокультурных изменений в российском обществе. Рассмотрена динамика психологической проблематики подростков в контексте развития общественных мотивационно-ценностных установок. Выявлены изменения, происходящие во всех сферах жизни нашего общества, которые существенно влияют на поведение современных подростков. Установлена связь между увеличивающимися общественными противоречиями и негативными явлениями, провоцирующими ненормативное поведение в молодежной среде. Автор данной статьи, в отличие от большинства исследователей, изучавших мотивационно-потребностную сферу подростков с аддиктивным поведением, выделяет факт взаимного влияния внутренних (психологических) и внешних (социальных) факторов на формирование аддиктивного поведения.

Ключевые слова: подростковая психология, мотивационно-потребностная сфера, аддиктивное поведение, социокультурные изменения.

Angel M.S.

Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia

**PROBLEM OF CLINICAL AND PSYCHOLOGICAL TRANSFORMATION OF MOTIVATION AND NEED
SPHERE OF ADOLESCENTS WITH ADDICTIVE BEHAVIOR UNDER CONDITIONS OF SOCIAL
AND CULTURAL CHANGES IN MODERN RUSSIA (1985-2015)****Abstract**

The paper presents the main results of psychological research of the motivation and need sphere of adolescents with addictive behavior, which were conducted during at periods of sociocultural changes in Russian society. The dynamics of the psychological problems of adolescents in the context of the development of social motivation and need orientations is considered. The author defined the changes which took place in all spheres of the life of our society that significantly affect the behavior of modern adolescents. The connection between the increasing social contradictions and negative phenomena that provoke abnormal behavior in youth environment is revealed. The author distinguishes the fact of the mutual influence of internal (psychological) and external (social) factors on the formation of addictive behavior in contrast to the majority of researchers who studied the motivation and need sphere of adolescents with addictive behavior.

Keywords: adolescent psychology, motivation and need sphere, addictive behavior, sociocultural changes.

В условиях перемен в экономических и политических отношениях, потрясших всю систему социальных ожиданий и вызвавших в обществе состояние неопределенности, растерянности и фрустрации со всеми следствиями: депрессией, агрессивностью, пассивностью, приобретают особую значимость и сложность проблемы социализации вступающего в жизнь молодого поколения [12, С. 96-99]. Различные изменения, происходящие во всех сферах жизни нашего общества, существенно влияют на поведение современных подростков [4, С. 13]. В сложное время перехода к другой модели общества особые трудности испытывают подростки и молодежь, потому что их представления о морали и праве еще не стали осознанными или привычными регуляторами их поведения.

Вследствие этого увеличивающиеся общественные противоречия вызывают усиление негативных явлений, провоцирующих ненормативное поведение в молодежной среде [4, С. 18].

В современных условиях люди прибегают к изменению реальности не только использованием химических препаратов, но все чаще применяют нехимические способы [14, С. 97]. Такие варианты изменения реальности объединены понятием – аддикции.

Сформулируем дефиницию понятию «аддиктивное поведение». В английском языке существует слово «addiction», т.е. склонность или пагубная привычка. В рамках данной статьи мы понимаем аддиктивное поведение как одно из направлений деструктивного поведения, которое выражается в стремлении уйти от реальности методом искусственного изменения своего психического состояния химическим или нехимическим путем.

Мотивационно-потребностная сфера является важнейшим структурно-психологическим образованием в структуре личности подростков с аддиктивным поведением. Мы обратились к исследованиям А.С. Личко, В.С. Битенского, И.П. Башкатова, Б.С. Братуся [5, С.81-86] и выявили, что именно подростковый возраст представляет сферу, которая подвергается существенной деформации при определенных обстоятельствах. В частности, происходит изменение поведения и появляется его асоциальная форма - наркомания.

Существуют в этом направлении исследования Ю.С. Братуся, А.С. Личко, В.С. Битенского, Н.Ю. Максимовой, Л.Д. Мирошниченко и других, но они посвящены в основе своей изучению мотивов поведения подростков, которые уже употребляют наркотические вещества. Однако, целый ряд иных вопросов, касающихся мотивационно-потребностной сферы личности подростков с аддиктивным поведением, не получили достаточной научной разработки. Кроме того, мы выявили, что специально не изучалась динамика изменения мотивационно-потребностной сферы личности таких подростков, которая может иметь свои особенности в условиях социально-экономических преобразований в различные периоды новейшей истории России, влияющих на формирование предрасположенности к различным видам зависимости от средств изменения своего психического состояния. Изучение этих вопросов

представляет не только научный интерес, но и определяет перспективы для организации эффективной профилактической и коррекционной работы с подростками, предрасположенными к аддиктивному поведению, а также для разработки необходимых мер предупреждения различных тяжелых последствий.

Мы видим проблему в изучении динамики изменений в мотивационно-потребностной сфере подростков с аддиктивным поведением, как важнейшего компонента становления личности и детерминанты аддиктивного поведения в условиях макросоциальных изменений в стране.

По степени выраженности социальных процессов, по скорости их изменений исторический период социально-экономических трансформаций с 1985 по 2015-й год в России может выступать моделью исследования психологической динамики личности в изменяющихся социально-экономических условиях, поскольку при таком рассмотрении возможно учесть еще и фактор интенсивности изменений социально-экономических условий в обществе.

В настоящее время в России имеется уникальная историческая ситуация, вызванная тем, что в течение жизни одного поколения исследователей произошло коренное изменение социокультурных условий формирования и развития личности [9, С. 4146]. Это вызвано изменением социального устройства, сменой идеологической ориентации, экспансией средств информатизации и коммуникации, сексуальной революцией, и прочими переменами в жизни общества в целом и всех людей. В результате сегодня в психологической практике присутствуют феномены, которым нет адекватного объяснения в психологической науке [9, С. 4150]. Философы, культурологи, социологи и публицисты отмечают появление и формирование нового человека [3, С. 191-198]. Но концептуальный аппарат научной психологии, сформировавшейся в совершенно других социокультурных условиях, также как и ее базовые теории отражения, деятельности, личности становятся неприменимы для новых по сути психологических явлений.

Мы поставили целью изучение динамики изменений в мотивационно-потребностной сфере личности подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных преобразований в новейшей истории России.

Для достижения цели исследования мы сформулировали ряд задач. Во-первых, изучить и проанализировать научную и методическую литературу по теме исследования; выделить теоретические положения, применимые для анализа и характеристики динамики изменения мотивационно-потребностной сферы подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных преобразований. Во-вторых, разработать программу исследования динамики мотивационно-потребностной сферы личности подростков с аддиктивным поведением в условиях социально-экономических изменений. И наконец, исследовать и проанализировать динамику изменений в мотивационно-потребностной сфере подростков с аддиктивным поведением в период 1985-2015 гг.

Приступая к исследованию, мы отталкиваемся от гипотезы, предполагающей, что может быть выявлена динамика изменений в мотивационно-потребностной сфере подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных преобразований в новейшей истории России. В конкретные исторические периоды значимые изменения мотивационно-потребностной сферы личности подростков с аддиктивным поведением взаимосвязаны с изменениями социально-экономических условий жизнедеятельности.

В качестве методологической основы исследования мы будем использовать основные теоретические и методологические принципы С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, которые являются выдающимися представителями отечественной психологической науки. Нам интересен, в первую очередь, принцип деятельностного подхода, который разработали ученые. Во вторую, концепция Л.И. Анцыферовой диалектического единства объективного и субъективного, личностного и общественного, индивидуального и социального. В третью, подход Д.И. Фельдштейна - как анализ развития личности человека в онтогенезе (функционально-деятельностный подход), а также Б.С. Братуся, А.Е. Личко, Н.Ю. Максимовой - как основа исследования наркозависимого поведения.

При этом психологи используют привычные исследовательские приемы, применяют устаревшие представления, заменяя актуальные феномены знаками, утратившими свое значение, и производят симулякры [7, С. 216]; [4, С. 98-113].

На историческую изменчивость аддиктивного поведения при значительных общественно-политических изменениях общества обращали внимание многие авторы, занимающиеся транскультуральными исследованиями (Н. Schepank, 1991, R. Desjarlais, L. Eisenberg, B. Good, A. Kleinman, 1995, Бройтигам В., Кристиан П., Рад М., 1999, В. С. Битенский, А. Е. Личко, 1991, В. М. Ялтонский, Н. А. Сирота, 2012, В. И. Перке, 2003, А. Н. Алехин, Е. Е. Малкова, Н. Н. Королева, О. А. Литвиненко, 2015). В ситуации хронического социального стресса люди часто выбирают «уход от реальности» [14, С.96].

Мотивационная сфера является важнейшим регулятором деятельности и поведения личности. Изучением мотивации личности занимались многие отечественные и зарубежные исследователи, такие как Х. Хекхаузен [15, С.210], А. Маслоу, В.К. Виллонас, В.Г. Асеев, В.Г. Леонтьев, А.К. Маркова и др. Возрастные аспекты формирования мотивационно-потребностной сферы рассматривались в работах А.Е. Личко [10, С. 9-15], А.К. Марковой, Д.В. Солдатовой [13, С.77-84] и др.

Авторами (А.Н. Алехин, Е.Е. Малкова, Н.Н. Королева, О.А. Литвиненко) рассмотрены различные аспекты мотивационно-потребностной сферы подростков. Мы полагаем, что исследование мотивационной сферы и ее динамики у подростков, имеющих аддикции, приобретает на сегодняшний день особую значимость, так как распространение наркомании и алкоголизма приобретает в России характер эпидемии и представляет достаточно серьезную угрозу для здоровья подрастающего поколения и нации в целом.

При этом разнообразные формы поведения современных подростков характеризуются как девиантные, то есть отклоняющиеся от нормы [2, С.13]. Этот термин был введен и имел ясное значение при доминировании представления о нормативном поведении советского школьника и отмечал отклонения от него. В настоящее время разнообразие форм поведения молодежи показывает вариативность индивидуальных способов социальной адаптации [2, С.18]. Это другой вопрос, подразумевающий для своего решения иные методы теоретического анализа.

Противоречие возникает при следовании общепризнанной теории формирования высших психических функций и игнорировании психологией новых культурно-исторических условий, которые в соответствии с фундаментальной

психологической теорией и является основой процесса формирования личности подростка [8, С. 132]. Такое методологическое заблуждение приводит к отсутствию связи между проводимыми и оцениваемыми по старым мелодикам психологическими исследованиями с практикой жизни.

Цикл исследований, проведенных О.А. Литвиненко, А.Н. Горьковатой, В.И. Рождественским, Е.И. Осташевой, проясняет как изменения, происходящие в течение 25 лет в обществе, отразились в особенностях личности современного человека.

Каждый культурно-исторический период, отличаясь политическими, социально-экономическими, культурными идеалами и практиками, формирует мировоззрение людей, живущих в этих условиях. Изменение мировоззрения вызывает изменение и содержания переживаний человека. Так как основными источниками переживаний людей выступают отношения человека в обществе, то именно они и определяют переживания личностей [3, С. 83-90]. Особенно это заметно становится при кардинальном изменении, в небольшом по времени историческом периоде, общественной идеологии, что и произошло в новейшей истории России. Сложившаяся система представлений стала противоположной преобладающим в обществе представлениям, что неизбежно вызвало нарушения не только психической адаптации подростков, но и переживания личностных конфликтов [1, С. 191].

Именно они приобретают кризисный характер и вызывают необходимость обращения к специалисту – психологу, психотерапевту или психиатру. Профессиональный анализ этих переживаний нельзя провести без понимания социокультурной ситуации становления личности, имеющей кризис в своем развитии [1, С. 198]. Это справедливо и в отношении состояния нарушения психической адаптации, психической активности, и отклонений поведения подростков [8, С. 132].

Подростки сегодня являются одной из наиболее уязвимых категорий населения [8, С. 132]. Существующая весьма неблагоприятная социально-экономическая ситуация в стране, кризис духовных ценностей, кризис семейных отношений – все эти факторы оказывают влияние на социально незрелую личность подростка и могут способствовать формированию аддиктивного поведения [8, С. 132].

Нам представляется интересным проследить динамику изменения мотивационно-потребностной сферы подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных изменений в современной России.

Согласно логике динамических социокультурных изменений, нам предлагают рассматривать в качестве механизмов мотивационно-потребностной сферы личности подростков с аддиктивным поведением, основные результаты исследований В.С. Битенского, В.И. Рерке, в настоящее время М.Ю. Будникова, К.С. Шарыгиной.

Диссертационное исследование В.С. Битенского «Клинические и терапевтические аспекты наркоманий в подростковом возрасте» (проведенное автором в девяностых годах) интересно нам выводами, которые мы ниже опишем. Во-первых, целенаправленное выявление и профилактическая работа с подростками, которые уже имеют индивидуально-психологические, психофизиологические и микросоциальные факторы "риска" начала злоупотребления психоактивными веществами. Нужно отметить, что такие методы дают возможность повысить эффективность работы подростковых наркологов. Во-вторых, необходима уточняющая диагностика течения наркоманий в подростковом возрасте, в этом направлении необходимо использовать и разрабатывать клинические формы динамики злоупотребления психоактивными веществами.

В процессе изучения периодизации мы обратились к автору В.И. Рерке и обнаружили тот факт, что мотивационно-потребностная сфера личности подростков с наркозависимым поведением характеризуется рядом особенностей (изменением механизмов удовлетворения потребностей, напряженностью потребностных состояний, нарушением мотивов деятельности и другими). Также, для обстоятельного рассмотрения проблемы в двухтысячных годах, обозначим переход психологическими различиями между мотивационно-потребностной сферой подростков исследуемых В.С. Битенским с наркозависимым и «нормативным» поведением В.И. Рерке. Автор утверждает, что наркотическая зависимость подростков обусловлена деформированностью мотивационно-потребностной сферы. Кроме, мы обратили внимание, что психологические особенности личности подростков (агрессивность, импульсивность в поведении, низкая стрессоустойчивость), оказывают непосредственное влияние на формирование наркозависимого поведения. В рамках данного вопроса нам близка концепция доктора психологических наук Е.Е. Малковой: «...подростковый возраст является сензитивным периодом формирования личности в силу генерализованных изменений психосоматической организации и оформления полоролевых идентификаций, когда тревожность, как предуготованность к психотравматизации определяет пути ее нормального или нарушенного развития (соматического, невротического, психотического)» [11, С. 3-4].

Более того, полученные данные и имеющиеся представления о механизмах наркозависимого поведения подростков нам принимаются. Данный факт позволил нам дать конструктивное определение понятиям «наркозависимое» и «нормативное» поведение подростков.

В последние годы такие исследователи как М.Ю. Будников, К.С. Шарыгина, наблюдали другую картину. Анализ полученных результатов М.Ю. Будникова позволил выделить из них значимые параметры для нашего исследования, которые мы приводим ниже. И так, самоотношение рассматриваемых нами подростков интегрировано, но недостаточно. Оно опосредовано дистанцированием от «Я» (необходимо уточнить, что это проявляется в переживании внутри себя некой пустоты). Подростки, которые проходят стационарную реабилитацию, не имеют когнитивного компонента самоотношения. Отдельно стоит отметить тот факт, что у таких подростков наблюдается снижение эмоциональной составляющей самоотношения. У подростков с аддиктивным поведением, кроме прочего, наблюдается тяга к тяжелым формам негативного самовосприятия и, как следствие, заниженная самооценка. Также выделим, что поведенческий компонент зависит от индивидуальных особенностей когнитивного и эмоционального компонентов.

Таким образом, мы видим, что у такой личности происходит разрушение способности использовать собственный опыт, координировать свои возможности, главное – это получение сиюминутного удовольствия не зависимо от его последствий.

В соответствии с концепциями К.С. Шарыгиной организация социально-психологических условий в соответствии с периодами реабилитации представляет собой фундамент для того, что актуализировать личностных предикторы ремиссии. Мы принимаем, что изменения отношений личности являются обязательными условиями в процессе формирования ремиссии.

Краткий анализ идей Битенского, В.С. Рерке В.И. Будникова, М.Ю. Шарыгиной, К.С. в период с девяностых до нашего времени, показал, что стремление к уходу от реальности методом искусственного изменения своего психического состояния становится преобладающим в сознании человека, а поведение подчиняется поиску средств, позволяющих совершать побег от реальности. В результате человек существует в сюрреалистическом, виртуальном мире. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, в подростковом возрасте завершается формирование характера, поэтому нарушение этого процесса часто сопровождается различными негативными характерологическими реакциями, которые порой выходят за пределы нормы и вызывают различные формы асоциального поведения.

Таким образом, подводя итоги первой исследовательской задачи, мы можем отметить, что динамика изменения мотивационно-потребностной сферы личности таких подростков, имеет свои особенности в условиях социально-экономических преобразований в различные периоды новейшей истории России.

Следующим направлением нашего исследования является поиск путей эффективного формирования мотивационно-потребностной сферы подростков. В связи с этим, мы выявили, что мотивационно-потребностная сфера, сложившаяся в период с 1985 по 2015 годы – это ключевой аспект формирования аддиктивного поведения и ресурс для коррекции, реабилитации, а также лечения аддиктивных расстройств. Динамика социокультурных изменений, которую мы не можем не замечать, во-первых, определяют появление новых социальных норм и стандартов поведения, во-вторых, на основе собственного опыта личности, перестройки ее жизненных планов и взаимоотношений с окружающей социальной действительностью (прежде всего с другими людьми) стимулируют переоценку личностью ее потребностной сферы. Социальная детерминация ценностных ориентаций личности проявляется в том, что в условиях преобразований в обществе появляются новые социальные нормы, ценности, правила и образцы социального поведения, социальные представления, ожидания и идеалы, на которые личность и различные социальные группы могут ориентироваться, оценивать их, стремиться им соответствовать.

В соответствии со второй поставленной задачей мы обратились для ее решения к работе В.Г. Запороженко, в которой проанализирована динамика употребления наркотиков шестнадцатилетними учащимися школ и профессиональных училищ и отмечен рост употребления наркотиков среди учащихся ПТУ и среди школьников. Автор отмечает, что около 10% школьников и 17% учащихся ПТУ, никогда не употреблявшие наркотики, хотели бы их попробовать, а также предсказывает широкое распространение наркотиков в России.

Существует мониторинг численности людей, потребляющих одурманивающие вещества, который позволяет говорить о том, что в 2005 году в России зарегистрировано 21776 больных с наркологическими расстройствами в возрасте до 14 лет (что составило 260,9 больных на 100 тыс. детей), 126466 больных от 15 до 17 лет (что составляет 177,96 больных в расчете на 100 тыс. подростков). В 2014 году число наркопотребителей возросло на 0,9 %, первичная заболеваемость наркологическими расстройствами, вызванными употреблением наркотиков в Российской Федерации увеличилась на 10,9 %, что свидетельствует о неблагоприятии в данной сфере. По данным государственной статистики мы можем говорить о стабильном высоком уровне распространения и злоупотребления психоактивных веществ среди детей и подростков. Основным фактором, по нашему мнению, является риск аддиктивного поведения подростков связанный с социально-экономическими преобразованиями в нашей стране. Изучая мотивационно-потребностную сферу подростков в условиях преобразования общества мы делаем вывод, что изменения характеризуются не только новыми ценностями, но и принятого в обществе социального поведения.

Поиск путей эффективного формирования мотивационно-потребностной сферы подростков приводит нас к Е.В. Шороховой (2002), которая изучила динамику ценностных ориентаций личности в условиях социально-экономических изменений. Автор убедительно показала взаимосвязь ценностных ориентаций личности и социально-экономических изменений в обществе, проанализировала половые и возрастные особенности в динамике ценностных ориентаций личности.

В отличие от большинства исследователей, изучавших мотивационно-потребностную сферу подростков с аддиктивным поведением, мы присоединяемся к тем, которые выделяют факт взаимного влияния внутренних (психологических) и внешних (социальных) факторов на формирование аддиктивного поведения. Мы согласны с В.Т. Лисовским (1998), который указывает на необходимость знания реальной картины развития общества для прогнозирования интересов, планов, жизненных целей подрастающего поколения. Невозможно не согласиться с автором, убедительно показавшем в своем исследовании, что невозможность удовлетворения потребностей за счет хорошей учебы и добросовестного труда способствует формированию у одних подростков неуверенности, у других – циничного отношения к жизни, у третьих – преступного поведения [6, С. 98-104].

Исходя из итогов теоретического анализа, мы предположили, что в конкретный исторический период (1985-2015 гг.) изменения мотивационно-потребностной сферы личности подростков с аддиктивным поведением взаимосвязаны с изменениями социально-экономических преобразований в процессе жизнедеятельности. Поэтому, может быть выявлена динамика изменений в мотивационно-потребностной сфере подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных преобразований в новейшей истории России.

В настоящее время экспериментальный процесс внедрения в практику Вологодского областного наркологического диспансера № 2 основных положений моего исследования, разработанных под руководством доктора психологических наук, профессора кафедры клинической психологии и психологической помощи психолого-педагогического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Малковой Елены Евгеньевны, находится на завершающем этапе. Предварительные итоги указывают на впечатляющие результаты (уровень вырос на 45,8 % по сравнению с исходным уровнем до эксперимента) при условиях целенаправленной, систематической и последовательной работы.

Завершая статью, необходимо отметить её основные идеи и уровень их реализации. Мы считаем, что исследование изменений мотивационно – потребностной сферы подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных изменений будет иметь большое значение.

Во-первых, научный анализ особенностей изменений мотивационно – потребностной сферы личности в онтогенезе, как неотъемлемого компонента развития, является необходимым для профилактики негативных психопатологических личностных проявлений в обществе.

Во-вторых, проблема исследования изменений мотивационно-потребностной сферы в условиях социально-экономических преобразований представляет собой основу научных исследований, которые направлены на изучение развития личности и ее конструктивным преодолением переломных моментов в онтогенезе.

Рассмотренные аспекты не претендуют на их исчерпывающее изложение, но указывают конкретное направление решения проблемы клинко-психологической трансформации мотивационно-потребностной сферы подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных изменений в современной России. В ходе осмысления полученных результатов исследования наметился ряд проблем, требующих дальнейшего рассмотрения. В их числе наиболее актуальными представляются следующие: выявление характера взаимосвязей социокультурных условий и клинко-психологических проявлений мотивационно-потребностной сферы, структуры личности, характерологических особенностей, ценностей и поведения, связанных с потребностью в самоактуализации подростков с аддиктивным поведением в условиях социокультурных преобразований Российского общества 1985-2015 гг.

Список литературы / References

1. Алехин, А. Н. Саморазрушающее поведение подростков как феномен и научная проблема / А. Н. Алехин, Е. Е. Малкова // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2012. – № 2. – С. 191-198.
2. Алехин, А. Н. Особенности формирования личности в подростковом возрасте как индикаторы качества образовательной среды / А. Н. Алехин, Е. И. Осташева // *Психологическая наука и образование*. – 2013. – № 6. – С. 13-18.
3. Алехин, А. Н. Феномен саморазрушающего поведения подростков в современных российских условиях / А. Н. Алехин, Н. Н. Королева // *Вестник Ленинградского государственного университета*. – 2013. – № 3 том 5. – С. 83-90.
4. Алехин, А. Н. Ценностно-смысловые ориентации подростков в различные периоды новейшей истории России / А. Н. Алехин, Н. Н. Королева, О. А. Литвиненко // *Вестник психотерапии: Науч.-практ. журн.* – 2013. – № 47. – С. 98-113.
5. Братусь, Б. С. Смысловая вертикаль сознания личности / Б. С. Братусь // *Вопросы философии*. – 1999. – № 1. – С. 81-89.
6. Лисовский В. Т. Динамика социальных изменений / В.Т. Лисовский // *Социология*. – 1998. – № 12. – С. 98-104.
7. Литвиненко О.А. Влияние социокультурных изменений в обществе на стигматизацию психических болезней / О.А. Литвиненко // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – 2012. – № 153-1. – С. 212-217.
8. Литвиненко, О.А. Психологический анализ социально-экономических преобразований в Новейшей истории России и обоснование их периодизации: дис. на соиск. уч. степ.канд. психол. наук 19.00.04 / Литвиненко Ольга Андреевна; [Место защиты: Российский государственный педагогический университет им.А.И. Герцена].– Санкт-Петербург, 2014. – 142с.
9. Литвиненко, О.А. Психология личности в аспекте социокультурной динамики / О.А. Литвиненко // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2014. – Т. 20. – С. 4146-4150.
10. Личко, А. Е. Особенности саморазрушающего поведения при разных типах акцентуации характера у подростков // *Саморазрушающее поведение у подростков*. – Л.: НИИ им. В. М. Бехтерева, 1991. – С. 9-15.
11. Малкова, Е.Е. Тревожность и развитие личности в норме и при патологии / автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.04 / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2014.
12. Попов, В. А. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи / В. А. Попов, О. Ю. Кондратьева // *Социологические исследования*. – 1999. – № 6. – С. 96-99.
13. Солдатов, Д. В. Определение сформированности мотивационного компонента психологической готовности к школе / Д. В. Солдатов // *Новые исследования в психологии*. – № 1 (7). – 1993. – С. 77-84.
14. Юрьева, Л. Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства / Л. Н. Юрьева. – Киев: Сфера, 2002. – 224 с.
15. Hekhausen H. Selbstbewertung nacherwartungswidrigem Leistungsverlauf: Einfluss von Motiv, Kausalattribution und Zielsetzung // *Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und Pädagogische Psychologie*. – 1978. – S.210.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alekhin, A.N. Samorazrushayushcheye povedeniye podrostkov kaka fenomen i nauchnaya problema [Self-destructive Behavior of Adolescents as Phenomenon and Scientific Problem] / A.N. Alekhin, E.E. Malkova // *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Universum: Bulletin of the Herzen University] - 2012. - No 2. - P. 191-198. [In Russian]
2. Alekhin, A.N. Osobennosti formirovaniya lichnosti v podrostkovom vozraste kak indicatory kachestva obrazovatelnoy sredy [Specifics of Formation of Personality in Adolescence as Indicators of Quality of Educational Environment] / A.N. Alekhin, E.I. Ostasheva // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education] - 2013. - No. 6. - P. 13-18. [In Russian]
3. Alekhin, A.N. Fenomen samorazrushayushchego povedeniya podrostkov v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh [Phenomenon of Self-destructive Behavior of Adolescents in Modern Russian Conditions] / A.N. Alekhin, N.N. Koroleva // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo unioversiteta* [Bulletin of Leningrad State University.] - 2013.- No. 3 – V. 5.- P. 83-90. [In Russian]

4. Alekhin, A.N. Tsennostno-smysloye orientatsii podrostkov v razlichnye periody noveyshey istorii Rossii [Axiological Orientations of Adolescents in Different Periods of Modern Russian History] / A.N. Alekhin, N.N. Koroleva, O.A. Litvinenko // Vestnik psikhoterapii: Nauch.-prakt. zhurn. [Bulletin of scient-pract: journ.] - No. 2013. - No. 47. - P. 98-113. [In Russian]
5. Bratus' B. S. Smyslovaya vertical soznaniya lichnosti [Semantic Vertical of Consciousness of Personality] / B.S. Bratus' // Voprosy filosofii [Issues of Philosophy] - 1999. - No. 1. - P. 81-89. [In Russian]
6. Lisovskiy V.T. Dinamika sotsialnykh izmeneniy [Dynamics of Social Changes] / V.T. Lisovsky // Sotsiologiya [Sociology] - 1998. - No. 12. - P. 98-104. [In Russian]
7. Litvinenko O.A. Vliyaniye sotsiokulturnykh izmeneniy v obshchestve na stigmatizatsiyu psikhicheskikh bolezney [Influence of Social and Cultural Changes in Society on Stigmatization of Mental Illnesses] / O.A. Litvinenko // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uniersiteta im. A.I. Gertsena [Proceedings of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen] - 2012. - No. 153-1. - P. 212-217. [In Russian]
8. Litvinenko, O.A. Psikhologicheskiy analiz sotsilano-ekonomicheskikh preobrazovaniy v Noveyshey istorii Rossii i obosnovaniye ikh periodizatsii [Psychological Analysis of Social and Economic Transformations in the Recent History of Russia and Justification for Their Periodization] Thesis of Ph.D. in Psychological Sciences 19.00.04 / Litvinenko Olga Andreevna; [Place of defense: Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen] .- St. Petersburg, 2014. - 142p. [In Russian]
9. Litvinenko, O.A. Psikhologiya lichnosti v aspekte sotsiokulturnoy dinamiki [Psychology of Personality in Aspect of Socio-cultural Dynamics] / O.A. Litvinenko // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» [Scientific and methodical electronic journal "Concept"] - 2014. - V. 20. - P. 4146-4150. [In Russian]
10. Lichko, A.E. Osobennosti samorazrushayushchego povedeniya pri raznykh tipakh aktsentuatsii kharaktera u podrostkov [Specifics of Self-destructive Behavior in Different Types of Accentuation of Character of Adolescents] // Samorazrushayushchet povedeniye u podrostkov [Self-destructive behavior of Adolescents.] - L.: Research Institute named after V.M. Bekhtereva, 1991. - P. 9-15. [In Russian]
11. Malkova E.E. Trevozhnost i razvitiye lichnosti v norme i pri patologii [Anxiety and Development of Person of Healthy and at Pathology] / Abstract of Thesis of Doctor of Psychological Sciences: 19.00.04 / Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg, 2014. [In Russian]
12. Popov, V.A. Izmeneniye motivatsionno-tsennostnykh orientatsiy uchashcheyisia molodezhi [Changes in Motivational and Value Orientations of Studying Youth] / V.A. Popov, O.Yu. Kondratieva // Sotsiologicheskiye issledvaniya [Sociological researches] - 1999.- No. 6.- P. 96-99. [In Russian]
13. Soldatov D.V. Opredeleniye sformirovannosti komponenta psikhologicheskoy gotovnosti k shkole [Determination of the Formation of Motivational Component of Psychological Readiness for School] / D.V. Soldatov // Novye issledovaniya v psikhologii [New research in psychology] - No. 1 (7). -1993. - P. 77-84. [In Russian]
14. Yuryeva L.N. Sitoriya. Kultura. Psikhicheskiye i povedencheskiye rasstrostva [History. Culture. Mental and Behavioral Disorders] / L.N. Yuryeva. - Kiev: Sfera, 2002. - 224 p. [In Russian]
15. Hekhausen H. SelbstbewertungsnacherwartungswidrigemLeistungverlauf: EinflussvonMotiv, KausalattributionundZielsetzung // ZeitschriftfurEntwicklungspsychologieundPadagogischePsychologic. - 1978.-P.210.

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в базу данных **WorldCat**.

WorldCat — крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. База создается совместными усилиями более чем 72 тыс. библиотек из 170 стран мира в рамках организации OCLC.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.170>Буравцова Н.В.¹, Сычева Т.Ю.², Маршироева И.Б.³¹Кандидат психологических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирский государственный педагогический университет,²Кандидат педагогических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирский государственный медицинский университет,³Клинический психолог**ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РАССТРОЙСТВ У ЮНОШЕЙ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА****Аннотация**

Статья посвящена исследованию специфики личностных расстройств и особенностям их проявления у юношей призывного возраста, направленных на медицинское психиатрическое освидетельствование. Проведен анализ частоты проявления реактивной и личностной тревожности, депрессии и суицидального риска у юношей призывного возраста. Выявлены значимо высокие показатели личностной тревожности, склонность к депрессивному состоянию и суицидальному риску; сниженный коммуникативный потенциал, моральная нормативность и адаптивные способности.

Ключевые слова: личностные расстройства, юноши призывного возраста, суицидальный риск, тревожность и депрессия.

Buravtsova N.V.¹, Sycheva T.Yu.², Marshiroeva I.B.³¹PhD in Psychology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Pedagogical University,²PhD in Psychology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Medical University,³Clinical psychologist**PECULIARITIES OF PERSONALITY DISORDERS IN YOUNG MEN OF DRAFT AGE****Abstract**

The paper is devoted to the study of personality disorders and the peculiarities of their manifestation in young men of draft age; the study is aimed at medical psychiatric examination. The frequency of manifestations of reactive and personal anxiety, depression and suicidal risk in young men of draft age is analysed. Significantly high rates of personal anxiety, a tendency to depressive states and suicidal risk were revealed; as well as reduced communication potential, moral normality and adaptive abilities.

Keywords: personality disorders, young men of draft age, suicidal risk, anxiety and depression.

Вопросы сохранения и укрепления здоровья для любого общества выступают в качестве первоочередных. Но особенно актуальным это является для лиц призывного возраста. По имеющимся показателям, каждый третий призывник сегодня не подлежит призыву в связи с неблагоприятными показателями здоровья [4]. В настоящее время основной причиной профессионального ограничения призывных и допризывных контингентов являются негативные тенденции соматического, нервно-психического развития и заболеваемости среди юношей призывного возраста [2]. Эти ограничения являются препятствием для призыва на военную службу здорового пополнения.

Целью нашего исследования стало: изучение у юношей призывного возраста частоты проявления личностных расстройств, тревожности, депрессии и суицидального риска. В исследовании приняли участие 85 юношей 18-23 лет. При формировании выборки использовался случайный отбор юношей, направленных на медицинское психиатрическое освидетельствование военными комиссариатами Новосибирской области для решения вопроса о годности к военной службе. Обследование проводилось с сентября по декабрь 2016 г. на базе ГБУЗ НСО ГНКПБ №3 г. Новосибирска.

Основную группу составили 42 юноши, направленные психиатром на стационарное обследование в психиатрическую больницу, у которых в ходе исследования было выявлено расстройство личности. В контрольную группу вошли 43 юноши, у которых расстройства личности не выявлены.

Респондентам были предложены следующие методики: тест личностных расстройств Дворщенко В.П.; шкала тревоги Спилберга Ч.Д., Ханина Ю.Л.; шкала депрессии Бека А.Т.; методика выявления склонности к суицидальным реакциям Юнацкевича П.И.; методика «Нарисуй человека» Махверова К.; личностный опросник «Адаптивность» Маклакова А.Г., Чермянина С.В.

В основной группе были выявлены следующие расстройства личности: пограничное 40%; шизоидное 20%; ананкастное 13,3%; шизотипическое, дистимическое, нарциссическое по 6,6%; параноидное и тревожное по 3,3%. Большинство юношей с психическими расстройствами проживали в сельской местности. При попытках суицида медицинская помощь не оказывалась; призывники попадали в поле зрения психиатра только в период прохождения призывной комиссии, в связи с выявленными рубцами от самоповреждений.

Выявлены следующие значимые различия (по U-критерию Манна-Уитни) по выраженности показателей между юношами основной и контрольной групп:

- личностная тревожность: 41,6 баллов у респондентов основной группы и 38,5 баллов у респондентов контрольной группы; $p=0,004$;

- депрессия: 14,8 и 6,53 баллов соответственно; $p=0,0002$;

- суицидальный риск: 0,42 и 0,3 баллов соответственно; $p=0,01$.

Это может свидетельствовать о том, что юноши с личностными расстройствами в большей степени подвержены состоянию безотчетного страха, неопределенному ощущению угрозы, они напряжены, озабочены и обеспокоены, такие юноши воспринимают большинство событий как опасные и неблагоприятные для них. Юноши с личностными

расстройствами постоянно находятся в подавленном и настороженном состоянии, они испытывают затруднения в общении с окружающим миром, так как он воспринимается враждебным и пугающим.

Актуальным вопросом для юношей призывного возраста становится вопрос о прохождении военной службы, и многие юноши под страхом призыва на военную службу впадают в депрессивное состояние. В контрольной группе показатели депрессии значительно ниже, чем в основной группе. У юношей с личностными расстройствами в большей степени выражена депрессия, которая сопровождается пониженным настроением, пессимистическим настроением, снижением работоспособности. Они постепенно перестают получать удовольствие от жизненных событий, становятся более апатичными, иногда это может сопровождаться соматическими симптомами [1].

Депрессия часто ассоциируется с увеличивающейся опасностью суицидального поведения. В контрольной группе показатели суицидального риска ниже, чем показатели в основной группе. Юноши с личностными расстройствами в большей степени подвержены суицидальным реакциям. Для них характерна неустойчивая склонность к суицидальным реакциям, но при возникших жизненных трудностях вероятность совершения суицида резко возрастает. Юноши призывного возраста с личностными расстройствами могут реализовывать саморазрушающее поведение.

В процессе качественного анализа рисунков было установлено, что для юношей с личностными расстройствами характерно рисование человека уменьшенного размера (изображение человека занимает по высоте менее 1/3 листа) (56,6% испытуемых) и расположенного в нижней части листа (30% испытуемых), что может свидетельствовать о наличии депрессивного состояния, низкой самооценке и хронической тревожности, либо о наличии субдепрессии. Схематичность рисунка (53,3% испытуемых) может свидетельствовать об астении и низкой эмоциональности, что также может говорить о наличии депрессии. Расположение рисунка в нижней половине листа свидетельствует о сниженной самооценке.

О специфике взаимодействия юношей с личностными расстройствами с окружающими их людьми может говорить отсутствие изображения кистей рук (70% испытуемых), слабо представленные черты лица, либо не прорисованное лицо (33,3% испытуемых). То есть для этих респондентов характерны нарушения в межличностных отношениях, их общение поверхностно, настороженно и часто принимает враждебную форму. Для них также характерно стремление к избеганию проблем и конфликтов, связанных с межличностной сферой. При анализе рисунка человека было выявлено, что для юношей с личностными расстройствами характерно устойчивое депрессивное состояние, снижение активности в контактах с окружающими, избегание общения, вследствие несформированности навыков общения.

Как известно, продуктивность и успешность прохождения военной службы зависит от эффективной адаптации организма к условиям воинской деятельности. С этой целью исследовались основные адаптационные возможности призывников. Выявлены значимые различия между юношами основной и контрольной групп по выраженности показателей адаптивности:

- коммуникативный потенциал: 4,0 балла у респондентов основной группы и 5,6 баллов у респондентов контрольной группы; $p=0,002$;

- моральная нормативность: 4,2 и 5,4 балла соответственно; $p=0,04$;

- адаптивные способности: 4,2 и 5,4 балла соответственно; $p=0,003$.

То есть, у юношей контрольной группы коммуникативный потенциал и адаптивные способности выше, чем в основной группе. Это может говорить, о том, что у юношей с личностными расстройствами чаще возникают трудности в построении новых контактов, им сложнее адаптироваться к новым условиям среды, свойственно проявление конфликтности и агрессии. У юношей, страдающих личностными расстройствами, более высок уровень личностной тревожности, легкая депрессия (субдепрессия) и повышенный суицидальный риск [1]. Их коммуникативный потенциал, моральная нормативность и адаптивные способности значимо снижены по сравнению с контрольной группой.

Ситуация осложняется еще и тем, что данные нарушения формируются на более ранних возрастных этапах – в подростковом возрасте. Как показывает практика, психокоррекционная работа с юношами и подростками по снижению тревожности, агрессивности и суицидального риска способствует социальной адаптивности будущих призывников [3, 5, 6].

Своевременное выявление и профилактика развития личностных расстройств у подростков и юношей призывного возраста поможет снизить риск развития депрессивного и суицидального поведения, будет способствовать улучшению психического здоровья молодого поколения.

Список литературы / References

1. Андриенко Н.М. Взаимосвязь личностных особенностей и степени готовности к риску специалистов экстремальной деятельности / Н.М. Андриенко, Т.Ю. Сычева // СМАЛЬТА. 2016. - № 3. - С. 9-13.
2. Ахмерова С.Г. Показатели годности к военной службе, мотивационные установки и состояние здоровья юношей допризывного и призывного возраста / С.Г. Ахмерова, А.В. Ляхович, Э.Е. Федин // Вестник новых медицинских технологий. 2010. - № 3. - С 184-188.
3. Буравцова Н.В. Психокоррекция подростковой тревожности с помощью ассоциативных карт / Н.В. Буравцова // СМАЛЬТА. 2016. - № 5. - С. 12-16.
4. Полунина Н.В. Образ жизни и заболеваемость юношей-подростков призывного возраста / Н.В. Полунина, А.В. Юмукян // Российский медицинский журнал. 2013. - № 1. - С. 3-6.
5. Сычева Т.Ю. Нравственные ценности младших школьников / Т.Ю. Сычева. – Рубцовск: Ун-т Рос. акад. образования, 2005. – 203 с.
6. Филь Т.А. Структура идентичности харизматической личности / Т.А. Филь, Н.В. Дмитриева // Мир науки, культуры, образования. 2011. - № 1. - С. 216-222.

7. Филь Т.А. Идентичность харизматической личности / Т.А. Филь // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. - № 16-1. - С. 91-96.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andrienko N.M. Vzaïmosvïaz lichnostnykh osobennostey i stepeni gotovnosti k risku spetsialistov ekstremalnoy deyatel'nosti [Interrelation of personal characteristics and readiness condition for the risk of specialists in extreme activities] / N.M. Andrienko, T.Yu. Sychev // SMALTA. 2016. - No. 3. - P. 9-13. [in Russian]

2. Akhmerova S.G. Pokazateli godnosti k voyennoy sluzhbe, motivatsionnye ustanovki i sostoyaniye zdoroviye yunoshey doprizyvnoy i prizivnoy vozrasta [Indicators of fitness for military service, motivation and health status of young men of preinduction and draft age] / S.G. Akhmerova, A.V. Lyakhovich, E.E. Fedin // Vestnik novukh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]. 2010. - No. 3. - P. 184-188. [in Russian]

3. Buravtsova N.V. Psikhokorreksiya podrostkovoy trevozhnosti s pomoshchyu assotsiativnykh kart [Psychocorrection of adolescent anxiety with associative maps] / N.V. Buravtsov // SMALTA. 2016. - No. 5. - P. 12-16. [in Russian]

4. Polunina N.V. Obraz zhizni i zabolevaemost yunoshey-podrostkov prizivnogo vozrasta [Lifestyle and morbidity of young adolescents of draft age] / N.V. Polunina, A.V. Yumukyan // Rossiyskiy meditsinskiy zhurnal [Russian Medical Journal]. 2013. - No. 1. - P. 3-6. [in Russian]

5. Sychev T.Yu. Nравственные ценности младших школьников [Moral values of younger schoolchildren] / T.Yu. Sychev. - Rubtsovsk: Un-t. Ros. Acad. Education, 2005. - 203 p. [in Russian]

6. Fil' T.A. Struktura identichnosti kharizmaticheskoy lichnosti [Structure of identity of charming personality] / T.A. Fil', N.V. Dmitrieva // Mir nauki, kultury, obrazovaniya [World of science, culture, education]. 2011. - No. 1. - P. 216-222. [in Russian]

7. Fil' T.A. Identity of charming personality / T.A. Fil' // Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2010]. - No. 16-1. - P. 91-96. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.134>

Ложечкина А.Д.¹, Бакунова И.В.², Ткаченко А.В.³

¹ORCID: 0000-0002-2583-3231, кандидат психологических наук, доцент,

²ORCID: 0000-0002-5457-016X, кандидат психологических наук, доцент,

³ORCID: 0000-0001-8362-2347, магистрант 2 курса направления подготовки «Психология», магистерская программа «Психология кадрового менеджмента», Северо-Кавказский федеральный университет

ДИНАМИКА КАРЬЕРНЫХ СЦЕНАРИЕВ СТУДЕНТОВ ВУЗА С РАЗНОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЕЙ

Аннотация

В статье рассматриваются карьерные сценарии студентов вуза с разной профессионализацией. В исследовании анализируются следующие компоненты карьерных сценариев: факторы выбора специальности, представление о профессиональной среде, время действия (краткосрочные и долгосрочные профессиональные цели, и время их достижения), представление о начале карьеры, представление о карьерном успехе, представления о посткарьерном периоде, варианты и характеристики карьерного движения (первая работа, смена работы, кризисы), профессиональная роль.

Ключевые слова: карьерные сценарии, студенты, вуз, профессионализация.

Lozhechkina A.D.¹, Bakunova I.V.², Tkachenko A.V.³

¹ORCID: 0000-0002-2583-3231, PhD in Psychology, North Caucasian Federal University,

²ORCID: 0000-0002-5457-016X, PhD in Psychology, North Caucasian Federal University,

³ORCID: 0000-0001-8362-2347, graduate student 2nd year training direction «Psychology», master program «Psychology of personnel management»,

North Caucasian Federal University

DYNAMICS OF CAREER SCENARIOS OF COLLEGE STUDENTS WITH DIFFERENT PROFESSIONALIZATION

Abstract

The paper considers the career scenarios of college students with different professionalization. The study analyzes the following components of career scenarios: the factors of career choice, the vision of the professional environment, the time of action (short-term and long-term professional goals, and the time for achieving them), the vision of career start, the vision of career success, the vision of a post-career period, options and characteristics of career development (first job, job change, crises), professional role.

Keywords: career scenarios, college students, professionalization.

Профессиональная деятельность является неотъемлемой частью жизни человека, изучением которой занимается как психологическая наука, так и ряд смежных дисциплин. В определенный период развития и социализации перед любым человеком стоит задача планирования профессионального будущего, с основой на свои потребности и социально-экономические условия.

В данном случае мы рассматриваем человека как автора своего карьерного сценария. Карьерный сценарий – это видимый план развития карьеры как результат взаимодействия человека и его организационного и социального окружения. Планирование своей будущей профессиональной деятельности человек начинает с момента выбора специальности и продолжает в процессе обучения. Начальной точкой определения карьерного сценария зачастую

является поступление в вуз. Целью вузовского образования становится трансляция определенных знаний, умений и навыков, необходимых для профессиональной самореализации личности. Важно отметить, что в процессе обучения в вузе помимо знаний, умений и навыков человек присваивает и разделяет определенные профессиональные и жизненные ценности, формирует карьерные ориентации, происходит запуск процесса профессиональной идентификации.

Помимо обучения в высшем учебном заведении на процесс формирования профессионального плана влияет то, каким был выбор будущей карьеры, какими факторами он был продиктован. Например, если выбор профессии был самостоятельным и осознанным, то план построения карьеры будет максимально детализирован, профессиональные цели сформулированы, что, безусловно, определяет качество профессиональной деятельности человека.

Особую значимость изучение карьерных сценариев приобретает в контексте структуры профессиональной Я-концепции на этапе профессионализации. Осваивая профессиональные знания и умения, студенты уточняют представления о своих возможностях, нормах и эталонах поведения, познают систему ценностей и образ жизни, свойственные для выбранной ими области профессиональной деятельности, т.е. происходит процесс первичного становления профессионального «я» личности.

Изучением вопросов профессиональной Я-концепции занимаются такие ученые как, В.Д. Шадриков, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Н.О. Пряжников, О.Г. Носкова, Е.С. Романова, и др. Основываясь на имеющуюся теоретическую базу, мы в своем исследовании, будем придерживаться следующего определения: профессиональная я-концепция-относительно устойчивая, иерархически организованная, обобщенная система функционирования представлений, знаний индивида о себе, как о субъекте профессиональной деятельности. Тем самым, карьерный сценарий можно считать одним из индикаторов, определяющим степень сформированности профессионального «Я» личности. По мнению Л.Г. Почебут, В.А. Чикер, изучение карьерных ориентаций, стадий карьеры и особенностей структуры деятельности личности (как структурных элементов профессиональной Я-концепции), в рамках данной работы, целесообразно с точки зрения дополнения представлений о целостности профессионального «Я» личности, то есть рассмотрение психологических аспектов индивидуальной карьеры [2, С. 201].

Важно отметить, что, несмотря на актуальность проблемы профессионализации, исследования, посвященные изучению карьерных сценариев студентов-выпускников малочисленны, и в основном ведутся в таких областях научного знания, как экономика (Н.В. Волкова, И.А. Поленц), социология (А.Б. Александрова, В.Е. Сезенин, Д.Ю. Чеботарева), педагогика (В.К. Шаповалов, О.В. Минкина, Е.В. Киселева, О.Л. Поминова, Б. Идзиковски и др.), в то время как в психологии эта область научного поиска представлена такими авторами как Ю.А. Бурмакова, О.П. Терновская. Также, по мнению Е.В. Киселевой (2010), немаловажным вопросом является планирование и развитие карьеры [1].

Изучение проблемы становления карьерных сценариев представляет научный и практический интерес. На основе полученных данных, возможно, прорабатывать систему рекомендации по усовершенствованию технологий профессионализации в вузовской системе образования и подготовить программу, направленную на коррекцию карьерных сценариев. Данные мероприятия могут стать профилактикой профессиональной дезадаптации в поствузовском периоде, что является одной из приоритетных целей компетентностного подхода в образовании.

Немаловажным, является рассмотрение внутренней составляющей, направления, динамики карьерного сценария, карьерного процесса, то есть движения субъекта трудовой деятельности в пространстве деловых, экономических, социальных и других отношений, в ходе которого происходит изменение его ролей и статусов, а также личностного карьерного потенциала [4, С. 11]. В этой связи актуально звучит вопрос о работе с образовательным запросом у взрослого человека в исследовании М.В. Сафоновой [3].

В исследовании приняли участие 60 учащихся выпускных курсов (4-5 курсов) Северо-Кавказского федерального университета. В состав выборки вошли студенты с разной профессиональной подготовкой – будущие выпускники Гуманитарного института (ГИ), Института образования и социальных наук (ИОСН), Института математики и естественных наук (ИМЕН) и Института Нефти и Газа (ИНГ) в возрасте от 21 до 24 лет.

Нами применялись следующие методики: «Якоря карьеры», методика диагностики ценностных ориентаций в карьере (Э. Шейн, адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова), «Цель - Средство - Результат» А.А. Карманов (ЦСР), авторская анкета.

В первую группу вошли студенты-выпускники ГИ и ИОСН (45.05.01 Перевод и переводоведение; 45.03.02 Лингвистика; 37.03.01 Психология; 39.03.02 Социальная работа) 30 человек. Вторую группу составили будущие выпускники ИМЕН и ИНГ (21.05.02 Прикладная геология; 02.03.01 Математика и компьютерные науки; 03.03.02 Физика) 30 человек.

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты. По одному из компонентов карьерного сценария - «Факторы выбора специальности» результаты показывают, что студенты разных профессиональных подготовок связывают свой выбор профессии с желанием приобрести знания, и испытывают большой интерес к будущей профессии, а также стремятся к давно поставленным целям: одинаковое количество студентов (16%) при выборе профессии стремились к оставленным целям, 20% гуманитариев и 30% человек естественно-технических направлений опирались на собственные интересы и на стремление получить знания. Это может свидетельствовать о том, что участники исследования при выборе профессии руководствовались определенными индивидуальными целями, в нашем случае, стремились получить знания и испытывали интерес к будущей профессии и выбор не был продиктован соображениями престижа специальности и желанием родителей. Автономный выбор в целом характерен для абитуриентов, поступающих на гуманитарные и технические специальности.

Следующим компонентом анализа карьерных сценариев стало «Представление о профессиональной среде»: 66% учащихся на естественно-технических специальностях планируют начинать свой карьерный путь в уже действующей организации, сходный план развития карьеры имеют всего 34% студентов гуманитарных направлений. Технические специалисты в большей степени готовы к работе в действующей организации, что дает нам основание предполагать,

что техническим специалистам сложнее организовать свое дело. Всего 33% учащихся естественно-технического направления планируют начинать свое дело, а абсолютное большинство - 60% учащихся гуманитарного направления уверено выбирают самостоятельную деятельность в качестве стартовой точки своего карьерного пути. Так же 7% гуманитариев собираются сначала работать в действующей компании, а в последующем открыть свое дело, они решительнее и готовы пойти на риск. Гидрометеорологи, механики, физики в большей степени востребованы в глобальных, системообразующих организациях, что связано непосредственно с профессиональной подготовкой технических специалистов. Гуманитарное образование позволяет выходить за пределы специальности, которую получил выпускник, проявить себя в самых разных областях общественной деятельности, даже выступая в качестве самостоятельных единиц.

Далее мы рассматривали компонент «Время действия (краткосрочные и долгосрочные профессиональные цели, и время их достижения)». Респондентам задавали такой вопрос: «Какая у вас профессиональная цель и сколько времени вам потребуется для её реализации?», проанализировав ответы респондентов, мы получили следующую картину: 43% учащихся гуманитарных направлений и у 30% учащихся естественно-технических направлений профессиональная цель не сформулирована. 57% гуманитариев предлагают общие, размытые формулировки цели. У 70% естественно-технических направлений аналогичная ситуация, для 2% цель - добиться успеха, 6% - стаж работы, 24% - хотят стать профессионалами и 20% - стремятся к постоянной работе и стабильному заработку.

Эти данные связаны с тем, что в рамках системы высшего образования недостаточно развита работа в прикладном аспекте деятельности будущих выпускников, по обучению студентов профессиональным навыкам. Работа карьерных центров, призванных обеспечивать условия для моделирования своего профессионального будущего, не персонифицирована, поэтому у респондентов не сформулирована общая картина своей профессиональной деятельности.

Согласно представленным данным - абсолютное большинство студентов, обучающихся на технических специалистах, допускают смену работы. Это может быть связано с тем, что в процессе обучения у студентов возникли дополнительные профессиональные интересы, либо с изменениями на рынке труда и снижением спроса на данных специалистов.

Следующий компонент, который был проанализирован - «Представление о начале карьеры». По ответам респондентов мы выяснили, что большинство будут начинать свой профессиональный путь с окончания учебного заведения и в последующем устройства на работу. Далее мы спрашивали, какое количество времени они собираются потратить на поиск работы, и получили следующие результаты: большинство студентов гуманитарного направления (37%) планируют потратить на поиски работы до 1 месяца, 30% 1-3 месяца, 6% 3-6 месяцев и 27% затрудняются ответить. На этот же вопрос студенты естественно-технических специальностей отвечали следующим образом: 50% собираются потратить на поиски работы до 1 месяца, 33% 1-3 месяца и 17% затрудняются ответить. Полученные результаты говорят нам о том, что на технических специальностях обучается гораздо меньше студентов, чем на гуманитарных и все эти специальности (технические) являются редкими или как их называют «штучными». Возможно, с этим связана их большая уверенность в скором трудоустройстве.

Проанализировав вопрос, связанный с опытом работы, мы выяснили, что 43% гуманитариев и 40% студентов естественно-технических направлений имели опыт работы по специальности. Так же 66% студентов гуманитарного направления имели опыт работы, но не по специальности, студенты естественно-технических направлений - 53%. Многие студенты пробовали себя в работе по специальности, это значит, они делали попытки получить представление о своей профессии, что вероятнее всего позволит им чувствовать себя уверенней в процессе трудоустройства.

Так же мы рассматривали такие компоненты как: представление о карьерном успехе, представления о посткарьерном периоде, варианты и характеристики карьерного движения (первая работа, смена работы, кризисы), профессиональная роль. Анализ ответов респондентов достоверных различий не показал. Студенты гуманитарного и естественно-технического направлений стремятся к профессиональному росту, к высокой заработной плате, к получению удовольствия от своей профессиональной деятельности.

Важно отметить, что все участники исследования в основном пользуются абстрактными, размытыми формулировкам, не детализируют свои ответы, что дает нам право предполагать, что карьерные сценарии у студентов-выпускников не отличаются проработанностью, а возможно даже не являются для них предметом анализа.

Данные, полученные в результате эмпирического исследования с использованием методики «Якоря карьеры» были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова и U Вилкоксона - Манна - Уитни. Согласно данным представленным в таблице 1. - выборка имеет нормальное распределение. Так как данные по переменным распределены нормально, для их сравнения мы использовали U-критерий Манна Уитни. Согласно таблице 2, между студентами гуманитарного направления и студентами естественно-технических направлений найдены статистически достоверные различия по шкалам: профессиональная компетентность ($u=0.023$ при $p \leq 0.05$), служение ($u=0.001$ при $p \leq 0.05$) и интеграция стилей жизни ($u=0.033$ при $p \leq 0.05$). Эти различия являются статистически значимыми. Полученные результаты свидетельствуют о том, что высокие показатели карьерной ориентации - «профессиональная компетентность» выявлены у студентов гуманитарного направления (35,63 балла). У студентов естественно-технического направления они составили 25,37. Для человека с доминированием такой ориентации важно быть мастером своего дела, профессионалом высокого уровня. Возможность руководить другими людьми представляет для него интерес лишь как условие для продвижения в своем профессиональном деле. Такие люди готовы к постоянному совершенствованию в своей профессии, ради этого они жертвуют личным временем и другими интересами. Самые высокие показатели карьерной ориентации - «служение» выявлены у студентов гуманитарного направления (38,60 балла), в то время как у студентов естественно-технического направления они равны 22,40 балла. Основными ценностями людей с данной ориентацией являются «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше» и т.д. Данная ценностная ориентация характерна для людей, занимающихся делом по причине желания реализовать в своей работе главные ценности. Они часто

ориентированы больше на ценности, чем на требующиеся в данном виде работы способности. Они стремятся приносить пользу людям, обществу, для них очень важно видеть конкретные плоды своей работы, даже если они и не выражены в материальном эквиваленте. Основной тезис построения их карьеры – получить возможность максимально эффективно использовать их таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Все это объясняется тем, что все перечисленное выше относится к важным компонентам личности профессионала гуманитарной специальности.

Таблица 1 – Проверка эмпирических данных исследования на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова – Смирнова

Переменные	Проф. компет ен.	Менед.	Автоном.	Стаб. раб.	Стаб. мж	Служе н.	Вызов	Интег. ст. ж.	Предприн.
N	60	60	60	60	60	60	60	60	60
Среднее	28,12	25,83	26,75	16,12	15,55	26,97	26,88	24,68	29,53
Стандартное отклонение	13,018	14,427	13,004	8,734	7,500	13,639	12,445	12,952	13,683
Колмогоров-Смирнов	0,859	1,216	1,222	1,129	0,955	1,320	0,851	1,094	1,131

Карьерная ориентация «Интеграция стилей жизни» доминирует у студентов гуманитариев (35,30 балла). Такие люди стремятся к тому, чтобы всё в их жизни (семья, работа, отдых) было сбалансировано. Они больше ценят свою жизнь в целом, где живут, как совершенствуются, чем конкретную работу, карьеру или организацию. Для людей этой категории карьера должна ассоциироваться с общим стилем жизни, уравновешивая потребности человека, семьи и карьеры. Они хотят, чтобы организационные отношения отражали бы уважение к их личным и семейным проблемам. Выбирать и поддерживать определенный образ жизни для них важнее, чем добиваться успеха в карьере. Развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не нарушает привычный им стиль жизни и окружение. Мы можем предположить, что преобладание такой ориентации у гуманитариев, связано с тем, что в состав студентов в основном входят представительницы женского пола, а они, как известно, склонны моделировать свое будущее, учитывая не только профессиональное становление, но и семью.

Таблица 2 – Сравнение данных критерий U Вилкоксона - Манна - Уитни

	Проф. компете н.	Менед.	Автоном.	Стаб. раб.	Стаб. мж	Служен.	Вызов	Интег. ст. ж.	Предприн.
Mann-Whitney U	296,000	327,000	353,500	430,50 0	429,0 0	207,000	337,000	306,000	375,500
Wilcoxon W	761,000	792,000	818,500	895,50 0	894,0 00	672,000	802,000	771,000	840,500
Z	-2,279	-1,820	-1,429	-,289	-,311	-3,596	-1,672	-2,131	-1,102

Представителям мужского пола, преобладание, которых на естественно-технических направлениях значительно, это менее характерно, так как они гораздо реже включают компонент «семья» в модель своего будущего.

Так же в рамках исследования мы ставили задачу изучить другой немаловажный компонент профессионального Я-личности – представления о структуре деятельности и использовали для этого методику А.А. Карманова «Цель-Средство-Результат».

Данные, полученные в результате эмпирического исследования с использованием методики «ЦСР» были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

Согласно данным представленным в таблице 3. - выборка имеет нормальное распределение. Так как данные по переменным распределены нормально, для их сравнения мы использовали U-критерий Манна Уитни. Согласно

данным представленным в таблице мы видим, что различия между группами присутствуют, но они статистически не значимы. Исходя из анализа первичных данных, мы можем сделать следующие выводы. Большинство студентов естественно-технических направлений набрали минимальные баллы по шкале «цель», по мнению авторов это значит, что цели, которые ставит человек не всегда обоснованы, неустойчивы. Не все разумные действия целесообразны, иногда такие люди склонны к пустому времяпрепровождению. В случае затруднения с выбором цели легко пользуются подсказкой извне, готовы принять чужую цель. В целом мы можем говорить о том, что студенты не умеют ставить цели, у них нет навыков целеполагания. У студентов гуманитарного направления эти навыки более развиты.

Таблица 3 – Проверка эмпирических данных исследования на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова – Смирнова

		факультет	цель	средство	результат
N		60	60	60	60
Normal Parameters ^a	Mean	1,50	1,98	2,13	4,13
	Std. Deviation	0,504	4,714	4,394	3,301
Most Extreme Differences	Absolute	0,339	0,182	0,165	0,117
	Positive	0,339	0,105	0,089	0,070
	Negative	-,339	-,182	-,165	-,117
Kolmogorov-Smirnov Z		2,628	1,412	1,274	0,908
Asymp. Sig. (2-tailed)		0,000	0,037	0,078	0,382

Что касается другого элемента структуры деятельности - «средства», то здесь и гуманитарии, и студенты естественно-технических направлений получили оптимальный результат по этой шкале. Такие люди достаточно свободны в выборе средств, их поведение настолько спонтанно, насколько этого требует ситуация. Достаточно хороший энергетический потенциал. Сбалансированность симпатии и парасимпатии. Не агрессивны, но и не конформны. Поведение не вызывающее, но и не блокируется комплексами, мнительностью, негативизмом. Для студентов, участвующих в нашем исследовании характерно адекватное использование средств достижения задуманного, они хорошо ориентируются в способах, но испытывают дефицит знаний и навыков, связанных с целеполаганием.

По шкале «результат» можно обратить внимание на отличия между группами. Большинство студентов гуманитарного направления получили оптимальные показатели по данной шкале. Как правило, такой человек довольно трезво оценивает результаты своей деятельности. Он не переоценивает, но и не недооценивает итоги. Студенты естественно-технических направлений склонны недооценивать результаты своей деятельности. В репертуаре их поведения присутствует ригидность, излишняя критичность. В оценках поведения других людей преобладает оттенок самокритики, неодобрения. Это может быть обусловлено неуверенностью в себе, появляются сложности с коммуникативной компетентностью. Возможный результат – выбор профессии, где нужно меньше общаться с людьми, то есть мы говорим о профессиях человек-техника, человек-знак т.д.

Итак, одним из важных этапов нашей жизни является выбор профессии. Процесс профессиональной ориентации начинается во время обучения в школе. В ВУЗе происходит становление профессионального Я-личности. По окончании университета будущий профессионал должен иметь представление о своем карьерном сценарии.

В результате нашего исследования мы получили результаты, которые свидетельствуют о том, что большинство студентов-выпускников не зависимо от специальности практически не имеют представления о своей будущей карьере. У большинства участников исследования обнаружены общие и размытые формулировки цели. У студентов проявляются ориентация на высокий заработок, престиж, успешную профессиональную деятельность, но, к сожалению, нет четко сформулированных профессиональных целей. У студентов гуманитарного и естественно-технического направлений карьерные сценарии не детализированы, то есть представления о профессиональном будущем не отличаются четкостью (профессиональные цели, как стратегические, так и краткосрочные не сформированы и т.д.).

Данный процесс может быть обусловлен тем, что:

1) в системе высшего образования в рамках образовательных программ не наличествуют, или присутствуют в малой степени, факультативы по планированию своего профессионального пути, тренинги карьерных сценариев, что в дальнейшем специфицирует выпускника и положительно скажется на процессе профессиональной адаптации и найдет положительный отклик у работодателя.

2) нужно усилить взаимодействие вуза, выпускающей кафедры с работодателями на фазе формирования образовательных программ.

3) у центров развития карьеры недостаточно ресурсов на охват всех студентов и процесс персонификации развития карьерного сценария, поэтому большую часть работы в этом направлении должна взять на себя выпускающая кафедра, так как система взглядов молодого специалиста на представление о своей карьере, помогают в процессе профессиональной адаптации.

4) необходимо психолого-акмеологическое сопровождение и профессионально-личностное развитие студентов, так как психолого-акмеологическая парадигма, которая закладывается в обеспечение высшего образования имеет непосредственное влияние на личность, на становление и динамику карьеры.

Список литературы / References

1. Киселева, Е. В. Планирование и развитие карьеры: учебное пособие студентов высших учебных заведений / Е.В. Киселева. – Вологда: Легия, 2010. – 332 с.
2. Почебут, Л.Г. Организационная социальная психология: учебное пособие / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер - СПб.: Изд-во «Речь», 2002. – 298 с.
3. Сафонова, М.В. Организация консультативной беседы в рамках работы с образовательным запросом взрослых: учебное пособие / М.В. Сафонова, М.В. Горнякова. - Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2015. - 160 с. : табл.
4. Шаповалов, В.К. Консультирование по карьере: учебное пособие / В.К. Шаповалов, О.В. Минкина – М.: Академический проект, 2008. – С. 11.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kiseleva, E.V. Planirovanie i razvitie kar'ery [Planning and career development]: a textbook of students of higher educational institutions / E.V. Kiseleva. - Vologda: Legia, 2010. - 332 p. [in Russian]
2. Pochebut, L.G. Organizacionnaya socialnaia psihologia [Organizational social psychology]: textbook / L.G. Pochebut, V.A. Chiker - St. Petersburg.: Publishing house "Rech", 2002. - 298 p. [in Russian]
3. Safonova, M.V. Organizacia konsultativnoi besedy v ramkah rabotuy s obrazovatelnim zaprosom vzroslih [Organization of a consultative conversation within the framework of work with the educational request of adults]: textbook / MV Safonova, MV Gornyakova. - Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. Ped. Un-t them. VP Astaf'eva, 2015. - 160 p.: Tab. [in Russian]
4. Shapovalov, V.K. Konsul'tirovanie po kar'ere [Career counseling]: a tutorial / V.K. Shapovalov, O.V. Minkina - M.: Academic Project, 2008. - P. 11. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.153>**Макуха С.В.¹, Пошатылюк В.А.²**¹ORCID: 0000-0001-6832-5088, Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Университет²ORCID: 0000-0003-4532-0449, магистр педагогики и психологии,
ст. преподаватель кафедры психологических дисциплин

Казахстанский Государственный Юридический Университет

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ И УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ У ЖЕНЩИН С ИЗБЫТОЧНЫМ ВЕСОМ**Аннотация**

Основной причиной избыточного веса и ожирения является переедание и патология пищевого поведения, что связано с изменением роли пищи в современном мире и обществе. В статье дан краткий обзор о формировании пищевого поведения и установок, приведены основные личностные особенности женщин, имеющих лишний вес, даны понятия временной перспективы и уровня притязаний. Отражены результаты исследования, в котором были выявлены взаимосвязи между лишним весом, особенностями восприятия времени и уровнем притязаний. Психотерапия является основным эффективным способом для снижения веса и на основе полученных результатов исследования предложены рекомендации для повышения её эффективности.

Ключевые слова: избыточный вес, пищевое поведение, уровень притязаний, восприятие времени, временная перспектива.

Makukha S.V.¹, Poshatylyuk V.A.²¹ORCID: 0000-0001-6832-5088, Postgraduate student,
St. Petersburg State University,²ORCID: 0000-0003-4532-0449,Master of Pedagogics and Psychology, Senior Lecturer of the Department of Psychological Disciplines
Kazakhstan State Law University**PECULIARITIES OF TIME PERCEPTION AND LEVEL OF ASPIRATION IN WOMEN WITH EXCESSIVE WEIGHT****Abstract**

The main cause of overweight and obesity is overeating and pathology of eating behavior, which is associated with a changing role of food in the modern world and society. The paper provides a brief overview of formation of the food behavior and attitudes, the main personality characteristics of overweight women are given, the concepts of temporal perspective and level of claims are shown as well. According to the results of the study the dependence of excess weight on the features of time perception and the level of claims were revealed. Psychotherapy is the main effective way to reduce weight and based on the results of the study the recommendations to improve its effectiveness were given.

Keywords: overweight, food behavior, level of aspiration, time perception, time perspective.

Пища занимает центральное место в жизни любого человека, и в эпоху глобализации всех мировых процессов перестала удовлетворять только биологическую потребность человечества. Пищевое поведение – это комплексное понятие, включающее в себя: информированность и опыт в отношении еды, сформированные установки и стереотипы питания, способные меняться при возникновении стрессовых ситуаций, знания об образе собственного тела и действия, которые направлены на достижение данного образа.

Ожирение по признанию Всемирной организации здравоохранения является новой неинфекционной эпидемией XXI века, по оценкам 2014 года более 1,9 миллиарда взрослых старше 18 лет имели избыточный вес (39%), 41 миллион детей в возрасте до 5 лет имел избыточный вес или ожирение [4].

В большинстве стран для диагностики избыточного веса или ожирения используются: индекс Кетле или индекс массы тела (при показателе выше 25 диагностируют избыточный вес, выше 30 - ожирение), и данные, которые разработала страховая компания Metropolitan Life Insurance Co.

В настоящее время СМИ всё чаще привлекает внимание к теме пищи, которую мы потребляем, её воздействию на психологическое и физическое состояние и благополучие. На специфичность пищевого поведения оказывают влияние следующие факторы: возраст, социальный класс и статус, урбанизация и область места проживания. Важно отметить, что пищевые установки и привычки формируются в детстве, особое влияние на их формирование оказывают родители (особенно мать) и другие авторитетные для ребёнка взрослые, через пищу, человек получает информацию и ощущает себя частью своей семьи, страны, нации, веры и культуры. Ни одно мероприятие семейного или международного формата сегодня не обходится без накрытого стола или фуршета, еда стала универсальным способом общения, который убирает социальные и психологические барьеры. Через пищу, человек не только получает удовольствие, но и заботится и уделяет внимание своему внешнему виду и внутреннему состоянию. Поэтому на сегодняшний день вопросы пищевого поведения и избыточного веса необходимо рассматривать с позиции комплексного анализа, как биопсихосоциального явления.

Доказано, что индивидуально-психологические особенности, такие как образ жизни, знания и опыт, образование и информированность в отношении еды, оказывают существенное влияние на выбор пищи и пищевое поведение [1, С. 26]. Анализируя исследования, направленные на изучение психологических особенностей женщин с проблемами веса, можно выделить следующие основные: наличие алекситимических черт, преимущественно экстернальный локус контроля, неадекватная оценка собственного образа, психологическая дезадаптация, которая приводит к потреблению большего количества пищи при стрессовых ситуациях, поскольку еда выступает как компенсаторный механизм. А также ригидность поведения, наличие черт перфекционизма и стремление к самосовершенствованию, повышенная тревожность. Учитывая негативное отношение к избыточному весу, сформированное под влиянием СМИ, где пропагандируется худощавое телосложение, женщины, имеющие лишний вес, менее заинтересованы в сексуальной жизни и имеют больше проблем при межличностных взаимодействиях, как с мужчинами, так и с женщинами.

Восприятие времени является одним из факторов, который детерминирует пищевое поведение. При этом исследований, которые могли бы указать на его связь с пищевым поведением на текущий момент немного. С уверенностью можно утверждать, что лица, склонные к пищевой аддикции, сложнее переносят короткие интервалы времени [2, С. 461] и для них пищевая стимуляция становится одним из способов справиться с задачей структурирования времени.

В процессе проведения психокоррекционной работы с женщинами, имеющими избыточный вес, было замечено, что у лиц с пищевой аддикцией имеются определённые тенденции к восприятию длительности работы по снижению веса: желание избавиться от всех лишних килограммов моментально, прямо сейчас, зачастую становилось помехой для выполнения участниками инструкций. Это наблюдение позволило сформулировать две гипотезы, которые были проверены в настоящем исследовании. Первое предположение - у лиц с пищевой аддикцией восприятие времени не является оптимальным. Второе, что, возможно, существует прямая зависимость между избыточным весом и выраженностью одной из временных шкал, в первую очередь с гедонистическим настоящим. Наши наблюдения в процессе работы с женщинами, имеющими избыточный вес, послужили основой для выдвижения третьей гипотезы о наличии взаимосвязи между избыточным весом и уровнем притязаний.

Для проверки этих предположений были выбраны опросник Зимбардо - для исследования временных перспектив у лиц с избыточным весом и методика Шварцландера для исследования уровня притязаний (УП). В исследовании приняло участие 50 женщин, каждая из которых имеет избыточный вес от 2,5% до 35,5% от массы тела, средний процент составляет 16,77. Средний возраст испытуемых составил 43,16 лет, все женщины участвовали в психокоррекционной программе по снижению веса. В качестве метода статистической обработки был использован коэффициент г-Пирсона.

Временная перспектива (ВП) – это бессознательный процесс, в котором временные категории играют ведущую роль при взаимодействии личного и социального опыта, что помогает придать смысл и структурировать ежедневные события. ВП влияет на представления, принятие решений, все аспекты поведения индивида и качество жизни. ВП является достаточно устойчивой категорией, при условии, что личность ориентирована на конкретные временные рамки, и это становится доминантой в мировоззрении и способах реагирования. ВП может и видоизменяться под воздействием серьезных жизненных событий и кризисных периодов.

В исследовании временной перспективы как предиктора употребления психоактивных веществ, которое проводилось Кио, Зимбардо и Бойд в 1999 году была подтверждена гипотеза, что люди ориентированные на гедонистическое настоящее более склонны к употреблению психоактивных веществ, в сравнении с теми, кто ориентирован на будущее [3, С. 153]. В нашем исследовании речь идёт об избыточном весе, причиной которого, у обследованных нами женщин является переедание, то есть в основе лежит социально разрешенная нехимическая аддикция.

Анализ уровня притязаний испытуемых показал, что связи между лишним весом и особенностями УП существуют. Уровень притязаний показывает насколько для человека привлекательны трудные цели, и насколько он их считает возможными и выполнимыми. На УП влияет и то, какова динамика удач и неудач в конкретной деятельности: выбираются более сложные задачи (таких испытуемых оказалось 20%), более лёгкие задачи (44%) или же остаются на прежнем уровне (36%).

Нереалистично высокий УП приводит к постоянной фрустрации в силу недостижимости поставленных задач. Высокий УП показывает реалистичность желаний, и при этом тенденцию к тому, чтобы ставить перед собой задачи

более сложные, потребность в самосовершенствовании. В нашем исследовании испытуемых с завышенным УП не выявлено, с высоким уровнем двое. Умеренный УП означает удовлетворённость качеством выполнения имеющихся задач и отсутствием интереса к более сложным. У людей с низким или же нереалистично низким УП цели слишком простые или слишком лёгкие, что связано либо с недооценкой своих сил, либо с тенденцией избегать ответственности и трудностей. В группе испытуемых таких людей выявлено больше всего, поскольку средние показатели УП в нашем исследовании составили: $-0,7718$. Кроме того, имеется связь на уровне статистической тенденции между УП и весом: эмпирическое значение коэффициента корреляции r -Пирсона составило $0,236$ при $p \leq 0,10$. Иначе говоря, чем выше амбиции, тем больше лишнего веса, однако прилагать достаточно усилий для получения результата клиент, зачастую, не готов, зато может вместо этого «снизить планку» желаемых для снижения килограммов.

Дополнительный анализ в группах с разной динамикой выбора сложности задачи (0 - осталось на прежнем уровне, 1 - усложнение, 2 - выбор более легкой задачи) показал, что существуют определённые взаимосвязи для каждого из вариантов. В случае, когда задача оставалась такой же по уровню сложности была обнаружена связь (на уровне $p \leq 0,10$) между средним уровнем достижений и позитивным прошлым, а также между УП и гедонистическим настоящим ($p \leq 0,05$).

В подгруппе выбравших более сложные задачи уровень притязаний коррелирует с позитивным прошлым ($p \leq 0,05$); в этой же подгруппе наиболее сильная связь между фаталистическим настоящим и возрастом ($p \leq 0,01$) и связь на уровне статистической тенденции между возрастом и гедонистическим настоящим ($p \leq 0,10$).

В подгруппе с выбором более простых задач оказалось, что имеется корреляция между количеством лишних килограммов и фаталистическим настоящим ($p \leq 0,05$), средним уровнем притязаний и позитивным прошлым ($p \leq 0,10$), средним уровнем достижений и УП ($p \leq 0,05$), и связь на уровне тенденции между УП и весом в целом.

Таким образом, предположение о том, что пищевая аддикция имеет определённые взаимосвязи с восприятием времени и УП в целом подтвердилась, хотя, следует отметить, что эти взаимосвязи возможны благодаря дополнительным переменным (возраст), что в рамках данного исследования не было возможности проверить в силу объема выборки.

Выводы:

Результаты нашего исследования позволили сделать следующие выводы: временная перспектива у лиц с пищевой аддикцией не является оптимальной, на основании данных исследования можно рекомендовать в психокоррекционной программе по снижению веса уделить внимание когнитивной переоценке прошлого опыта клиентов, и сместить фокус с краткосрочного гедонизма на гедонизм длительный (отсроченный). Это тем актуальнее, чем выше возраст клиентов. Представляется целесообразным выявлять УП у лиц с пищевой аддикцией до начала психокоррекционной работы направленной на снижение веса. Помимо этого коррекция УП может быть дополнительным инструментом терапии.

Список литературы / References

1. Коннер М., Кристофер Дж. А. Социальная психология пищи / М. Коннер, Дж. А. Кристофер – Х.: Гуманитарный центр, 2012. – 264 с.
2. Gil S., Rousset S., Droit-Volet S. How liked and disliked food affects time perception / S. Gil, S. Rousset, S. Droit-Volet // *Emotion*. – 2009. – Vol. 9 (4). – P. 457-463. doi:10.1037/a0015751
3. Keough K. A., Zimbardo P. G., Boyd J. N. Who's smoking, drinking, and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use [Электронный ресурс] / K. A. Keough, P. G. Zimbardo, J. N. Boyd // *Basic and applied social psychology*. – 1999 – 21(2). – P. 149-164 // URL: <http://www.zimbardo.com/downloads/1999%20Whos%20Smoking.pdf> (дата обращения 21.03.2017).
4. Всемирная организация здравоохранения. Ожирение и избыточный вес. Основные факты [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения // URL: <http://who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/> (дата обращения 17.03.2017).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Conner M., Armitage C. J. *Socialnaya psihologiya pishi* [The social psychology of food] / M. Conner, C. J. Armitage // H.: Gymanitarny centr, 2012. – 264 p. [in Russian]
2. Gil S., Rousset S., Droit-Volet S. How liked and disliked food affects time perception / S. Gil, S. Rousset, S. Droit-Volet // *Emotion*. – 2009. – Vol. 9 (4). – P. 457-463. doi:10.1037/a0015751
3. Keough K. A., Zimbardo P. G., Boyd J. N. Who's smoking, drinking, and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use [Electronic resource] / K. A. Keough, P. G. Zimbardo, J. N. Boyd // *Basic and applied social psychology*. – 1999 – 21(2). – P. 149-164 // URL: <http://www.zimbardo.com/downloads/1999%20Whos%20Smoking.pdf> (accessed 21.03.2017).
4. World Health Organization. Obesity and overweight. Fact sheet [Electronic resource] / World Health Organization // URL: <http://who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/> (accessed 17.03.2017). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.070>

Прохорова И.Ф.

ORCID: 0000-0002-0546-5013, Кандидат психологических наук,

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

МЕХАНИЗМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИНДИВИДА ВОЗДЕЙСТВИЮ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ**Аннотация**

Сопротивление индивида воздействию ложной социальной информации определяется особенностями его восприятия. Успешное распознавание лжи в информации, сообщаемой коммуникатором, ведет к более объективированной ментальной репрезентации объекта воздействия, к появлению у него отношения недоверия к сообщению. В данной статье рассматриваются когнитивно-аффективные механизмы восприятия, лежащие в основе сопротивления человека воздействию ложной информации.

Анализ результатов показал связь успешного распознавания индивидом ложной информации с когнитивно-аффективными стилями «полезнезависимость» и «рефлексивность», а также с общим эмоциональным интеллектом, с компонентом «понимание чужих эмоций», «интровертированностью».

Ключевые слова: сопротивление воздействию, когнитивно-аффективный стиль, полезнезависимость, рефлексивность.

Prokhorova I.F.

ORCID: 0000-0002-0546-5013, PhD in Psychology,

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

MECHANISMS OF INDIVIDUAL RESISTANCE TO FALSE INFORMATION**Abstract**

Resistance of an individual to the influence of false social information is determined by the peculiarities of the person's perception. Successful recognition of lies in the information provide by a communicator leads to a more objectified mental representation of an object of influence, as well as to distrust towards a message. This article examines cognitive-affective mechanisms of perception that underlie human resistance to false information.

The results analysis showed connection between successful recognition of false information by an individual with cognitive-affective styles of "field independence" and "reflexivity," as well as with general emotional intelligence, "ability to understand other people's emotions," "introversion."

Keywords: resistance to the influence, cognitive-affective style, field independence, reflexivity.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточностью изучения механизмов сопротивления людей воздействию ложной информации, а также тем, что сама тема необычайно востребована в современном обществе. Несмотря на огромный интерес к теме со стороны практиков (маркетологов, специалистов по подбору кадров, юристов), исследования механизмов противостояния индивида воздействию ложной информации почти не проводятся. Между тем, лишь незначительная часть людей способна строить более объективированные ментальные репрезентации в силу особенностей своего восприятия, точности переработки информации: они распознают ложь по признакам, проявляемым в поведении и речи коммуникатора [6].

Сопротивление индивида воздействию инфлюативной информации, его последствия и основной механизм (отношение недоверия к коммуникатору) были описаны Б.Ф. Поршневым [5]. Сопротивление воздействию является фактором развития человека, независимости его мышления и активности. Оно дает возможность отстаивать идентичность, раскрывая индивидуальность человека. Сопротивление возникает параллельно с воздействием, под которым понимается **передача любой информации (с помощью вербальных и невербальных средств) с целью изменения поведения, представлений, отношений**. Сопротивление является фильтром для воздействующей информации, определяющее субъекта воздействия к «чужим», априори несущим угрозу безопасности.

Сопротивление воздействию ложной информации как явление распознавания признаков поведения было популяризировано в обществе П.Экманом и др. [7]. Мнение исследователей о сопротивлении людей ложному информированию противоречиво, но все сходятся в одном: распознавать ложь непросто. Проблема изучения сопротивления индивида ложной информации заключается в том, что: во-первых, не существует однозначных признаков ложного информирования: все зависит от глубины эмоций коммуникатора, его умения контролировать себя, уровня интеллекта [7]; во-вторых, исследования сопротивления индивида ложной информации и распознавания лжи происходят в лабораторных условиях, которые отличаются от условий повседневной жизни. Научить человека распознавать признаки лжи в информации сложно, для этого ему требуются определенные когнитивно-аффективные способности восприятия и переработки информации.

Данное исследование направлено на изучение механизмов сопротивления людей воздействию ложного информирования. Цель исследования – выявление механизмов противостояния ложной информации, которые включают в себя когнитивно-аффективные особенности восприятия человека. Гипотеза исследования: механизмами сопротивления индивида воздействию ложного информирования являются когнитивно-аффективные особенности восприятия и обработки информации. Люди, более успешные в распознавании ложной информации по признакам поведения других людей, имеют особенности восприятия: полезнезависимость, рефлексивность, высокий уровень понимания чужих эмоций, направленность внимания (интроверсия). В исследовании приняло участие 160 студентов в возрасте 19-25 лет, обучающихся в Северном (Арктическом) федеральном университете им. М. В. Ломоносова, в том числе 65% девушек.

Особенности восприятия (и понимания) социальной информации исследовались в психологии в различных аспектах: при изучении эмоционального интеллекта, когнитивных стилей, социальной установки, социально-перцептивной компетенции, проницательности и пр. О единстве аффекта и интеллекта при восприятии и понимании

других людей упоминал А.А. Бодалев [4]. По мнению В.Н. Панферова, одной из причин успешного распознавания ложной информации является то, что обманщик не способен заранее отрететировать свое правдивое невербальное поведение, в его движениях и речи, независимо от его воли, проявляются эмоции [3].

Спор о взаимосвязи когнитивного и аффективного начала в процессе понимания человека человеком ведется в русле исследований эмоционального интеллекта. П. Сэловей и Дж. Мэйер предположили, что модель эмоционального интеллекта состоит из когнитивных способностей, ответственных за восприятие и переработку информации. Д. Гоулман соединил когнитивные способности с личностными характеристиками [1]. Д.В. Люсин определил, что эмоциональный интеллект включает в себя когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации), особенности эмоциональной сферы человека, его представления об эмоциях [2].

По мнению М.А. Холодной, в познании социального мира большую роль играют когнитивные стили – способы переработки информации в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего. Исследователи различают также и аффективные стили, к которым относят «импульсивность-рефлексивность», а также когнитивно-аффективные, к которым относится стиль «полнезависимость-полезависимость» [6].

Таким образом, анализ теоретических исследований позволяет определить механизмы сопротивления индивида воздействию ложной информации в особенностях его восприятия и обработки информации.

На 1 этапе эмпирического исследования выполнялась задача определения у студентов способности к распознаванию ложной информации. С этой целью использовалось 2 методики. В первой требовалось определить ложь в поведении и речи у 12 людей по видеороликам. Испытуемым студентам при демонстрации роликов предлагалось определить, когда информатор на экране сообщает верную информацию, а когда – нет. В бланке наблюдения испытуемые должны были аргументировать выбор ложной информации.

Вторая методика представляла собой игру (6 ситуаций), в которой участникам требовалось определить одного «ложного коммуникатора» из трех человек, задавая вопросы. В бланке наблюдения испытуемые также должны были аргументировать свой выбор ответа. Было обнаружено, что большинство студентов способны угадывать сообщения «ложь – правда» до 54 % случаев. При обосновании ответа они определяли «ложного коммуникатора» на основании «внутреннего чувства» (частота встречаемости в суждениях 18%) или «затруднялись в выборе аргумента». Средний показатель распознавания по всей выборке – 43%. Разброс точности ответов среди лучших распознавателей 58 – 75 %, их оказалось всего 13,75 %, то есть 22 человека из 160, при этом различий по полу и направленности образования не выявлено. Среди аргументов (640 суждений) респонденты опирались на следующие признаки проявления ложной информации:

- физиологические симптомы «ложного коммуникатора»: изменение цвета лица, зевота, облизывание губ, дрожание подбородка, изменение голоса, потные и холодные руки (частота встречаемости 27,9% из общей совокупности суждений);

- жестикуляция и мимика «ложного коммуникатора»: «слишком честный» взгляд или избегание зрительного контакта, поглаживание частей тела, покачивание, рассогласование движения головы со словами, появление смеха, улыбки (частота 38,9%);

- речевые построения: отвлечение на другие темы, вызывающий или враждебный тон, неуместный юмор (частота 15 %). Таким образом, распознавание лжи осуществляется в первую очередь по признакам поведения «ложного коммуникатора», формируя отношение недоверия к нему и к его сообщению.

На 2 этапе исследования определялись эмоциональные способности участников исследования, для чего использовались 2 методики: 1) русифицированная методика SETT, созданная на материалах П. Экмана; 2) тест «ЭмИн» Д.В. Люсина.

Методика SETT представляет собой программу, в которой наблюдатель распознает эмоции по микровыражениям лица: всего 39 ситуаций с разной степенью выражения семи эмоций. Результаты данной методики соответствуют тесту «ЭмИн», значимая связь с ним на уровне 0,01. Тест «ЭмИн» Д.В. Люсина позволяет увидеть степень эмоционального интеллекта по 4 факторам [2]. Так фактор «способность к пониманию эмоций» показывает, насколько человек может распознать эмоцию, т.е. установить факт наличия эмоции у себя или у другого человека и идентифицировать ее, т.е. установить, какая именно это эмоция. Опросник «ЭмИн» показал, что 8,75 % всех испытуемых студентов обладают очень высоким общим эмоциональным интеллектом, просто высоким – 19,37%. Средний уровень общего ЭИ можно наблюдать у 38,75%, низкий и очень низкий – у 33% испытуемых студентов.

Из 22 успешных распознавателей ложной информации 54,5% имеют средний уровень «понимание чужих эмоций», 31,8% – высокий. С очень высоким показателем ЭИ и компонента «понимание чужих эмоций» в группе распознавателей никого не было. Между переменными «распознавание лжи» и общим ЭИ, а также компонентом «понимание чужих эмоций» наблюдается значимая связь на уровне 0,01.

На 3 этапе исследования у испытуемых определялись когнитивные и аффективные стили восприятия и обработки информации. Когнитивно-аффективный стиль исследовался с помощью групповой методики АКТ-70 К. У. Эттриха (адаптация Шкуратовой), определяющий степень полнезависимости. Степень полнезависимости определяется как отношение количества правильных ответов к затраченному времени на выполнение задания. Исследователи рассматривают явление восприятия с точки зрения характера направленности субъекта на внешние или на внутренние факторы, в первом случае испытуемый является полнезависимым, а во втором – полнезависимым. Чем выше результат, тем больше полнезависимость, т.е. способность человека детализировать и дифференцировать информацию внешнего мира, не отвлекаясь на социальные манипуляции. Полнезависимые в большей мере подвержены разного рода иллюзиям восприятия. Предполагается, что «полнезависимые» имеют более развитые когнитивные способности, и, наоборот, «полнезависимые» характеризуются более выраженными межличностными (социальными) способностями [6].

Связь между способностью к распознаванию лжи и «полнезависимостью» была подтверждена статистически (р-уровень Хи-квадрата Пирсона = 0,05). Среди испытуемых, способных к распознаванию лжи, наиболее распространенным является «средний» (2,0-4) уровень «полнезависимости», выявлено у 75%.

Аффективный стиль «Импульсивность/рефлексивность» определялся по тесту Дж. Кагана с помощью методики «Сравнение похожих рисунков». Стиль характеризует индивидуальные различия в скорости и точности принятия решений. Импульсивные испытуемые склонны быстро решать задачи, так как при принятии решения они не учитывают всех возможных вариантов, в ситуации недостатка информации для решения ответ принимается ими интуитивно. Для рефлексивных испытуемых характерен замедленный темп решения задач, они проверяют многочисленные возможные гипотезы, решение принимают на основе тщательного анализа. Рефлексивность – это способность к более точной оценке объектов внешнего мира в условиях активного навязывания неадекватных, ложных или неэффективных вариантов восприятия актуальной ситуации. Рефлексивность показывают испытуемые, которые показывают время больше среднего и делают меньше ошибок.

Часть выборки представляла собой людей, которых нельзя отнести ни к рефлексивным, ни к импульсивным: «медленные/неточные» (9,4%) – они долго делали свой выбор и допустили большое количество ошибок; а также «быстрые/точные» (35%) – они прошли тест быстро и сделали мало ошибок.

23,12% испытуемых обладают рефлексивным когнитивным стилем (медленно/точно), импульсивным (быстро/неточно) – 33,12 %. Скорость ответа импульсивных менее 15 секунд. Между «распознаванием лжи» и «рефлексивностью» существует связь ($r=0,125$). Наблюдается также значимая связь при уровне 0,05 между «распознаванием лжи» и «количество ошибок». Среди тех, кто проявил себя на 1 этапе при распознавании ложной информации, 77,3% тех, кто сделал мало ошибок, в том числе «быстрые/точные» – 6 человек. Таким образом, для человека, способного к распознаванию лжи, характерна рефлексивность (медленное принятие решения) и точность решения задач на восприятие.

При выявлении направленности личности на внешний или внутренний мир, оценки уровня нейротизма использовалась методика Г. Айзенка (EPG). Среди студентов, участников исследования, экстравертов оказалось большинство (65,62%), а в группе студентов, способных к распознаванию ложной информации, наоборот, 16 человек из 22 (72,7%) характеризовались направленностью внимания внутрь себя, т.е. склонностью к интроверсии.

Таким образом, люди, которые показывают наибольшее противостояние воздействию ложной информации, имеют следующие особенности: «средний» и «высокий» (но не «очень высокий») уровень понимания чужих эмоций, «средний» (но не «высокий») уровень полнезависимости, рефлексивность (безошибочность), интровертированность.

Список литературы / References

1. Базарсадаева Э. Ж. К вопросу об истории эмоционального интеллекта // Вестник Бурятского государственного университета. № 5/2013. С. 24-31.
2. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 6. 158 с.
3. Панферов В.Н. Психология человека: Уч. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 253 с.
4. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / под редакцией А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. СПб.: Речь, 2005. 324 с.
5. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. / Поршнев Б.Ф. – М.: Наука, 1979. – 125 с.
6. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе идеального ума. 2-е изд. М., 2004. 196 с.
7. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 334 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bazarsadaeva E.ZH. K voprosu ob istorii emocional'nogo intellekta. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [To a question about the history of emotional intelligence]. № 5/2013. P. 24-31. [in Russian]
2. Lyusin D.V. Novaya metodika dlya izmereniya ehmocional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [The new method for measuring emotional intelligence: questionnaire EmIn] // Psihologicheskaya diagnostika. – 2006. – № 6. – 158 p. [in Russian]
3. Panferov V.N. Psihologiya cheloveka: Uch. Posobie [Psychology of human: a tutorial]. – SPb.: izd-voMihajlova V.A., 2002. – 253 p. [in Russian]
4. Poznanie cheloveka chelovekom (vozrastnoj, gendernyj, ehtnicheskij I professional'nyj aspekty) [Cognition man by man (age, gender, ethnic and professional aspects)] / ed.by A.A. Bodaleva, N.V. Vasinoj. – SPb.: Rech', 2005. – 324 p. [in Russian]
5. Porshnev B.F. Social'naya psikhologiya I istoriya [Social Psychology and History] / Porshnev B.F. – M.: Nauka, 1979. – 125 p.
6. Holodnaya M.A. Kognitivnyestili. O prirode ideal'nogo uma [Cognitive styles. About the nature of the perfect mind. 2nd ed]. – M. – 2004. – 2-e izd. – 196 p. [in Russian]
7. Ekman P. Psihologiya ehmoij. YA znayu, chto ty chuvstvuesh [Psychology of emotions. I know what you feel]. / transl.from eng. — SPb.: Piter, 2010. — 334 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.054>

Фаустова А.Г.

Аспирант,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук

ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНОСТИ НА ДИНАМИКУ САООТНОШЕНИЯ**Аннотация**

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования динамики самооотношения при изменениях внешности. Хирургическая коррекция приобретенных видимых отличий сопровождается различными психологическими трудностями, поскольку субъект вынужден осознать и принять изменения телесного образа и Я-концепции. Динамика самооотношения при изменениях внешности выражается в тенденции к восстановлению фактора самоуважения и в уверенном снижении уровня выраженности фактора внутренней неустойчивости. В качестве предикторов уровня выраженности компонентов системы самооотношения чаще всего выступают ситуативная неудовлетворенность образом тела и социальная изолированность.

Ключевые слова: самооотношение, динамика, образ тела, внешность, видимые отличия, коррекция.

Faustova A.G.

Postgraduate Student,

Federal State Budgetary Science Institute - Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

INFLUENCE OF CHANGES IN APPEARANCE ON THE DYNAMICS OF SELF-CONCEPTION**Abstract**

The paper presents the results of the empirical study of self-conception dynamics in case of changes in appearance. A surgical correction of acquired visible differences is accompanied by various psychological difficulties, since the person is forced to realize and accept changes in the body image and self-concept. The dynamics of self-concept with changes in appearance is expressed in the tendency to restore the self-respect factor and in a confident decrease in the expression level of the internal instability factor. The situational dissatisfaction with body image and social isolation most often appear to be the predictors of the expression level of self-conception system components.

Keywords: self-conception, dynamics, body image, appearance, visible differences, correction.

Актуальность

Научно-технический прогресс и глобализация активно внедряются во многие сферы жизни современного общества, что, с одной стороны, способствует решению некоторых мировых проблем (недостаток чистой питьевой воды и безопасных источников энергии, гендерное неравенство), но, с другой стороны, становится причиной многочисленных аварий и катастроф, обуславливает возникновение серьезных соматических расстройств. Благодаря инновациям в системе оказания медицинской помощи, становится возможным излечение опасных заболеваний и восстановление функций человеческого организма после получения тяжелых травм. Во многих случаях ценой спасения жизни становится приобретенный дефект внешности. Среди наиболее частых причин возникновения видимых отличий в сознательном возрасте выделяют: травматические повреждения (ожоги, укусы животных), последствия лечения соматических заболеваний (рак головы и шеи), заболевания кожи (псориаз), генетически детерминированные расстройства (витилиго) [7]. Особенности личности и социального функционирования у обладателей приобретенных дефектов внешности значимо отличаются от таковых у людей с врожденными видимыми отличиями, что связано с процессами памяти, становлением телесного образа и образа Я, формированием копинг-стратегий.

Наличие дефектов внешности связано с переживанием стыда и страха негативных оценок; развитием социальной тревожности и эмоциональных расстройств; отсутствием аутосимпатии и снижением самооценки [6], [9]. Дискриминация на основе внешнего облика проявляется в различных социальных ситуациях: обладатели видимых отличий испытывают сложности при прохождении собеседований и устройстве на работу, при знакомстве с новыми людьми и установлении близких отношений [5]. Отсутствие возможностей вести привычный образ жизни формирует мотивацию для обращения за услугами реконструктивной и пластической хирургии. При этом полноценное избавление от приобретенных видимых отличий невозможно, поэтому адаптация к изменениям внешности происходит несколько раз, что сказывается на компонентах Я-концепции. Эмоциональные и поведенческие паттерны индивида в ситуации коррекции внешнего облика проанализированы преимущественно в контексте изучения психологических реакций на результаты эстетической и пластической хирургии [1]. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена объективной нехваткой достоверных сведений относительно влияния ситуации изменения внешности на субъективное благополучие индивида в процессе коррекции приобретенных видимых отличий.

Материалы и методы

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 58 пациентов (средний возраст $38,8 \pm 10,7$ лет) с приобретенными дефектами внешности, среди которых 48 женщин (средний возраст $39,7 \pm 10,2$ лет) и 10 мужчин (средний возраст $34,1 \pm 12,4$ лет). Испытуемые различались по локализации приобретенного видимого отличия: 27 пациентов (20 женщин и 7 мужчин) с дефектами на голове и лице; 31 пациент (28 женщин и 3 мужчин) с дефектами на теле. В выборку исследования не вошли пациенты с видимыми отличиями на верхних и нижних конечностях, поскольку такие повреждения обладают выраженным «функциональным» характером и особенной смысловой нагрузкой.

Экспериментальный план. Для статистически достоверной оценки динамики самооотношения были проведены три психометрических среза: (1) до операции; (2) спустя 1-2 недели после операции; (3) спустя 6-10 недель после исправления видимых отличий.

Методы и методики исследования. В качестве основных методов для данного исследования были выбраны включенное наблюдение, беседа и стандартизированные самоотчеты испытуемых. На каждом психометрическом срезе применялся следующий комплекс методик:

- методика исследования самооотношения (С.Р. Пантелеев);
- шкала ситуативной обусловленности самооотношения (М. Kernis, А. Paradise, адаптация Т.Н. Савченко, А.Г. Фаустовой);
- опросник «Ситуативная неудовлетворенность образом тела» (Т.Ф. Cash, адаптация Л.Т. Баранской, С.С. Татауровой);
- экспресс-диагностика уровня социальной изолированности личности (Д. Рассел, М. Фергюссон);
- визуальные аналоговые шкалы для оценки обеспокоенности дефектом внешности и заметности приобретенного видимого отличия.

Математико-статистическая обработка проводилась с применением непараметрических критериев U-Манна-Уитни и χ^2 Фридмана, методов множественного регрессионного анализа.

Результаты и их обсуждение

В качестве основной гипотезы данного исследования выступило предположение о том, что хирургическая коррекция приобретенного дефекта внешности сопровождается значимыми изменениями в уровне выраженности компонентов системы самооотношения.

Для контроля влияния на динамику самооотношения таких независимых переменных, как пол испытуемых и локализация видимого отличия, проведено сравнение соответствующих групп по критерию U-Манна-Уитни. Мужчины и женщины статистически достоверно не отличаются ($p=0,05$) по параметрам самооотношения, выявленным в данном исследовании, на каждом психометрическом срезе. Между пациентами с различной локализацией приобретенного дефекта внешности отсутствуют статистически значимые отличия ($p=0,05$) по уровню выраженности исследуемых компонентов самооотношения, измеренных в разных условиях. Следовательно, имеются основания для анализа динамики самооотношения при изменениях внешности в основной выборке испытуемых ($N=58$), независимо от пола и локализации видимого отличия.

Изменения в уровне выраженности различных компонентов системы самооотношения, измеренных несколько раз в соответствии с этапами коррекции дефекта внешнего облика, оценивались с помощью критерия χ^2 Фридмана (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты сопоставления показателей самооотношения, измеренных на разных этапах коррекции внешности

Наименование переменной	χ^2 эмпирическое	Уровень значимости
Открытость	21,238	0,00002
Самоуверенность	10,758	0,00461
Саморуководство	9,348	0,00900
Зеркальное Я	12,048	0,00242
Внутренняя конфликтность	24,442	0,00000
Самообвинение	21,440	0,00002

Исправление приобретенного видимого отличия с помощью процедур реконструктивной хирургии действительно сопровождается статистически значимыми изменениями в уровне выраженности открытости, уверенности в себе, саморуководства, отраженного самооотношения, самообвинения и внутренней конфликтности. По мере прохождения необходимых этапов восстановительного лечения наблюдаются тенденции к росту самоуважения (открытость, самоуверенность, саморуководство и зеркальное Я) и снижению показателей внутренней неустойчивости (внутренняя конфликтность и самообвинение). При этом в ситуации изменения внешнего облика остаются незатронутыми чувства в адрес собственного Я: самопринятие, самооценочность и самопривязанность. Логично предположить, что состояние внешнего облика в значительной степени обуславливает проявления как самоуважения, так и внутренней неустойчивости. Однако для обеспечения аутосимпатии требуются определенно более сложные психологические механизмы, которые только косвенно связаны с физической привлекательностью. Факт исправления приобретенного видимого отличия должен рассматриваться в качестве одной из ряда других независимых переменных, которые могли оказывать воздействие на описанную выше динамику самооотношения.

Методы множественного регрессионного анализа применялись для выявления предикторов, обуславливающих уровень выраженности различных показателей системы самооотношения у обладателей видимых отличий на каждом этапе восстановительного лечения. Значимые закономерности обнаружены для открытости, саморуководства, самооценочности, внутренней конфликтности, самообвинения, ситуативно обусловленного самооотношения. Так, уровень выраженности открытости до операции и спустя 1-2 недели после хирургического вмешательства определяется оценкой степени социальной изолированности. Социальная изолированность становится предиктором для проявления саморуководства уже после проведенного восстановительного лечения (спустя 6-10 недель). Внутренняя конфликтность и самообвинение обусловлены до и спустя 1-2 недели после начала лечения выраженностью ситуативной неудовлетворенности образом тела. Сочетание социальной изолированности и ситуативной неудовлетворенности образом тела определяет проявления ситуативной обусловленности самооотношения. Несмотря на то, что самооценочность не подверглась статистически значимым изменениям в процессе коррекции видимого отличия, на дооперационном этапе субъективные оценки обеспокоенности дефектом и его заметности играют важную роль в определении её уровня выраженности.

Таким образом, в качестве ключевых предикторов для проявления показателей самоотношения выступают ситуативная неудовлетворенность образом тела, социальная изолированность и оценка субъектом характеристик видимого отличия.

Выводы

1. Мужчины и женщины демонстрируют тождественные паттерны динамики самоотношения при изменениях внешнего облика.
2. Локализация приобретенного видимого отличия не оказывает влияния на изменения показателей самоотношения в ситуации, связанной с исправлением дефектов внешнего облика.
3. Динамика самоотношения при изменениях внешности заключается в актуализации фактора самоуважения и тенденции к снижению уровня выраженности фактора внутренней неустойчивости.
4. Предикторами для показателей системы самоотношения субъекта в ситуации изменения внешности являются ситуативная неудовлетворенность образом тела, социальная изолированность, характеристики субъективного восприятия приобретенных видимых отличий (обеспокоенность, заметность).

Список литературы / References

1. Баранская Л.Т. Факторы риска расстройств личностной адаптации у пациентов эстетической хирургии: дис. ... док.психол.наук: 19.00.04 / Баранская Людмила Тимофеевна. – Екатеринбург: 2010. – 371 с.
2. Наровская Я.Б. Социально-психологические особенности женщин, преобразующих свой внешний облик: дис. ... канд.психол.наук: 19.00.05 / Наровская Янина Болеславовна. – Ростов-на-Дону: 2007. – 329 с.
3. Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С.Р. Пантелеев. – М.: Издательство МГУ, 1991. – 108 с.
4. Савченко Т.Н., Фаустова А.Г. Адаптация методики М. Кернса – А. Парадайса для оценки ситуативной обусловленности самоотношения // Экспериментальная психология. 2016. Том 9. № 4. С. 79–89. doi: 10.17759/exppsy.2016090408.
5. Brown B.C., McKenna S.P., Siddhi K., McGrouther D.A., Bayat A. The hidden cost of skin scars: quality of life after skin scarring // Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery. 2008. № 61. P. 1049-1058.
6. Moss T., Carr T. Understanding adjustment to disfigurement: the role of the self-concept // Psychology and Health. 2004. № 19 (6). P. 737-748.
7. Rumsey N., Harcourt D. Body image & disfigurement: issues and interventions // Body Image. 2004. № 1. P. 83-97.
8. Stevenage S.V., McKay Y. Model applicants: The effect of facial appearance on recruitment decisions // British Journal of Psychology. 1999. № 90. P. 221-234.
9. Thompson A., Kent G. Adjusting to disfigurement: processes involved in dealing with being visibly different // Clinical Psychology Review. 2001. № 21 (5). P. 663-682.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baranskaja L.T. Faktory riska rasstrojstv lichnostnoj adaptacii u pacientov jesteticheskoy hirurgii [Risk factors for personality adaptation disorders in patients of aesthetic surgery]: dis. ... of PhD in Psychology: 19.00.04 / Baranskaja Ljudmila Timofeevna. – Ekaterinburg: 2010. – 371 p. [In Russian].
2. Narovskaja Ja.B. Social'no-psihologicheskie osobennosti zhenshhin, preobrazujushhih svoj vneshnij oblik [Social-psychological features of women who improving their physical appearance]: dis. ... of PhD in Psychology: 19.00.05 / Narovskaja Janina Boleslavovna. – Rostov-na-Donu: 2007. – 329 p. [In Russian].
3. Panteleev, S.R. Samootnoshenie kak jemocional'no-ocenochaja sistema [Self-Attitude as an emotionally-value system]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1991. 108 p. [In Russian].
4. Savchenko T.N., Faustova A.G. Adaptacija metodiki M. Kernisa – A. Paradajsa dlja ocenki situativnoj obuslovlennosti samootnoshenija [Adaptation of M. Kernis – A. Paradise «The Contingent Self-Esteem Scale»] // Eksperimental'naâ psihologîâ [Experimental Psychology]. 2016. Vol. 9. no. 4. P. 79–89. [In Russian]. doi:10.17759/exppsy.2016090408.
5. Brown B.C., McKenna S.P., Siddhi K., McGrouther D.A., Bayat A. The hidden cost of skin scars: quality of life after skin scarring // Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery. 2008. № 61. P. 1049-1058.
6. Moss, T., Carr, T. Understanding adjustment to disfigurement: the role of the self-concept // Psychology and Health. 2004. № 19 (6). P. 737-748.
7. Rumsey, N., Harcourt, D. Body image & disfigurement: issues and interventions // Body Image. 2004. № 1. P. 83-97.
8. Stevenage, S.V., McKay, Y. Model applicants: The effect of facial appearance on recruitment decisions // British Journal of Psychology. 1999. № 90. P. 221-234.
9. Thompson, A., Kent, G. Adjusting to disfigurement: processes involved in dealing with being visibly different // Clinical Psychology Review. 2001. № 21 (5). P. 663-682.